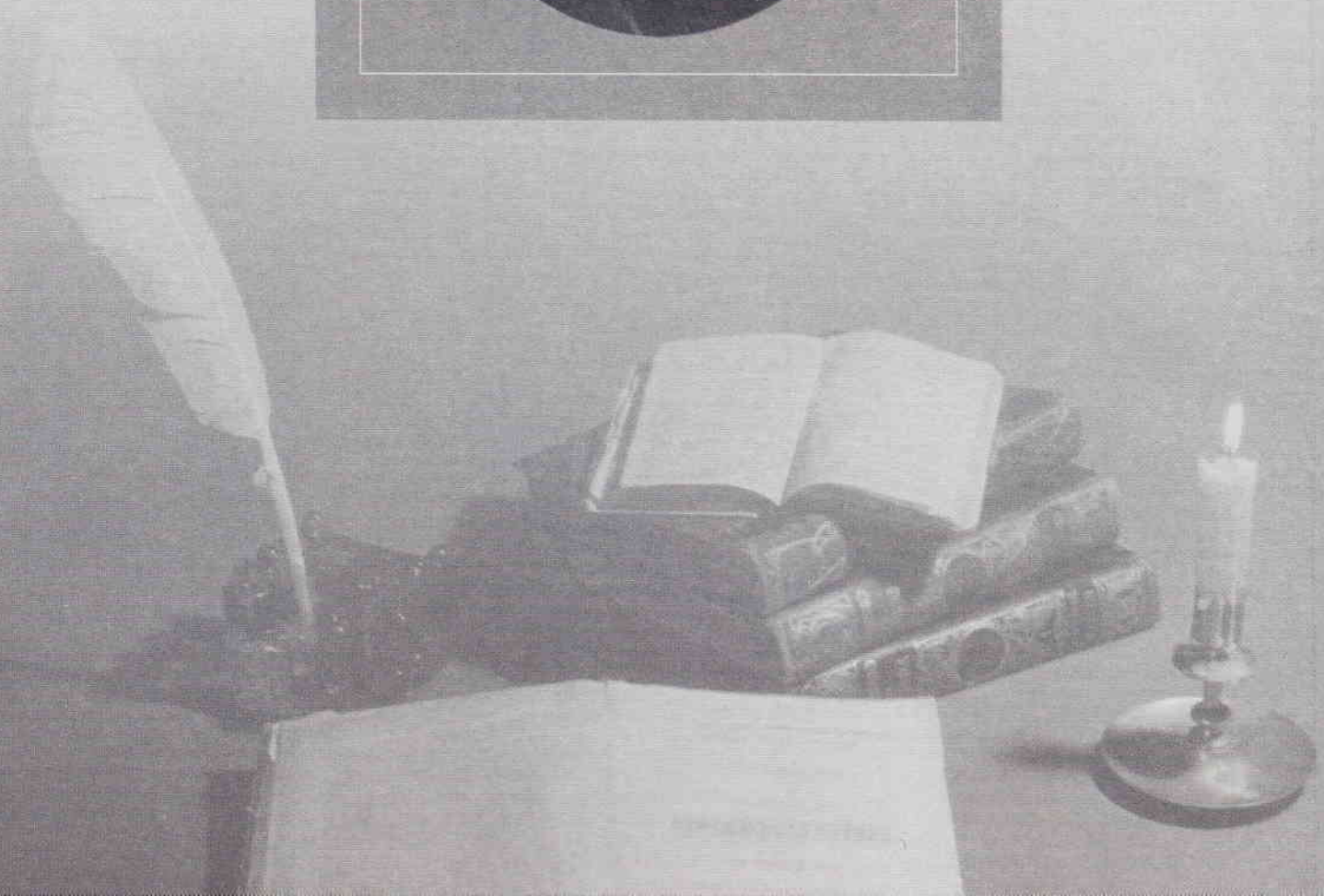

Михайло Максимович

ЛИСТИ

Ученому-енциклопедисту,
фундатору українознавчих студій
Михайлові Максимовичу
в пам'ять 200-річчя
від дня народження

ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ

Михайло Максимович

ЛИСТИ

Київ "Либідь" 2004

ББК 63.3(4УКР)5-8
М17

*Розповсюдження та тиражування
без офіційного дозволу видавництва заборонено*

Упорядник тексту та ілюстрацій,
автор вступної статті — *Віктор Короткий*

Головна редакція літератури
з гуманітарних наук

Головний редактор
Світлана Головка

Редактор
Олександр Вітрученко

ISBN 966-06-0352-5

© Віктор Короткий, упорядкування,
вступна стаття, 2004

З М І С Т

Віктор Короткий. *Життєпис мовою листів* 6

До Дмитра Бібікова	20
До Дмитра Блудова	24
До Осипа Бодянського	27
До Єгора фон Брадке	79
До Петра Вяземського	82
До Сергія Давидова	106
До Григорія Данилевського	109
До Василя Жуковського	113
До Дениса Зубрицького	117
До Миколи Іванішева	123
До митрополита Інокентія (Борисова)	126
До Дмитра Княжевича	129
До Пантелеймона Куліша	133
До Петра Лебединцева	144
До Федора Літке	217
До Миколи Маркевича	219
До Михайла Погодіна	222
До Степана Пономарьова	244
До Василя Тарновського (молодшого)	260
До Іллі Тимківського	263
До Сергія Уварова	267
До Івана Фундуклея	278
До Павла Шафарика	281
До Степана Шевирьова	285
До Тараса Шевченка	299
До Григорія Щуровського	308

ЖИТТЄПИС МОВОЮ ЛИСТІВ

З того часу як люди оволоділи мистецтвом писемності, вони направляли один одному послання — на глиняних табличках, папірусі, пергаменті, бересті та папері, — які слугували як засобом інформації, так і способом самовираження. Зауважимо, що окреслити функціональну межу між листами досить складно.

У літературі, починаючи з античності, листування як жанр посіло огне з найпочесніших місць.

Риторика кінця XVIII — початку XIX ст., визначаючи листування як літературу особливого роду, як різновид прозових творів, характеризувала його види і властивості, специфіку стилю. Деякі дослідники обмежували епістолярну літературу лише приватними листами, що не призначалися для широкого кола, інші включали до епістолярії послання, а також різноманітні твори — наукові, публіцистичні, художні, — написані в епістолярній формі. У залежності від цих формальних ознак, а також відповідно до особливостей епохи змінювалися правила епістолярного стилю. При цьому основними вважалися простота, природність і ліризм або ж вишуканість та піднесеність, що подекуди переростала в пишномовність.

Нині у світі простежується зростання інтересу до епістолярної, щоденникової та мемуарної літератури. Спадщина класиків епістолярної прози широко перевидається. Проте досліджують її переважно в біографічному зрізі як цінний матеріал для вітворення психологічного портрета автора, а також для поглиблення і увиразнення характеристики його творчості. Загальні ж проблеми епістолярного жанру в європейській та вітчизняній науковій літературі розкриті ще недостатньо. Сучасна теорія літератури, відмовившись від встановлення незмінних категорій літературної творчості, фактично не вивчає епістолярний жанр, хоча й убачає в листуванні цікавий елемент історії літератури та культури.

Спеціальна історична дисципліна епістолологія, або епістолографія, також вивчає листування, розглядаючи листи як джерела особового походження. При цьому службове, дипломатичне, комерційне листування залишаються поза увагою епістолології, оскільки для істориків це форми діловодства¹.

В усі епохи життя завжди висувало на перший план нові явища та основу на них відповідну систему цінностей, що була зрозуміла сучасникам, а згодом забута і втрачена (через нерозуміння) нащадками. Тому має пройти час, змінитися система мислення, щоб знову повернувся інтерес до забутих подій, процесів та постатей. Нерідко буває, що явище, визнане однією епохою, в інші ігнорується. Так трапилося з епістолярією взагалі, і листами Михайла Максимовича зокрема.

¹ Докладніше про це див.:
Специальные исторические
дисциплины. Киев, 1992.
С. 307—311.

Минає 200 років від дня народження піонера українства, проте, на жаль, доводиться констатувати, що навіть опубліковані його листи жодного разу не видавалися окремою книгою, залишаючись маловідомими і практично недоступними широкому загалу. Разом з тим, сповнені духом епохи, яку він репрезентував і творцем якої певною мірою виступав, вони є важливим, а іноді і єдиним джерелом для дослідження не лише його біографії, а й багатьох процесів, що відбувалися в українському і російському громадському та науковому житті XIX ст.

Завдання, обсяги й особливості вступної статті не дають можливості всебічно й ґрунтовно висвітлити біографію, охарактеризувати різновекторність та енциклопедизм поглядів ученого. Зацікавленим читачам пропонуємо звернутися до ґрунтовних розвідок про Михайла Олександровича², а відшукати необхідні публікації допоможуть матеріали до його бібліографії³. Тому нижче означимо лише найголовніші події з життя М. О. Максимовича, що допоможе читачам адекватніше сприймати його листи, а через них і непересічну постать "старого українця".

* * *

Михайло Олександрович Максимович народився 3 вересня 1804 р. на хуторі Тимківщина (нині с. Богуславець Золотоніського району Черкаської області) у збіднілій дворянській родині, що мала козацьке коріння. Навчався у Благовіщенському жіночому монастирі, що в Золотоноші. Прогдовжив освіту під керівництвом дядька — відставного професора Харківського університету І. Тимківського. У 1812 р. вступив до Новгород-Сіверської гімназії, після закінчення якої (1819) навчався на словесному відділенні філософського факультету Московського університету (1819—1821). Згодом слухав лекції також на медичному факультеті. У серпні 1821 р. перейшов на фізико-математичне відділення, яке закінчив у червні 1823 р., здобувши ступінь кандидата фізико-математичних наук.

Залишений при Московському університеті. Спочатку працював у бібліотеці, де упорядковував книги і складав систематичний каталог. Згодом вивчав флору, збирав колекції рослин та мінералів Московської губернії. Протягом 1825—1829 рр. викладав господарську ботаніку і садівництво в Землеробській школі, з лютого 1826 р. завідував університетським Ботанічним садом і гербарієм, читав природничу історію в університетському Шляхетному пансіоні.

У червні 1827 р. захистив магістерську дисертацію "О системах растительного царства", дістав ступінь магістра фізико-математичних наук і розпочав педагогічну роботу на фізико-математичному відділенні філософського факультету Московського університету. З жовтня 1829 р. — ад'юнкт, а з серпня 1833 р. — ординарний професор кафедри ботаніки.

²Пономарев С. И. Михаил Александрович Максимович. СПб., 1872; Марков П. Г. Максимович — видатний історик XIX ст. Київ, 1973; Його ж. Общественно-политические и исторические взгляды М. А. Максимовича. Киев, 1986; Його ж. Жизнь и труды М. А. Максимовича. Киев, 1997; Острянин Д. Х. Світогляд М. О. Максимовича. Київ, 1960; Короткий В. А., Біленький С. Г. Михайло Максимович та освітні практики на Правобережній Україні в першій половині XIX століття. Київ, 1999. Бойко Н. І. М. О. Максимович: "Не покину, — поки згину, — мою Україну..." Історіографічний нарис життя і творчості М. О. Максимовича. Сміла, 2001; Корпанюк М. Дзвін предківської слави: "Слово про Ігорів похід" в опрацюванні Михайла Максимовича. Київ, 2003.

³Матеріали до бібліографії М. О. Максимовича // Короткий В. А., Біленький С. Г. Михайло Максимович та освітні практики на Правобережній Україні в першій половині XIX століття. Київ, 1999. С. 375—387.

М. Максимович.
Гравюра 1870-х років

Перша наукова стаття з ботаніки "К чему служат листья на растениях" побачила світ у 1821 р. Плідність наукових пошуків молодого вченого засвідчують понад 100 наукових праць, опублікованих протягом 1821—1834 рр. Основні з них — "О системах растительного царства" (1823), "Главные основания зоологии, или наука о животных" (1824), "Органология растений" (1828) та "Систематика растений" (1831) — стали складовими його відомої монографії "Основания ботаники". Писав також науково-популярні праці, що мали неабияку популярність. "Книга Наума о великом Божием мире" протягом 1833—1876 рр. перевидавалася дванадцять разів.

Видавав літературний альманах "Денница" (у 1830—1834 рр. побачили світ три випуски). Упорядкував і надрукував пісенні збірники — "Сборник малороссийских песен" (1827), "Украинские народные песни" (1834), "Голоса украинских песен" (1834), "Сборник украинских народных песен" (1849), започаткувавши фольклорне вивчення України.

Віг 1834 р. почався київський період творчості вченого. Беручи до уваги бажання Максимовича працювати в Україні, 4 березня 1834 р. його призначають ординарним професором російської словесності та деканом I-го відділення філософського факультету новоствореного Університету Св. Володимира. 13 липня 1834 р. попечитель Київського учбового округу Є. фон Бракке доручив Максимовичу тимчасово виконувати обов'язки ректора. Офіційне затвердження його на цій посаді відбулося 16 жовтня 1834 р. На плечі молодого вченого ліг основний тягар облаштування щойно відкритого університету.

11 грудня 1835 р. у зв'язку з погіршенням стану здоров'я М. О. Максимович змушений був відмовитися від посади ректора і декана, залишившись професором кафедри російської словесності. У 1837 р. він знову виконував обов'язки декана I-го відділення філософського факультету, викладав історію російської літератури на філософському та юридичному факультетах. З перервами (через хворобу) Михайло Олександрович залишався діючим професором до 12 червня 1845 р., коли остаточно пішов у відставку і повернувся до свого маєтку Михайлова Гора неподалік від Золотоноші. Після лікування цілком присвятив себе науково-літературній діяльності.

Учений був одним з організаторів Тимчасової Комісії для розгляду давніх актів (1843) та редактором історичних і літературних пам'яток. За його редакцією вийшло два томи "Памятников, изданных Временной комиссией для разбора древних актов" (1845, 1846). У 1840—1850 рр. видавав альманах "Киевлянин" (вийшло три номери), присвячений Києву та його старожитностям. У 1859 й 1864 рр. вийшло два номери редакovanого ним "Українця". Деякий час (у 1857 р.) редагував московський часопис "Русская Беседа".

Максимович — учений-енциклопедист широкого діапазону. Зацікавленість історією, особливо Київської Русі, фольклором, походженням російської та української мов, літературою, знайшла відображення в численних працях⁴. Йому належать дослідження з історії Київської держави, Литовської доби, Козаччини, Гетьманщини, Гайдамаччини. У галузі літературознавства та філології праці вченого присвячені етапам формування і розвитку української мови та визначенню її місця серед інших слов'янських мов.

6 вересня 1871 р. з ініціативи історико-філологічного факультету Університету Св. Володимира відбулося вшанування 50-річного ювілею наукової та літературної діяльності першого ректора Київського університету. З цієї нагоди учений був обраний доктором слов'янсько-російської філології та членом-кореспондентом Петербурзької Академії наук.

Помер М. О. Максимович 10 листопада 1873 р. на хуторі Михайлова Гора, де й похований.

* * *

Публікаціями народних пісень та своєю працею "Дни и месяцы украинского селянина" (М., 1856) М. Максимович започаткував фольклорне вивчення України й тим самим дав поштовх для інших досліджень у царині україністики. Навіть відійшовши від активного наукового та громадського життя, учений продовжував цікавитися ним, віддзеркалював його стан у своїх листах-статтях, які, хоча й були адресовані окремим особам, все ж мали значно масштабніше звучання.

Для біографів Михайла Олександровича значення листів не можна ні з чим порівняти. Все, що ми знаємо про вченого, особливо про михайлогорський період його життя, почерпнуто головним чином із листів — у них він ніби залишив нам свій

⁴Максимович М. А. Собрание сочинений: В 3 т. Киев, 1876—1880.

автопортрет. Навіть більше, без знання змісту його епістолярії складно осягнути наукову творчість видатного історика України. Важко переоцінити значення листів і стосовно пізнання внутрішнього світу Михайла Максимовича.

Незаперечною є роль листів і для об'єктивнішого вивчення біографії вченого, знайомства із зовнішніми чинниками його життя, умовами праці, особливостями творчого методу, історією появи тих чи інших наукових праць, долею його друзів, близьких, членів родини і т. ін. Поглиблена робота над листами, осмислення дослідики, розглядати деякі події начебто очима самого автора листів і певним чином навіть "розчинятися" в цій привабливій особі. Епістолярію М. Максимовича можна порівняти з чарівним дзеркалом, у якому він постає перед нами на весь зріст, яскраво і правдиво.

Листування посідало особливе, винятково важливе місце в житті М. Максимовича. Значимість його як культурного феномена і засобу обміну інформацією підсилювалась тим, що через хворобу та інші непереборні обставини перспективний учений, що вмів і хотів працювати, приречений був більшу частину життя провести майже безвиїзно на своєму хуторі Михайлова Гора у матеріальній скруті. Відірваний від культурних і наукових центрів протягом понад 30 років, він змушений був спілкуватися зі своїми давніми й новими друзями та знайомими переважно через листування. Поїздки вченого за межі власної домівки, як і візити до нього, були подіями швидше випадковими і вимушеними, аніж постійними і закономірними, а відтак, не могли вповні компенсувати дефіцит наукового спілкування. Прямі чи опосередковані згадки про обмеженість професійного спілкування постійно трапляються на сторінках уцілілих листів михайлогорського самітника.

Письмове спілкування стало для відставного професора майже єдиним можливим засобом наукової комунікації та обміну інформацією із зовнішнім світом. Тому-то вчений так радів кожному адресованому йому посланню, про що свідчать його зворушливі листи-відповіді. Так, П. Куліша у період, що передував їхньому конфлікту, він просив: "Пишите почаще ко мне, если Вам эта заочная беседа приносит хоть половину такого удовольствия, какое мне от нее каждый раз, как привезут из Золотоноши Ваш конверт"⁵. А О. Бодянському дякував: "Вы каждый раз письмом своим освежаете дремоту мою умственную и мою стареющую голову"⁶.

Приватне листування розкриває перед нами заховану від усіх внутрішню складову людського ества. У ньому автор спілкується лише з конкретним кореспондентом, тільки йому відкриває свої найзаповітніші мрії та ідеї, запрошує його до відвертої бесіди та обміну думками, доповнюючи таким чином те, що оприлюднив для всіх у тій чи іншій праці. Загальна тональність приватних листів дає нам якнайкращу можливість скласти власне уявлення про автора, відчутти сутність його особистості, зрозуміти його внутрішній світ, життєві орієнтири, стан душі.

У стилі листів, манері викладу, загальній тональності М. Максимович увесь як на долоні. Тут цілком підтверджується

⁵ЧИОНА. К., 1905. Кн. XVIII. Вып. III—IV. С. 124.

⁶ЧИОДР. М., 1887. Кн. 1. С. 125.

гумка про те, що особистість — це стиль. Знайомий і кореспондент Михайла Олександровича князь П. Вяземський зауважував із цього приводу: "Сочинитель в печати чуть ли не актер на сцене. В сочинении все-таки невольно выглядывает сочинитель. В письмах же человек более налицо"⁷.

Ми розглядаємо листи видатного українця не лише як літературний факт, не тільки як незаперечне літературне явище. Вбачаємо у них, окрім усього іншого, частину його наукової спадщини і найдостовірніше із збережених джерел для розуміння особистості й мотивів наукового подвижництва ученого.

До написання листів Михайло Максимович ставився досить серйозно. Як свідчать уцілілі матеріали його архіву, навіть приватні послання він іноді по декілька разів переписував, піддаючи їх ретельній стилістичній обробці, що загалом відповідало культурній традиції XIX ст. У них залишилися сліди епохи: відбився рівень виховання й освіти автора; зафіксувалися його літературні смаки і наукові традиції, особисті уподобання та світоглядні орієнтири; завдяки ним стало відомим практично все коло спілкування ученого-енциклопедиста.

Юнак виховувався на зразках листування М. Карамзіна, К. Батюшкова, В. Жуковського, котрі своєю чергою акумулювали епістолярні, переважно західноєвропейські, традиції епохи. "Письма, в точном значении слова, суть разговоры или беседы с отсутствующими. Они заступают место изустного разговора, но заключают в себе речи одного только лица"⁸. Так визначалось поняття про лист у тогочасній риторичній М. Греча, упорядкованій за творами кращих німецьких теоретиків цього жанру. І далі виокремлювалися його специфічні риси: "Изустный разговор имеет свойства неприготовленного, непринужденного, безыскусственного сочинения, — и сии же качества составляют необходимую принадлежность всякого хорошего письма. Между ими есть, однако, и разность: действие письма прочнее; разговор же получает более выразительности от голоса, которым произносится, и от сопровождающих оный телодвижений. Из сего видно, что в письме должно быть разборчивее в употреблении и расположении слов, и стараться о полном и ясном выражении и размещении мыслей. При сочинении писем должно следовать правилу: пиши так, как стал бы говорить в сем случае, но говори правильно, связно и приятно"⁹.

М. О. Максимович у своїх "Письмах о Киве..." наводить близьке йому самому висловлювання П. Вяземського про емоційний внутрішній стан від перечитання листів. «По мне, в предметах чтения нет ничего более умиленного чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самые полные, самые искренние записки не имеют в себе выражения истинной жизни, какими дышат и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере на ту минуту, проговаривающей рукою... Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам её". Повторяя эти слова князя Вяземского, из его драгоценных страниц "О письмах Карамзина", буду продолжать тебе мои воспоминания об Иннокентии отрывками из его небольших

⁷Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 248.

⁸Греч Н. И. Учебная книга Российской Словесности. Ч. 1. СПб., 1819. С. 52.

⁹Там само.

¹⁰Максимович М. Письма о Киве и воспоминание о Тавриде. СПб., 1871. С. 11.

¹¹Пономарев С. И. Киевская старина и новизна // Киевлянин. 1881. № 93. С. 1.

¹²Там само.

¹³Детальніше про це див.: Данилов В. "Денница", альманах М. А. Максимовича (Библиографический очерк) // ИОРЯС. 1909. Т. XIV. Кн. 3 С. 286—306; Лахно С. Н., Фризман Л. Г. Альманах "Денница" и его место в литературной борьбе начала 1860-х годов // Денница. Альманах М. А. Максимовича 1830, 1831, 1834. Харьков, 2000. С. 3—35; Фризман Л. Г., Лахно С. Н. М. А. Максимович — литературовед. Харьков, 2003. С. 11—72.

¹⁴Русский архив. 1908. № 10. С. 260—261.

писем ко мне»¹⁰, — писав Максимович у листі до М. Погодіна 16 січня 1868 р. з Михайлової Гори.

Сучасник і один із перших біографів та публікаторів листів М. Максимовича Сергій Пономарьов, який неодноразово відвідував гім ученого і був добре обізнаний з його приватним життям, залишив надзвичайно цікаві свідчення. Він зазначав, що матеріали, зібрані Михайлом Олександровичем, — то були "почти исключительно письма к нему от множества лиц, с которыми сводила его судьба. Письма родных, друзей и заочных знакомых, письма, редко имеющие историко-литературное значение, большею частью имевшие минутный интерес, а иногда — совершенно бессодержательные... Но добродушный Михаил Александрович все их сберегал, складывал, приклеивал одно к другому и таким образом составил объемистый сборник... Этой сборной работой, этой склейкой он занимался, как видно, в 50-е годы (XIX ст. — Авт.). Зрение его слабело, и он не имел терпения подбирать письма в строго хронологическом порядке. Впрочем, цельность сборника продолжалась недолго! Как человек никогда ни в чем не отказывающий, особенно своему гостю, он с полною охотою разрывал свой сборник, вынимал из него письма, и раздавал, и рассылал их кому только надо было. Так, например, он посылал в Петербург письма Дельвига, Сомова, Квитки, Гоголя, в Москву — Киреевского, Языкова, Иннокентия и других. Все ли письма возвращались к нему обратно — Бог его знает. По крайней мере, в бумагах, лежащих перед нами, мы не находим ни одной строчки преосв. Иннокентия, Языкова, Шевченка (письма Гоголя уступлены вдовою Максимовича Нежинскому институту за 100 р.). Кроме того, сам Максимович некоторые отдельные письма наших знаменитостей раздал разным лицам, собиравшим у себя автографы — Христос их знает с какой целью"¹¹. І далі С. Пономарьов пояснював: "С 50-х годов, убедившись, вероятно, в напрасном склеивании писем, Максимович стал просто подбирать их одно к другому и составил кучу отдельных тетрадок, по алфавиту своих корреспондентов. В этом случае их еще легче было раздавать разным охотникам"¹².

По-різному склалася доля листів самого Максимовича і тих, що зберігалися в його архіві. Частина епістолярії він знищив сам ще під час роботи у Московському університеті, й пов'язана ця трагічна сторінка була з видавничою діяльністю Михайла Олександровича. Як відомо, у 1830 р. побачив світ перший випуск альманаху М. Максимовича "Денница", навколо якого розгорнулася досить гостра літературна полеміка, наслідком якої стали доноси на видавця, цензора та авторів альманаху¹³. Сам редактор "Денници" згадував про цей епізод свого життя так: "Февраля 8 (1830 р. — Авт.) я обедал у Дельвига и получил письмо от Сомова предупредительное о толках Греча и Булгарина. Воротясь домой, получил приглашение к Ровинскому и известие, что С. Н. Глинка уже посажен сегодня под Иваном Великим... К сожалению, все письма того времени я уничтожил еще в Москве"¹⁴. Можна припустити, у світлі зізнань самого Максимовича, що разом із листами своїх кореспондентів тоді ж він знищив чернетки та копії власних листів, які, за традицією, зберігав у сімейному архіві.

Деякі листи, написані вченим у період його добровільного михайлогорського заслання, так і не дійшли до адресатів і були знищені ним самим. Так, 7 грудня 1871 р. він признавався П. Вяземському:

"Обрадованный вашим приветным писанием и вместе опечаленный вашею невеселою вестью о вас, — я немедленно настрочил было вам предлинное послание; но в следующее утро укорил себя за излишнее, непомерное разглагольствие, в припадке почти женского самовыражения написанное, и бросил в затопленную печь, так охотно принимавшую и принимающую в свой зев мое бумажное топливо... В моем здешнем одиночестве есть своего рода удовольствие и отрада: высказаться на письме, отвести на нем гушу и передать пламени, чтобы твоя задушевная печаль не угручала собою другой, любезной тебе, гуши, у которой на этом свете и своих печалей накаплиется не под силу..."¹⁵.

Дедалі більше втрачаючи зір і здоров'я, Максимович змушений був вдаватися до допомоги рідних та послуг секретаря, оскільки вже не міг самостійно листуватися. Читаючи відповідь Михайла Олександровича на послання Сергія Пономарьова, натрапляємо, зокрема, на таке свідчення: *"Я же с возрастающим к Вам чувством дружбы и преданности буду зимовать в своей Михайлогорской хате, по вечерам читаючи не своими очима и пишучи не своею рукою, а теми очима, которые говорят Вам, не глядя на Вас, и тою рукою, которая на прощание крепко жала и Вашу руку"¹⁶.* В іншому листі, від 18 листопада 1871 р., він сповіщає свого адресата *"об истреблении моего письма, не в добрый час написанного, собственноручно"¹⁷.*

Стурбований долею архіву славетного українця, С. Пономарьов у своєму черговому нарисі, присвяченому життєдіяльності вченого, з неприхованим жалем констатував: *"Некоторые письма Максимович сам истребил и сжег, как это он собственноручно заявлял в своих бумагах. По смерти его эти собрания писем подвергались то пересмотру со стороны лиц, посещавших его усадьбу, то скитальничеству с места на место, из города в город. От этого произошло то, что письма смешались, перепутались, разрознились, и привести их в порядок крайне трудно, а пользоваться ими для какого-нибудь цельного труда, связного очерка — положительно невозможно. Вот почему, при всем желании представить здесь полные, сгруппированные материалы, мы не можем этого исполнить. Приходится просто делать извлечения из случайно находимых, сколько-нибудь интересных, данных. Но, конечно, эти извлечения далеко не могут иметь той исторической обстановки, того света, которые мог бы придать им сам Максимович"¹⁸.*

Листи М. Максимовича є безцінним матеріалом з історії новітнього українства. Зазначимо, що листування завжди вважалося важливим історичним джерелом. Так, Дмитро Дорошенко у своїй статті *"В справі видання мемуарів та листування (кілька уваг та дезигератів)"* слушно зазначав: *"Здається, було би зайвим говорити про вагу й значення, які мають для історії нашого національного руху мемуари і листування людей, котрі брали активну участь*

¹⁵Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1901. Кн. IV. С. 206.

¹⁶Письма ... к библиографу С. И. Пономарёву. Москва, 1915. С. 39.

¹⁷Там само.

¹⁸Пономарев С. И. Киевская старина и Новина // Киевлянин. 1881. № 93. С. 1.

М. Максимович.
Малюнок 1860 р.

¹⁹Стара Україна. Часопис історії і культури. ІХ—Х. Львів, 1924. С. 139.

²⁰ Киевская старина. 1896. Т. 54. Июль—сентябрь. С. 275.

²¹Там само.

²²Науменко В. Скорбная страничка из жизни М. А. Максимовича (По его черновым письмам к разным лицам) // Киевская старина. 1898. Т. 63. Октябрь—декабрь. С. 273—307.

у громадському житті або ж стояли близько до нього. Особливо це стосується часів передвоєнних і передреволюційних, а спеціально України Наддніпрянської, де політичне життя перебувало в особливих умовах "пігнільного" існування, де не було своїх журналів, окрім підцензурної "Кієвської Старини", і де часом дуже важкі факти і події суспільного значення були звісні лиш обмеженому колу людей, а для нового покоління залишилися зовсім невідомими..."¹⁹

Саме під цим оглядом одним із перших у Наддніпрянській Україні листи Михайла Максимовича почав видавати редактор першого в Україні історичного журналу "Киевская старина" Володимир Павлович Науменко. Слід зауважити, що саме він став власником частини садиби Максимовича, і саме до нього потрапила більша частина архіву колишнього господаря Михайлової Гори.

Добре усвідомлюючи значення приватного листування як історичного джерела, В. Науменко, зокрема, наголошував: "Частная переписка лиц, игравших роль в жизни общественной, конечно заслуживает того, чтобы быть опубликованной во всей полноте своей, т. к. всегда в такой переписке найдутся строки, проливающие свет в тот или другой уголок нашей общественности. Уже одни эти соображения вполне достаточны для того, чтобы оправдать помещение на страницах журнала писем такого сильного представителя науки, особенно по вопросам истории и литературы Южной Руси, как М. А. Максимович, к не менее знаменитому в свое время профессору С. П. Шевыреву"²⁰. На думку дослідника, "данные письма имеют еще и исключительное значение, как дающие несколько новых сведений из биографии Максимовича, а равно помогающие лучше уяснить себе нравственный облик этого человека"²¹, і тому їх видання викличе ще більший інтерес.

Після публікації 11 листів М. Максимовича до С. Шевирьова Науменко друкує у 1898 р. листи першого ректора Київського університету до різних осіб за чернетками, що зберігалися в архіві вченого²².

Він уважав також доцільним видати додатковий том праць ученого-енциклопедиста, що не ввійшли до трьохтомного

видання, і пропонував "прибавить еще один том — его письма, отчасти напечатанные в разных изданиях, но вероятно в большинстве остающиеся еще не опубликованными"²³. Для реалізації цього задуму редактор "Киевской старины" звернувся за підтримкою до широкого загалу читачів. "Чтобы успешнее можно было исполнить все это впереди, нужно теперь же начать собирать необходимые материалы; вследствие чего, печатая на первый раз одиннадцать писем М. Максимовича к С. П. Шевыреву, мы считаем себя вправе попросить всех лиц, знавших Максимовича и могущих передать о нем свои впечатления или сообщить новые факты из его жизни, поделиться ими печатно, для чего, между прочим, мы охотно открываем страницы нашего журнала"²⁴.

Заклик В. Науменка видати книгу епістолярної спадщини Максимовича практично не був реалізований. На необхідності все ж таки здійснити таке видання, наголосив майже через століття (у 1989 р.) український дослідник М. П. Корпанюк на науковій конференції з історичного краєзнавства²⁵.

Потреба видання епістолярного спадку М. Максимовича визріла вже давно, в тому числі з врахуванням його ваги для характеристики оточення вченого. З цією метою листи Максимовича досліджували С. Пономарьов, В. Науменко, М. Барсуков, М. Часв, В. Данилов, Д. Багалій, Ф. Савченко та інші історики. Завдяки їхнім зусиллям було опубліковано частину листування Михайла Олександровича. Воно також потребує спеціального дослідження, яке, на жаль, не здійснювалося. Тому доводиться констатувати, що великий пласт навіть уцілілого епістолярного спадку видатного вченого ще недостатньо вивчений.

М. Максимович, як правило, ніколи не заперечував проти публікації своїх листів, а інколи навіть робив це сам. Так, на прохання М. Погодіна він видрукував свої "Письма о Кieve...". Іноді, як у випадку з П. Кулішем, учений сам вирішував не продовжувати дискусії і не оприлюднювати своїх полемічних листів, надісланих до редакції "Русской Беседы". І лише одного разу він був обурений публікацією свого листа, як це сталося з писемним зверненням до Дениса Зубрицького, опублікованим Я. Головацьким. Цей факт проаналізував у статті "Галичани в гостині у Михайла Максимовича" К. Студинський. Він, зокрема, стверджував, що до "Головацького відносився Максимович у своїй хаті на Михайловій Горі з деяким холодом і дав йому відчутти не тільки його безтактність, але й осудив його працю"²⁶.

Пропонована увазі читача книга не охоплює всієї опублікованої епістолярії Максимовича. До неї не ввійшла також значна кількість листів, що зберігаються в архівах, музеях та приватних колекціях України, Росії та інших країн. Їх виявлення і підготовка до друку здійснюються спільними зусиллями науковців Київського та Московського університетів, але для завершення цієї роботи потрібен час. Ми прагнули подати найхарактерніші зразки епістолярної спадщини вченого, засвідчити найширше коло кореспондентів і, відповідно, проілюструвати його листи з метою бодай часткової реконструкції доби, що почала формуватися під впливом романтизму.

²³Киевская старина. 1896. Т. 54. С. 276.

²⁴Там само.

²⁵Корпанюк М. П. До проблеми епістолярної спадщини М. О. Максимовича // IV Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей і повідомлень. Київ, 1989. С. 169–170.

²⁶ЗНТШ. 1935. Т. 153. С. 229.

Михайло Максимович по праву може вважатися фундатором своєрідного і нового для тодішньої України напряму епістолярної традиції — спілкування у формі наукових статей, заміток, послань, адресованих конкретним кореспондентам, приурочених до певних подій, але опублікованих у періодичних виданнях чи окремими книгами і розрахованих на певну суспільну реакцію.

Інтенсивність листування вченого була різною і залежала від стану здоров'я, сімейних обставин та місця перебування. Кореспонденти також змінювалися. Декому М. Максимович писав лише один раз. З іншими, як, наприклад, із М. Погодіним, О. Боянським, С. Пономарьовим, П. Лебединцевим, інтенсивно листувався протягом значного часу. Найтривалішим було листування з М. Погодіним та О. Боянським. В останній період життя Максимовича його найближчими адресатами були С. Пономарьов та П. Лебединцев, з яким мешканець Михайлової Гори переписувався найінтенсивніше.

Розміри листів, уміщених у книзі, різні: від декількох рядків на сторінці книги, наданої для користування історикові М. Маркевичу, до десяти сторінок, як у випадку з листом до шведського ботаніка Е. Фріса.

Одним із основних завдань цього видання вважаємо подолання існуючих стереотипів, різноманітних помилкових тверджень про українського патріота, які ще й досі побутують у художній та науковій літературі. Назріла потреба відтворити реальну постать справжнього, земного Максимовича у контексті його епохи. Сподіваємося, що публікація його епістолярії допоможе бодай частково здолати й новітні міфи про нього, навіяні нинішніми політичними реаліями.

М. Максимович давно став постаттю символічною, яка уособлює певні національні традиції не тільки для українства. Відтак сприйняття вченого також зумовлене рамками певних, чітко окреслених уявлень, вийти за які сучасне суспільство поки що не в змозі. Тому по відношенню до нього саме питання традиції і традиційності доцільно розглядати щось по-іншому. Не варто повертатися в минуле у пошуках втрачених ідеалів. Маємо навчитися, озирнувшись назад, на увесь пройдений нами шлях, усвідомити історичну динаміку національної традиції й урешті-решт визнати — ми занадто багато забули і ще більше прийняли на віру. З цього погляду Максимович потрібен нам не лише для відтворення минулого — більшою мірою ми звертаємось до нього заради майбутнього. Доречно згадати слова відомого історика України Дмитра Дорошенка, який стверджував, що "одним із найбільших наших лих було і є... те, що ми мали дуже слабо розвинуте почуття традиції, почуття свого генетичного зв'язку з працею попередніх поколінь..."²⁷

²⁷Стара Україна. Часопис історії і культури. IX—X. Львів, 1924. С. 142.

* * *

Класифікувати листи М. Максимовича, як до речі і всю епістолярію XIX ст., за жанровими ознаками неможливо, оскільки для цього необхідно мати розпізнавальні, специфічні ознаки, що відрізняють їх від інших жанрів, а їх у листах немає. З огляду на те, що ані внутрішня конструкція, ані стиль його листів не розвивалися в межах якогось одного ряду, варто

говорити про жанр листів Михайла Олександровича взагалі, адже в його епістолярії нерідко співіснували різні стилі і жанри.

Діловий і дружній, лист-прохання, подяка, вітання чи пропозиція з використанням канцелярського і неофіційного стилів, лист, що відтворює форму наукового трактату чи статті, хоча й орієнтований на конкретного адресата та розрахований на друкування, — все це різноманітні групи листів, які важко об'єднати за певними жанровими ознаками, звести до одного жанру. Слід також мати на увазі умовність та схематичність й такого поділу листів на групи, оскільки часто навіть у межах однієї кореспонденції можна віднайти й виокремити різноманітні стилістичні пласти.

Тому вважаємо доцільним згрупувати найцікавіші з опублікованих листів Максимовича до його кореспондентів за алфавітним принципом, розмістивши їх у хронологічній послідовності в межах інформативного блоку одного адресата.

Зазначимо, що означеність видання як науково-популярного також накладає відбиток на характер публікації листів як історико-літературних пам'яток. Ми розглядали їх водночас і як мовні та літературні пам'ятки XIX ст. Тому для збереження колориту епохи, зокрема — мовних і, частково, правописних особливостей, втручання в авторський текст було мінімізовано. Скорочення, що часто трапляються у тексті, для зручності читання були розкриті. Частково збережені найхарактерніші коментарі з попередніх публікацій, оскільки вони також виступають своєрідною історичною пам'яткою: адже саме у такому коментуванні з епістолярією Максимовича знайомилися наші попередники.

Кардинальних редакторських втручань у тексти не здійснювалося. Певною мірою там, де це впливає на розуміння змісту листа, пунктуацію приведено до сучасних норм. Без застережень виправляються описки та механічні помилки. У російськомовних текстах замінено нині не вживані літери: ѣ на е, і на и, ѳ на ф, літеру ъ наприкінці слів знято. Оскільки частина листів не датована, для них, по можливості, вказано дату, встановлену за змістом. Дати в листах, коментарях та легендах подаються за старим стилем.

* * *

Листи М. О. Максимовича — важливе джерело для вивчення його життєвого шляху, наукових та громадських поглядів. Вони — "єдина річ, яка людей відсутніх робить присутніми". Подолавши часовий бар'єр, "старий українець" повертається до нас із забуття. І постать його ще більше увиразнюється завдяки ознайомленню з колом кореспондентів вченого.

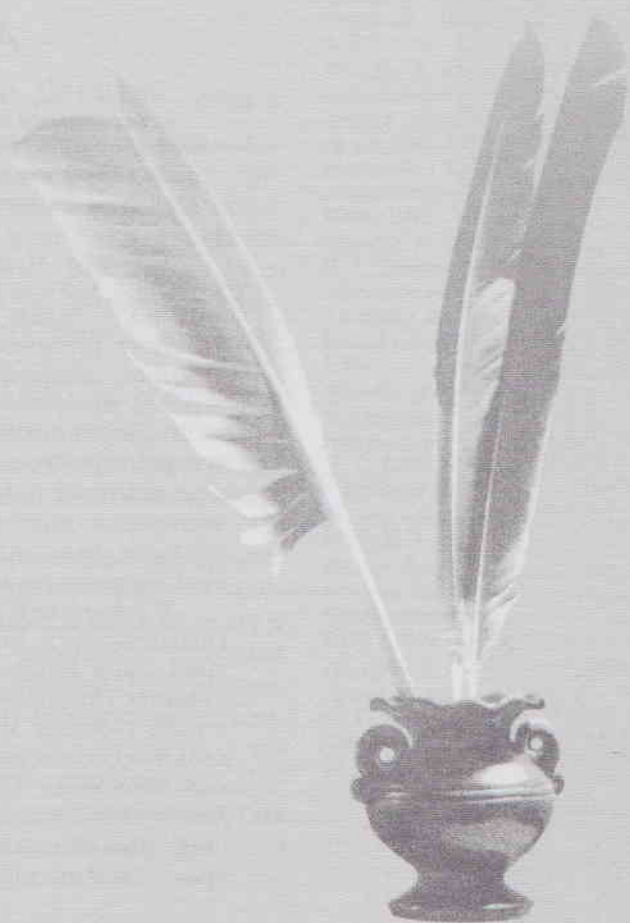
Важливим є не лише біографічне та психологічне, а й історичне значення листів Михайла Олександровича, адже він був знаковою особистістю, що стояла біля витоків формування української самосвідомості. Вивчення його листування дає змогу краще усвідомити й саму епоху, що стала колыскою тих ідей, які нині матеріалізуються нашими державницькими перетвореннями.

Епістолярна спадщина провісника українства — своєрідна автобіографічна повість про людське життя, сповнене горіння і боротьби, перемог і внутрішніх компромісів, страждань і непохитної віри у правильність обраного шляху. Доцільно розглядати його листи як надзвичайно складну систему гружніх, сімейних, суспільних та інших відносин, як зворушливу оповідь людини, все життя якої було присвячене Україні. Назагал перед нами — захоплива книга для читання, покликана дати кожному рівно стільки, скільки він у змозі з неї взяти.

Сподіваємося, що нині, коли так швидко змінюються пріоритети, коли дехто із наших співвітчизників бездумно підпадає під вплив новітніх політичних та культурологічних теорій, а інші — через свою байдужість і зарозумілість — з надзвичайною легкістю заперечують національні цінності, видання листів М. О. Максимовича, як свідчення наукового і громадянського подвижництва, як взірць чистої ідеальної віри в переможну силу наукової істини, сприятиме процесу усвідомлення широким загалом домінуючої і консолідуючої ролі національної ідеї для кожного народу, спонукаючи до розважливих дій, застерігаючи від помилок.

Віктор Короткий,
кандидат історичних наук

ЛИСТИ

БІБІКОВ Дмитро Гаврилович

18.III.1791, Москва — 22.II.1870, Петербург. Державний діяч, міністр внутрішніх справ Росії (1852—1855), генерал від інфантерії (1843), генерал-ад'ютант (1843), член Державної ради (1848), сенатор (1837), Київський військовий, Подільський і Волинський генерал-губернатор (1837—1852)

Походив із дворян. Здобув домашню освіту, з 1808 р. служив у кавалерії. Учасник російсько-турецької війни 1806—1812 рр. У складі лейб-гвардійського драгунського полку брав участь у Вітчизняній війні 1812 р. У битві під Бородіно — ад'ютант генерала М. Мілорадовича, був тяжко поранений і втратив ліву руку. З 1819 р. перебував на цивільній службі: Володимирський, Саратовський (1820), Московський (1821) віце-губернатор; з грудня 1823 р. управляючий Московською казенною палатою. В 1824—1835 рр. був директором Департаменту зовнішньої торгівлі і членом Мануфактур-ради Міністерства фінансів. Брав активну участь у роботі комісії, що розробляла нові законопроекти, виступав проти зловживання чиновників.

У грудні 1837 р. Бібіков переведений на військову службу: Подільський і Волинський генерал-губернатор і Київський військовий губернатор. Ініціатор глобальних заходів інкорпорації Правобережної України до складу Росії, які впроваджував у життя жорсткими адміністративними методами. Заклав традиції верховенства центральної адміністративної влади над місцевими судовими установами, ліквідувавши чинність Литовського Статуту як законодавчого кодексу. З метою послаблення польського впливу на Правобережжя та русифікації краю замінив місцевих чиновників росіянами, запропонував

розподіл казенних земель без участі поляків. У 1846—1847 рр. розробив Інвентарні правила, які регламентували відносини поміщиків і селян та провів Інвентарну реформу. Обмежував свавілля польських землевласників, позбавив католицьке духовенство права поземельної власності. Виступив ініціатором перевірки прав шляхти на російське дворянство, після чого значна частина її була переведена у стан, що оподатковувався. Дії Бібікова сприяли трансформації політичної та соціально-культурної орієнтації місцевої еліти.

Генерал-губернатор вжив ефективних заходів для поширення в регіоні російської освіти і культури, домігся від Імператора дозволу підпорядкувати собі Київський учбовий округ в "політичних і поліцейських питаннях", а згодом прямого суміщення посади губернатора і попечителя учбового округу (1848—1852).

За часів його губернаторства була також створена Київська комісія для розгляду давніх актів (1843), відкритий Архів (1852), почала функціонувати Київська контора Державного комерційного банку (замість існуючої секції Варшавського банку).

1852 року Дмитро Гаврилович призначений міністром внутрішніх справ. Перебуваючи на цій посаді, підготував законодавчий акт "Общая инструкция генерал-губернаторам" (1853). Олександр II вважав діяльного міністра одіозною політичною фігурою минулої епохи, тож у 1855 р. Д. Г. Бібіков змушений був вийти у відставку.

Був обраний почесним членом Університету Св. Володимира (1838). Зібрана Бібіковим бібліотека (14 тис. томів) передана в 1902 р. його дочкою, графинею З. Д. Кассіні, до бібліотеки Київського університету.

1884 г.

Внимание Вашего Высокопревосходительства к изданию актов Луцкого братства побуждает меня новым усердием к труду сему и обращает его в занятие приятнейшее. Акты сии поистине драгоценные, ибо представляют собою новое свидетельство о том, с каким усердием и какими средствами Волынская Русь охраняла в прежнее время православную веру, которая составляет основную и главную стихию народности нашей, для которой целая Русь столько веков жила и действовала.

Изданием сих актов история должна оправдать себя перед нашею почтенною стариною и в том забвении своем, с каким она до 1841 года пропустила вовсе Луцкое и другие Волынские братства даже в истории "Киевской иерархии" Преосвященного Евгения.

Говоря во 2 кн. "Киевлянина" на с. 314 о намерении одного ревнителя благочестивой старины нашей издать сборник Луцкого братства, я разумел Преосвященного Иннокентия, которому я в 1840 г. представил на рассмотрение сей памятник, который весьма желал издать отдельно на своем иждивении. Что касается до подлинных актов, переданных мне Его Преосвященством, то они возвращены были мною в Луцк по принадлежности, а теперь вновь переданы мне уже из комиссии. Я приложу все возможное старание об успешном и достойном изготовлении сих памятников сообразно желанию, изъявленному Вами в лестном для меня письме.

Література

- Библиотека Д. Г. Бибікова // Исторический вестник. 1900. Т. 81. № 9;
- Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года: В 2 т. СПб., 1859. Т. 2.
- Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862—1863. Ч. 3. Кн. 4, 8.
- Внушительная речь генерал-губернатора Д. Г. Бибікова к киевским студентам в 1846 году // Киевская старина. 1897. № 10.
- Генерал-губернатор или губернатор. Киев, 1889.
- Записки Н. И. Мамаева // Исторический вестник. 1901. № 9.
- З іменем Святого Володимира: У 2 кн. Київ, 1994. Кн. 1.
- Оболенский Д. Д.* Наброски из прошлого // Исторический вестник. 1893. № 11—12.
- Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. А-Д. М., 1994.
- Селецкий П. Д.* Записки // Киевская старина. 1884. № 2, 8, 9.
- Шандра В.* Київське генерал-губернаторство (1832—1914). Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформаційний потенціал. Київ, 1999.
- Шандра В.* Генерал-губернатор Д. Г. Бібіков: спроба політичного портрета // Третя Академія пам'яті професора Володимира Антоновича. Київ, 1996.
- Шандра В.* До історії Київського генерал-губернаторства: настанови Д. Г. Бібікова // Студії з архівної справи та документознавства. Київ, 1996. Т. 1.
- Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Биографический справочник. СПб., 2002.
- Шульгин В. Я.* Юго-Западный край под управлением Д. Г. Бибікова (1838—1853) // Древняя и новая Россия. 1879. № 5, 6.

22 сентября 1850 г. *

Атрибування кореспондента належить В. Науменку.
(Тут і далі так позначено примітки упорядника цього видання Віктора Короткого. — Ред.)

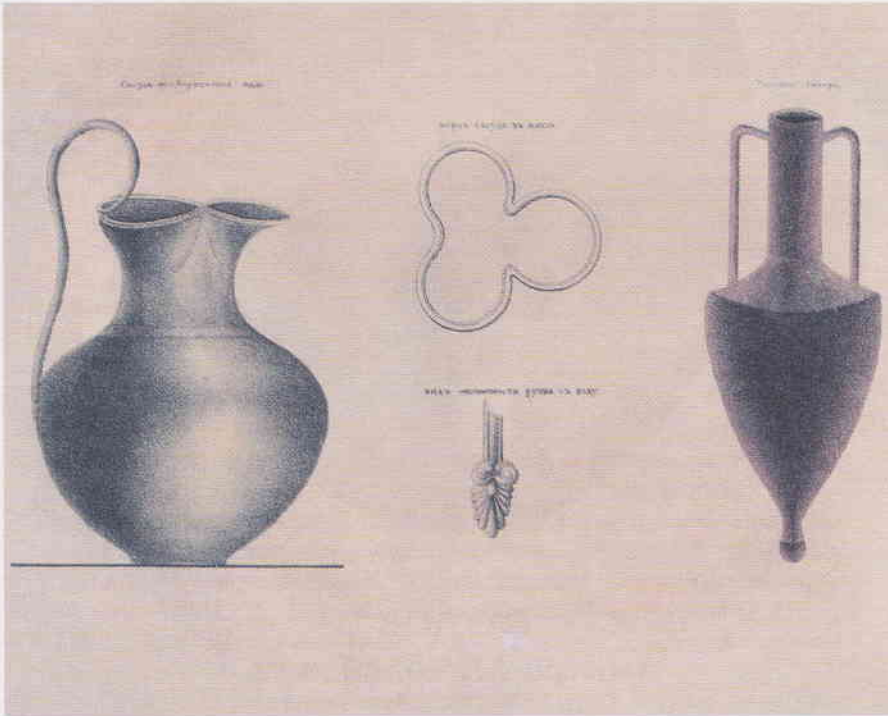
Вашему Высокопревосходительству известно мое стремление посвящать свою ученую деятельность преимущественно Киеву и Южной Руси, а также и мое желание возобновить службу в Киеве. То и другое во мне до сих пор не прекращается, несмотря на разные неудачи и препятствия; а потому я решаюсь ныне обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой принять в милостивое внимание Ваше вышеупомянутое желание и стремление мое и удостоить меня ходатайством Вашим об определении меня на службу в Киев или где к тому представится ныне благоприятный случай, или же об назначении мне денежного пособия, необходимого мне на продолжение моих ученых занятий.

Титульна сторінка праці
М. Максимовича "Книга
Наума..." з бібліотеки
Д. Бібікова

Теперь кончается десятый год, как я в отставке; в нынешнем сентябре начнется уже 47 год жизни моей; и мне жаль, что мои лучшие рабочие годы уходят не с тою пользою, какая могла бы от них быть для отечества и науки, при обстоятельствах и средствах более благоприятных.

*Киевская старина. 1898. Т. 63.
Октябрь—декабрь. С. 292—293, 306—307.*

Ілюстрації до книги
І. Фундукля "Обозрение
могил, валов и городищ
Киевской губернии",
редагованої М. Максимовичем.
1848 р.

БЛУДОВ
Дмитро Миколайович

*05.IV.1785, Романово-Шуйський повіт Володимирської губернії —
19.II.1864, Петербург. Державний і громадський діяч,
дипломат, літератор, історик, дійсний тасмний радник (1839),
граф (1842), почесний член Петербурзької Академії Наук (1826),
член Державної Ради (1832)*

Походив із дворян. Племінник Г. Державіна. Здобув домашню освіту, за сприяння генерал-фельдмаршала М. Каменського вступив у 1800 р. на службу до Московського архіву Колегії іноземних справ. Відігравав помітну роль серед молодих літераторів — прихильників М. Карамзіна. Як співробітник Колегії іноземних справ (з 1802) відряджений у 1808 р. до Голландії для вручення ордена Андрія Первозванного королю Луї Бонапарту. У 1810 р. призначений начальником Дипломатичної канцелярії командувача Дунайської армії генерала М. Каменського. Прихильник зближення Росії і Швеції, Блудов у 1813—1814 рр. працював у Російській місії, що перебувала у Стокгольмі.

Один із засновників "Арзамасу" (1815). Відомий своїми влучними епіграмами. У 1814—1817 рр. перебував на дипломатичній службі в Лондоні, а з 1822 р. прикріплений до Міністерства внутрішніх справ (у справах Бессарабії). Відсутність перспектив службового просування змусила його у 1825 р. просити відставки, щоб працювати над задуманою ним історією роду Романових.

Події 14 грудня 1825 р. різко змінили життя Блудова: він був призначений діловодом Слідчої комісії у справі декабристів. Журнальна стаття, в якій передбачалося викласти хід слідства, переросла в "Донесення" комісії, у якому викладалася офіційна точка зору на декабристський рух. Згодом Д. Блудов став автором багатьох маніфестів імператора Миколи I.

Наступного року його призначено Товаришем міністра народної освіти, а в 1828 р. — управляючим духовними справами іноземних віросповідань. На цій посаді Блудов сприяв процесу поступового переходу уніатів до православ'я. У 1830—1833 рр. керував Міністерством юстиції і був (з 1831 р.) членом комітетів у справах Царства Польського і Західних губерній. З 1831 по 1838 р. — міністр внутрішніх справ. За його ініціативою організовано територіальні поліцейні одиниці в повітах — стани (1837), а також прийнято рішення про видання в усіх губерніях "Губернских ведомостей" (1837).

Тривалий час Дмитро Миколайович очолював 2-е (кодифікаційне) відділення Власної його імператорської величності Канцелярії і Департамент законів Державної Ради (1838—1862). Під його керівництвом було підготовлено два видання "Свода законов Российской империи" (1842—1857). "Уложение о наказаниях" (1845), що діяло після доопрацювання у 1886 р., до 1917 р.

Був прихильником здійснення поступальних реформ державного апарату при збереженні самодержавства. В селянському питанні підтримував ідею поступової відміни кріпосного права за збереження власності поміщиків на землю. У 1857 р. подав Олександрові II "Записку о судебных установлениях", пропонуючи поділ судової і адміністративної влади, ліквідацію станових судів, введення суду присяжних. (Більшість положень записки були реалізовані в ході судової реформи 1864 р.). У 1855—1864 рр. Блудов — Президент Петербурзької АН, у 1862 р. він очолив Державну Раду і Комітет Міністрів Російської імперії.

Згідно із заповітом М. Карамзіна, Блудов готував до видання 12-й том "Истории Государства Российского" (1828). Ще у 20-ті роки XIX ст. він перекладав і готував до друку дипломатичні документи про стосунки Росії з країнами Західної Європи у 1814—1822 рр., був одним з ініціаторів створення Державного архіву Міністерства закордонних справ (1834). У 50-ті роки брав активну участь у підготовці посмертного видання творів В. Жуковського. Автор історичних нарисів "Последние часы жизни Императора Николая I" (1855), "Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге" (1865), "Суд над гр. Девиером и его соучастниками" (1861), "О самозванцах явившихся при Екатерине II в Воронежской губернии" (1866).

3 декабря 1849 г., Москва

Я имел счастье получить письмо Вашего Сиятельства от 24 ноября и не могу удержаться себя, чтобы не высказать перед Вами моей глубокой признательности за это драгоценное для меня письмо; в нем много для меня душевной награды за прежние труды жизни моей, и утешительного ободрения на новую деятельность. Я надеюсь и потщусь будущими трудами оправдать Ваше доброе мнение обо мне и внимание ко мне. Дал бы только мне Бог здоровья, для поддержания которого и желаю возвратиться

Література

Арзамас и арзамасские протоколы. Ленинград, 1933.

Блудова А. Д. Записки гр. А. Д. Блудовой. Москва, 1888.

Главные деятели и предшественники судебной реформы / Под ред. К. К. Арсеньева. СПб., 1904.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. Москва, 1869.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860—1867. Москва, 1992.

Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. Москва, 1984.

Иванов П. Опыт биографий генерал-губернаторов и министров юстиции. СПб., 1863.

Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866.

Мысли и замечания [Блудова Д. М.]. СПб., 1866.

Никитенко А. В. Воспоминания о бывшем Президенте имп. АН гр. Блудове. СПб., 1864.

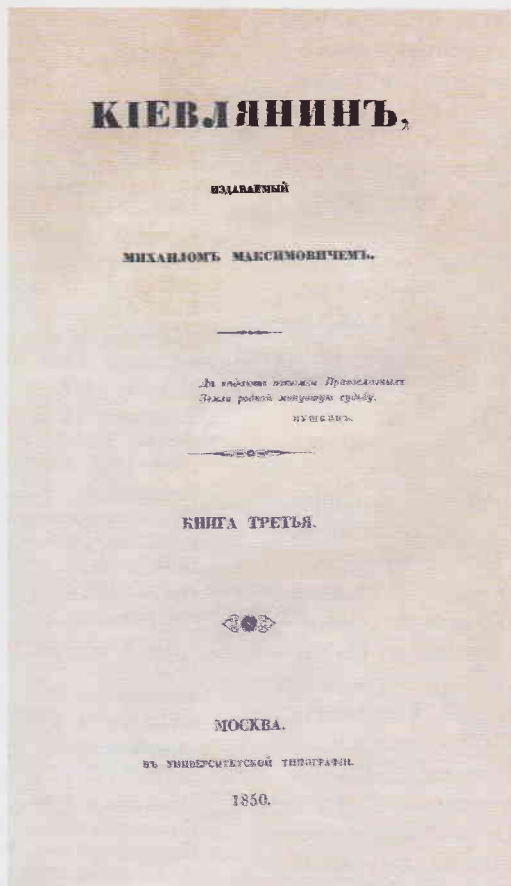
Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

Пушкин А. С. Письма. Ленинград, 1935.

Сологуб В. А. Воспоминания. СПб., 1887.

Федорченко В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск; Москва, 2001. Т. 1.

Факсиміле Д. Блудова

Титульна сторінка альманаху
М. Максимовича "Киевлянин"
з дарчим написом
М. Павлову. 1850 р.

опять под небо Русского Юга, уверенный при том, что там и в служебном отношении я могу быть полезнее и успешнее.

При сем, с чувством глубокого уважения и признательности...

1850 г., Киев

Милостивый Государь
Граф Дмитрий Николаевич!

С ближайшею почтою посылаю к Вашему Сиятельству мой "Киевлянин" на 1850 год, долженствующий выйти сегодня на белый свет из работных рук типографических, — и прошу покорнейше удостоить его благосклонным принятием, как мой привет Вам со Светлым Праздником!..

Из этой книги усмотреть изволите, что занимало меня здесь в нынешнем году. В мае месяце предполагаю напечатать еще мой Букварь и вслед за тем поспешить возвращением на родимые берега Днепровские.

Киевская старина. 1898. Т. 63.
Октябрь—декабрь. С. 305—306.

БОДЯНСЬКИЙ Осип Максимович

*31.X.1808, м. Варва Лохвицького повіту
Полтавської губернії — 6.IX.1877, Москва.*

*Філолог-славіст, історик, фольклорист, письменник і перекладач,
видавець, член-кореспондент Петербурзької АН (1854)*

Син українського священика. Закінчив Полтавську духовну семінарію (1831), що знаходилася в Переяславі. Великий вплив справили на семінариста збірники сербських пісень Вука Караджича (Відень, 1814) та українських — М. Максимовича (Москва, 1827), а заклик передмови "Малороссийских песен" вивчати історію, мову й поезію свого народу став безпосереднім поштовхом до фольклорно-збиральницьких занять. Вступив на словесне відділення філософського факультету Московського університету, яке закінчив у 1834 р. В період навчання близько зійшовся зі своїм земляком — Михайлом Максимовичем і навіть деякий час проживав у нього. Михайло Олександрович тоді активно вивчав народну творчість, готував наступні видання українських пісень, збирав записи їх, зроблені різними людьми, купував рукописні збірки (наприклад, у 1833 р. він придбав копію частини записів З. Доленги-Ходаковського). Все це заохочувало О. Бодяньського в його фольклористичних заняттях. Він далі продовжував збирання українських пісень, зокрема у містечку Варві, під час канікул. Деякі з цих зразків учений передав Максимовичу для публікації у збірнику "Украинские народные песни" (1834). З переїздом останнього в Україну творчі контакти між ними не припинилися і зафіксовані в листуванні.

Література

- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета... Москва, 1855. Ч. 1.
- Булахов М. Г. Восточно-славянские языковеды. Биографический словарь. Минск, 1976. Т. 1.
- Василенко Н. П. О. М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Киев, 1904.
- Данилов В. О. М. Бодянский і його листування з М. О. Максимовичем // Україна. 1927. Кн. 6.
- Дей О. І. Фольклористична діяльність Осипа та Федора Бодянських // Українські народні пісні в записках Осипа та Федора Бодянських. Київ, 1978.
- Климкова Л. І. Я. Ф. Головацький та М. О. Бодянский // Слов'янське літературознавство і фольклористика. Вип. 7. 1971.
- Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. Москва, 1956.
- Історія української літературної критики. Київ, 1988.
- Косачевская Е. М. Письма Н. А. Маркевича к О. М. Бодянскому. Из истории русско-украинских научных и литературных контактов // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История: Сборник статей к IX Международному съезду славистов. Ленинград, 1983.
- Котляревский А. А. О. М. Бодянский. СПб., 1889.
- Кочубинский А. А. О. М. Бодянский в его дневнике // Исторический Вестник. 1887. № 12;
- Кочубинский А. А. Осип Максимович Бодянский // Восточный сборник. 1893.
- Лаптева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. Москва, 1997.
- Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). Вип. 1. Письма О. М. Бодянского. Москва, 1879.
- Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3.

Світогляд майбутнього науковця формувался також під впливом М. Каченовського, погляди якого він пропагував у своїй кандидатській роботі "О мнениях касательно происхождения Руси" (1835). У студентські роки належав до гуртка М. Станкевича, був знайомий з В. Белінським, М. Лермонтовим, І. Гончаровим, К. Аксаковим. У жовтні 1832 р. познайомився з М. Гоголем, своїм земляком, дружні стосунки з яким, скріплені спільною любов'ю до України, підтримував до самої смерті письменника. Був близьким до слов'янофілів, часто відвідував салони Д. Єлагіної та С. Аксакова.

Першим літературним виступом став надрукований збірник віршів — перекладів українського фольклору "Малороссийские вирши" (Москва, 1833). Через два роки у московському видавництві вийшов новий збірник — "Нашенские украинские сказки". Вони відіграли помітну роль у розвитку української літератури. В 1834 р. на сторінках "Ученых записок Московского Университета" Бодянский опублікував рецензію на "Малороссийские повести" Г. Квітки-Основ'яненка.

З 1835 р. викладав латинь у Другій Московській гімназії. Водночас почав друкувати в журналах "Телескоп" і "Московский наблюдатель" статті наукового та публіцистичного характеру. Важливою подією літературного життя 30-х років XIX ст. стала рецензія Бодянского на книгу Ф. Булгаріна "Россия в историческом, географическом и литературном отношении" ("Московский наблюдатель". 1837. Апрель. Кн. 1).

Магістерську дисертацію "О народной поэзии славянских племен" вчений захистив у 1837 р. На матеріалах народних пісень він намагався відтворити основні риси національних характерів слов'янських народів, які трактував у дусі слов'янофільської романтики. Запропонований ним поділ східнослов'янської народної поезії на дві основні стихії — південну і північну — вплинув на формування теоретичних засад тогочасної фольклористики. Книга була перекладена сербською, італійською, чеською та німецькою мовами.

Ставши першим у Росії "магістром славянских наречий", Осип Максимович був відряджений за кордон, де протягом 1837—1842 рр. готувався до викладання на щойно створеній кафедрі історії і літератури слов'янських мов Московського університету. Відвідав Чехію, Словакію, Сербію, Хорватію, де зустрічався з видатними діячами слов'янської науки та культури: Й. Юнгманом, В. Ганкою, Я. Колларом, Л. Гаєм, В. Караджичем та іншими. Вивчав слов'янські рукописи, вдосконалювався в мовах за безпосередньої участі П. Шафарика. Під час подорожі Бодянский зібрав чимало книг і рукописів, започаткувавши тим самим створення своєї багатющої бібліотеки, яку він згодом заповів Московському університету.

Здобувши (1842) звання екстраординарного, а згодом (1847) ординарного професора, він уперше в Московському університеті розпочав читання курсу лекцій з слов'янської історії, літератури та фольклору. Серед його учнів був і О. Котляревський — майбутній професор Університету Св. Володимира, один з упорядників видання творів М. Максимовича.

У 1845 р. вченого обрали секретарем Московського товариства історії й старожитностей російських (членом товариства він став у 1837 р.) і редактором його офіційного видання — "Чтений Московского общества истории и древностей Российских". На сторінках "Чтений" було опубліковано чимало цінних матеріалів з історії Росії й України, у тому числі "Історію Русів, або Малої Росії", "Реєстр усього війська запорізького...", "Народні пісні Галицької і Української Русі" Я. Головацького,

"Збірник малоросійських заклятв" П. Єфименка та ін. За редакцією О. Бодяньського було видано "Літопис Самовидця".

За публікацію в "Чтениях" (1848) перекладу твору англійського посла в Москві Дж. Флетчера "О государстве русском", в якому Микола I побачив "оскорбительные для России, русских монархов и русской церкви отзывы", журнал закрили, а Бодяньський був усунутий з посади редактора й звільнений з університету. В 1849 р. він повернувся до викладацької діяльності, а в 1855 р. захистив докторську дисертацію "О времени происхождения славянской письменности", де час виникнення слов'янської писемності відніс до 862 р. (замість 855 р.). Цей факт став причиною конфлікту з С. Шевирьовим, який виступив ініціатором відзначення у 1855 р. тисячоліття слов'янської писемності і намагався, в зв'язку з цим, завадити публікуванню вищезгаданої дисертації. Завдяки великій кількості фактичного матеріалу ця робота й досі не втратила свого значення.

У 1857 р. Бодяньський знову став секретарем Товариства історії та старожитностей російських і редактором (до 1877 р.) відновлених "Чтений", де опублікував велику кількість цінних пам'яток давньоруської літератури: "Житие Бориса и Глеба", "Житие Феодосия Печерского" (обидва за списками XII ст.), матеріали про діяльність Кирила і Мефодія. Хоча принципи археографії тоді лише формувалися, його видавнича робота мала велике історико-культурне значення. Він багато зробив для налагодження наукових зв'язків з представниками західно- та південнослов'янських культур. Йому належать переклади російською мовою відомих слов'янських писемних пам'яток: "Винодольского стагута", "Старохорватской хроники", праць П. Шафарика "Славянские древности" (Т. 1—2. Москва, 1837—1848) і "Славянское народонаселение" (Москва, 1843), Ф. Палацького, Д. Зубрицького, публікації численних рецензій на праці зарубіжних колег, перш за все слов'янських учених.

З 1859 р. Осип Максимович завідував типографією Московського університету. У 1864 р. вчений здійснив другу закордонну поїздку, відвідав Дубровник, Прагу, Відень, розширив свої наукові зв'язки. Як прихильник університетської автономії, в жовтні 1868 р. він змушений був залишити університет (забалотований і звільнений з наданням звання заслуженого професора). Згодом він сам виклав цю історію у книзі "К. Муций Сцевола, Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета" (Москва, 1873). Великий історико-культурний і художній інтерес становлять щоденники вченого (Російська Державна Бібліотека. Ф. 36), що частково видрукувані (Исторический Вестник. 1887. № 12; Русская старина. 1888. № 11; 1889. № 10; Сборник ОРЛС на 1891 год. Москва, 1891; Русский архив. 1892. № 12).

О. Бодяньський підтримував тісні зв'язки з діячами української культури. Знайомство з Тарасом Шевченком, започатковане у 1844 р., не припинялося і під час заслання поета. Бодяньський популяризував творчість Кобзаря серед слов'янських народів, клопотався про полегшення його долі на засланнях, листувався з ним та надсилав книги. Активно листувався також з П. Кулішем (листи останнього див.: Русский архив. 1892. № 11), М. Максимовичем (незважаючи на наукову полеміку з ним). Зібрані Бодяньським пісні опубліковано лише в 1978 р. у книзі "Українські народні пісні в записах Осипа та Федора Бодяньських". Рукописи вченого зберігаються в науковій бібліотеці Московського університету, Інституті літератури ім. Т. Шевченка НАН України, Одеській науковій бібліотеці, Російській Національній Бібліотеці та ін.

Пытин А. Н. Некролог О. М. Бодянского // Вестник Европы. 1877. № 10.

Полотай А. М. Шевченко і Бодяньський // Радянське літературознавство. 1965. № 8. Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г. Москва, 1992.

Ряппо А. Й. Архів О. М. Бодяньського // Радянське літературознавство. 1965. № 4.

Соколов Б. В. Гоголь. Энциклопедия. Москва, 2003.

Сухобрус Г. С. Українсько-російські фольклорні зв'язки. Київ, 1963.

Павловский И. Ф. Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849—1850 // Русская старина. 1888. Ноябрь. № 11.

Шацька Альбіна. Недруковане листування П. О. Куліша з О. М. Бодяньським (До проблеми відтворення тексту) // Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000.

Ягич Б. В. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910.

26 марта 1838 г., Киев

Любезнейший земляк
Осип Максимович!

Поздно и коротко отвечаю вам на ваше, впрочем тоже не яровое письмо, за которое душевно благодарю вас; причина ози-мости моего письма сложная, так что и разбирать нечего: нездоров был, был занят дома, был занят по должности, — был, был, был, — и все тоже: есмь, есмь, есмь, — а в двух последних отно-шениях и особенно в третьем — буду, да еще и как буду с нас-тупающими экзаменами четырех курсов. Вы, я думаю, теперь по уши закопались, как мышь в крупу, в славянщину, а у меня — шумить мене як у млине от школьной чертовщины и тарабарщи-ны. Завидую вам, жалеете ли обо мне? Впрочем у всякого свое.

Теперь начав речь с вами, скажу следующее: о ближайшем к вам, о *брате* вашем: он кончил экзамены и получил свидетель-ство и степень учителя. Попечитель мне обещал поместить его, включенного уже в кандидаты, но сказал, что этого никак нель-зя прежде окончания курса, т. е. прежде лета, ибо тогда только последует переборка и проч. в округе. Брат ваш жил на Подоле, ожидал по письму своему лошадей от отца и на праздники по-ехал в Васильков. По его желанию, согласно с вашим, я дал ему до сих пор только 20 рублей. На первом экзамене он было совсем сбился, кажется, от конфузии, но мы не зачили этого и экзамен потом кончился успешно. Узнав его ближе и зная ваши участли-вые преднамерения, скажу вам, как и предполагал, что не столица его удел, и что звание уездного учителя есть настоящая для него карьера, и с вашей стороны помощь для него должна быть больше материальная, т. е. денежная: sic! Благодарю вас за све-дение о языке славянском, но шила в мешке не утаишь и прав-ды девать некуда: или вы меня надуваете, или Шафарик поцере-монился и поскромничал, не сказавши вам, что все то, что вы пи-шете о македоно-словенском языке (старо-болгарском), он давно написал в своих славянских древностях; при вас, как знаете, я читал у него о Славянах русских; перейдя же вслед затем к Сла-вянам болгарским, я, признаться, с удивлением вспомнил ваше предположение на 604 стр. и пожалел, что не земляково, а Ша-фариково имя должен был употребить при изложении столь прекрасного и естественного мнения, около которого впрочем вертелись и Шлецер, Добровский, Каченовский и Калайдович. Егго: в этом случае я от вас не поживился новостью, а еще вы скажите мне спасибо, что не попали мы оба впросак, как с мне-нием Палацкого об особенностях русского языка попались было впросак я и Надеждин* по милости П. и К. Во искупление это-го вы, любезный землячек, должны прислать мне сведений на другие мои вопросы, хотя вкратце набросайте, по-Погодински, ибо вы теперь верно запаслись уже много, много славянщины, а когда-то еще приведет Бог вам говорить, а нам слушать вас; под спудом же держать и таить приобретаемое не подоба!

Ирисов мне рассказал кое-что из письма вашего, и я раду-юсь, что вы лето будете проводить в таком прекрасном месте и с таким дорогим собеседником; запасайтесь сведениями, да и

Михайло Каченовський.
Гравюра Г. Грачова. XIX ст.

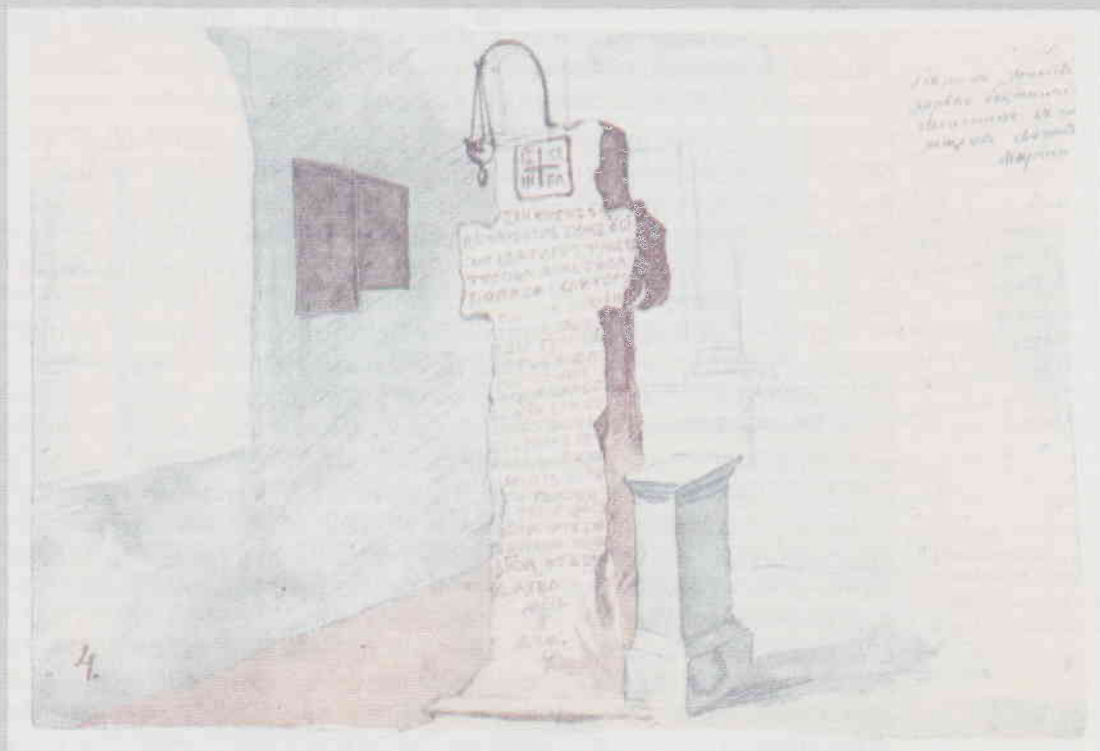
Франц Палацький.
Гравюра. XIX ст.

Он теперь уже не в университете, а в Вологде.
(Тут і далі так позначено примітки М. Максимовича. — Ред.)

Церква Покрови в Переяславі.
Малюнок Т. Шевченка

Кам'яний хрест Св. Бориса.
Малюнок Т. Шевченка. 1845 р.

здоровьем, не брезгуйте, ах, как худо без него — это по мне видите. Пишите, пожалуйста, ко мне; я весьма желаю читать ваши письма, слышать, что творится в нашем двоюродном мире, наших Славянами; напишите, когда и куда вы расположитесь ехать и проч., и проч. Вы это обещали мне. Что до меня, то я остаюсь на лето в деревне моей, на осень опять в Киев: тогда уже приступлю к печатанию моей "Истории", которую так широко записал, что не кончу в таком виде, и потому решился сократить, следовательно должен переработать весь написанный огромный том, доведенный до XVIII века. Я кое-что нового выработал относительно русского языка, о чем прочтете нечто в письме к Шафарику, в коем и это к вам письмо влагаю*. Постом для отдыха разбирал и сортировал песни для 2-го тома, отобрал 500 и разделил на 5 книг по содержанию; к 39-му году пришлю вам уже печатный том оных; надеюсь напечатать то и другое осенью. Вот мои занятия, нам общие. Поклонитесь от меня всем нашим Славянам, не забывайте меня, я же желаю вам, надеюсь от вас великого успеха и остаюсь вам преданный.

Максимович

Р. С. Погодин собирался ехать за границу. Сенковский каждый раз трунит над славянством, а мы его; в "Журнал Министерства Народного Просвещения" я послал мое исследование о рус. яз., где опять Сенковскому есть на орехи. Прошу поклониться при свидании Станкевичу; нельзя ли также сообщить Копитару, что он слишком бьется из слова *пог-нега*, оно происходит от русского глагола...

30 декабря 1846 г., Михайлова Гора

Милостивый государь
Осип Максимович!

Приветствую вас с новым 1847 годом и душевно желаю, чтобы он дал вам новые силы на продолжение полезных трудов ваших, чтобы он принес отечественному бытописанию столько же "Чтений" Общества нашего, сколько издано их в 1846 году. Это поистине заслуга и благое дело. Особенно мы, украинцы, благодарны за издание Кониского и "Летописи Самовидца"... наконец!

Прошу вас передать Обществу мою признательность за присылку "Чтений" и нескольких других книг от него изданных и представить ему мою статейку о Лаврской школе, по случаю нового года написанную. Буде угодно, напечатайте ее. В скором времени внесу еще посильный вклад мой и в "Чтения" ваши, и в библиотеку доставляю также отрывок из Зубрицкого истории* (...ванье Жигимонта III), который у меня давно, но которого за прекращением "Киевлянина" я не успел издать доселе, а теперь он по всем правам довлеет вам. В прошлую осень я обходил переяславские церкви и собрал немало запаса для записок о Переяславле; у меня есть также заметки о многих книгах, печатанных в южнорусских типографиях, но неизвестных библиографии нашей (напр. "Благовестие", поднесенное от лавры Самуйловичу, или "Aleides", в честь Мазепы, от... кого б вы думали? от Филиппа

Потому почтовые деньги
внесите вы.

*
В подлиннике залито
чернилами.
(Тут і далі так позначено
примітки і коментарі з
попередніх публікацій. — Ред.)

Орлика! и прочая); о чем бы из этих двух предметов написать для "Чтений"?.. Как жаль, что я не знал о вашем пребывании на Украине: я бы очень рад был навестить вас. Не знаю также, где теперь Кулиш: к сентябрю ждали его в Киеве, но нет об нем ни слуха, ни духа.

При сем свидетельствуя вам мое почтение, имею честь быть вашим покорным слугою.

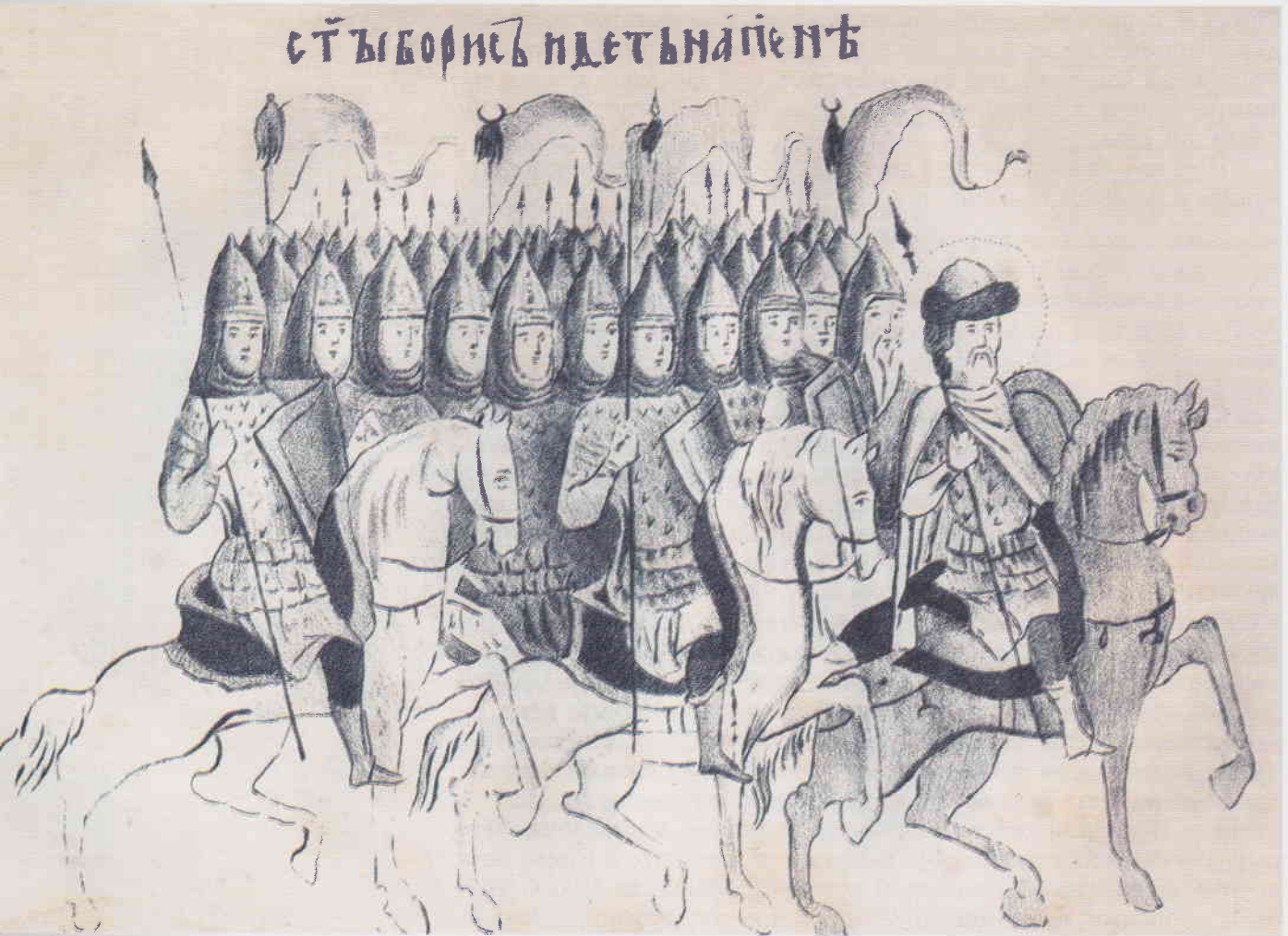
М. Максимович

11 июня 1847 г., Киев

С истинным удовольствием получил я письмо ваше, почтеннейший Осип Максимович, хотя получил его не своевременно, ибо оно пришло на Михайлову гору, между тем как я был уже в Киеве. Спасибо вам, что принимаете благосклонно мои скудные вношения в Общество, и что с вниманием смотрите на мои заметки. Относительно заметки о Рубане вы конечно уже согласились со мною, ибо книжечку Рубанову 1773 г. верно уже нашли в библиотеке Общества, где она должна быть по каталогу Строевскому. О "житии" не хлопочите: преосвященный наш только в выражении изменил рукописное, впрочем не очень давнее житие, исполненное довольно крупных анахронизмов. Мне не удалось еще найти, или лучше сказать достать, одного известия, чтобы решить мое предположение, что в этом житии смешаны два Макария, так же как в печатном патерике смешаны два Поликарпа (впрочем уже различенные Евгением, в описании Лавры). Для сведения собственно вам могу сказать, что в Киеве есть другой экземпляр Могилинской духовной Мовы (на Шлюб Януша, а не Якуша), привезенный Ставровским из Дермана, а летописи Симоновского и двух других я не мог получить еще, ибо...* нет в Киеве; он определен уже в чиновники вятские, а поэт в Москали. Рад бы я послужить вам чем-либо своим для "Чтений", которые поистине превосходны и занимательны, но под рукою ничего не имею готового; переяславщины накопилось довольно, но не хочется починать, ибо не выспела еще, а везде еще прорехи; даже библиографических заметок, уже давно созревших в голове, не имею досуга написать на бумаге. Я так здесь много читаю и пишу, а у меня так мало глазной силы... Но чтобы показать готовность мою постоянную служить "Чтениям" вашим, я пошлю вам на сей или на следующей почте две статьи из моего "Киевлянина" 3-й книги, приготовлявшейся в 1845 году, но не состоявшейся, да одну полученную мною от Зубрицкого копию любопытного акта 1645 года; эту копию стоит поместить в смесь ваших "Чтений". Там же может иметь место статья покойного Домбровского о Кременецком замке и от него ж доставленная мне статья учителя Перлштейна "Топография Острога в прежнем виде" с рисунком. Оттисков этих статей, если уже есть ваша на то ласка, пришлите от 25 до 50 не более, а Зубрицкого акта штук 10 не более; разве ему во Львов захотите, но в таком разе лучше его исторического отрывка послать ему чимало, когда переведете и поместите. А там в примечаниях — заметьте — есть добрые документы. Я печатаю здесь свои филологические шпаргалы и 2-е издание "Размышлений о природе", и еще не свою книгу,

*

Не разобрано.

Похід князя Бориса на печенігів. Ілюстрація з альманаху М. Максимовича "Киевлянин". 1850 р.

о которой извещу после, а теперь нема больше часу на беседу с вами, которую готов вести долго... Прощайте, земляче! Будьте здоровы и полюбите меня вновь, как я вас.

Ваш преданный М. Максимович

Да, не имееете ли вы книг относительно Задунайской иерархии и не сообщите ли мне ответа на два следующие вопроса:

- 1) С которого и по который год (в конце XVI-го в.) митрополитствовал, где и когда умре Лука, владыка Белградский?
- 2) В то время и в первое десятилетие XVII в., кто поименно были владыками Мокацкими, или Мокачевскими?..

У меня давно написалась одна недурная статейка, для которой надобны эти сведеньца.

26 марта 1848 г., Киев

Добрейший Осип Максимович!

Давно уже не беседовал с вами, да и теперь лишь коротенько скажу вам — во 1-х, спасибо за присланные мне книжки "Чтений" и оттиски "Острога" и "Зубрицкого акта". Во 2-х, что вы не помещаете Зубрицкого отрывка из "Истории"? Там в примечаниях преважные акты; надобно их издать скорее, чтоб не утратили новости от готовящейся другой их едичии. В 3-х, "Чтения" идут превосходно (т. е. идут в составе своем); эдакая масса важнейших материалов, один одного любопытнее... а какова статья Филарета о Славянщине!.. В 4-х, с будущею почтою вышлю вам два очень любопытные акта: завещание Анны Гойской на село Почаево под монастырь и запись о пожертвовании гетмана Сагайдачного на Львовское царство. В 5-х, из конторы "Москвитянина" прошу получить пакет с филологией моею для вас, библиотеки Общества и г. Каткова. Как-то вы взглянете и что скажете об ней?.. Мне бы очень хотелось видеть, или слышать ваши замечания! — Но достанется мне, я думаю, за Павского от Петербуржца. В 6-х, вышлите мне Бога ради "Венок на обжинки", занимаюсь обработкою песен. "Веселье" уже кончил, — вышло 550 песен украино-малороссийских, без червонорусских. Пора наконец мне приступить к изданию, к которому обязан и сотнею подписчиков. Я слышал, что и вы тоже собираетесь издать всего южно-русского народа песни... Славно, помогай Бог! авось не вызовем ли наконец и Петра Киреевского с его великорусским песнопением!.. Известите меня, скоро ли вы приступите к изданию и с какого отдела песен начнете? Вам, как славянисту, хорошо бы начать обрядными песнями, колядками и проч., проясняя при этом своим комментарием мифологическую и другую сторону славянорусскую... Об этом я просил и Срезневского года за три перед этим, да он видно отказался от песен... Стало быть уже *кроме вас* этого некому изъяснить как следует. У меня *песни исторические* пропризерованы еще в 1845 году, да в настоящую пору все их издать как-то как будто неловко!.. В 7-х, "Чтений" следующую книжку и "Венок на обжинки" вышлите мне на *Золотоношу*, ибо на праздник и весну еду туда — отдыхать после зимних занятий археолого-филологических, а письмецом вы меня подарите еще сюда: успеет еще застать, если вышлете с первою почтою. В 8-х, ко 2-му мая готовлю брошюру: "*О празднике св. Бориса под Переяславом*". А готовил было целую книгу "*Киевлянина*" к светлому празднику, да облишил и только напрасно трудил свою спину и очи!

Ну, довольно однако: пора на почту! с вами ведь надо прерывать беседу, а просто не кончишь... Обнимаю вас с дружеской преданностью.

Максимович

Ізмаїл Срезневський.
Фото. Друга половина XIX ст.

Михайло Катков.
Гравюра другої половини ХІХ ст.

16 мая 1848 г., Золотоноша

Любезнейший Осип Максимович!

Не успев из Переяслава, с *Каплички*, послать вам мое о ней *Сказание*, исполняю это в Золотоноше, где я сию минуту получил письмо ваше от 8 апреля в тючке книжном. В том тючке нашел я 34 оттиска Зубрицкого брошюры, № 7 "Чтений" и книгу Щуровского, атлас к ней в особом пакете, но "Венка..." не обрелось. Благодарю вас за эту присылку и доставлю скоро обещанные статьи. Что же вы не означили, что эта статья Зубрицкого вам досталась от *меня*?.. А на запрос ваш о другом издании актов униатских скажу, что оно готовится в Киевской временной комиссии, пропасть интересного собрано уже!

От души желаю вам подвизаться на просторном, благодарном, плодоносном поприще и продолжить его, что значит вместе и успевать на нем! А я вот уже более месяца пера в руки не брал и живу поселянином и может быть еще долгонько пробуду в этом прекрасном кругу жизни... Остаюсь навсегда вам преданный

Максимович

Вук Караджич.

Р. S. Каково дела идут Вукова* — издателя краледворской поэзии?.. Что его воззвание?.. Прошу вас передать экземпляр "Сказания" в библиотеку Общества, когда он дойдет к вам по тяжелой почте.

Прошу передать мой поклон Щуровскому, Каткову. — К актуарию вашему буду писать и посылать в начале июня непременно: ей, некогда!

28 сентября 1848 г., Михайлова Гора

Любезнейший Осип Максимович!

Чи живеньки, чи здоровеньки вы?... Так давно уже нет от вас отзыва; даже и 9-й книжки "Чтений" не получаю.

А я на прошлой неделе послал вам пакет с 2-мя актами (о Почаеве и пожертвовании Сагайдачного) со статейкою о Панегириках. Вот и конец этой статейки! Поместите их воедино. При акте о Сагайдачном можно бы припомнить, что я упоминал об нем в моей статье об этом гетмане, напечатанной в "Москвитяине", кажется, 1843. У меня подготовлено для ваших "Чтений" еще две статьи, да надо набело переписать, а я все лето так был хвор; да и в сентябре нынешнем так слаб, что трудно очень мне писать лист, другой. Больше читаю. Перечитал несколько сот здешних домовых записей у моих соседей и родичей сохранившихся, и изучил порядочно тот уголок Русской земли, на котором живу теперь. Подвизайтесь и возмогайте о Господе!..

Ваш преданный Максимович

Выходку о гербе Мазепы можно выключить.

СКАЗАНИЕ
О ГЕТМАНѢ ПЕТРѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Несмертальной славы достойный Гетмане,
Твоя слава въ молчаніи нѣкгда не зостане;
Поки Днѣпръ съ Днѣстромъ многомыслимы плынуть
Бѣдѣтъ: погы дѣлости тебѣ слышѣти.

Изъ книги вършь 1622 г.

==

Сторінка статті
М. Максимовича "Сказание
о гетмане Петре Сагайдачномъ",
надрукованої в альманасі
"Киевлянин". 1850 р.

20 декабря 1848 г., Михайлова Гора

Долго залежалось письмо ваше, любезный Осип Максимович! Разумеется, в Золотоноше... наконец я его прочел — "и сердцем сокрушился, зачем читать учился..." Жалею сердечно о ваших "Чтениях", что для них пробил уже так скоро последний час... Но вы успели уже ими составить себе навсегда памятник и много доброго запаса обнародовали для ученого люда... Честь вам и слава за то! Что же вы не сказали мне подробнее, как и почему, и кто теперь вместо вас, и кто председателем?.. У меня с появления духовных стихов родилось какое-то предчувствие

не к добру, и когда увидел я объявление в виде Журнала и прочел первую скверную таки статью о Малороссии, — так и ёкнуло... Но известите меня: quis, quid, quibus auxiliis... из письма вашего вижу, что вы не получили моего холерного большого письма к вам... жаль, вы бы нахохотались вдоволь, а если получили, то видно нахохотались... Мои шпаргалы (о Панегириках и пр.) прошу вас покорно с первою почтою отправить в Петербург на имя Н. И. Надеждина — в редакцию "Журнала Министерства Внутренних Дел"; я писал ему уже об этом. С г. актуарием пока разочтетесь за меня, ибо не посылал еще в Переяслав за грошми, свой месячный пенсион приходится взнестъ в Золотоношское казначейство за недоимку переводимых теперь на мое имя крестьян моих наследственных после матери. Февраля 4 или 5 всенепременно вышлю вам должныя мною 6 карбованцев, кажется, и весьма тем обязан вам буду. (За братком вашим у меня числится с оного еще времени 25 р. асс.) Пришлю тогда же деньги и на недосланную мне книжку, ту, что с изображениями малороссиян; вы припасите мне хорошенький экземпляр и, если можно, рисунков одних, особо один экземпляр для начатой мною портфели картин о Малороссии. — За присылку нынешней книги спасибо великое вам; чтобы еще экземплярчик или два — в счет денежный, для охотников. Мы с вами сочтемся. Примитесь-ка за обработку пословиц, а если не захотите издать их сами, то передайте их Далю: у него удивительная коллекция их собрана; пусть бы с ними и наши южно-русские вкупе вышли на свет Божий.

Но прежде всяких работ отдохните, любезный земляче, по трудах великих, отдохните здорово, как следует украинцу после рабочей летней поры отдыхать всю зиму, с люлькою в зубах.

За сим обнимаю вас, друже, преданный вам

Максимович

3 июня

Препровождаю к вам, любезнейший земляче, вязку книг моих с надписаниями, прося вас покорно отправить их по обещанию в западную славянщину. Буде угодно, я еще могу прислать. До свидания!

22 марта 1855 г., Михайлова Гора

Спасибо, сугубое спасибо вам любезнейший Осип Максимович, за ваше письмо ко мне и присылку, за вашу ласку ко мне, тем и другим оказанную.

Детище ваше — богатырское; честь и слава за него вам на все века, на все краины славянские! Жертву тучную возложили вы на олтарь славяноведения; и как ни заманчив был *год* Древнего Храбра, но охотно скинешь с кости десятков без малого при виде такого увлекательного приданого, с каким выдаете вы свою коханку Азбуку кириллицу, и перевесницу её глаголицу!..

Нестор-літописець.
Гравюра Т. Тарасевича. 1702 р.

От души и сердца приветствую вас с окончанием вашего, поистине сказать, почтенного и достойного труда! А с тем вместе не скрою грусти, невольно пробуждающейся при подобном огромном, добросовестном труде, грусти за жизненную силу, ценою которой добываем мы такие труды — а для кого, для чего? будут говорить шелкоперы, уж конечно, не для них, а для избранных служителей и поклонников истины, для утоления собственной любви к ней и жажды по ней, с которыми и родимся. Благодарю вас за *Mater Verboum**, она успокоила меня насчет некоторых слов, для которых нуждался я в окончательном удостоверении, как-то: *тур*, *велес* и *струга* (по нынешнему украинскому *стружка*), вместо которой на Стугне рисовались воображению всех переводчиков *струга водоплавные*: певец Игоря рисует *наводнение* Стугны, упоминаемое и у Нестора, тем.

*
Разобрано не вполне.

Що ручьї вона чужий
У себе вбирає,
А по кущам, глибокий
Струги прокладає...

Конечно, быстринию *Струги* и увлечен был Ростислав, пустившийся с братом Мономахом *вброд* через Стугну.

Что касается до *орьтмы* искомой, то прежде чем получил я ваш любопытный, во всяком случае для меня, ответ, я *нашел* в знакомом вам словарике, изданном Клапротом (который неисповедимую судьбою уцелел в останке моей прежней библиотеки, которую ветер-ветрило по ковылю развезя). Ортма и японта — уборы половецкие; глядь в словарик и нахожу *артмак*, и вижу как удачно первые переводчики угадали, назвав *охабнем* (а в те поры, как я писал свою *Историю*, и брал слова половецкие, прозевал как-то слово *артмак*! Оно также проскочило из виду, как я сам в очю Срезневского, иже не удостоил помянуть имени моего между работавшими для истории русского языка. Спасибо вам за добрый отзыв!). Найдите только в варварско-латинском языке, что такое *Besatie* (по-персид. *Korgin*). Этим словом переводится половецкое *артмак* и мне необходимо оно для окончательного удостоверения. Еще хотел бы от вас слышать, считались ли у каких-нибудь славян века в *четыре сорока лет* (= 160), как изъясняет Головин 6 веков Трояновых, и *начало седьмого*, которое и действительно при таком счете придется к тому году, как, по Нестору, Всеслав *рать почал*, что конечно однозначительно с выражением песни: *бросил жребий, о девицу себе Любу* — по моему — это *слава*, а не Киевский престол.

Издание мое "Песни о полку Игореве", которое подготовляю, и коли Бог поможет, кончу летом (ибо постом великим был я очень нездоров, да и теперь еще только-что вылезая на ряст) и привезу, или пришлю вам на осень — будет штука — менса недурна, в некотором роде, самоглотка, перевод, украинскими стихами по местам так хорош, что если я в царстве мертвых прочту Гоголю, то уверен что и он останется доволен, а в царстве живых — ни вам, ни Кулишу до сих пор еще, как нарочно, не имею случая прочесть, а без того и не напечатаю.

У меня на собственные имена иногда бывает полное затмение в памяти. Словарь, о котором я писал вам, без сомнения *Миклошича*, в котором (если есть еще в продаже в Москве, то повелите выслать, я в начале первого же месяца вышлю деньги за него) все-таки найти могу для себя полезное. Мне беда без

словарей. Но — прощайте! Обнимаю вас, желаю быть веселым и светлым на великодних!

Ваш преданный М. Максимович

Пришлите же о *Betatie* и 4 сороковых веках ваш ответ.

P. S. Мне приходило, не переделано ли *Besatie* из *Bisaccium*. — Саквы! но по смыслу должно быть иное. Лучше справиться положительно. — Хотел бы также спросить: в каком славянском языке *бобр* изменялось в *бобр*; и было ли в XI и XII веке в западной славянщине окончание глагольное *шеть*, *хут*, и не дали я маху, назвавши этот хвостик русским? — Асеньки?..

Будьте здоровеньки! Да хранит и крепит вас добрый гений, святой дух славяно-русский!

30 ноября 1855 г., Михайлова Гора

Ой ехав, ехав, да и дома остався, и *Матерщина словесная* ваша пролежавши несколько дней в походной библиотеке моей, герметически закупоренной для переправы в Москву, — принужден ее вызволить на свободу, и теперь возвратить её к вам по почте. А чтобы не скучна ей одной была дорога, прилагаю ей в товарищи — и на дорогу, и на пребывание в библиотеке вашей, на вечные часы, общипанного молодого человека *Азбуковника*, и покорнейше прошу вас, любезнейший Осип Максимович, приняв его благосклонно, посмотреть, что это за штука, — с интересом или без оного, и при случае оповестить меня о том.

Мне до смерти жалко, что пренесносные дела заставили меня остаться на зиму здесь, когда я всем бытием моим уже настроен был зазимовать в Белокаменной, и отложить её посещение и переселение в нее на лето преднее!.. Увы, да нечего делать! Живи не как хочется, а как Бог велит!

Что с вами, возлюбленный земляченьку! Как служит вам жизнь и здравие, и що выробляете? Пишите Бога ради о себе и трудах своих мне попространнее! Что случилось с вашим *гетушем*, о том напишите хотя вкратце: *quis, quid, quomodo, quando?*

Что касается до меня, то я — в литературном отделе моего житья-бытья, встретив случайно июльскую книжку "Отечественных Записок" с отметками пана Дубенского, начал писать в возражение ему *Пояснения*, которые посылаю в "Москвитянин" под пару *Замечаниям* моим на перевод Гербеля. И так как вы следите журналы, которых я почти не знаю и не вижу, то если где будет насчет этого дела моего, осведомьте меня, прошу вас покорно! — Мой перевод Песни Игоревой на наську мову в стихах лежит давным давно, как окаменелый; пора бы уже ему и в тиски, да в свет, не докиж ему лежать лежнем на горе, подобно мне; да все не решусь, куда его послать без себя — в Киев ли, откуда бы выйти ему в свет благоприличнее; или в Питер, где верно теперь наш земляк Паликон*, и может там выдержать корректуру справно; или к вам в Москву: на днях думаю уже бросить *жребий* о том, да и на почту, куда вынется жеребей!

Что с вами, — где Аксаковы? Уведомьте меня поскорее! Ожидая вашего письма, остаюсь душевно преданный вам

М. Максимович

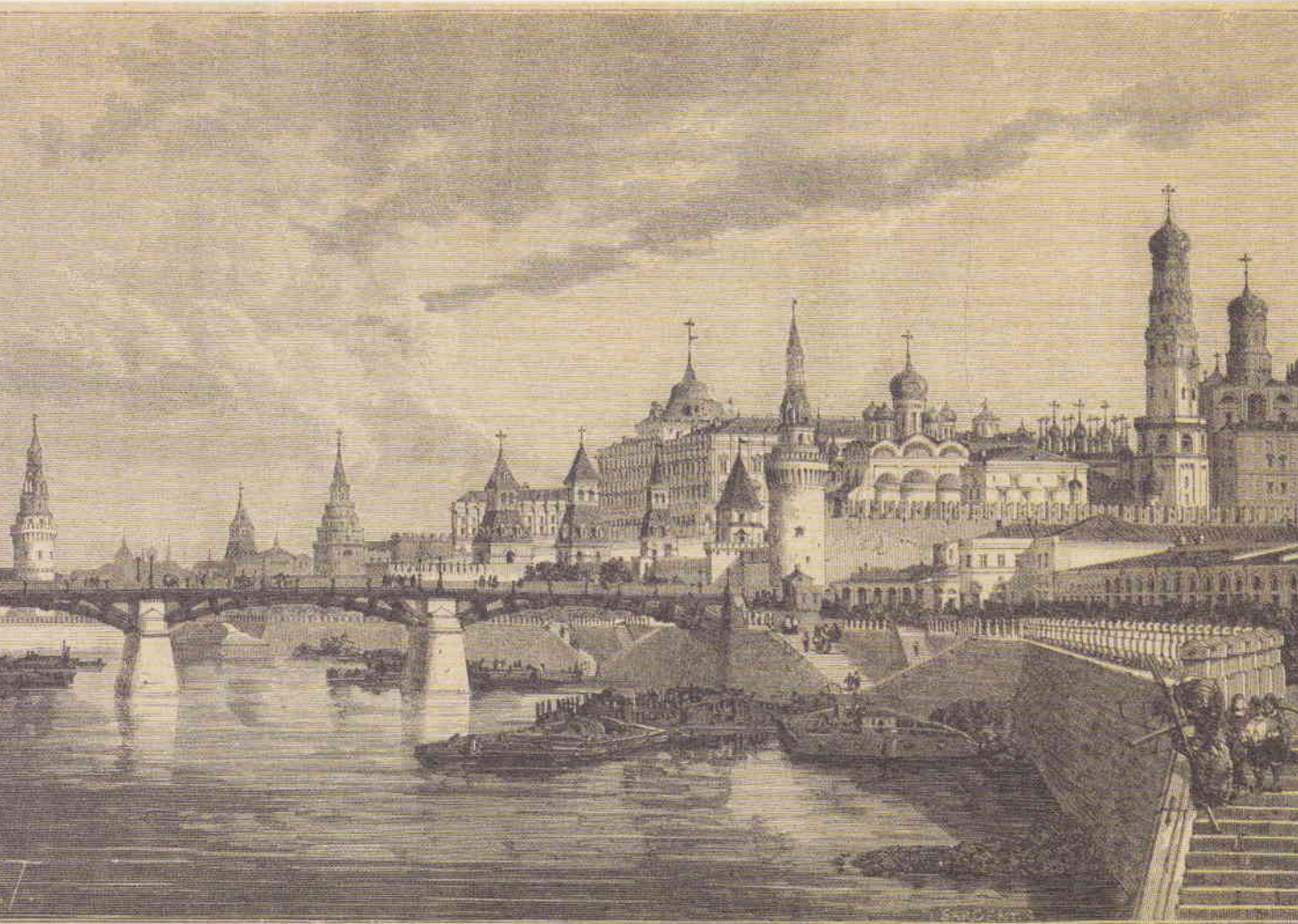
Пантелеймон Кулиш.

28 июня 1856 г., Михайлова Гора

Воротясь из Киева в исходе мая, я получил письмо ваше, возлюбленный земляченьку, и все хотел вам писать много в ответ, но все это время не собрался, будучи и в болезни, и в тревогах, и в письменных спешных трудах, — от которого всего того и поныне еще не отделался. В первых числах августа буду уже свободнее, а тем часом извещу вас, что отец *Петр* уже отошел к предкам; "Киевлянин", 1 книга будет вам доставлена; а в настоящие дни июля я занят был письмами к Погодину в ответ на его письмо к Срезневскому, прочтенное мною в новом "Москвитянине"... Поднимаю корогу за нашу мову, за нашу землю-мати, с которой выживает прадедов наших почтенный академик. *Пять* писем уже послал в "Беседу", и вы, Бога ради, потрудитесь их прокорректировать вернее; еще обдуманно на *пять* писем добрых. Я уверен, что они и вам понравятся. Между тем может быть и вы примете участие в этой полемике; я попрошу вас об этом и лично в Москве, — ибо надеюсь зимовать в ней, и прошу теперь

Частина московського Кремля
біля Красної площі.
Гравюра XIX ст.

Загальный вид московского
Кремля. Гравюра XIX ст.

покорнейше письменно, ибо видите — и вы в долгу, на давний вызов Погодина написать о языке Нестора. Напишите, да не в брову, а в око! — Лучше поздно, чем никогда. А мне-то какая была бы поддержка в борьбе этой! — Между тем собственно для меня приищите пожалуйста справку о слове *чоботы* — в каких наречиях оно есть и не встретилось ли оно в старописьменных памятниках. *Черевье* (черевичи) есть дома давно. — Вот тоже и *хата*; ведь оно есть и у чехов, и еще у других. Не попалось ли оно где-нибудь в старописьменных памятниках? На этом пункте я особенно хочу учинить осаду, как на Малоховщине было. А выписки из "Киевской Летописи" уже распущены у меня в прах (в 6-м письме).

Где Кулиш? — Я скучаю без него. А между тем и ему писнул письмецо о предке Гоголя, что навязывает непременно *Остана*; когда Гоголев дед называет *Андрея*, — а ведь *gedu* ближе было знать, как звали по отчеству его *geda*, и в документе *Андрей!*

Что ваш Сборник или *Изборник*? Помогай вам Бог и все угодники Божии Печерские совершить этот труд, — важный труд!

Довольны ли вы моим "Воспоминанием о Н. И. Надеждине" и как оно показалось другим нашим ближним москвичам?

Спасибо вам за *шару*; это именно так должно быть! Шеремир, стрелоброс, стреломет, — *самострельный* лук — *самострел* Волынской летописи. Хотя впрочем там *самострелы коловратницы*, но и это подойдет к тугим лукам, самострелам кончаковым; только знаете ли? у Татищева правдоподобнее 8 человек, чем в *Ипацком* 50. Верно было сперва *п*, а после написано вместо того писцем *и*. А что Кулишовы *Сказанья*?.. Но я спрашиваю, а знаю, что ответа вашего мне не будет, ибо я не буду здесь долее 20-го августа. А впрочем если хоть страничкою захотите откликнуться на письмецо мое по первой же почте, то я бы успел еще порадоваться вашему отголоску*.

Буду в Москву, хоть поздно. Не знаю только: один ли или с женою; боюсь как не станет деньгй, да придется вдвоем бедовать. Думаю, лучше на первый раз одному проведать, да поустроить... а впрочем еще не решил.

Однако до свиданья! — Какое у вас будет торжество в августе... Жаль, что не побачу.

От всей души обнимаю вас, преданный вам

М. Максимович

P. S. Ведь вы знакомы с Катковым: Бога ради, выручите, у него мой Спор о Бояне; вы просите у него от моего имени и передайте его Кошелеву, если не для тиснения в "Беседе", то хоть для хранения вместе с *Игорем* моим, о котором я отложил попечение до приезда в Москву и прочтения его вместе с вами, как и первоначально хотел я. — Еще раз обнимаю вас! У меня нет уже и рукописи Игоря и я забыл его.

6 февраля 1857 г., Михайлова Гора

Что делается с вами, возлюбленный земляче, здоровеньки ли вы, помните ли вы обо мне?.. Я уже соскучился, не слыша от вас и об вас ничего так давным давно!.. Думка была зимовать у вас в Москве, да все тут на горе горюю себе, и не знаю, наконец, когда увижусь с вами. Между тем вы видите, что не бездейственно здесь прозябаю, и ратую за первозванную Русь. Довольны ли вы моими филологическими письмами? Мелочи в сторону, на которых мы не сходимся с вами, не об них речь, но главное дело — неужели вам не по сердцу? Мы в нем ведь заодно! На *ответ* я послал уже мой отзыв в трех письмах. В последнем, выписывая прежнее уполномочение от Погодина вас быть *законным судьей*, вас первого, — я и прошу вас, как Миноса, сказать в "Беседе" ваше решение о языке Нестора и Киевской летописи. Помнится, в моем последнем к вам письме, в июле или августе, я просил уже вас об этом. Повторяю еще об этом мою просьбу. Тут именно ваше мнение нужно и важно в нашей распре с Погодиным. Мои письма не берут его; приударьте-ка вы еще по прежнему его уполномочению вас! Это будет очень *эффектно*! Он обвинил меня в пристрастии, яко щирого малороссиянина, и предпочел адресовать письмо к Срезневскому, но и тот удружил, пропустив без карантина все выписки из Нестора, якобы чисто великороссийские, явно не малороссийские. Я сделал свое дело:

Справку о *чоботах* и *хате* вы
одолжите мне уже в Москве.

ИСТОРИЯ РУСОВЪ

ИЛИ

МАЛОЙ РОССИИ.

СОЧИНЕНІЕ

Георгія Конискаго,**Архієпископа Бѣлорускаго.**

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1846.

Титульна сторінка книги
"История Русов или Малой
России". 1846 г.

поддержите же меня. А я займусь между тем разбором норманства Руси, в Исследованиях, к чему уже и сделан мною приступ, в третьем отзывном письме; хорошо было бы, если ваша статья поспела во вторую книгу новогодней "Русской Беседы".

Понравится ли вам моя статья о *Богдане*, мои письма Кулишу и статейки о южно-русских летописях Белозерского? Мне очень скучно, что я не читаю ничего петербургского, журнального, и не знаю, что творится на белом свете.

Как досадно, что у меня зачитали подаренный вами экземпляр "Истории Русов". А знаете ли, что в Киеве продается она по 10 и 12 р. серебром, и по Малороссии идет слух, якобы она есть книга запрещенная!.. Сообщаю вам это для сведения, как известие, полученное от приехавшего с контрактов.

"Киевлянина" моего 1 кн. вы верно уже получили. Вот и эта уже, особливо 2 кн., стала библиографической редкостью. А как подвигается ваш *Изборник*?.. Пришлите мне хоть страницу

корректурною, чтоб увидеть будущее издание, а коли можно, так и целый лист. По временам слетает мечта, что не буду долго жить, и грустно не увидеть славного Изборника в печати.

Стихотворного Игоря моего переделал во многих местах, и скоро, т.е. в нынешнем году, пошлю его в цензуру. Между тем из "Москвитянина" вижу о новом издании Кораблева. Что это издание, каково? И кто такой г. Кораблев? А глагол в *сржити* не угадали еще? Коли угадаете, оповестите; я вам и спасибо скажу; да и о *кони* вы не сказали мне. А мой Спор о Бояне выручили вы у "Русского Вестника"? Бога ради не дайте погибнуть ему, зане черневого списка не имею, а там есть кое-что дельного. Кстати, вспомнил, что у вас в Истории Кониского слова *рум* объявлено дорогою; нет, *рум* называется *суша*, *сухопутье*; ехать водою или по льду противоположно езде *румом*. Теперь вы мне, кстати, объясните его сравнительным языкознанием.

Да скажите на милость, для чего держите вы под спудом уже напечатанные песни? Москательное издание Метлинского уже в ходу, а вы все не двигаетесь! Живи я в Москве, и мое не осталось бы доселе в затворе. Я решался было передать его все на выгреб Кулишу, как окончу мои "Дни и Месяцы", чтобы они хоть в его издание вошли, но после двух выходов его против меня, в 1 книге "Записок", не дам... как будто не мог он обойтись, чтоб в "Записках" не ткнуть меня в око, да когда бы еще дельным замечанием, а то так только запорошил! Но я с нетерпением ожидаю полюбоваться его прекрасною "Черною Радою" в печати. Она мне очень понравилась в его чтении; и язык очень хорош, и живое изображение Украины за Брюховецкого.

Не проразился ли Срезневский, или братия его, на счет нашего спора с Погодиным, в котором и ему досталось на орехи!

А что делается с Анненковыми? Передайте им мой усерднейший поклон. Я часто об них вспоминаю.

В последние дни я читал полученные от Шевырева Словарь профессоров и Историю университета, а также еще раз заглядывал в вашу книгу о письменах славянских. Вот последние впечатления в уме моем, с которыми и остаюсь

душевно преданный вам М. Максимович

18 апреля 1857 г., Михайлова Гора

Много и премного благодарен вам, любый земляче, за ваше письмо от 3 апреля, доставившее мне, поистине, *назидательное удовольствие*! Я получил его вчера вечером и доселе не опомнюсь от сказания о побоище Стефановом... О соромоти горестная! А я ничего не зная, не очень давно еще писал к страстотерпцу, в благодарность за полученные от него книги о Московском университете и написал нечто несоответственное нынешнему его положению. "Так вот судьба твоих сынов!"... Но видно, чему быть, того не миновать — не могу при этом не выразить моего удовольствия однако, что Общество стало под прежним началом, и что возвратится, Бог даст, прежняя пора "Чтений", о которых я вспоминал всегда сердечно, как вы видели по моим статьям.

Это восстановление будет утешительным явлением, торжеством правды над кривдою и в области науки. Известие ваше о возрождении "Молвы" под редакцией Аксаковых тоже для меня весьма приятно... С нею, "Молвою", много воспоминаний воскресает в душе. Там было немало и моей послеобеденной импровизации: по средам, после совета бывало Павлов ведет Надеждина и меня к себе обедать, а между тем в его кабинете вместе с кофе является и корректура "Молвы", и пробелы столбцов её наполнялись тогда сытным вдохновением нашим, в меру пробелов. Туда же была написана и моя первая статья о Песни Игорева (о Велипановом её издании)... Туда же и вновь теперь подobaет листок из моего *нынешнего Игоря* (спустя 24 года). Попрошу вас написать строчки три, что такой-то М. М., издавший Игорева Песню с переводом в 1837 году и написавший несколько её разборов, перевел ныне ее в стихах, по-малороссийски, и вот мол два отрывка из этого перевода.

Я вам еще и еще благодарствую от всей души за редакцию моих статей в "Русской Беседе" и прошу вас впредь рукою властною вычеркивать там все лишнее и изменять, что признаете во благо. Я очень рад, что вы довольны моими *письмами* и ответным трисловием, и доволен буду, если оно напечатается. А я усомнился было в годности третьего письма и писал к А. И. Кочелеву, чтобы его мне воротить. Но если это *вы* поместите свою статью в "Беседе", о которой помянуто в 1-й книге, тогда третье мое письмо будет кстати, хотя бы само по себе было и не совсем удовлетворительно, как мне казалось в нездоровый час раздумья моего. Я очень рад, что вы вступаетесь таки в нашу прю; и наперед уже знаю, что всем трем zarazом будет давка добрая — *яко пером трясотати!!!* А у меня уже написана статейка вновь о мифологии русской, как *сильнейшем* доказательстве скандинавского происка Руси!

Между тем, представьте, Поликон рассердился не на шутку за *Украинские письма* и за что же? что во введении моем (где кажется высказано мною признание всей полезности *записок*) написано: "Ваши мысли и мечты — и "болтовня" рассказчиков!" Да Жуковский и "Одиссею" в предисловии назвал *болтовнею*, а мне б то уже не приложить этого слова к рассказам Тарапухи! Жаль, что после этого должно мне прекратить *Украинские письма* к нему, в которых намеревался развить многие вопросы об Украине по поводу его "мыслей и мечт", хоть он и говорит, чтобы я продолжал, да мне почудилось, что и "Беседа" не весьма им рада, по специальности. Это и справедливо отчасти, в отношении ее интересов общерусских; но в специальном-то развитии украинских потребностей и сладость, и интерес моего труда — для меня и нашей братьи. Мне уже приходило на мысль возобновить прежнее предприятие: обратить "Киевлянин" в журнал 6-ти-книжный в год. Запасу в голове и в нотабенках накопилось множество, и он погибнет с моею смертью. Надобно именно быть особому изданию, пожалуй названному если не "Киевлянином", то "Украинским Зрителем", или "Малороссийскою скрынею", или иным каким-либо подобным титулом. Как вы посоветуете, и не придумаете ли чего к этому? Я в Киеве потолкую еще об этом. Можно будет для этого мне переселиться или в Киев, или еще лучше в Москву.

Сергій Аксаков.
Літографія XIX ст.

Я готов хоть продать Михайлову гору, чтобы иметь первую тысячу рублей серебром для перемещения и основания журнала, если не найдется доброй людини, чтобы помогла деньгою на основание. Подайте мне об этом свою мысль и совет поскорее. Я в мае еду в Киев полечиться водами от геморроидального сильного припада, а там снова за дело. Тогда бы, кажется, вдвойне пошло успешно дело наше, и от вас и от меня, при взаимном соучастии. Вы не поверите, как уже опостылело мне сидеть на пустынной горе своей, хоть и живописной, сидеть в безлюдьи и безкнижьи, с чувством потребности работать, и не иметь к тому ни поприща, ни способов. Это неудовлетворяемое стремление крушит меня, но не могу сладить с ним и угомонить его, и с каждою весною оно пробуждается с новою силою. В нынешнюю зиму я думал уже, что пропаду, но Бог возвращает снова на путь земной... а способов подорожных все еще не обретаю. Не выпрашивать же себе, как милостыни, необходимой мне на первый год к переезду в Москву тысячи р. с.; вступить в службу не хочется, прошло уже мое время; приходило в мысль: не найдется в Москве какого богача бородата, чтобы нанял меня в учителя, на профессорском жалованьи и с количеством от меня трудового времени наравне с профессорским университетским. На таком условии было мне здесь предложение, в одну деревню, но я, разумеется, отверг это, как некогда не согласился (1831 г.) пойти к В. П. Кочубею, предлагавшему 7 тыс. ассигнациями в год, а в заключение 20 тыс. ассигнациями награды, да и гувернерство сопровождалось бы еще аки службою государственною!

“Дурна була не брала,
Шестериком бы орала!”

Не прочтете ли подобного местечка тому, что выше сказано. Скажите об этом на самоте и Сергею Тимофеевичу, который один в жизни был мне человек участливый, что поныне вспоминаю с благодарностью: один понял некогда (1834 г.) нужду недостаточного человека и предложил помочь свою так, что любо было душе и нескорбно для самолюбия: предложил 1000 р. ассигнациями займы, прослышав от Бартенева, что я нуждался в деньгах для переезда из Москвы в Киев, ибо я не выпросил себе подъемных денег (которую тысячу и уплатил я вышед в отставку 1841 г. из Переяслава). Теперь тысячи руб. занимать не у кого, и ненадежно по преклонности лет и здоровья, а в кабалу на отработок готов пойти за деньгу, без которой придется сидеть и ныдять здесь, — а не имея в руках оной тысячи, или на верно обеспеченного условия, мне невозможно сам-друг забиваться так далеко. “Беседа” платит хорошо, но по её четверокнижию там для меня заработок в восемь листов, не более, следственно мал!

Еще надежда есть на “Наума”; уже семь изданий вышло; Глазунов Илья присылал по 200 р. ассигнациями за издание в 2000 экз. Книга, как известно, берется у него на сельские школы, и подозреваю, что он не по 2 тыс. тискал в своей типографии каждый раз. Не найдется ли человека, чтоб купил у меня Наума совсем за тысячу р. серебром? Только бы с условием продавать дешевле *четвертака*! Тогда бы мне и места выше помянутого не надо бы было, и был бы на год в Москву, а там бы уже осмотрелся на месте как быть.

Федір Буслаєв.

Фото другої половини XIX ст.

Пишу к вам это исповедывание дружески, на всяк случай, который может набежать иногда нечаянно, ибо во время оно случилось мне, что когда надобно места кандидатам и искателям, оно не открывается, а иногда открывается место, не находишь человека!

При сем от всей души желаю вам здоровья и полного успеха.

Преданный вам М. Максимович

Р. S. Передайте мой сердечный привет моему любому добродею и наивышшему батьку-отаману Сергею Тимофеевичу и свату его Антону Францовичу. Передайте от меня, как старого профессора русской словесности, привет Буслаеву и Каткову, и благожелание, да нисходит к ним на кафедру словесная сила вдохновенного Мерзлякова, которому равного в ней не встретил в жизни моей, ниже на амвонах церковных, не только на кафедрах университетских. Если Каткову угодно попотчевать своих читателей моим Бояном, очищенным от *дубильного начала* и полемической трубки, то я рад буду и на то, и предоставляю ему право, как жрецу науки нашей, учинить такое освеживание моего козлицца Михайлогорского, но в таком разе справедливо было бы при заглавии означить (вместо посвящения С. Т. Аксакову), что де это *извлечение* из записки М. Максимовича; я и написал статью для Каткова, прочитав его программу в "Русском Вестнике", который я выписываю себе и на сей год, и рад, что мое приветное желание ему великого успеха сбылось. Еще раз будьте здоровеньки, возлюбленный земляченьку!

Навздогон моему письму к вам, любый земляченьку, посылаю горяченький млинчик, на закуску якомусь ляшку (?) А. Д. Поместите его в "Молве" или в "Русском Вестнике", где угодно, абы скорейш, пока не простыв. Багато дечого хотелось говорить с вами, несказанного в прежнем письме; да й позабував. Голова як дурна, од дурниць, прочитанных за сидни: к числу их и 2-й том "Записок". Що се вон, чи не збожеволев? удрать такое предисловие и прибавление к статье Тепловской! А Грабовского штучка, не штука? Да и возражение — славное! А перепечатка статьи о южнорусском языке; не найшов чого луччого об нем! Ей, ей, треба взятсья за "Киевлянин", хочь за одну ще книжку, щоб ушкварить ляшков и недоляшков литературных. А тым часом буду дожидаться вашей дивки Кацапки, да й своего Троесловия подожду, пока возьмусь за перо, коли б скорейш получить от "Беседы" заработанных денег, которых просил мне выслать за сей год на 6 листов, для киевской поездки, поскорейш пустился б в нее. Добре, що написал прощальное письмо к Поликону до разреза и чтения полученных в тот день "Записок", а то бы вылаяв, яко бобрик со Стефаном лаялись. Будьте здоровеньки и не забывайте нетягу Максимовича.

Що се мене занедужилось впяты; може и од непогоды. С. Т. Аксакову про те, що я писав, лучше не кажите ничего; нехай побачусь с Киевом, чи не застряну там!

18 января 1858 г.

Посылаю вам, дражайший Осип Максимович, "Божью Милость" и отрывок из "Записок" Петра Могилы. Первую можно, если угодно, хоть зараз в друкарню, а вторая только для сведения вам, до личного нашего собеседования.

Заметки для 1-й книги "Чтений" я напишу на следующей неделе. Не будете ли сегодня обедать у Кошелевых: побачились бы там! До свидания.

Ваш М. Максимович

21 февраля 1858 г.

Полученную сегодня корректуру препровождаю к вам, почтеннейший Осип Максимович, исправив все, что, по моему крайнему разумению, нашел необходимым для восстановления стихов, очевидно попорченных переписчиками; поправки беру на свою учено-литературную совесть. Я сделал в корректуре то, что следовало бы мне сделать в списке. Сводку или следующую корректуру прикажите прислать мне, во избежание лишнего вам труда, если только позволяет время; того же дня и ворочу ее к вам немедля. Душевно преданный вам

М. Максимович

P. S. Прилагаемую книгу Голуховского "Kweslya Wtoscińska" оставил мне А. И. Кошелев с просьбою к вам: сказать, хороша ли она и важна ли для современного вопроса.

5 ноября 1859 г., Михайлова Гора

Добрыдень вам, любезный земляче, почтенный Осип Максимович! Вот уже и ноябрь с бесснежными морозами, а я и доселе еще не писал к вам и ничего не послал для "Чтений", а все от того, что собирался послать и писать к вам много. Но я так изгулялся или изленился в знойное лето, да и в дому моем так неудобно помещение для книжных и бумажных дел, что и доселе еще не разобрал и даже не глядел моей архивной зеленой скрини. Впрочем сделаю это скоро, отбив праздник Введения, к которому ожидаются приезжие гости. Здоровье мое плохо: и спина болит, и очи плохо глядят. Впрочем, я начал уже писать с октября месяца и читаю немало. Вот и вчера читал весь дообеденный день 3-ю книгу "Чтений" ваших. Исполать вам! Меня особенно заняла "Статистика в рассуждении России". Я расправляюсь пока с костомаровским "Богданом...": послал ответ в "Санкт-Петербургские Ведомости" на его "Объяснение", да в "Беседу" послал 5-е письмо о "Богдане...", в котором порядочно досталось любезному нашему Николаю Ивановичу.

Мне жаль, что на эту зиму я должен был остаться на Михайловой горе, отлагая приезд в Москву до осени 1860 г. Если

Микола Костомаров.
Гравюра XIX ст.

Сергій Соловійов. Гравюра другої половини XIX ст.

мебель моя не в тягость вам, то пусть у вас пробудет до того времени. Благодарю вас душевно за попечение о моем "Букваре" и "Сказках", о выходе которых в свет читал я объявление давно уже в "Московских Ведомостях". Каково-то идут они? Надо бы еще теперь зимою публиковать об них и об "Науме...": благово-лите заставить это сделать подручных вам книгопродавцев, и пусть мне пришлют "Букваря" с полсотни для здешнего обихода, а то я еще и не видел его. Не забудьте сказать Свешникову, что-бы он выслал мне поскорее новый том "Истории" Соловьева. Там уже идет речь о гетманщине: посмотрю, что он говорит, и тогда увижу, не надо ли мне вступить с ним в прю журнальную. Эх, жаль, что не будет на эту зиму "Украинца", там бы можно всего лучше порасправиться.

Вы, конечно, теперь пребываете в типографском доме. Известите меня о вашем туда перемещении, и как уладилось дело о продолжении "Московских Ведомостей"; остается ли редактором Корш? Как идут типографские ваши дела и улучшения? Что ваш "Изборник"? Помагай вам Господь в ваших многополезных трудах! Кланяюсь супруге вашей и племяннику, от души обнимаю вас и остаюсь навсегда преданный вам

М. Максимович

P. S. Я доканчиваю уже мое сказание о Межигорском монастыре и на той неделе надеюсь выслать вам известный "Сборник" этого монастыря для помещения его в "Чтениях".

21 ноября 1859 г.

Поклонитесь от меня В. М. Ундольскому; я прошу его поскорее выслать мне мой листок о книгах черниговской печати с его примечаниями. Тогда бы я изготовил вам в "Чтения" статью из книжной старины: о типографиях черниговской и новгород-северской. Для последней много есть нового, неведомого доселе. Пришлю еще вам поездку или дневник Илии Ф. Тимковского в 1803 году.

Был ли у вас Тарас [Шевченко] на возвратном пути из Киева? Что нового у вас в Москве? Отзовитесь поскорее!

15 января 1860 г., Михайлова Гора

Не успел вас благодарить за письмо ваше, не успел приветствовать с новым годом, как уже и пол-января минуло: вот как быстро летит мое время, не днями, а неделями — в моем уединении и безлюдьи и бездельи! Но все равно для вечности, в декабре или январе.

Перед твоими очима
Цела тысяча годов,
Як минувший день вчерашний,
Як ночной стражи взыв;

Як поток несуться годы,
Улетают смутным сном;
Як трава вони, що вранци
Зеление над шляхом,
Що уранци зеление,
Цвитом рясным зацвите,
А до вечора й змарние,
И поляже, и посне!

Однако же все-таки мне надобно высказать мое залежавшееся в душе *спасибо* вам, возлюбленный Осип Максимович, за ваши приятельские заботы о моем хламе и "Букваре", который я уже получил, и за ваши извещения о новостях, столь для меня любопытные... Кто же теперь у вас соловьеванствует и буслайствует, что с библиотекою — одним из славнейших дел московских, что с цензурою, которой слава, кажется, никогда не сопутствует, — с университетскою типографией, от которой нельзя теперь не ждать значительного усовершенствия?.. А "Беседы"-то — как безмерно жаль мне ее замолчания!.. Честь вам за "Чтения", что вы подняли эту гору с богатствами и атлантовски ее несете на раменах своих. Я для нее вам готовлю фуру, но как она не срочная, то и не винюсь, что еще не отправлена, а придет наверное к месту назначения. Мое уединение зимою мне скучно, — и в разных помышлениях все думается, какое бы изобрести средство зимовать мне всегда в Москве?.. Но решительно оно не открывается уму-разуму моему, а потому я решился, не предаваясь этим думкам, дожидаться весны и лета, чтобы купаться в Днепре и окрешнуть, а там — что Бог даст! Вот вам мое нынешнее настроение. А работа моя в нынешнем месяце — биография Ивана Киреевского. Потом примусь за письма о Хмельницком. Довольны ли вы *четвертым* и моею нотабенкою в "Русском Вестнике" о Гетмане?.. "Букварь" мой чем не книжка!

Спасибо вам! Но нельзя ли изобрести средства пустить его на ветер, чтобы полетел прахом по Русской земле? Не напишет ли кто-нибудь рекомендации в московских газетах, что вот де вам, господа, для сельских школ и "Букварь", и "Сказки", и "Книга Наума" — добрые и дешевые книжонки! Без этого лекарственного зелья, чего доброго, залежатся они в ваших подъемных; найдите такого знахаря, чтоб наворожил статейку, если есть у вас под рукою таковые. В букваре на 8 стр. можно бы наткнуть над *и*, чтоб выходил полугласный *й*. Что же вам сказать еще о себе? Жена моя в марте сделает меня отцом дитины. Чем-то Господь благословит наши ожидания!.. Она вместе со мною кланяется вам и супруге вашей, а я кроме того обнимаю вас, и желая вам здоровья и всевозможного успеха в ваших подвигах во славу и пользу, остаюсь душевно преданный вам

М. Максимович

Позвольте мне обязать вас дружески: побывайте хоть раз и поскорее у *Аксаковых*, надо навестить их, и передайте им мой поклон!

Поспешите в Синодальной библиотеке взглянуть сборник № 856 — 17-го века, л. 148—175, что это за "Диариуш"? Вот бы в "Чтения!"

КОБЗАРЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

Книжка Пявляе Книжка

С. ПЕТЕРБУРГЪ

У ПЕТЕРБУРГЪ И. С. КОЛЪША

1849

Титульна сторінка книги
Тараса Шевченка "Кобзар".
1860 р.

Тарас Шевченко.
Гравюра 1859 р.

22 марта 1860 г., Михайлова Гора

Вчера получил я 1-ю книгу "Чтений" и письмо ваше, любезнейший Осип Максимович, от 28 февраля, — спешу сказать вам ответное *спасибо* за всю вашу приязнь и добрую ласку ко мне. Ровно за месяц перед сим, 22 февраля, Господь даровал мне сына Алексея, которого окрестили 6 марта и с которым мы обоим кланяемся вам обоим и просим вас любить и жаловать маленького Максимовича, як любили и жалуете меня старого. Хлопьятко, коли Господь судит ему вырасти, гарненьке и выкрикуе добре. Вот какую радость послал Господь мне на старость, и чем занят был я весь во все это время, так что на книжное и письменное занятие уже и времени, и силы не хватало. Только между вовка и собаки, як кажут, настрочив листик Костомарову, в ответ на его ответ, в "Санкт-Петербургские Ведомости": громада каже, что Ясько — або Яков, або Осип; а я одмовляю, що ни те, ни друге, що Ясько по-польскому Иван, а по украинскому Яссон; чи то Гасон, Гасько, як тут попросту вымовляють, да й годи! Спасибо и за вашу закуску куцоуму — смачненька!

"Кобзаря" получив от Тараса. Там, говорят, скоро выйдут и "Малороссийский словарь" Кулиша и альманашеска "Хата". Газет, кроме "Развлечения" и "Медицинской", не читаю нияких, ни журналов. Отсе примусь за "Чтения" кн. 1-й, да поджидаю "Русской Беседы"; "С.-Петебургских Ведомостей" с нашими статьями присылали несколько номеров из соседства.

Помогай Господь вам на одоление всяких препон в ваших благих и честных попечениях и стремлениях к улучшению книжного дела, которым вы стяжали уже и вновь да приумножите себе благодарную память и хвалу во всем чтущем мире, и на все его роды!

Днепр уже скидает с себя кожух; украинские степи согреваются солнцем и [дышат] весною, по горбам и холмам мурава пробивается, но по дорогам сел грязь необходимая, как это сам изведаль я вчера на Прохоровском базаре. Еще до Благовещенья — и уже совсем весна; гром давно уже прогремел и земля умылась дробным дождиком. Как у вас в Москве? На Великдень вспомните меня и скажите: воистину! ибо я мысленно буду с вами христосоваться! Господь с вами.

26 октября 1860 г., Михайлова Гора

Гай-гай... Як же давно мы з вами не переключались, мой любый и коханий земляче Осип Максимович! Троха не 7 месяцев уже, як я писав до вас, а об вас не знаю звестки ще давнийше. Сказано, летня пора — хоч для мене и все лето было, неначе тому хлопцеву, що додому из школы взяли на вакации, — все гульки да гульки. Далеби, що и не приймався ни за ти книжки навигени, ни за папуши да звязки папирни; а все ходив гуляючи по горе, да на Днепро поглядаючи; або з сынком моим любым забавляючись, сидев у своей хатини, водколя отсе и тепер до вас

озываюся. Ну, вже хлопятко в мене — дай-то Господи ему изрости таким гарным да прехорошим, як уродилось: то вже буде украинець на славу. Слава Богу и жинка моя здравствуе, и кланяется зо мною вам обом. Скажить же, будьте ласкови, що-небудь про себе да про свою Москву, що вы поробляли и як поживали, и що деється на вашей Московщине?.. Дуже жалкую, що й сю зиму тут зимоватиму и не побачусь изо всеми вами ще може годок без малого. А все через гроши тьи, що дасть Бог зайвои и копейки, що й до Киева ни с чим, не то до Москвы; и де си взяти, ума не доберу, да вже и думать про те не думаю до иншого часу. От чи чули, що наш богатырь Лукаш[®] уже давно простягнувся в Киев, да такою тяжкою хоробою, що аж страшно сказать: ще заживо черви заели. Перед смертю купив за 3 тыс. серебром архив Маркевича, да й той Богу оддав скоро. А библиотеку свою Лукаш одписав сынови, коли родиться; а коли дочка буде, то на всех дочок трех по равной части, от який, и перед смертю не добрав розуму! А жинка ще за тóго розсыплется, побачимо, чи сыном, чи дочкою. Мене так досадно за библиотеку, що я й досе не був там. А що з Московскою публичною робиться, що хотели в Пашковом доме устроить? Що в вашем университете доброго деється? Читав я про "Основу", що буде выдаваться; дай Боже, щоб основалась не нашвыдку, щоб поткання знайшось непоганую; а про ткачóв ничего не чув целесеньке лето.

Бувайте ж здоровеньки, да не забувайте мене, отшельника, и порадуйте своим листом. Зостаюсь навсегда вам всего доброго зычливый

М. Максимович

Иван Лукашевич.

10 января 1861 г., Михайлова Гора

С новым годом, с новым счастьем, любезнейший и почтеннейший Осип Максимович! Письмо ваше от 6 дек. и 3-ю книгу "Чтений" получил я перед Крещением, на самую голодную кутью, и утоли мя ими прежде сыты и узвару в полную сласть, начав с Растопчинской статьи о Екатерине. Спасибо вам за "Чтения", истинно занимательные и важные, и за вашу заботу о моих книжицах и пользах. Коли там уже *придбалось* дещо, будьте добры вышлите в Золотоношу на имя моего двоюродного брата, судьи Золотоношского: Его Высокопревосходительству *Петру Львовичу Деркачу*, а в пакете на бумажном листе надпишите: для вручения М. А. Максимовичу. Этим способом получу скорее и вернее. Теперь у нас путь сообщения с Золотоношею трудный; 18 и 24 декабря две вьюги наложили на украинскую землю огромное, необычайное количество снегу, да и потом еще подбавляло. Велика зима стала, а за нею и велика вода в Днепре быть должна. Сухоребрая молодница — смерть в прошлом году многих унесла беспощадно из круга моих близких — да нечего с нею делать! Нехай царствуют, прийде и наша черга, — а пока живем, живе гадаем! Вы спрашиваете, когда я в Москву? Весьма хочется на следующую зиму совсем к вам перебраться, но пока это дело остается на прежнем основании, т. е. на песках Михайловой горы.

Не придумаете ли вы мне способу, в ту годинку, как загасите свечу, после дневного труда и вам еще не спится!..

В декабре я начинал писать и написал 11 писем о Хмельницком к Костомарову для "Основы", где объявлен сотрудником, до получения на то моего согласия... Ничего, я готов сотрудничать, если по первым книгам увижу, что дело пойдет у них ладно. Боюсь только за Кулиша, что заврется. Какую гиль нагородил в своей "Хате", в переднем слове до громады! Просто — совестно за оратора и диктатора. Но может быть с нового года и остепенится.

Ваше известие о Кубарева умирительно. Извещайте меня о себе и Москве хоть изредка: вы один уже из немногих, к кому обращаюсь *по-товарищески* в ожидании щирого слова. Господь да хранит вас и пошлет новые силы на полезное деяние ваше! Целую ручку супруги вашей и обнимаю вас от щирого сердца. Маруся моя с своим любимым да гарным хлопчиком свидетельствует вам обоим усерднейший поклон и привет.

Преданный вам М. Максимович

Посылаю вам на пробу два письма из новопереложенных мною: будьте строгим, беспощадным судьей и подчеркните все вялое и слабое. Переписав окончательно все, пришлю вам на критику, и тогда уже чи напечатаю, чи не, як скажете. Больше не от кого, кроме вас, и почуть правдивого слова. Прощайте!

23 февраля 1861 г., Михайлова Гора

Письмо ваше, любезнейший земляченьку, от 29 января и приложенные при нем 235 р. серебром, я имел удовольствие получить, и дуже дякую вам за это прислание, столь благовременное к исходу великой зимы; буде чим худорбу Михайловой горы полатати... Итак мой "Наум" все еще не лежачий камень, выручает в типографии и своих сестрениц лежебоких. Добрый старичина... Надо однакоже и тех взворушить, и я проситиму вашей ласки, чтобы напечатать в "Московских Ведомостях" еще двоекратное объявление о всех трех ("Науме", "Букваре" и "Сказках"), какое было в прошлом году, чтоб напомнить об них москвичам при выезде на лето по деревням, чтобы, как говаривал Симоновский Мельхиседек о своих проповедниках, — пустить эхо!

Я на этот год получаю "Московские Ведомости" и недавно читал объявление об изданиях ваших из "Чтений": любо глядеть на целую историческую сотню книжок; казалось бы завоевать ей хоть каких читателей... Но что же это за искушение вам с цензурою? Казалось, благие времена настали, а цензура, как старая ведьма, подкатывается под ноги клубком, то свиньею перебегает дорогу; и кто же на нее затешет осиновый кол? Когда изрыется грешнице яма? По вашему ответу "Современнику" вижу, что там забрехали собаки. Ну, да на тех наплевать, а возня с цензурою — это тяжкое дело в вашем превосходном издании, которое и без того столько берет вашей рабочей силы. Печальный жребий бескорыстных тружеников и любителей науки! да минует, однако же, жребий вторичного закрытия ваши "Чтения". Бувайте здоровеньки, и да щастит вам Господь на пути вашей жизни.

Я недели с три хворал, но теперь как потеплело на дворе, и я в моей хате оправился, и вот это принялся, наконец, за Межигорский монастырь. Жинка моя и хлопец мой, которому вчера минул год первый, здравствуют и вместе со мною кланяются вам обоим и желают вам всякого благополучия. От всей души обнимаю вас.

Преданный вам М. Максимович

Р. С. "Основы" и до 21 февраля не было еще на почте, разве завтра получится. Знаете ли вы тот "Летописец", т. е. "Кроника", который чудачком Самчевским приписан Боболинскому? Я приобрел себе недавно экземпляр его, писанный в XVII веке на 640 листах in folio. Кончается сказанием о Подкове. Состряпан, конечно, в самом начале XVII в., но кем, и где именно? — к сожалению, это мне неизвестно, а памятник, хотя уже и не важный для науки, но важный в истории южно-русской словесности. Жаль, что в моем экземпляре нет выходного листа, а начинается вторым листом оглавления. А что тот "Диариуш" в "Сборнике" Синодальной библиотеки, о котором я запрашивал у вас в моем письме, писанном в марте прошлого года? т. е. "Диариуш" Афанасия Филипповича 1646 г.; мне бы любопытно знать о нем, равно как и то, *кто автор* статьи о подделке чаев, произведшей на меня сильное впечатление?

Когда побачитесь с В. М. Ундольским, попросите у него мой листик о черниговских и новгород-северских книгах, который я просил его просмотреть со своими замечаниями. Мне бы хотелось дописать свою "Книжную старину".

20 января 1862 г., Михайлова Гора

Ровно год, как я писал к вам, любезнейший земляче, в ответ на ваше пятипечатное письмо ко мне, и с тех пор мы уже не перегукнулись друг к другу ни строчкою... "Таков удел прекрасного на свете!.." На меня прошлый год находила какая-то особенная полоса молчанки к друзьям-приятелям. Впрочем, с вами у меня было взаимное осведомление по печатным вещам, и я уверен, что как я вами, так и вы мною остались довольны. Ведь это правда: вы довольны мною за "Оборону"?.. Зато уж ничего во весь год не написал, если выключить из этого итога *два* стихотворения в память Тараса. Принимался за многое и ничего не клеилось — все бросал и рвал в куски. Уж не знаю, к чему это. Не явись "Дня", и "Оборона" испытала бы ту же участь. Что касается до "Основы", то эта господня, пригласив меня и опубликовав меня сотрудником своим, печатает все, что я посылал, а между тем ничего в ответ мне не пишет и не шлет, так что я, наконец, и плюнул, особливо когда прочел в последней (сентябрьской) книжке объявление, что на место Тараса, признанного "великим поэтом" будто бы во всем славянском мире, является такой же (великий т. е.) поэт Пантелеймон Кулиш. Впрочем он ведь еще в "Украине" своей озвался в роли нашего Гомера! Может в 20 лет без году и поднялся до Тараса — посмотрел тех целых поэм его, что в записях "Основы". Между тем предстоит

Тарас Шевченко.
Автопортрет 1840 г.

мне *Ответ* Лавровского. Не напишет ли кто у вас ему возражения, например, Стороженко. А написать надобно непременно. Я тоже не прочь. Но еще лучше было бы, если бы вы потрудились развить те примечания, которыми уснастили его статью о семи рукописях Публичной Библиотеки в "Чтениях". Не сделать ли так, что я к вам напишу письма, а вы к ним ответы? Это будет окончательно твердо... Поспешите уведомить меня, как по вашему поступить лучше к решительному уничтожению этой ереси филологической. В продолжение февраля я покончу "Оборону", а после того можно взяться и за Лавровского.

Поблагодарите Закревского за присылку его книги "Бандуриста". Она любопытна, хотя и не совсем удовлетворительна. Поблагодарите и г. Котляревского за его доброе внимание к моим писаниям, хотя и поглумился он над первотомностью моих изданий... *habent sua fala libelli!*⁸ Если, по его мнению, сборник моих статей, относящихся к Малороссии, может быть полезен в науке, не возьмется ли он издать его?.. У меня к этому нет средств, но я охотно пересмотрел бы и подправил те статьи, которые с общего согласия нашего вошли бы в сборник. Может быть он серьезно найдет способ к такому изданию и возьмет его на себя, а я, конечно, был бы тому рад и весьма ему признателен.

А что ваш "Изборник" — близок ли к окончанию?.. Вперед, вперед... Бог в помощь!

Грамматика малороссийская, упоминаемая Закревским, существует ли на деле и печатается ли? Что бы кому-нибудь из ваших учеников — украинцев поскорее издать хоть коротенькую? Надо упредить Полигистора⁹, чтоб не наляпал и грамматики по своему гнусному правописанию. Здесь на Украине рассеивается его малая *граматка*, но попы и дьяки отмаливаются от нее... Кстати, чтоб не забыть: что мой "Букварь"? Если он все еще возлежит, то нельзя ли просить вас прислать мне его хоть сотни три; ко мне частенько обращаются за ним, да нет под рукою. А что мой тягольщик "Наум", кормилец мой?.. А что Московская публичная библиотека, кто там начальствует и распоряжается?

Ах, как мне тяжело и душно бывает здесь с осени и до весны! Особенно тяжело нынешний раз. Боюсь, что если не выберусь отсюда на Москву к следующей осени, то уж не вызимую больше... а способа никакого еще не предвидится. Нельзя ли хоть в штатные смотрители, или в смотрители какой-нибудь Набилинской богадельни поступить, лишь бы была готовая квартира. Здесь с каждым годом, кроме скуки житья, увеличивается и неудобство его, потому что средства все те же, а ценность на все возрастает и т. п.

События русского мира так неутешительны, что я на этот год не хочу уже выписывать и "Московские Ведомости".

Домашний мой мир все так же, как и был; Алексейко один все более и более растет в человека и меня утешает, несмотря, что целые полгода тревожил даже до нынешнего месяца своим кашлем (коклюшем).

Как вы здравствуете? Каково поживает супруга ваша?.. Да благоденствуете в новое *тысячелетное* лето, памятное для нас и в отношении грамоты.

От всей души обнимаю вас. Преданный вам

М. Максимович

Книги мають свою долю.

Пантелеймон Куліш.

9 марта 1862 г., Михайлова Гора

Вчера получил я письмо ваше, коханный земляче, от 11 февраля и зараз опять к вам обращаюсь, чтобы след не простыл... Спасибо вам за вашу приязнь ко мне и за весточку о себе и окружающем мире, и моей книге "О великом Божием мире". Исход этой книги меня очень радует, так же как будущий вход новобранных немцев-просветителей печалит. Что это в самом деле? Или "велик Бог русский" отступился от просвещения земли своей в наказание за её старые и новые прегрешения умственные?.. Нет, видно славянскому племени не суждено выбиться из-под пленения немецкого даже и на просторе русского мира, и не напишет будущий Нестор, как оный древний и святой: "Изгнаша Варягы за море... Вставше Новгородцы избиша Варягы!.." Помните, как покойный Ганка писал к Уварову, что немецкое племя и в России уже "свои корешки обнажает"... Где-то сохранилось, кажется, у меня это письмо, пороюсь и поспешу вам прислать его — авось пригодится для "Чтений"... Вчера же получил и 4-ю книгу их, и сегодня пробежал половину. Поздравляю с окончанием еще одного года и возглашаю: многая лета! Вы один подвизаетесь за целое Историческое Общество; а наше Словесное, если не ошибаюсь, закусило себе язык, да и только... Мне это очень грустно, ибо вы знаете, как старался я о воскрешении этого Лазаря.

Вы пишете о Публичной Библиотеке; весьма бы это хорошо... но — если бы кто надоумил, напомнил обо мне; сам же я решительно не решусь назваться, обжегшись не раз уже на разных молоках... Кошелеву ближе было бы порадеть, но я не знаю, где он и давно уже не писал к нему. Впрочем и к нему не буду писать об этом непосредственно. И он, и Одоевский должны бы сами вспомнить обо мне. Я убедился, что по моей судьбе, если об чем сам за себя хлопочу и домогаюсь, — тяжело после отзывается.

Относительно гомерической полемики, я согласен с вами, что пора кончить, — и хотя написал 10-ю и 11-ю статью, но не пошло ее "Дню", который тоже должно быть одного с вами мнения, ибо давно уже перестал печатать; и я с этою же почтою пишу, чтобы только еще две статьи напечатать, да на том и покончить. Цур ему! Последняя (4-я) статья его и объявление его *вторым Кобзарем*, и его эпилог к "Настусе" о Тарасе показывают в нем украинского Хлестакова, а потому и не стóит он серьезной полемики. Лучше напишу что-нибудь в ответ Лавровскому о южнорусском нашем языке, и опять закличу вас, как в письмах к Погодину, и знаете ли чем? определительным вопросом о малороссиянизмах в Изборниках и Крилоском евангелии, упоминаемых в народописании Шафариковом. У вас, конечно, готов ответ; а у меня нет уже и Калайдовичева "Экзарха", где — помню — приводится нечто из Крилоского евангелия. Пожалуста, не откажитесь ответить; ведь Лавровский объявлен "записным филологом!" Как жаль, и старика Дениса Львовского[⊗] не стало! Пошла косить смерть представителей славянской народности. И Лелевеля взяла. Очередь за Вуком Сербином[⊗]...

Володимир Одоєвський.
Гравюра XIX ст.

⊗ Денис Зубрицький.

⊗ Вук Караджич.

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас.

Мне эту зиму очень тяжело бывало на душе, но вызимовал таки, и сегодня, любясь освобождающеюся от снегов днепровскою окрестностью, слышал уже птишиное пение: *покинь сани, возьми воз*; вылезая на ряс... и когда бы уже будущую зиму провести в Москве!

Если вы мне вышлете заработок наумовский, я вам буду чрезвычайно благодарен, и чем скорее, тем лучше, ибо целый год обходился единственно двухтретним пенсионом и не выработал пером ни гроша. Вышлите опять: в Золотоношу на имя подполковника *Петра Львовича Деркача* (который там судьбою). Деньги вложите в прилагаемый листок; он удивится на минуту этому сюрпризу. Мне очень желательно знать, куда именно берут моего "Наума"? Если предстоит еще издание, то надо будет пустить его по 10 коп. экземпляр. Об этом как-нибудь, удосужась со временем, напишете ко мне и посоветуете. А мне при этом вспоминается наш сердега небожчик Надеждин и его коллега Неволин: они вдвоем три издания "Наума" учинили и спустили в Петербурге; и по их милости, ни одно из тех изданий — я был в Москве 1843—50 года. Если бы дожить этот 1862 г. в Москве, то, бросив все прочее, принялся бы там опять за Наумовы книги, которые продолжать требовал от меня и покойный наш Никола Гоголь...

Бувайте ж здоровеньки! Кланяюсь вам и целую ручку жинки вашей.

Обнимаю вас! М. Максимович

14 мая 1862 г., Михайлова Гора

Превеликоее спасиби вам, коханный земляче, за ваше любее писание од 2 апреля и за приложение к нему — такее багатее, як я й не сподевався: воно дуже запомогло мене; разом очистило мене одо всего, що завинуватись був у сии три годы, да ще зосталось и пятьдесят на богомолье Марусе моей, которая 8-го мая отправилась з хлопятком нашим у Киев. А я тым часом, зоставшись з трома карбованцами од Наумовського скарбу, побував у Каневе, и на Тарасовой могиле, де одбули мизерную и пьяную годовщину, натягнувшись и сами по Тарасовски, з досады. От вам и песенька, на сей случай мною написанная и еще никому не читанная:

Прощай, Тарасе, брате милый!
Отсе — в тебе мы побули,
И годовщину крий могилы
Як подобае одбули:
Мы помолились и впились,
Як упивався ты колись.

* * *

Горилкою впиваясь дуже —
Нехай тобі земля пером!
А наковав ты, славный друже,

Сладкоспивучим нас вином;
Твій хміль задавсь на много лет,
А слава стала на ввесь свет.

* * *

Хвала, Кобзарє наш єдиний,
Хвала з обох сторін Дніпра,
Прощай, любимче України,
Прощай, Чернечая гора!
Гей, Дніпре, батьку, приспешай —
Неси наш човен, колыхай!

* * *

Надобно при этом прибавить вам, что с нашей стороны Днєпра было панков человек с десятков или с полтора, а из каневцев ни единой души, кроме полицейских четырех чинов, да о. Феодосия с служащим там уроженцем нашей стороны, Прохоровичем, который и звал нас туда нарочитым своим приездом в Прохоровку. Не было даже Варфоломея Шевченко из Корсуня; был только родной брат Тарасов, старый Никита, да сестра; обое — живое подобие Кобзаря, так, что аж сумно глядеть было на Никиту; как будто Тарас выйшов из могилы и частує сам горелкою и деренивкою. Этим подобием в прошлом году напугал

Михайло Щепкін.
Портрет роботи Т. Шевченка.
1858 р.

нечаянно Никита жидка, и возникла молва, что Тарас жив, а привезена важная домовина з ножами, щоб резать ляхов и жи-дов на Маковея: и в этот день была страховинная тревога в Каневе; дожидали новой Колеевщины; из Киева были козаки, приезжал и губернатор перед тем, и жандарм, полковник, и художник Грицько Чистоховский, провожавший из Петербурга домовину и насыпавший високу могилу, вытребован был в Киев: и все из пустых мечтаний, по доносу полицейского чиновника *Монастырского* (ляха), посланному к генерал-губернатору Васильчикову. Простонародья на годовщине было немного, больше бабов.

Мою песенку прошу вас сообщить старику М. С. Щепкину, "Основе" не пошлю, ибо я с нею совсем расстался: надули, не прислали ни обещанных грошей за статьи, ни отдельных оттисков, ни даже письмечка за 1861 год и нынешний; а на сей год уже нет мне и "Основы"! Вот какие молодцы. Наплевать же на них и на нечестную редакцию!

Что касается до моей распри за Гоголя, то я еще по прежнему письму вашему уничтожил две статьи, а две статьи вытребовал из редакции "Дня"; но две статьи остались у И. С. Аксакова для пополнения и завершения "Обороны". Если напечатает он, я буду удовлетворен; если не напечатает, не буду сердиться. За Гоголя необходимо было вступить кому-нибудь из нас, особенно мне, ибо Кулишovy брехни производят немалый эффект между молодежью украинской, особенно полтавскою: есть великие поклонники, верующие в его писания, даже и относительно Гоголя. Много виноват в том Костомаров, напыщающий самолюбивого Панька и называющий его — златоустым! Поэтому-то надо против него иногда сказать что-либо для вразумления молодежи украинской. А впрочем я уже кончил.

Но кто это *Соковенко*? Напишите мне, что это за фигура — псевдоним, что ли?.. Хочу непременно отвечать небольшою статейкою о малороссийском наречии и малороссийской словесности.

Первую книгу "Чтений" получил и почти все прочел. Прелюбопытная статья о. Феофила, пословицами Даля и прочим. Помогай вам Бог продолжать. А я не знаю, что предпринять и начать. Изледаю на горе; а как добратся до Москвы, когда нет способу и до Киева. Мороз подирает, когда вздумается, что опять здесь зазимую... мороз подирает даже и в мае, когда здесь так хорошо, что все забываешь.

Да пошлет вам Господь новые силы на ваши крепкие и благие труды! От всего сердца обнимаю вас. Кланяюсь жинке вашей. Пишите ко мне ради Бога хоть потрошку; вы каждый раз письмом своим освежаете дремоту мою умственную и мою стареющуюся голову; но все еще не поседевшую. Прощайте, земляче! Еще раз спасибо вам за все!

Ваш М. Максимович

Григорій Честахівський.
Фото другої половини XIX ст.

18 июня 1863 г., Михайлова Гора

Бувайте здоровеньки, мий коханий земляче! Як ся маєте и де пробуваєте на сей час?.. Чи все там же, на Никитский, а я все, як бачите, на Михайловий... Докучило, да ничого робить — треба покортися своей доли! Не переключались ми з вами целе-

сенький рик: да мы з вами, верою друг в друга, давно стали безвременными. Читаючи ваши писания про университетские sprawy и в последней книжке "Чтений", про польское дело, — я не раз сказав: добре, брате, добре!.. Не знаю, чи сподобались вам мои нови письма до Погодина... от, якбы вы их ствердили своими выводами из Святославовских изборонок да Крилоського евангелия!.. Я було и написав про те, да вычеркнув, щоб не вмянати вам того неначе в обязательство. А добре б дуже зробили вы, якбы хоч коротенько написали про старобытность нашей южно-русской мовы по тым древним писаниям! Бо бачите, що й киевские подбрехачи, Говорские, Кульжинские и инши, в противодействие кулишовским брехням, нашу старожитню мову в пивец обретают. Но те все ничого — перед живым делом польщизны. Що то за квас буде с того пива? У нас изнов три козацких полки споряжаются, да якоб не охочекомонно — не подавнѣму, а так, як и под час севастопольской войны. Тою же рознью славянской, що вы натякнули, болит и Украина; но на ляхив народ наш аж ирже — коли б тилько дали волю... була б нова коливщина; то вже видно було под Богуславом и в инших месцях Заднепровских. Мои три майски песни послав я в "День", да не знаю, чи надрукуются. А от вам ще *Розмова*:

Русин каже: слухай Ляше!
 Треба нам, треба нам
 Изнитися до любви,
 Як братам, як братам. —
 А Лях каже: "Я з Русином
 Не зыйдусь, не злюблюсь;
 Як то можно, нема Польщи,
 А все Русь, а все Русь!"

Последний стих вельми сподобався здешнему люду.

Спасиби вам за той диплом; да, далеби, ничым заплатити десяти карбованцев за его: чи не можно як-небудь моими книжками вызволить тьи гроши и рощитати мене з вашим Историческим Обществом за той аркуш; а сам я не спроможусь, бо пробуваю тут зовсим безгришным чоловиком; немае с чим и в Киев на богомиле... бодай и не казати, як сутужно мини стало жити! Оттим то й сижу тут, як рак на одмилу, да тилько що з горя иноди заспиваю.

Вы "Наумом" мене таки пидживляли, да и того вже не стало... А коли "Наумом" вы вже вызволили и поквитали мои три "Казки" и "Букварь", то передайте их И. С. Аксакову для передачи их в белоруськи школы; нехай тилько мени вышле их хоч по 25 штук, сюди в Золотоношу, для тутешнего обиходу.

Жинка моя кохана щось занедужала прошлого тыжня, а сыночек мий гарненько выбрыкуе. Я стариюся и марнию потроху... да вже таки й пора. Коли-то побачимось з вами? не забудьте своего щирого приятеля

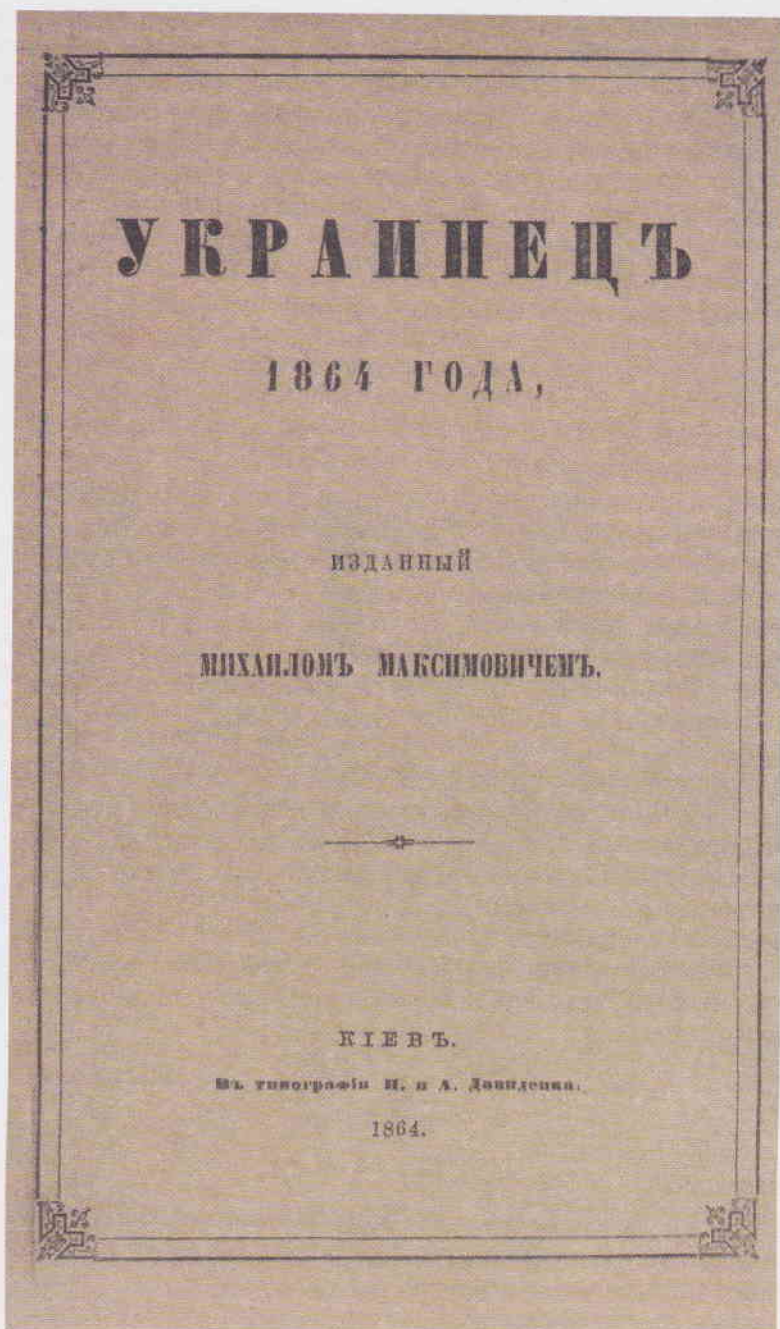
Максимовича

1 января 1865 г., Киев

Приветаю вас, любый земляченьку, Осип Максимович, с наступившим новым годом и желаю сердечно, чтобы он дал вам новые силы на продолжение ваших полезных работ и трудов.

Я так давно уже писал к вам, что и не помню когда... Да и год же прошедший и конец позапрошлого были тяжелые для души моей. Под конец минувшего, к ноябрю, я опинился в Киеве, и этот месяц поработал всласть, но в декабре прихворнул и засел дома даже до сего дне. Кое-что пишу в "Епархиальные Ведомости", в "Киевлянин", ради моего здесь насущного продовольствия, предоставляя пенсион Михайловой горе, где осталась моя Маруся с Алексейком на хозяйстве. Напечатал маленького "Украинца", которого вы вскорости получите. Здешняя цензура духовная не пропустила псалмов на украинском наречии, а светская не позволила прибавить малороссийских пословиц ко второму изда-

Титульна сторінка часопису
М. Максимовича "Украинец".
1864 р.

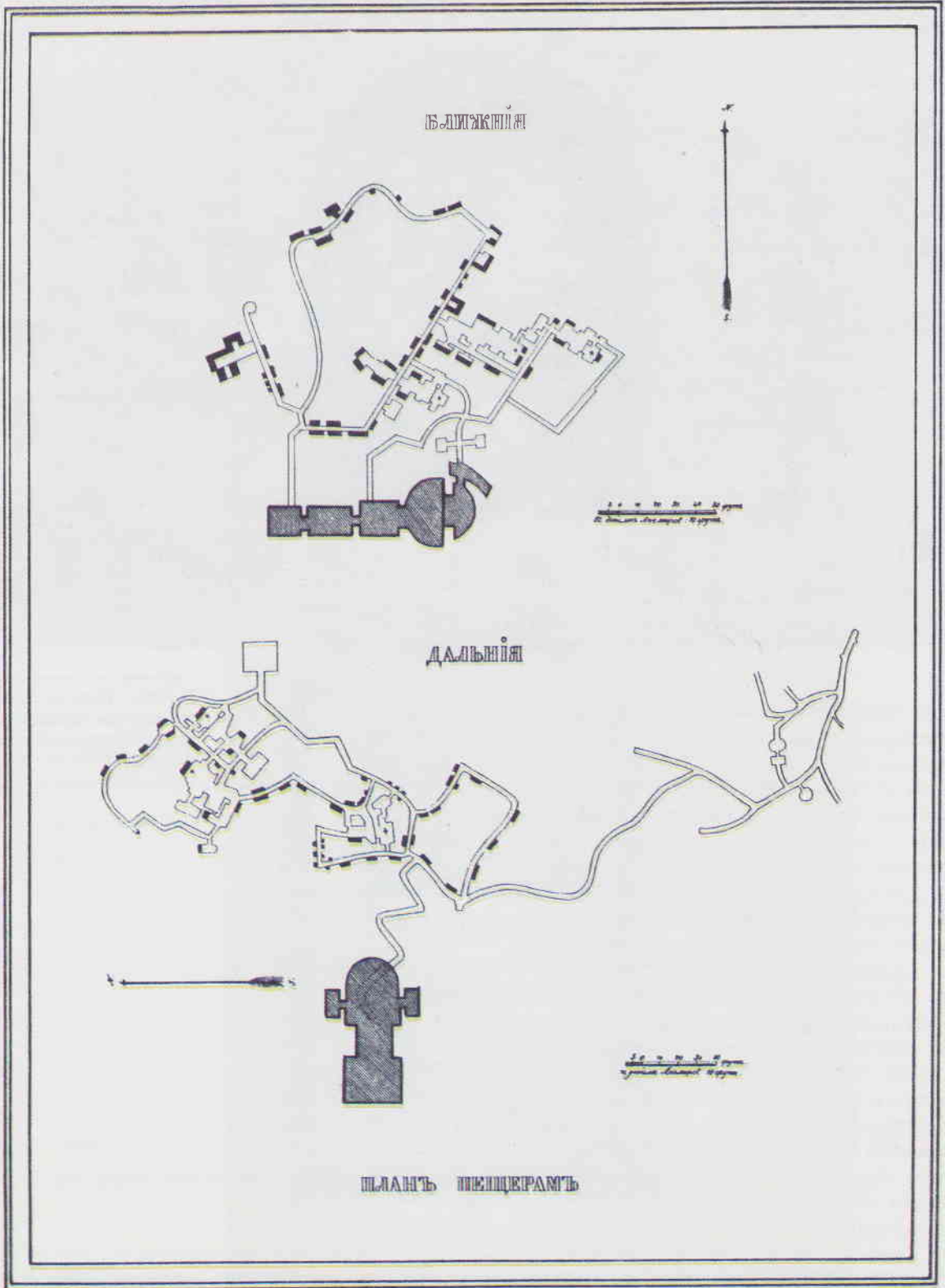
В. Тім. Вхід до галереї, що веде до Дальніх печер Києво-Печерської лаври.
Кольорова літографія. 1859 р.

нию краткого "Букваря", которое на днях отпечатается. Вот что натворила "Основа"; украинского языка стерегутся и не любят теперь более польского, и в книгах для народа он стал запретным. С таким направлением ультра-российским и здешний попечитель, благочестивый князь Шихматов. В университете сумбур — и, вообще говоря, мало радующего мне душу в общественной здешней жизни; только древняя святыня киевская и свята для души и живительна. А между тем надо лепиться к Киеву, по невозможности перебраться в Москву, где дожить век так долго мне мечталось и хотелось.

Душевно благодарю вас за "Чтения", которыми пробавлялся на Михайловой горе, откуда ожидаю новой книжки их, там уже полученной. Пришлю вам отсюда непременно хотя малый вклад в "Чтения", давно пора... а тут пробуду до весны. Вы писали мне как-то об "Науме". Надоумьте Бога ради, как бы мне его издать опять в Москве? Не можно ли вам взять его опять в свою опеку, уговорясь как-нибудь с г. Базуновым. Вы бы оказали мне тем великое одолжение, ибо без наумовского дохода мне живется на горе скудно. Здесь обещают взять значительное число экземпляров его для народных школ, если получатся на то ожидаемые средства. Вот и заковычка, по которой не решаюсь тут печатать, не имея готового капитала для издания. Будьте добры ко мне попрежнему и помогите "Науму", и известите меня о милостивой резолюции на мою просьбу. Я квартирую на старом Киеве возле церкви Иоанна Златоустого в доме Ботвиновского.

Прошу передать мой привет дружине вашей; а я остаюсь неизменно преданный вам и уважающий вас

М. Максимович

Плани Лаврських печер. 1847 р.

ВІДЪ ТРАПЕЗЫ НА БЛИЖНІХЪ ПЕЩЕРАХЪ ВЪ ЛАВРЬ

ГРОБНИЦА ПРЕПОДОБНОГО АНТОНІЯ

Ілюстрації до книги І. Фундукля "Обозрение
Киева в отношении к древностям" (К., 1847),
редагованої М. Максимовичем

31 марта 1865 г.

Чи одужали и здравствуете, коханный земляче. Возмогайте о Господе! Приветствую вас еще из Киева с наступающим светлым праздником.

Мне довелось его встретить здесь — и одинокому, и немощнодомоседному, и утруждающемуся. Надеюсь однако добраться до Михайловой горы хоть к проводам и там отдохнуть при весеннем солнце после тяжелой зимы. А вам на память посылаю изображение мое в шапке и кожусе, снятое в день рождения моего Алексейка и для него собственно (22 марта).

"Книга Наума" напечатана здесь 9-м изданием, плоховатым, да нечего делать: поправится на 10-м! Еще напечатал я "Сказание о стародавних людях" — начало нового издания для народного чтения, которым и займусь в этом году, набив оскомину критико-историческими писаниями. Завтра, кажется, получу от переплетчика экземпляры и пришлю к вам вместе с "Историческими письмами", в которых, я полагаю, вы уже пожурили меня за "Историю Руссов" не *Кониского*. Желая я подвинуть почитателей ее на розыск первых списков ее и отыскание подлинника.

Кланяюсь супруге вашей, а вас обнимаю и здоровья желаю. Преданный вам

М. Максимович

Где вы проводить будете лето?

Р. С. Я напечатал и "Краткий Букварь" 2-м изданием малым числом, для перехода на 3-е, может быть, и большое. Для него желал бы я получить оставшуюся в университетской типографии *виньетку св. Владимира*. Если можно, то пришлите ее мне в Золотоношу, а наумовские пусть себе остаются в Москве.

4 сентября 1865 г., Михайлова Гора

Как вы здравствуете, дорогой Осип Максимович! Мне это лето не потягло, особенно левое плечо болящее ревматизмом, да уже и 62-й год наступил...

На днях розжился человечком борзописцем и вот это посылаю вам для "Чтений": копию с копии двух писем Мелисенко к Шувалову, если только они не были изданы. У вас такой богатый запас тоговременной письменности, что любо глядеть на каждую книжку; есть чего почитать! За статьи о проекте устава академии я истинно благодарил в душе моей и комитет университетский весь, и вас в особенности. Когда б же сказанное там — да Богу в уши! Тяжело будет у меня на душе, когда этот голос Московского университета будет гласом вопиющим в пустыне, и ненавистная академия возвысится над университетами, как паразитная омела над деревьями! Попрошу вас прислать мне ту книжку "Чтений", где помещен любопытнейший дневник Кречетникова: у меня взята она безвозвратно. Не имею у себя свода летописей Арцыбышева; буде можна наделить меня, как

члена Общества, этим изданием, то щедрите. А я в нынешнюю зиму напишу-таки что-нибудь путное для "Чтений", перед которыми давно чувствую себя должником. Да, всю прошлую зиму принужден был работать из насущного там продовольствия. "Наум" уже окупился, но еще не знаю, принес ли что-нибудь мне в прибыль. В нынешнем месяце надеюсь навеститься в Киев. Царство небесное и старому Базунову и Вукову книжнику, а нам с вами пошли еще Боже многая лета!

4 марта 1867 г., Киев

Давным-давно уже не перекликались мы с вами, дорогой земляче, подавая весть о себе друг другу только книгами... Но то само по себе; а все-таки чувствуется для меня пропуск непосредственного обращения лицом к лицу...

Как же вы возмозгаете среди постоянных трудов и подвигов в белокаменной? Каково теперь ваше здравие; что касается до меня, то я, соскучась двухлетним отшельничеством на Михайловой горе, приехал одинокий опять на зимовку в Киев, которая теперь уже на исходе и которая для меня крайне тяжела и томительна оказалась... Приехал в намерении писать много, и почти ничего не писалось; — просидел сиднем в моей квартире, редко видясь с здешними людьми; перечитал немало, да что с того?.. Нет, мне надо сюда приезжать в летнее время, а зиму сидеть лучше в своей хате в кругу семейки своей! Туда и поспешу с наступлением апреля, а этот месяц тут еще надо поработать, — между прочим и над корректурой *десятого* издания моей "Книги Наума". В предпоследнем, т. е. 3-м номере "Полтавских Епархиальных Ведомостей", Пономарев провозгласил о юбилее, подобающем нынешнего года на 18 декабря, митрополиту Евгению. О Пономареве-то идет такая молва, что он немножко из фигляров; но память Евгения славна и заслуга его немалая. Но так ли она важна, чтобы вслед за Ломоносовым и Карамзиным, и Евгению торжествовать на Руси столетнюю память? Мне бы хотелось знать ваше личное мнение о том, и нет ли в Обществе Истории и Древностей Московском какого-нибудь о том отголоска или даже намерения? Ибо если где, то именно в Историческом вашем Обществе быть бы той поминке... Не знаю, предпримет ли академия Киевская со своей стороны что-либо? Во всяком случае прошу вашего мне слова об этом уже потребованном в Полтаве юбилее?

Другая просьба к вам. У меня требуют здесь возвращения той большой книги городов Киевских актов, которую я вам оставил в Москве. Так вы, буде угодно, попользуйтесь ею месяца два еще, да в мае и вышлите ее на мое имя в Золотоношу, а я, будучи здесь в июне, передам ее по принадлежности. Комиссия Киевская получила наконец окладу шесть тысяч, и на первый раз напечатает Антонович новый том "Архива Юго-Западной России" о дворянских здешних родах, а потом продолжение козацких актов (Палеевского времени). Впрочем здешняя комиссия состоит в особе председателя Юзефовича; он владыка полно-

Володимир Антонович.
Фото 1880-х років

властный. Так и Свято-Владимирское братство в Софийском: в нем Крамарев все, а остальная братия так себе, ради взноса денежного.

Университет здешний мне мало знаком в нынешнее время, да и нет охоты сближаться с ним и в него вглядываться. Не знаю, от старости что ли, чувствую себя утомленным и равнодушным к движениям современной общественной жизни; а может быть и в ней самой мало привлекательного и радующего для состарившегося человека, принадлежащего прежнему поколению и времени. В Михайлогорской хатке моей я чувствую себя спокойнее и светлее, чем здесь. Туда, туда на простор и безлюдье!..

От всей души желая вам здоровья и долголетия, остаюсь искренно преданный вам

М. Максимович

Р. С. Я получил "Крестный календарь" и Старину Русскую... от *издателей*: — Гатцука? — так передайте ему мое спасибо. Если б знал адрес приславшего, послал бы своих шпаргалов.

13 мая 1867 г., Михайлова Гора

Ради нынешнего дня, столь праздничного в нашем славном городе Переяславе, извините мое медление в ответе на ваше письмо. Хотя я с великодня весную и на хуторском просторе Михайловой горы, но все что-то и не здрав телом, и не ясен душой, особливо глаза не служат чтению и писанию. Думаю тоже о поездке в Киев — по-вашему, на половину июня предназначаю, и рад-радешенек буду встретиться с вами в первопрестольном граде после столь долгой разлуки. Многое новое в Киеве и мне посмотреть надо, а на старое поглядеть вместе с вами будет новое удовольствие. Приезжайте же! Приостановиться можно всего способнее не на Подоле и не на Печерске, а в середине града или на Крещатице в гостинице "России", или же в Михайловском монастыре, в гостинице тамошней: кстати же, там настоятельствует ученый епископ Порфирий... Там же, на старом Киеве, на пути от Михайловского к Софийскому, в доме Сухобрусова, живет и о. Петр Гаврилович Лебединцев, издатель "Епархиальных Ведомостей", у которого всего скорее можно узнать и о моем пребывании.

Что касается до экипажа напрокат до Прилуки и обратно, то он, конечно, найдется и в Киеве, хотя и не так легко, как в Москве. Я справлялся об этом в магазине Мазченка о том, что на Крещатицкой площади на самом угле (вправо, если спускаться со старого города), у знакомого мне там приказчика, родом из Нежина, и он мне сказал, что под исход июня даже их разъездный экипаж может быть свободен. Впрочем на Подоле есть справочный магазин Валицкого (на главной Александровской улице), где можно узнать и спросить все, что угодно. Итак до свидания. Да благоприятствует погода вашему странствию на родную землю!

Душевно преданный вам М. Максимович

Р. С. При свиданьи с И. Гр. Соловьевым скажите ему, что я писал к нему из Киева, посылал брошюры мои и при них старый счет 1859 года, — и что по оному можно бы меня удостоить ответцем в Золотоношу, а оттуда в Михайлову гору.

Подружью вашему мой усердный поклон.

25 мая 1869 г., Киев

Привет и поклон вам, дорогой земляче, из богохранимого града, где доживаю предположенный десятоднев, и к сожалению недужно... Поспешаю на простор Михайлогорский, чтобы к Пречистой опять сюда прибыть, для определения моего Алексейка на учение книжное. Но тут снова требуют от меня возвращения оной книги Киевских актов, и я дал обещание привезти ее в августе. А потому прошу и молю вас: вышлите ее хоть в Золотоношу на мое имя, чтобы мне явиться сюда с нею в августе и не слышать вновь докучных, впрочем, справедливых требований.

Тут в университете идет кутерьма, печальная для меня, как для бывшего некогда первым ректором... Но, как слышу, и в Московском происходит гнилое брожение. Прискорбно!

Вседушевно обнимаю вас, преданный вам

М. Максимович

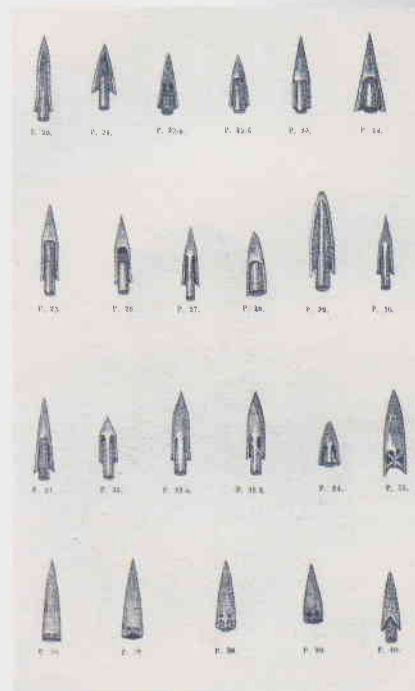
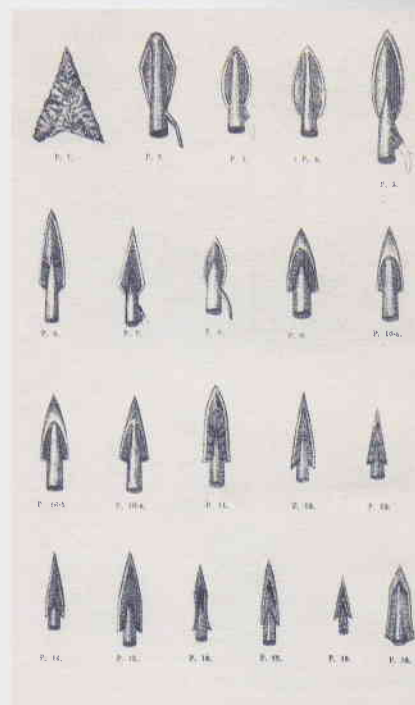
1 июля 1867 г., Михайлова Гора

Здравствуйте, дорогой Осип Максимович! Вот я уже вернулся 28 июня из Киева, вотще ожидавши вас обнять в богоспасаемом граде; мне говорили, что вы в Москве были нездоровы и во время майского гостеванья там славянской братии. Тем более мне жалко такое безвременное нездоровье. При нем не в пользу был бы вам и киевский июнь, непостоянный донельзя в своей погоде. Нечего сказать: весь год этот природа точно в лихорадке... Но что же с вами теперь? Скажитесь о себе хоть малым писанием взамен несбывшихся личных бесед на высотах наднепровских. Бодритесь и здравствуйте на продолжение ваших достополезных для науки трудов. От всей души обнимаю вас.

М. Максимович

Усердно кланяюсь супруге вашей. Спасибо за 1 кн. "Чте-ний" — прелюбопытная.

Р. С. Привожу теперь в порядок свои михайлогорские стрелочки, называемые у нас, как и у поляков *пльщиками*. В каких славянских наречиях еще и повторяется это слово? и как иначе в них зовется металлический наконечник стрелы?.. У меня вовсе нет словарей, даже Далевского; пятый год уже хлопочу у Литова, чтобы выписал мне второй том Востокова Славянского словаря и второй же том актов Южной и Западной России и все обещает, да не выписывает — шишимора. Не отзывается на мое киевское послание и И. Г. Соловьев, что уже и прискорбно мне.

Вістря стріл, віднайдені
М. Максимовичем

23 октября 1870 г., Киев

Бог привел мне в прошлом году в Киеве свидеться с вами, дорогой земляче; не хочется пропустить этого года, чтобы хотя не откликнуться или не озваться к вам из Киева, где была речь у меня от недавнего самовидца вас, одесского Некрасова...

Спасибо вам за две сегодняшние книги "Чтений", с большим удовольствием читанные мною еще на Михайловой горе, и здесь уже опрaвленнeе в переплет. Мне особенно любопытны в них "Житие Бориса и Глеба" и письма Долгорукого, давшие нечто новое для познания Киева. Продолжение "Чтений" благоволи́те адресовать мне в Киев — в дом Горецкого, на Биби́ковском бульваре, где я водворился в прошлом месяце на всю зиму. К прискорбию моему, я очень болезнен теперь и еще не принимался за работу; да и погода же такая неблагоприятная. У меня на Михайловой горе не оказалось той книги "Чтений", где Несторово "Житие Бориса и Глеба", и я прошу у вас ее, а если есть у вас отдельные оттиски сего жития и Феодосиева, то лучше ими наделите меня, а книгу эту я достану себе впоследствии, при пополнении "Чтений", зачитанных маленько некоторыми читателями. "Жития" же мне хотелось бы и надобно иметь здесь в Киеве, куда привез лишь малое количество книг; думаю-таки продолжать свои исследования о Киеве и Юго-Западном крае, пока силы не покинут меня совсем.

А как вам можется? и не издадите ли чего другого, кроме "Чтений"?.. Известите меня о том и не забывайте старого земляка своего

М. Максимовича

Супруге вашей мой усердный поклон. А моя осталась на хозяйстве Михайлогорском. Алексейко мой здесь в пансионе 1-й гимназии, недалеко от меня. Господь да хранит вас!

Прошлогодним знакомцам моим, графу Толстому и г. Евреинову, передайте мой поклон

7 декабря 1870 г., Киев

Будайте здоровы и живы, да Богу милы, коханный земляче!

Дошли ли к вам мои печатные напоминания о себе и недавнее письменное?.. Жду отголоска вашего, а также 3-й книги "Чтений".

Между тем давно у меня есть вопрос по поводу анекдота, приведенного Майковым в конце его предисловия к "Слову о полку Игореве", напечатанному им в невиденной еще мною "Заре"; будто бы на лекции Каченовского, на которой был Пушкин с Уваровым, был спор Каченовского с Пушкиным о "Слове о полку Игореве". Я приехал тогда, в 1832 году, к концу уваровского пребывания и видел его только на лекции Надеждина и моей. Но вам ведомо хорошо все то время и я желал бы знать от

Микола Надеждин. Гравюра першої половини XIX ст.

вас, подлинно ли было словопрение поэта с историком, или же это так мирская молва, морская волна... Во всяком случае предание, переданное Майкову его приятелем, возьмите на свою заметку.

Собою вам не похваюсь: четвертый месяц уже как я обретаюсь в Киеве и почти ничего не написал еще; домосеждствую (на Бибикивском бульваре, в доме Горецкого) и скучно коротаю свой век, зане и изнеможен на старость.

Мысленно обнимаю вас, — низенько кланяюсь подружью вашему, — вам преданный

М. Максимович

P. S. А Ив. Гр. Соловьев ни гугу на мое послание к нему, о котором была речь и с вами.

29 декабря 1870 г., Киев

Спасибо вам, коханий земляче, за ваше последнее любезное письмо, которым увеселили меня на прощанье с этим невеселым для меня годом. Дай Боже нам благополучного жития в настоящем новом году, с которым приветствую вас от щирого сердца.

Предшедшего послания вашего, от 23 ноября за № 248, здесь в Киеве не оказывается доселе; предполагаю, не послано ли оно по привычному адресу в мою родимую Калифорнию, сиречь, Золотоношу... Я поручил уже навести там справку, и вот-вот получу, хоть к водохрещам. Мне жаль, если не доходили к вам мои печатные послания в бандеролях, о которых до меня, т. е. о бандеролях, не ведали даже ни в Золотоношской, ни в Каневской конторах, — так что в последней взяли мой книжный пакетец Костомарову и поручителя моего переделать заставили тот пакет в обыкновенную посылку. (Отвечал я Костомарову на его письмо ко мне по поводу нового издания книги его "Богдан Хмельницкий", тогда еще предпринятого, разными замечаниями на его вопросы, приложив кстати и пакетец некоторых моих брошюр; но он и не вздумал после того сказать мне спасибо, хоть бы присылкою экземпляра своего "Богдана Хмельницкого" обновленного, но не имеющего ожидаемого мною достоинства. Скоропоспешно, верхоглядно, эффектно для малосведущей толпы и неудовлетворительно для солидного читателя. Но Господь с ним! Дали ему, за то что не дали профессорства в Киеве, профессорское жалованье... да будет ему благо на земли!)

Взамен тех, недошедших к вам брошюр моих, на этих днях явится к вам новая книжица моя "Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде", изданная в Питере, по милости Саввантова и Барсукова. Примите ее благосклонно и милостиво, как начало нового ряда писаний моих, предпринятого мыслию, но в предстоящем исполнении зависящего от воли Божией, в ней же все мы пребываем от рождения нашего и до кончины... Крепко обнимаю вас, преданный вам

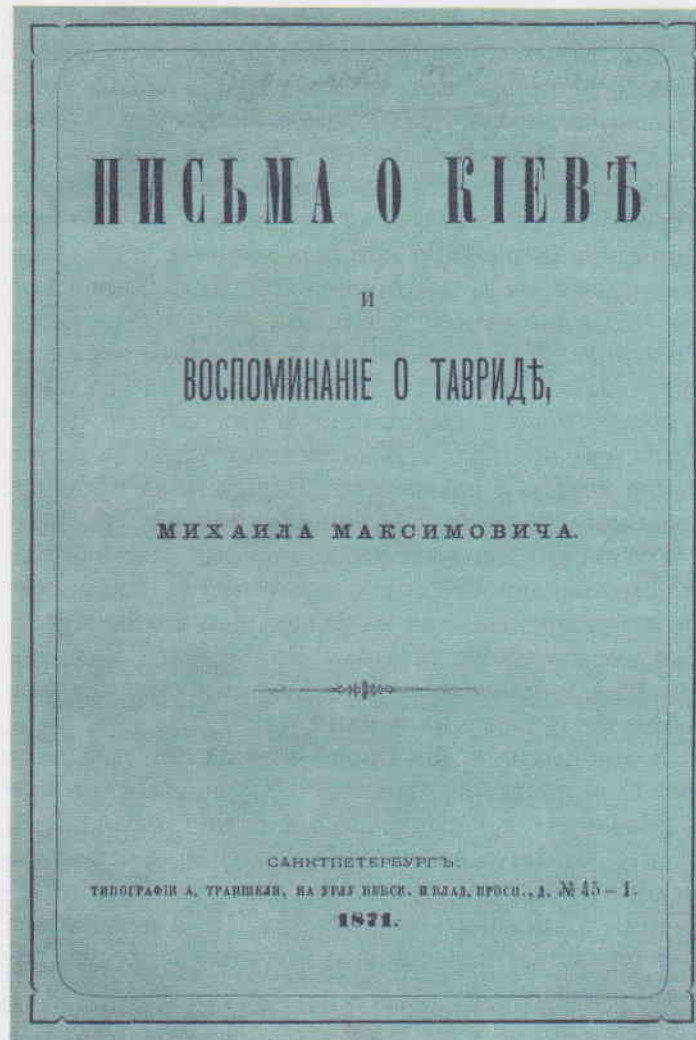
М. Максимович

P. S. Порадуйте меня отголоском вашим в начале 1871 года...

Да! нельзя ли дознаться, где тот экземпляр "Истории Руссов", который в двадцатых годах получен был Бантышем от Степана Ширяя и с которого началась известность в книжном мире этой замечательной "Истории". Мои беседы с Судиенком и покушения проникнуть в переписку Лубенского депутата Полетики не послужили делу и вопросу; а чрезвычайно мне интересно было бы узнать имя многоталантливого анонима, сложившего эту фактически не верную, но высокохудожественную подмалевку "Истории Малороссии". А что она написана не Георгием Конисским, а другим лицом, чуть ли не в первой четверти XIX века еще живым, — о том я так убежден, что и против ваших возражений готов выдержать диспут.

30 декабря 1871 г., Михайлова Гора

Кланяюсь вам, дорогой земляче, в заключение сего достопамятного мне года, ознаменованного и вашим дружески общест-

Титульна сторінка книги
М. Максимовича "Письма
о Кіеве и воспоминание
о Тавриде". 1871 р.

венным ко мне вниманием. Мое сентябрьское благодарственное письмо к вам из Киева вы, конечно, тогда же получили в Москве. Порывался я не раз писать отсюда и написать что-либо для ваших "Чтений", столь много содержательных и для меня занимательных, но все это время я был такой усталый и вялый, и болящий, особенно зрительными нервами, что не мог написать ничего не только для печати, но и многих достождных писем. Грустно и совестно — да нечего делать!

На днях попалось мне подлинное письмо покойного И. И. Давыдова и в нем мой черновой ответ о грамматике Ломоносова. Не зная "Известий" академических, я не ведаю, было ли напечатано в них мое писание, — кажется, что не было; в этом предположении я и послал вам недавно оное письмо с моим ответом, на всяк случай, авось вы напечатаете их в смеси вашего издания, где были уже письма Давыдова. Если же мое послание не найдет себе места у вас, то не поскучайте обратить его вспять в бумажный хлам михайлогорский.

Вчера в стенах Московского университета было великое торжество юбилейное в честь нашего старого подвижника, и я, воображая его в моей тесной хате, желаю нетерпеливо прочесть известие, что там происходило. Не будет ли возможности вам достать для меня газетный листок о том московском празднике и пиршестве научном.

Приветствую вас с новым годом, от всей души желаю вам новых сил на продолжение ваших полезных и многоплодных трудов. Прошу передать поклон от меня и жены моей вашему подружью. Если Бог даст мне домаяться благополучно до мая, то я в исходе того месяца надеюсь обнять вас и наговориться с вами лично в Москве белокаменной. А какова у вас теперь зима там? Здесь же у нас над Днепром:

Снежок выпав белесенький
Да и взявся водою...

И сегодня с утра шел дождь, а потом настал густой туман, так что я едва добачу написать своеручно.

Неизменно преданный вам М. Максимович

P. S. Припомните ли, что года за четыре или за пять наш страстнобульварный благоприятель, явный советник Соловьев обещал и вам расквитаться со мною по книжной части, но и до сих пор слово его *тепле*, или как некогда А. П. Равинский провещил: *я слышу молчание!* Напомните ему об этом при свидании и скажите ему, что я был бы удовлетворен совершенно, если б он повелел своим молодцам выискать в книжных захолустьях к будущему маю месяцу мои стародавние издания: 1) "Речь о русском просвещении". 2) Две книги "Оснований ботаники, органографии" и "Систематику растений". 3) Две первые книжечки "Денницы". 4) "Малороссийские песни", 1827 г. 5) Первое издание книги "Наума" 1833 г. и, наконец, те две 1-е книги "Киевлянина", в один том переплетенные, которые вручил ему лично при последнем моем отъезде из Москвы весною 1859 г.

Vale et nos ama!

Іван Давидов.
Портрет 1830-х років

19 мая 1872 г., Санкт-Петербург

Кланяюсь вам, дорогой земляче, с берегов Невы, где в нынешний день сижу сиднем от усталости и боли в ногах. Половину желанного видети не вижу, а в Москву направляюсь, кажется, 24-го...

Мне говорили заверное, что как та статейка в "Гражданине", так и рецензия Погодинской истории в "Русской Старине" написаны Гильдебрандтом, переместившимся в Питер из Вильны. Сообщая вам эту нотабенку, остаюсь до скорого свидания всегда преданный вам

М. Максимович

Кланяются вам многие, начиная с Павла Парфентьевича Заблоцкого.

11 февраля 1873 г., Михайлова Гора

Почтенный и достолюбезный земляче
Осип Максимович!

Сегодня я так зачитался вчера полученной 3-й книгой "Чтений", что и в глазах зарябило, — и я уже не своеручно пишу эту грамотку к вам, тем более, что с тремя перстами правой руки

**Фонтанка з боку Невського
проспекту Санкт-Петербурга.
Літографія XIX ст.**

моей, держащими перо, в нынешнюю ночь случилось какое-то особенное онемение... Благодарю вас за напечатание моего письма давнего о грамматике Ломоносова, тем более для меня приятное, что оно поместилось об руку со статьей незабвенного Н. И. Надеждина. Очень кстати придумано вами помещение статейки о сожжении Молоха: ее прочтет с удовольствием и пламенный собиратель старины М. Н. Лонгинов. А ваша заметка о "Московских Ведомостях" преотличная, — что ж это, в самом ли деле зачинается дело о возвращении "Московских Ведомостей" в ведение университета. Но ведь Леонтьев, хоть уже и не профессор университета, а все же состоит при попечительском совете, как это я вчера прочел в отчете 1873 г., 12 января, мне присланном.

Но позавчера, в 15 номере "Киевлянина", я с удивлением и грустью прочел статью "Силезской газеты" о знаменитых коврах силезских, на позор Политехнической выставке написанную. Известите меня Бога ради, что это такое: пасквильная выдумка, или же несчастная действительная быль? Меня эта статейка смутила до глубины душевной, почему я и прошу вас, еще раз, сказать мне о том ваше словцо поскорее. На днях я отправил вам бандерольный пакетец с тем номером "Киевлянина", где помещено мое объяснение Хрущову и с брошюрой о "Полках и сотнях", который мог я и не послать вам в прежнее время.

Как здоровье ваше и супруги вашей? Кланяюсь вам обоим от себя и моей Марьи Васильевны. В последнее пребывание мое в Москве я так сблизился с вами и видел столько вашего дружеского участия ко мне немощному, что с благодарностию и с удовольствием о том вспоминаю; 25 дней прошлого сентября провел я в Киеве так же болезненно; да и здесь, даже донныне, остаюсь хворым и бездейственным домоседнем. С нетерпением ожидаю наступления благодатной весны в уповании, что тогда обновлюсь сколько-нибудь телом и духом. Да хранит вас Господь!

Остаюсь неизменно преданный вам

М. Максимович

7 марта 1873 г., Михайлова Гора

Только что получил я письмо ваше, мой дорогой земляче, крепко уже истомясь чтением, а и того больше писанием — не чего-либо научного, а относящегося к одолевающим меня нуждам житейского попечения и продовольствия...

В этом несказанно тяготящем меня на исходе дней положении мне так приятно бывает отвести душу в беседе, содержанием которой дела и вопросы научные. Роятся они и в моей голове; но пасеки из того не составляется. Чтобы среди мимоходящих помыслов не позабыть установившихся уже вопросов, я спешаю сказать вам, что моя статейка о "Полках и сотнях" напечатана была в невиденном мною "Вестнике Географического Общества" за 1856 год, книжке 4-й; о том мне известно только по фельетону "Русского Инвалида" 1856 года, № 239, где помещено извлечение из нее с приятною для меня похвалою. Продолжение моего "Обозрения полков и сотен" для того же, никогда не виденного мною "Вестника Географического Общества",

послано было мною к К. А. Неволину, но за его болезнью и смертью пропало оно без вести... Таким образом и этому дельцу моему, как и многим другим, судилась роковая доля — прекращаться без окончания! — В той же книжке "Чтений" ваших, после письма моего к вам, прочел я с особенным удовольствием "Капище моего сердца" с вашим предисловием. Весьма бы я благодарен был, если бы вы прислали мне хотя два или три оттиска письма моего о грамматике Ломоносова, о котором к неожиданному удовольствию моему имею уже два приятных отзыва из Петербурга. Подлинник Давыдовского письма ко мне я желал бы получить от вас, так как оно в коллекции писем моих было бы единственное от нашего бывшего профессора И. И. Давыдова (впрочем, это не к спеху, а при случае, как попадетя под руку).

Вы пишете, что в Москве свирепствуют морозы в феврале; стало быть, он там у вас, в Москве, действительно лютый.

Нечто вроде бури было и здесь в половине февраля, а двадцать второго числа выпал было довольно большой снег, скрепленный маленькими морозцами, но не более как на 6 дней. Марта 1 исчезли и следы его, а 3 марта был совершенно весенний день, так что и певники и тюльпаны вдруг повыходили из земли и порадовали своею зеленью меня, также выходявшего под открытое небо, после двухмесячного заточения в своей хатке; но потом я опять засел в ней по причине усилившегося кашля.

О Хрущове я не мог не написать в ответ на его газетную выходку; жаль только, что я сделал обмолвку о самом себе, сказав, "что предприятие учредить Историческое Общество возродилось во мне в исходе 1869 г., когда я зимовал в Киеве". На самом же деле я зимовал в исходе 1870 г. и пробыл до весны 1871 г. По этому странному смешению годов, мне все и донныне казалось, будто я на горе (?) провожу третью зиму сряду, а в самом деле только вторую. Вот какая оказия случилась на старости! Не припомню, писал ли я вам о письме половца *Шмеры* к Владимиру? Это выдумка XVII века, напечатанная в книге Андрея Венгерского. Марья Васильевна вместе со мною шлет душевный привет и вам и вашей доброй супруге. Будьте здоровы; вас крепко обнимаю; душевно преданный вам

М. Максимович

P. S. Не знаю, посылал ли я вам свою карточку или кабинетный портретик; у меня теперь есть очень хорошей работы киевского фотографа Мезера.

Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 1. Москва, 1887. С. 129—181.

Костянтин Неволін.
Літографія XIX ст.

Фон БРАДКЕ Єгор Федорович

*16.V.1796, о. Езель — 3.IV.1861. Військовий і державний діяч,
попечитель Київського учбового округу (1832—1838)*

Походив із ліфляндських дворян, лютеранин. Закінчив у 1810 р. загальні класи Гірничого кадетського корпусу і на деякий час поселився у В'ятці, де батько юнака був губернатором. У 1811 р. вступив до школи колоновожатих, де зблизився з братами Муравйовими, котрі мали на нього великий вплив. Під час Вітчизняної війни 1812 р. служив під командуванням генерала Баркляя-де-Толлі в його штабі. У званні прапорщика (1815), а потім підпоручика (1817) продовжував службу у Могильові. Згодом був відраджений до окремого корпусу військових поселень. Перебував при Аракчєві і Клейнміхелі, виконував обов'язки обер-квартирмейстера військових поселень. У 1827 р., у зв'язку з реорганізаціями системи управління армією, був призначений обер-квартирмейстером 3-го резервного кавалерійського корпусу. За відмінну службу нагороджений орденами Св. Володимира IV ступеня (1828), Св. Анни II ступеня (1829), у 1830 р. йому присвоєно звання полковника. В. Інсарський згадував, що у службовому формулярі Єгора Федоровича був надзвичайно цікавий і показовий запис О. А. Аракчєва: "Способен и достоин, но жаль, что часто забывает свой малый чин пред старшими". Брав участь у придушенні польського повстання (1831), нагороджений орденом Св. Володимира III ступеня і золотою шпагою з написом "За храбрость". Керував канцелярією Варшавського військового губернатора (27 серпня — 31 жовтня 1831 р.).

Література

- Аракчеев: Свидетельства современников. Москва, 2000.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1.
- З іменем Святого Володимира: У 2 кн. / Упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський. Київ, 1994. Кн. 1.
- Из записок В. А. Инсарского // Русский архив. 1873. № 4.
- Иконников В.* Киев в 1654—1855 гг. // Киевская старина. 1904. Т. 12 (декабрь).
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.
- Русские мемуары. 1800—1825. Москва, 1989.
- Столетие Киевской первой гимназии (1809—1811—1911 гг.). Киев, 1911. Т. 1—2.

9 вересня 1832 р. Є. Брадке залишив військову службу. У чині дійсного статського радника зарахований до Міністерства народної освіти. 14 грудня того ж року призначений попечителем Київського учбового округу. За його підтримки був відкритий у Києві Університет Св. Володимира (1834). Саме завдяки зусиллям колишнього військового престиж вищої освіти у регіоні значно зріс. Автор першої історії Університету Св. Володимира В. Шульгін писав із цього приводу: "Высоко ценимый и уважаемый в общественном мнении, он поставил высоко и те лица, которые находились под его началом. Он умел облагородить до тех пор сильно упавшее в общественном мнении звание учителя, заставив прежде всего самих учителей уважать свое звание". Задуманий як центр протидії польському руху та русифікації краю, Київський університет певний час залишався центром польського руху Правобережної України. Проте роль польської пропаганди в університеті значно перебільшувалася владою, що призвело до тимчасового закриття навчального закладу. 5 грудня 1838 р. Брадке був звільнений за власним бажанням з посади попечителя, але за дорученням міністра освіти продовжив управління округом до прибуття наступника. Плідна діяльність Єгора Федоровича на ниві освіти здобула високу оцінку уряду. У 1833 р. його нагороджено орденом Св. Станіслава II ступеня, а в 1834 р. — I ступеня, у 1836 р. — Св. Анни I ступеня. З 25 листопада 1849 р. він почесний член Київського університету. Відвідував на Михайловій Горі Максимовича, у помешканні якого висів портрет Брадке.

У 1839 р. колишній попечитель перейшов на службу до Міністерства державного майна, де брав участь у виробленні основ кадастрової справи в Росії, оцінці державного майна в кількох губерніях, заміні подушного податку на поземельний. З 1844 р. сенатор, ревізував, за царським наказом, Харківську губернію у 1851 р. Протягом 1854—1862 рр. — попечитель Дерптського учбового округу, особливо опікувався університетом. Призначений (1861) головою комісії з підготовки нового університетського статуту, проект якого був покладений в основу затвердженого в 1863 р. загальнодержавного Статуту російських імперських університетів.

Автор споминів, опублікованих німецькою мовою (СПб., 1871) і з незначними скороченнями в російському перекладі (Русский архив. 1875. № 1), з примітками та коментарями П. Бартенєва та Ф. Тімірязєва.

17 апреля 1834 г., Москва

Ваше превосходительство, милостивый государь Егор Федорович!

Вчера я имел честь получить Ваше письмо от 31 марта и, принося мою сердечную благодарность за внимание ко мне и ходатайство о моем перемещении, честь имею уведомить, что г. министр соглашается на оное. На отношение его от 7 апреля наш г. попечитель сего апреля 14 числа уже отвечал, что не находил препятствий к моему перемещению, но почитает необходимым оставить меня до окончания курсов учебных. Таким образом, я имею полную надежду получить уже окончательное утверждение г. министра на службу под начальством Вашего превосходительства; но, к сожалению, не буду в состоянии явиться на оную в назначаемый Вами срок. Всеми силами буду старать-

ся о возможно скорейшем окончании моей московской жизни; учение и экзамены могу окончить около 15 июня, и к 20-му числу, может быть, совершенно сдать мою университетскую должность, кроме лекций еще состоящую в заведывании ботаническим садом и некоторых других обязанностях; и если к тому же времени успею одолеть необходимое при сборах на новую жизнь, тогда я непременно явлюсь в самых первых числах июля на новое служение с тем усердием, с каким оно и домогался.

15 июля я почитаю столь великим днем, что поспешил бы к оному в Киев даже и тогда, когда бы не перемещался в оный, потому, Ваше превосходительство, смею уверить Вас, что понапрасну я не промедлю двух дней лишних ни в Москве, ни в дороге, как только будет возможность мне ехать. Извещая о сем предварительно, Ваше превосходительство, с нетерпением буду ожидать окончательного решения судьбы своей и тех распоряжений и поручений, какие Вашему превосходительству угодно будет сделать. Между тем еще поставлю долгом сообщить Вам здесь полученные (не знаю, впрочем, верные ли) известия, что министр в конце мая хочет быть в Москве, а к июлю прибудет в Киев.

С истинным почтением имею честь быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорный слуга

Михаил Максимович

1836 г., [Киев]

По совершенной необходимости поправить мое здоровье, более и более упадающее от непрерывных занятий, я просил Совет Университета исходатайствовать мне увольнение с мая месяца в 4-месячный отпуск для пользования и Кавказскими минеральными водами, и в Крыму морскими водами. На увольнение меня в таковой отпуск с выдачею в пособие 300 рублей из хозяйственных сумм Университета, я имел уже высочайшее разрешение 1833 года 16 мая в бытность мою еще адъютантом Московского Университета; но по обстоятельствам времени я не воспользовался тогда ни отпуском, ни пособием.

Вашему Превосходительству известно, что я, при всей скудости моего состояния, из Москвы переехал в Киев, не получив и не просив подъемного вспоможения, что, при всей дороговизне киевского содержания и ограниченности моей в житейских средствах только одним жалованием, я имею на полном попечении моем сестру и брата; потому мое состояние пришло бы еще в больший упадок, если бы я не получил жалования за 4 месяца просимого отпуска, из коих полтора месяца и без того вакационные; потому без особенного вспоможения, с которым бы мог я безбедно совершить поездку и курс моего лечения, я не буду в возможности найти ожидаемую пользу от моего отпуска. Посему осмеливаюсь утруждать Ваше Превосходительство еще сим особенным моим прошением, которым я покорнейше прошу ходатайства Вашего об увольнении меня в 4-месячный отпуск с удержанием жалованья и с выдачею соразмерно оному единовременного пособия.

Киевская старина. 1898. Т. 63. Октябрь—ноябрь. С. 282.

ВЯЗЕМСЬКИЙ Петро Андрійович

*12.VII.1792, Москва — 10.XI.1878, Баден-Баден (Німеччина).
Поет, літературний критик, мемуарист, державний діяч,
таємний радник (1855), сенатор (1855)*

Походив із давнього княжого роду. Син генерал-поручика, а згодом дійсного таємного радника та сенатора. Здобув домашню освіту, в 1805—1807 рр. навчався у Санкт-Петербурзькому єзуїтському пансіоні при Головному Педагогічному інституті. Після смерті батька в 1807 р. його опікуном став М. Карамзін, одружений із позашлюбною дочкою А. І. Вяземського. Повернувшись до Москви, був зарахований юнкером у Московську Межеву канцелярію; продовжив домашню освіту під керівництвом професорів Московського університету.

Близько зійшовся з деякими відомими представниками літературних кіл (М. Карамзін, І. Дмитрієв, В. Пушкін, В. Жуковський). У 1808 р. розпочав літературну діяльність у журналі "Вестник Европы". Згодом у нього виникають дружні стосунки з К. Батюшковым, Д. Давидовим, О. Тургенєвим, Д. Дашковим, а з середини 1810-х років — О. Пушкіним). У 1811 р. став камер-юнкером. Під час Вітчизняної війни 1812 р. вступив до московського ополчення, брав участь у Бородинській битві (нагороджений орденом Св. Станіслава IV ступеня), але у зв'язку з хворобою залишив військову службу і виїхав до Ярославля, а згодом до Вологди, де перебував до звільнення Москви. Французи не зруйнували родинний маєток князя Остаф'єво, але з власної вини фінансовий стан молодого поета був складним.

Пізніше, згадуючи про свою молодість, він свідчив: "Мне нужно было в то время кипятить свою кровь на каком огне бы то ни было, и я прокипятил на картах около полумиллиона" (Архів Вяземських. Т. 2. С. 362). У 1815 р. заочно обраний членом літературного товариства "Арзамас", активний учасник літературної полеміки 1810—1820-х років.

Матеріальні труднощі змусили Вяземського знову вступити на державну службу. Пошуки місця тривали 2,5 року, і лише в 1817 р. (у чині колезького асесора) його зарахували чиновником для іноземного листування канцелярії М. Новосельцева у Варшаві. Незалежна поведінка й опозиційні настрої молодого чиновника викликали невдоволення вищого начальства. У квітні 1821 р., перебуваючи у відпустці в Санкт-Петербурзі, він отримав повідомлення про заборону повертатися до Варшави. Вяземський подав імператору Олександру I прохання про відставку і виїхав до Москви, де за ним був встановлений таємний нагляд.

У 1821—1829 рр. поет жив головним чином у Москві та родовому маєтку Остаф'єво Подільського повіту Московської губернії. Займався поезією та літературною критикою, співробітничав з альманахом "Полярная звезда". В 1825—1828 рр. він один із організаторів і провідних співробітників журналу "Московский телеграф", у 20—30-ті роки близько зійшовся з О. С. Пушкіним, вів полеміку з виданнями Ф. Булгаріна і М. Греча. Вяземський осуджував кріпосне право, підтримував дружні стосунки з багатьма майбутніми декабристами, проте відмовився вступити до таємного товариства. Поділяючи погляди повстанців, не сприймав сам факт повстання. Водночас він зі співчуттям поставився до долі декабристів. Мав репутацію опального вільнодумця, неодноразово ставав об'єктом доносів, його листування перлюструвалося.

На державну службу повернувся в 1830 р. і був зарахований до Міністерства фінансів на посаду чиновника для особливих доручень при міністрі гр. Є. Каркіне; у 1831 р. брав участь в організації мануфактурної виставки (Москва). Камергер "Высочайшего Двора" (1831). У 1833—1846 рр. — віце-директор Департаменту зовнішньої торгівлі, обстоював протекціоністську митну політику з метою розвитку російської торгівлі й промисловості. Директор Державного позикового банку.

Від 1855 р. Вяземський — товариш міністра народної освіти А. Норова. В 1856—1858 рр. керував діяльністю Головного управління цензури, сприяв деякому послабленню цензурного тиску, розробив проект нового цензурного статуту. З 1863 р. проживав головним чином за кордоном, працював над мемуарами про російське життя кінця XVIII — початку XIX ст. Пушкінська епоха уявлялася йому золотим віком російської культури і сяяння її назавжди засліпило старіючого поета.

За всієї багатогранності дарувань і значній тягості (майже три чверті століття) літературної діяльності важко назвати жанр, який би всебічно репрезентував його особистість. У одному з приватних листів (1876) він писав: "... Я создан как-то поштучно, и вся жизнь моя шла отрывочно. Мне не отыскать себя в этих обрубках... Фасы моей от меня не требуют. Бог фасы не дал, а дал лишь несколько профилей". "Записные книжки" та листи поета найбільшою мірою розкривають інтелектуальний і духовний склад його особистості.

Готовність бути корисним іншим — одна з найкращих рис князя Вяземського. Дати свої вірші для видання, попросити їх у інших для якого-небудь журналу, допомогти порадою чи й коштами початківцю, протегувати за складних життєвих

Література

- Вяземский П. Записные книжки. Москва, 1992.
- Вяземский П. А. Письма к жене за 1831—1832 гг. // Звенья. Москва, 1951. Т. 9.
- Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Ленинград, 1969.
- Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского университета. 1960. Вып. 98.
- Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1—4.
- Пономарев С. И. Памяти князя Вяземского. СПб., 1879.
- Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г. Москва, 1992.
- Соколов Б. В. Гоголь. Энциклопедия. Москва, 2003.
- Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск; Москва, 2001. Т. 1.
- Фризман Л. Г., Лахно С. Н. М. А. Максимович — литератор. Харьков, 2003.

обставин — в усьому проявлялася шляхетність його вдачі. Ф. Вігель свідчив: "С женщинами был он жив и любезен, как француз прежнего времени; с мужчинами холоден, как англичанин; в кругу друзей был он русский гуляка" (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000).

Особисте знайомство Максимовича і Вяземського відбулося, на думку С. Пономарьова, в Москві 1825 р. (будинок Полевого, видавця "Московского телеграфа"). Максимович був там частим гостем, "домашним человеком", а князь Вяземський — головним натхненником "Телеграфа", його участь, за словами К. Полевого, додавала авторитету журналові. Зближення з відомим літератором було для Максимовича справжньою знахідкою. Згодом, коли він почав видавати свій альманах "Денницу", князь став одним із його авторів. Коли Максимович задумав перейти працювати з Москви до Києва, Петро Андрійович неодноразово просив за нього міністра народної освіти гр. С. Уварова. Про це згадував і М. Гоголь у своїх листах до Максимовича: "... Князь Петр и Жуковский хлопотали о тебе". Як відомо, ці зусилля не були марними — Максимович не лише перевівся до новоутвореного університету, а й очолив його. З переїздом до Києва він як ректор і професор нового для себе предмету був надто завантажений, і не міг часто листуватися зі своїми московськими друзями і знайомими.

Князь часто нарікав на те, що близькі і знайомі його забувають. У 1847 р. поет писав Жуковському: "В отношении к дружбе я здесь в совершенном одиночестве; есть добрые знакомые, приятели, а друзей нет. Из друзей ты только один и остался на земле". Мовчання між кореспондентами тривало багато років. Максимович не писав князю навіть у 1855—1858 рр., коли останній був товаришем міністра народної освіти, хоча в той час дуже потребував допомоги. Лише в листах до свого товариша Погодіна він часом жалівся на свою невлаштованість. Поштовхом для відновлення листування послужив столітній ювілей М. Карамзіна в 1866 р. Зимуючи в Києві, і знаючи про родинні зв'язки П. Вяземського і М. Карамзіна, Михайло Олександрович вважав своїм моральним обов'язком привітати князя з цим святом. Так між ними знову зав'язалося листування.

Свою оцінку і ставлення до П. Вяземського М. Максимович досить емоційно висловив у листі до Г. Данилевського від 20 лютого 1856 р. Він, зокрема, зазначає: "Когда вы сказали мне, что вы свой в кабинете Вяземского, в его архиве литературном — о, как охотно я поменялся бы теперь с вами местопребыванием!.. Знаете ли что? Да вы редкий счастливец, просто баловень доброй доли вашей, лелеющей Вас, как маты кохану дыгыну..." А далі констатує: "Весна на Украине все будет та же и через год, и через несколько лет и не уйдет от Вас: а князь Вяземский, хоть и зеленеет неувядающим лавром и кипарисом, но уйдет от Вас... Он для нас стоит украинской весны: не отрывайтесь от него, пока он в Питере, заслушивайтесь его — как соловья старого времени, это Вам клад дал Бог для историко-литературных работ ваших, — родник живой воды... упивайтесь светлым ее кристаллом. — Напишите мне что-нибудь о нем подробнее. Будь на вашем месте я, я занялся бы уже полным собранием его стихотворений, рассеял бы их по всем литературным украинцам, и уже написал бы сотню, другую примечаний по его изустным сказаниям: то-то был бы комментарий..."

22 декабря 1830 г., Москва

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Уцелевший на этом свете во время холеры, я решился повторить "Денницу", которая в прошлом году была так счастлива участием вашим и почти всех писателей наших, коих желал я. Мне посчастливилось начало и новой "Денницы". Не знаю, за что вы были так щедры в прошлом году; но не вижу причины, почему бы вам должно было отказать мне теперь. Посему, не имея более терпения выжидать вашего приезда в Москву, я решился письмом моим беспокоить вас просьбою об участии вашем в "Деннице" и на сей год. От альманашного слуха не укрылось, что у вас написано много — тем лучше для читателей "Литературной Газеты", коих число верно умножится с наставшим её возрождением; пусть же от этого будет лучше и читателям "Денницы". Оставьте, сделайте одолжение, и на мою долю из ваших стихотворений и из пьес прозаических: в особенности мне хотелось бы иметь что-либо писанное вами о литературе нашей, где бы мощная рука ваша карала литературное преступление. — Вот моя покорнейшая просьба.

Я мог бы вам сообщить известия о разных происшествиях, — или, лучше сказать, исходах в литературе нашей, но боюсь занять вас незначущим, либо известным. На всякий случай препровождаю при сем объявление о новом романе Булгарина; сам печатаю объявление о романе "Марфа Ивановна Выжимкина"; — вы, может быть, знаете уже, что, кроме "Дамского Журнала" и "Телеграфа", все остальные журналы наши московские испускают дух к новому году: вы сглазили их, сказав, что они живущи. "Галатее" вместо конца выдает 2-ю часть Андрея Перяславского; — Лжедмитриев* уже отпечатал, и весьма великолепно, свои сочинения, и проч., и проч.

Вы знаете уже, может быть, что теперь в Москве Д. В. Давыдов, Киреевский** — к новому году, хоть на время, опять сосредоточится здесь литература.

С моим истинным уважением и совершенною преданностью остаюсь вашим, милостивый государь, покорным слугою

Михаил Максимович

Иван Киреевский.
Литография XIX ст.

*

Племянник Ивана Ивановича — Михаил Александрович Дмитриев.

**

Иван Васильевич.

9 января 1831 г.

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Благодарю вас покорнейше за ваш поэтический подарок моей "Деннице", который сейчас получил от Пушкина: в вашей "Кибитке" и по раздольным ухабам накатаешься досыта!

Спешу послать к вам, какие есть у меня, из желаемых вами книг: "Телеграф", "Галатею", "Северные Цветы", и — если угодно — "Киргиз-Кайсак", от которого ждали многие меньше, чем нашли. "Телескопище" с "Молвою" вышли, но я еще у себя не имею. Первый том "Истории" у меня пропал без вести, а если угодно второй; впрочем я предлагаю на жертву детище стародавнего все еще приятеля моего.

"Листок", издаваемый юным князем Львовым, наполняется неважными новостями и, между прочим, каламбурами, из коих были удачные, например, то, что в крещенские морозы оправдывается мнение французов, что русские не живут, а прозябают.

В 1-м № "Северной Пчелы" помещено письмо Бенкендорфа к Булгарину, где изложено то, что государь позволяет Булгарину поднести ему экземпляр "Петра Ивановича Выжигина" по отпечатании, одобряет его усердие к пользам общим и обещает всегда ему своё монаршее покровительство. "Пчела" бранит и даже разбирать не хочет "Северных Цветов" потому, что там есть "Наложница"*.

*

Поэма Баратынского.

В С.-Петербурге издается 14 новых журналов и газет, в том числе 3 немецкие. Киреевский благодарит покорнейше за ваше в нем участие и воспоминание. Он и брат его приехали в Москву по случаю холеры, — и кажется, что надолго. Он написал сказку прекрасную, но еще не печатает; обозрения не пишет уже мне в "Денницу" — а как это необходимо, то я сам подмахнул — вам не смешно разве это будет? Впрочем, я написал в надежде той, что мне не откажут в замечаниях преждепечатных, и я жду вашего приезда, желал бы даже к вам прислать — для прочтения.

Извините меня, а я еще раз изъявляю мое сильное желание вашей прозы, хоть несколько строк: она так действительна была в прошлом году, а у меня так мало в прозе замечательного; на Пушкина уже потерял я надежду прозаическую; Баратынский обещал написать повесть, но я готов бы сказать ему: не сули журавля в небе, а дай синицу в "Денницу!" Нет ли у вас хоть несколько строк о нравственности литературной, о Видоке или об чем-либо другом, только бы не о Полевом исключительно.

Простите, что с такою ненасытностью, так неотвязно и даже условно прошу вас: я не сделал бы этого, не будучи уверен в вашем ко мне расположении и не имея в себе того чувства уважения и преданности к вам, с которыми, с тех пор как узнал вас лично, к вам пребываю.

Михаил Максимович

Евген Баратынский. Гравюра
першої половини XIX ст.

P. S. "Северные Цветы" прошу покорно прислать так скоро, как только можно, ибо это чужие, а в Москву еще немного прислано.

12 января 1831 г.

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вам, конечно, будет любопытно знать следующие известия, к литературе нашей относящиеся:

1) Высочайшее повеление цензуры, дабы она приняла общие меры, чтобы в журналах и газетах все статьи печатались с подписью сочинителей или переводчиков их. 2) Чтобы ничего не было печатаемо о царе, царской фамилии, дворе, придворных увеселениях. 3) Подтверждено, чтобы альманахи считались периодическими изданиями, наравне с журналами и газетами, и чтоб экземпляр оных был доставляем в канцелярию Бенкендорфа.

Два первые номера "Литературной Газеты" вышли; там между прочим помещены: ваши "Степи", Пушкина "Кавказ"; разбор "Годунова"...

"Зимние карикатуры" ваши и "Песня" уже в печати. Перечитывая их, я признаюсь, посовестился за неумеренность своих желаний в прошлом письме. Нельзя однако ж не признать и в вас эгоизма: жалуетесь на обозы и кибитку за себя, а не жалеете своих читателей, и на их боках вымещаете за свои.

Поздравьте нас, университетцев, с сегодняшним днем, в который за год пред сим была читана известная вам книжица, при сем препровождаемая: примите ее в знак моего уважения, с которым пребываю вам преданный

Михаил Максимович

P. S. Заметили ли вы в "Московских Ведомостях" письмо (Пезаровиуса) против письма польского помещика (Булгарина?) о Польше, напечатанного в "Северной Пчеле"?

Олександр Бенкендорф.
Гравюра першої половини XIX ст.

22 января 1831 г., Москва

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

На днях я послал к вам книжку "Телескопа" и 2 листка "Молвы" за книги ваши, взятые мною у Полевого. Теперь препровождаю, на всякий случай, мое *обозрение*, может быть, найдете еще время просмотреть его, и если вы — как слышал я — скоро будете сами, то я воспользуюсь вашими уже изустными замечаниями.

Не переписаны еще замечания о стихотворных и исторических сочинениях. Несколько дней уже не выхожу из дому, а потому ничего нового не могу сообщить, кроме того разве, что в кабацком "Меркурии", издаваемом Рюмкиным, бранят "Годунова" и даже куплеты напечатаны.

В ожидании вашего приезда с моим почтением и преданностью остаюсь

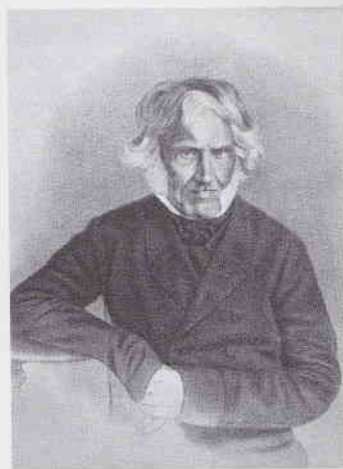
Михаил Максимович

17 февраля 1833 г., Москва

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Видя всегда благорасположение ваше ко мне, я обращаюсь к вам с новорожденным желанием моим и с покорнейшею просьбою принять в нем участие.

На сих днях я слышал, что П. И. Кишпен оставляет место, им занимаемое в Крыму при Стевене. Место сие соединяет в себе почти все мое желанное, — то именно, при чем жизнь моя могла б быть полезнее для меня и для общества. Благодатный юг, любимый флорою Крым, сады, шелководство, виноделие, самый Стевен, богатый ботаникою: все это вместе не могло не взманить к себе занимающегося естествознанием уроженца южно-русского.

Христіан Стевен.
Гравюра XIX ст.

Олександр Вельтман.
Гравюра XIX ст.

Прибавьте к этому и значительный оклад (кажется, 4 или 5-тысячный), на котором можно бы жить обеспеченно для себя и для науки: между тем как в настоящем положении моем я все еще подлежу мнению, может быть, и согласному с системою *тождества*, но весьма несогласною с системою *жизни*: будто питающий дух свой растениями может быть и физически существом травоядным. Таким образом я охотно бы променял Москву на Крым, и смею думать, что, находясь при том месте, я был бы на своем месте.

Вот мое желание пламенное, почти идеал. Надежда на вас. Вам, как поэту, уже в привычку опредметовать свои идеалы: помогите ж исполнению моего и будьте моим ходатаем у просвещенного нашего г. министра внутренних дел об определении меня на то место.

Не знаю, может быть, оно уже занято другим; может быть, я прошусь на живое еще место. В том и другом случае мне, конечно, нельзя быть там по всеобщему закону непроницаемости. Но на сей раз я желал бы, чтобы сие место было пусто, хотя оно для меня и свято, и хотя природа не терпит совершенной пустоты даже и в так называемой пустоте Торричеллиевой. Во всяком случае я виноват был бы перед собою, если б оставил безвнимательно дошедший до меня слух, не поставил бы себя на вид для такого места и не просил бы вас быть моим ходатаем.

Хотелось бы вам сказать что-либо о литературе московской; но я совершенно отстал от нее, несмотря даже на то, что она находится в ботаническом состоянии. Журнал университетский начнется с 1 июня. Альманах новый затевается Мельгуновым. Печатаю стихотворения Н. Тепловой. Больше не знаю. Если б вам угодно спросить об моих занятиях литературных, то я издаю 1-ю и 2-ю книги "Размышлений о природе"; — первую книгу крестьянина Наума "О великом Божием мире" — начало давно замышляемой мною народной энциклопедии; да еще 1-ю тетрадь малороссийских песен с нотами. Для старого же издания оных безнотного имею уже более 500 песен, между коими есть дивно-поэтические. Сравнивая оные с "Песнию о полку Игореве", я нахожу в них поэтическое однородство, так что оную песнь — которую согласно с общим мнением должно, кажется, относить действительно к XII веку, — называю началом той южнорусской эпопеи, которая звучала и звучит еще в душах бандуристов и многих песнях украинских; а песнь Ярославны темою, которая распевается в разнообразных, полных чувством женских песнях

Украины. Это мнение я хочу написать по поводу нового, Вельтманом изданного, мерно-прозаического перевода сей песни. Мне бы весьма хотелось знать суждение ваше о таком мнении, — и что скажет об нем Пушкин, которому прошу покорнейше передать мой усердный поклон.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашим покорным слугою.

Михаил Максимович

22 июля 1833 г., Москва

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Я так долго не писал к вам и не изъявил моей душевной благодарности вам, что и вспомнить страшно, — и почитаю вину свою столь великою, что извиняться совестно. Могу сказать только словами Языкова, что у меня такого рода вин целый погреб: вот почти единственные плоды, которые собрал я с тернистых лоз познания в это время, в продолжение коего тело мое хворало, а мысль *распутничала*. Не могу иначе назвать того неопределенного ее состояния, которое только теперь, к 1-му августа, должно разрешиться. Я не знал, что делать и куда, по какой дороге отправиться. Мечта моя, как осенняя перепелка, все тянулась к Крыму; — намерен был ехать к Кавказским водам, для чего получил было и отпуск, но к сожалению принужден был обстоятельствами отложить поездку до весны будущей; — представлялось место в Одесском саду, которое однако ж я себе не одобрил; — есть место выгодное в Белорусском учебном округе, которое я и хотел было назвать своим, как вдруг стало проясняться в нашем университете, и мне отрылась надежда получить вполне профессорство ботаники, которого ждал я так долго — 7 лет, и которое некогда считал я лучшим благом. Оставалось подождать до мая, до новых выборов, при которых, я полагал, Двигубский*, будучи уже 4 года эмеритом, выйдет с пенсией. Но он, несмотря что его не выбрали и забаллотировали в ректоры и деканы, что ему, вследствие новых предписаний министерских о заслуженных профессорах, готовится остракизм, самым несамостоятельным и непонятно терпеливым образом остается до сих пор... Вот отчет вам о распутии, на котором находилась моя мысль, и о несносном состоянии, после семилетних ожиданий, ждать 4 месяца с недели до недели решения своего, не зная, что еще выйдет наверное, — особенно при расстроенном нервно моем здравьи. Этим ожиданием затянулось и мое письмо к вам, ибо мне хотелось на ваше столь участливое предложение написать что-либо решительное о судьбе своей. Теперь я могу уже обратиться к вам со следующею просьбою: если я так счастлив, что пользуюсь добрым мнением и расположением у министра, то исходатайствуйте мне у него *воспоминание* обо мне в то время, как откроется известное или подобное место в Южном Крыму! Другое место, куда бы я еще охотнее, всего желаннее переселился, это *Киев* — 70 верст от моей родины, куда зовут меня и семейные связи. Для Киева охотно бы оставил я всякое место,

Иван Двигубский.
Гравюра XIX ст.

*

Иван Алексеевич, заслуженный профессор физики и естественной истории Московского университета.

Олександр Пушкін.
Гравюра першої половини XIX ст.

если бы там открылось место, от 4 до 5 тысяч жалованья (ибо вне Петербурга и Москвы нельзя уже добывать посторонним трудом). — Вот мои блаженные желания, о коих прошу покорнейше вас вспомнить впоследствии, когда откроется повод! До тех пор я или остаюсь в Москве, если будет выгодно для здоровья и кармана, продолжать мою университетскую службу, или перейду в Белорусский учебный округ.

Одно, что мне удалось в сие время, было издание "Наума", коего с "Размышлениями" я посылал уже вам поклониться. Он принят и расходится с похвальными успехами; но мои "Размышления" стали в тупик. — На днях выйдет 1-я книжка "Ученых Записок", кои издаваться будут при университете нашем, по предложению Уварова. — Об самом университете могу сказать с удовольствием, что он получил надежды к улучшению. С приездом князя Сергея Михайловича Голицына кончилось гадкое управление Голохвастова и его тряпицы Двигубского (на место коего теперь ректором Болдырев), которые поперечили всякому доброму действию в университете и заслужили общую в Москве ненависть и презрение, — в отраду нам была и перемена министерства, ибо отлегла от нас черствая рука Ливена, готовая из последней учительской сумы взять копейку и хотевшая нуждою привязать к ученому званию: между тем как все бывшие до сих пор распоряджения нового управляющего* клонятся к возвышению учености, чего *погай, Господи!*

Хотя вы не вкушаете от плодов контрабандной литературы нашей, и находите, что это здорово, однако ж верно полюбовались лакомым куском, которым "Пчелка" угостила если не дружественно, то по крайней мере шер-амижно "Клятву при гробе Полевого" (так пишут переплетчики на корешках).

В конце августа я надеюсь доставить вам первую тетрадь украинских песен (голосов). — Не знаю наверно, а кажется, придется мне издать к зиме еще раз "Денницу": в Москве никто не хочет приняться за альманах, мне же это не ново, — статей же наберется довольно. — Если вы оставили свой альманах и найдете в портфели своей лишние стихи, то позвольте и в этот раз не быть моей "Деннице" без вашего пера, которым так нарядно она убрана была, в прежние два выхода свои. Что касается до тех стихов, коими вы хотели украсить альбом мой, то в нем только в задаток написан первый куплет.

Желая вам всего доброго и прекрасного, с чувством признательности и почтения остаюсь навсегда вам преданный ваш покорнейший слуга

Михаил Максимович

Прошу покорнейше передать А. С. Пушкину мой поклон и *чолом*.

14 октября 1833 г., Москва

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Препровождаю при сем к вам экземпляры "Стихотворений Н. Тепловой", по поручению сочинительницы: они вероятно вам

*

Сергея Семеновича Уварова.

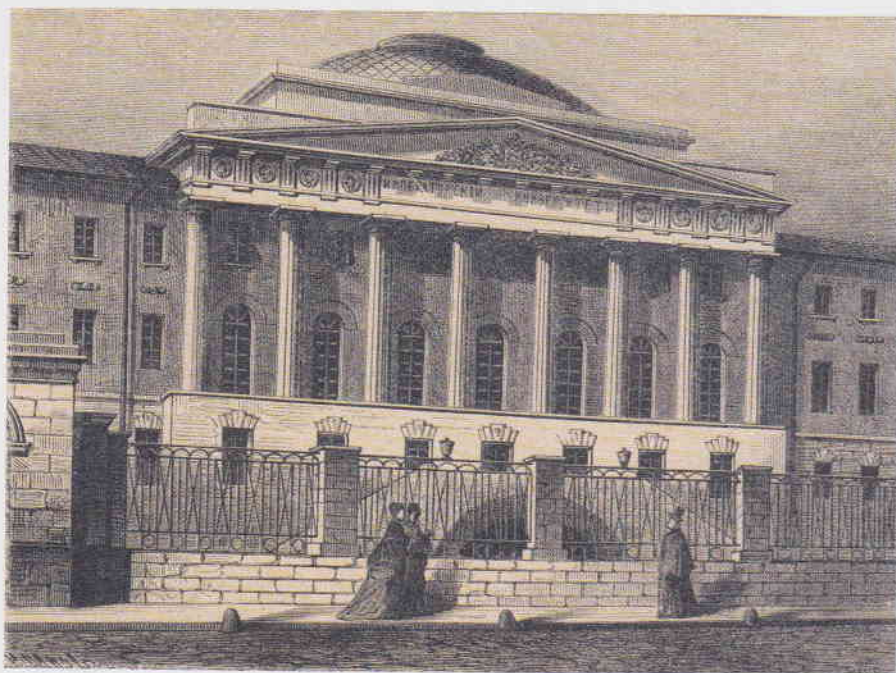
Сергий Голицин.
Гравюра XIX ст.

понравятся, ибо к ним можно применить ваше поэтическое правило: *Вы будьте истинны!*

Мое университетское, московское положение, о котором я писал к вам от 22 июля, теперь разрешилось и улучшилось, ибо, наконец, я сделан ординарным профессором ботаники. Таким образом я получил все желанное по Министерству просвещения: теперь надежда на Вас, ибо от финансов будет зависеть улучшение университетского бытия, скудного в сравнении с лицейским и даже с гимназическим, столь улучшенными, достаточными, по благодати новых уставов. А чтоб не оставить без ясных доказательств, вам сообщу следующее: профессор Щепкин* подал просьбу о помещении его учителем математики в Дворянский институт (или Первую гимназию) и увольнении от должности профессора, — из попов в дьяконы. Скоро ли новый устав, — дай Бог скорее... Вот наше желание университетское, ибо с тем должен улучшиться не только быт профессорский, но и сам университет. В нынешнем году прием студентов был очень удачный и строгий: прошений было до 180, и по оным принято только 56 человек. На первый раз это имело некоторые невыгоды для частных лиц, но впоследствии это должно принести несомненную пользу: ибо чрез это будет лучше поневоле доуниверситетское учение; и в самом университете может быть возвышено преподавание наук, сообразно большему развитию умственной приемлемости слушателей.

Между прочими занятиями моими ныне состоит издание и "Денницы", которой два листа уже корректуются.

Сделайте одолжение мне, не откажитесь прислать что-нибудь вашего сочинения: в стихах, а если можно, и в прозе — хоть несколько строчек. К 1-му декабря хочется мне кончить издание оной; потому покорнейше прошу принять в соображение к просьбе моей сие обстоятельство. Буду ждать с нетерпением и терпением вашего прислания; хотя уверен, что вы теперь сильно атакованы с литературной стороны.

Старий будинок Московського університету. Гравюра XIX ст.

*
Павел Степанович,
ординарный профессор чистой
математики Московского
университета.

При сем, свидетельствуя вам мое искреннее уважение и признательность, остаюсь вам преданный и покорный слуга.

Михаил Максимович

Р. S. На днях я получил стихи и письмо от Языкова. Он сделал страшный гомеопатист: не иначе как с восторгом говорит об ней и предпринял на своем иждивении сделать и напечатать перевод "Гомеопатической Терапии" Гартмана, возложив на меня хождение по сему делу. А как гомеопатия в немилости у врачей-аллопатов, то позвольте обратиться к вам со следующим, в предохранение напрасных убытков нашего Языкова: не помешает ли медицинская цензура напечатанию сей гомеопатии... Это, кажется, преимущественно зависит от Министерства внутренних дел.

28 ноября 1833 г., Москва

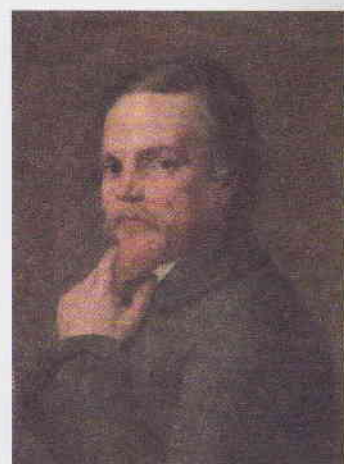
Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Благодарю вас покорнейше за попечительное ваше уведомление о Языковском предприятии и, от имени стихотворицы, за одобрительный прием ее книжечки. Что касается до "Денницы", то я никак не могу остановиться на той мысли, чтобы ей выйти без вашего имени: неужли в это время, на мое счастье, ничего у вас не прибыло? Мне бы хоть одно ваше стихотворение! Притом же я помню у вас была прелюбопытная записка о *само-прекращении* раскольников. *Вы* конечно бы имели право ее огласить, — а как бы она была эффектна в настоящее время *действительности*...

Принимаю совет ваш: от добра добра не искать; но вы еще спрашиваете: не разыгралась ли снова во мне тоска? Разыгралась ль — не знаю; но она положила мне в сердце дитя свое — неодолимую тоску по юге, и этот невытравляемый червь пробудился и шевелится во мне с той поры, как в Киеве назначен университет. Если правда, что и дым родины не противен, то благоухание цветов ее и цветов ее поэзии упоительно, особливо для ботаника, — и я, кажется, тогда только буду доволен и покоен, когда сбудется мечта моя и червь тоски моей вполне *превратится* на цветах Украины, когда вместе с Языковым скажу: *здесь дома я, здесь лучше мне!*.. Потому мне *должно* перейти в Киев и разводить там плоды флоры Московской, которые растил и собирал я 13 лет; — только там они размахровеют!.. Я не стану употреблять во зло вашего ко мне расположения просьбою нарочного обо мне старания; но, если случится вам говорить с нашим министром, то замолвите свое слово о выгодном перемещении в Киев меня, с моею богинею Флорою, которая в кабинете моем завидует доле Данаиной. Быть в университете Святого Владимира для меня лучше и желаннее, чем носить крест его в Москве, хотя бы то и на шее...

Продолжение моего "Наума" (за добрую память о коем вам великое *спасибо*) последует, кажется, в феврале; к тому ж времени должно будет повторить первую книгу, ибо 1300 экземпляров уже разошлось и остается только около 150. — Песни мои до времени молчат, покамест Москва напеваает мне, как бабушка — репку; а я ей — дон, дон, а того лучше — дом... С

Микола Языков.
Портрет 1840-х років

этою мыслию, с верою в вас, с надеждою на Ваше прислание и с любовью к вам остаюсь ваш преданный, покорный слуга

Михаил Максимович

P. S. В проезд Пушкина, кажется, Нащокин был его монополистом; ибо никто из пишущей братии не поживился им и его уральским златом. Сделайте милость, нельзя ли достать хоть отломка от его самородков или песчинок несколько, хоть под предлогом таможенной *пошлины*.

21 марта 1840 г., Киев

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Препровождаю при сем экземпляр изданного мною "Киевлянина" и покорнейше прошу принять оный с тем же благорасположением вашим, с которым вы содействовали мне из москвича сделаться киевлянином. Скоро шесть лет уже тому... и я, хотя не писал к вам, а только напоминал о себе иногда моими киевскими брошюрами, однако не переставал помнить и вспоминать вас и вашу добрую ко мне приязнь. Теперь являюсь к вам по-прежнему альманашником; "Киевлянин" мой есть продолжение "Денницы", но с другим уже видом, в другом свете и цвете: там было вооружение против поляка* и ему подобной братии за честь русской словесности; а здесь стоим и ополчаемся противу польского духа за святую, древнюю, первозванную Русь Киевскую. Но прозаическая сущность и там, и здесь одинаково

*

То есть, Булгарина.

Титульна сторінка альманаху М. Максимовича "Киевлянин". 1841 р.

должна убираться цветами поэзии: "Киевлянин" будет завидовать "Деннице", если он не будет запечатлен вашим именем, вашей поэзией, без которой — он скучает, как-то сам не свой, и как бы ни был полон, всегда будет в себе ощущать пропуск. Позвольте и теперь повторить пред вами ту просьбу, которую к вам я обратил в письме — и не в одном еще — к Жуковскому: означьте вашим именем и вашим стихом поэтическое убранство моего "Киевлянина", которого — смею уверить вас — блюсти стану в чистоте духа и в возможной по здешним средствам красоте формы, и ничего, никого недостойного не допущу в него. Пусть и на "Киевлянине" блеснет луч вашего света, которым так блистала моя московская "Денница"!

Прилагаемый экземпляр "Киевлянина" покорнейше прошу доставить Жуковскому: вам верно удобнее это сделать, чем отсюда мне, и тем более, что я не знаю, где он теперь.

На здешнем горизонте ничего нет полного жизни и утешительного для души, кроме священной русской старины и — преосвященного Иннокентия*, одного из немногих людей, про которого можно сказать: се человек! Самое небо во все это время такое переменчивое, и солнце как будто не хочет пригреть Киевских гор, чтобы оне дохнули весною... Снег глубокий все еще лежит на них...

Если бы вам угодно было взглянуть на меня собственно, то вы бы увидели меня весьма уже одряхлевшего без старости: вот уже другой год совсем подкосились ноги, так что я почти безвыходный домосед и еще чаще лежень; — скоро желаю поневоле быть вольным козаком — то есть, не быть в службе; и потому буду коротать век свой над "Киевлянином", украинскими песнями, и — вероятно тогда только в состоянии буду кончить своего "Наума" и историю русской словесности; но главное средоточие деятельности моей останется "Киевлянин", — и потому... помогите мне вашим содействием и участием.

При сем с душевным к вам почтением и преданностию честь имею быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Михаил Максимович

*

Скончался в сане архиепископа Херсонского и Таврического.

29 ноября 1840 г., Киев

Милостивый государь князь Петр Андреевич!

В марте месяце я имел честь препроводить к вам моего "Киевлянина", а с ним конечно дошла к вам просьба моя о литературном вкладе для второй книжки сего издания. Теперь присела пора для решения оной просьбы, и я прошу покорнейше вас о милостивом решении оной, чем весьма бы обязали и утешили меня — труженика-издателя; тем более, что на сей год "Киевлянин" мой, еще ближе приступив к иноческому званию, отрекся от литературной суеты мира сего — впрочем не от поэзии, — и не захотев уже знаться с стихотворящею молодежью, желал бы высшего украшения себе — лишь немногими, избранными именами лучшего мира и лучшего времени нашей поэзии.

При сем с совершенным почтением к вам и душевною неизменною преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою.

М. Максимович

3 сентября 1868 г., Михайлова Гора

Сегодня рано утром получил я письмо ваше, глубоко чтимый князь Петр Андреевич, от 22 августа, и был несказанно рад ему, как первому привету и дорогому, нежданному подарку мне в день моего рождения. С этой золотой грамоты вашей и началось чтение мое на 65-м году жизни, давшее мне веселие и усладу на весь этот день мой... Благодарю вас — с тем же чувством к вам, с каким был я во время оно и пребуду дондеже есмь! А для видимого знака к тому кланяюсь вам ныне отображением меня юного, каким был я в 1824 году; а к тому еще прилагаю, лет за 20 написанное *воспоминание* о моей родной *Золотоноше*, которой вы придали название "Калифорнии".

Давно выбывший из российского календаря (легко сказать — с 1841 года!), — давно отпетый в "Биографическом словаре профессоров Московского университета" (второй том его начинается моим именем), — я все еще тяну мое тягло русским музам и в особенности Мнемозине Киевской, — хотя эта старая ведьма, кажется, и не примечает меня, закабалившего себя ей с 1837 года, и благоприятствует более любимцам другой киевской ведьмы, слепой Фортуны, любящим загребать жар чужими руками и пожинать то, чего не сеяли, там, где не пахали... Но несмотря ни на что, я продолжаю свое дело, на основании староукраинских казаков, которые бывало отбывают службу по 50-ти лет на своем коште и за то — в награду — получают *абшит*, увольняющий их от всяких общественных повинностей! А моей службе русским музам пошел уже с мая месяца 46 год... Даруй, Боже, здоровья и силы дотянуть до 50-ти; а там уже — я вольный, совсем *вольный казак* буду на моей пустынной Михайловой Горе, отложив всякое попечение житейское...

Дней за десять я вернулся сюда из Золотоноши, утомленный порядочно на бывшем там земском собрании, в котором принимал участие в качестве *гласного*, не умея отказаться от этого звания и на другое трехлетие; да и несправедливо же отказываться от участия в таком благом деле, как земство русское, при его начале... А дней через десять я стану укладываться на зимовку в Киев, куда отправлюсь с моим 8-летним *Алексейком*, чтобы его пристроить там где-либо на учење книжное, а самому поработать еще над изучением старины Киева и Киевской Руси, которое составляет ныне мою *специальность* (не знаю, как Погодин с Далем переведет это словцо по-русски). Там и предполагаю пробыть до весны. Туда и благоволите адресовать, — если вам, в свободную минуту, придет желание обрадовать своим письменным отголоском душевно и неизменно преданного вам Максимовича.

"Цветы — поэзия лугов,
Поэзия — цветы пустынной дебри нашей:
Вы изо всех земных даров
Свежей, роскошнее и краше".

*

Это четверостишие некогда было написано князем Вяземским в альбом Максимовича.

Вспомнете ли вы это дорогое для меня четверостишие?..*
"Было время — где вы, годы золотые?.." Простите!

Весна — и с нею оживает
 Воспоминанье юных лет;
 И предо мною воскресает
 Все, чем прекрасен был мне свет;
 И снова в сердце возникает
 Привет тебе, наш князь-поэт!
 Пусть он с Днепра к Неве несется, —
 И в сердце чутком отзовется.

18 марта 1869 г., Михайлова Гора

В прошлом сентябре, обрадованный письмом вашим, я имел удовольствие писать к вам, глубокопочтимый князь Петр Андреевич! В те поры я собирался на зиму в Киев, но пришлось мне провести ее у себя, в Михайлогорской хате, почти затворником. До нового года написал кое-что о богохранимом граде Киеве, напечатанное в первых четырех номерах "Киевских епархиальных ведомостей", где я помещаю всего чаще свои писания; с января писал о русской старине к Уварову*, по случаю археологического съезда, и за прекращением Погодинского "Русского..." Без него как-то скучно мне стало, хотя и не весел был он в последнее время своего недолгого веку.

До Великодня буду на Михайловой Горе, а в мае предполагаю ехать в Киев, чтобы поклониться по его окрестностям, еще не довольно мною исследованным.

Как вы проводили эту зиму и где будете летовать до новой зимы? Да хранит вас Господь везде и во всякое время!

Душевно преданный вам

Михаил Максимович

P. S. В Москве, в 1857 году, вы видели и одобрили мой опыт переложения псалмов на украинское наречие. Препровождаю к вам еще один, не напечатанный нигде, псалом 103. Одобрите ли его?.. В моем "Украинце", изданном в Москве 1859 г., напечатано было 29-ть. А в "Галичанине" 1867-го помещено еще пять, которые удачнее прежних; но в Киеве так боятся и не любят *украинофильства* (обращенного самими же в гороховое пугало), что даже тех *пяти* псалмов, которые думал было я поместить в "Украинце" 1864 года, не дозволили; а ведь в предисловии к русскому переводу "Псалтири" сказано: "Бог, благоволивый святому Слову Своему

*

Графу Алексею Сергеевичу.

Олексій Уваров.
 Фото другої половини XIX ст.

Тарас Шевченко. Автопортрет
у шапці та кожусі. 1860 р.

быть проповедану на всех языках и наречиях!" Пусть не дозволяют переложений Евангелия и Псалтыри на украинское наречие (которые, впрочем, неизвестны мне); но чтобы не позволять и стихотворных переложений псалмов — это уже из рук вон! Тогда мне придется этот 103-й псалом назвать: подражанием Державину "Величию Божию" или Сумарокову, а не псалмопевцу Давиду!

Псалмы, переведенные Симеоном Полоцким, некогда взростили поэта Ломоносова. Может быть, и моим псалмам суждено впоследствии зарониться в душу какого-нибудь крестьянина-украинца зерном горчичным и дать ей поэтическое настроение. Я желал бы напечатать особою книжкою псалмов двадцать, — которые переведены у меня удачнее прочих, — и посвятить эту книжку Острожскому братству, чтобы там, в Остроге, своенородная, местная речь слышалась не в одних простых и часто недобрых песнопениях, но и в посвященных хвалению Господа Бога. Прошу вас передать эту мою мысль графине Антонине Дмитриевне Блудовой, угодна ли будет она ей?.. В таком разе я приготовил бы к изданию и прислал бы ей те из моих переводов, которые при новом чтении их найду удачнее прочих; а в Петербурге, не то, что в Киеве — напечатать позволят, — ибо позволяют печатать и Шевченковы переводы псалмов, лучшие моих стихом, но более отдаленные смыслом. Впрочем, если мое намерение и вам, и графине Блудовой покажется излишним, я спокойно с ним расстанусь, как и со многими другими налетающими на душу помышлениями.

Симеон Полоцкий. Гравюра первой половины XIX ст.

8 июля 1870 г., Михайлова Гора

Истосковалась уже душа моя по вас, драгоценнейший князь Петр Андреевич, что так давно остаюсь без ведения о вас и письменного общения с вами... Только посылкою брошюр моих печатных я давал иногда вам знать о своем, еще продолжающемся на сем свете, существовании и моей нескончаемой о вас памяти; письмами же я не позволял себе врываться в покой вашей души и вымогать ее отзывы.

Под конец июня я утешен был здесь тем, что наконец устроилась судьба моего старейшего, умственного детища — "Книга Наума о великом Божем мире", которую приснопамятный Денис Давыдов, в своем письме ко мне, некогда назвал — "лучною, вспыхнувшею в курной избе поселянина". Эта книжица, *одинадцать* раз уже от меня изданная, принята от меня навсегда в распоряжение и собственность Министерства народного просвещения. В Иванов день (24 июня) я имел честь получить о том письмо графа Д. А. Толстого и того же дня написал благодарственный ему ответ.

Теперь у меня на сердце остается печаль о моем, уже десятилетнем живчике *Алексеяке*. Пришла пора *узаконенная* отдавать его на учение книжное; но куда — способу не приложу. Была в эту зиму надежда, что отдам его в Москву, на Девичье поле, в питомник, который устроить предполагал Погодин. Но его зимняя роковая болезнь помешала устроиться тому питомнику. В здешней же стороне не найти мне для *Алексеяка* моего такого

*
Отец профессора Адриана
Викторовича Прахова.

педагога, каков был, например, некогда рекомендованный мною вам кандидат *Прахов**, — хотя княжата ваши и посмеивались бывало, как он, приходя на уроки, в вашей прихожей (на Никитской) расправляет перед зеркалом свои бакенбарды... В три последние года я брал сюда и гимназистов, и гимназисток, да не было в них удачи, и мой Алексейко с своей художественно-прекрасною натурою остается еще пока дикорослым хлопчиком. Видно, суждено ему поучиться здесь, в Киеве, куда надеюсь перебраться в начале будущего августа месяца, чтобы там и зимовать.

Тогда — я предполагаю снять с совести моей еще один долг, долг авторский: напечатать "Слово о Полку Игореве" в подлиннике и об руку — с моим переводом. Для того я препровождаю к вам листки перевода моего, лет за несколько напечатанного в Киеве, в одном сборнике, не стоящем вашего внимания...

Не поспушите на свое время и внимание и прочтите критически этот перевод мой, имея в виду только язык и слог его: каждая поправка и заметка ваша для меня будет важна и полезна, — и мне не хотелось бы издавать этого перевода, не прошедшего через *вашу* критико-эстетическую и для меня верховную цензуру... Не сомневаюсь, что и вам приятно будет прочесть лишний раз, хоть и в слабословном переводе моем, древнерусскую песнь, которой посвящал труды свои и ваш почтенный сын**, и которая с Екатеринына века и до сего дня не перестает занимать собою русских людей — от Мусина-Пушкина и до Майкова. О ней немало было писано и мною в продолжение последних 35-ти лет; а потому предполагаемое мною ее издание будет уже иметь в ученом мире именитость или авторитет. Как же мне было не пожелать *вашего* внимания и одобрения моему дословному переводу ее на нынешний русский язык, дабы не было в нем "акцента малороссийского!"

Много обрадуете меня вы, высокочтимый князь, возвращением этих невзрачных листков "Игоревой песни", с вашими поправками и заметками.

Да хранит Господь милосердный здравие ваше на многия лета! Искренно преданный вам и глубоко уважающий вас

Михаил Максимович

Титульна сторінка книги
"Слово о полку Игореве".
Переклад М. Максимовича

7 декабря 1871 г., Михайлова Гора

Царскосельское письмо ваше, драгоценнейший и высокочтимый князь Петр Андреевич, адресованное в исходе октября в Киев, получил я весьма несвоевременно, из Золотоноши, в Михайлогорской хате моей, в которую переселился я на всю зиму. Обрадованный вашим приветным писанием и вместе опечаленный вашею невеселою вестью о вас, — я немедленно настроичил было вам предлинное послание; но в следующее утро укорил себя за излишнее, непомерное разглагольствие, в припадке почти женского самовыражения написанное, и бросил в затопленную печь, так охотно принимавшую и принимающую в свой зев мое бумажное топливо... В моем здешнем одиночестве есть своего рода удовольствие и отрада: высказаться на письме, отвести на нем душу и предать пламени, чтобы твоя задушевная печаль не удручала собою другой, любезной тебе, души, у которой на этом свете и своих печалей накапливается не под силу...

Я переждал ненастные дни здешней осени, не соблазнился даже и северным художником морозом, рисовавшим на нижних стеклах моих окон густолиственные кущи, а на верхних мгlistое небо, с пробивающимися сквозь него светлосветными кружками... Только сегодня стал падать с неба — и на замерзший Днепр, и на Михайлову Гору настоящий зимний снег, тот, который в двадцатые годы был воспет вами в Москве белокаменной... И мне совестно стало, что у вас доселе, там в Петрограде, нет ответного моего слова на вопросы ваши. Вот оно в следующих пунктах.

1) Не *a priori*, а своим опытом дознал я то, что осмеливаюсь теперь присоветовать вам. Залеченный до полусмерти в Киеве, я в 1841 году, перебравшись на Михайлову Гору, дал себе клятву: не принимать два года никакого медикамента. И я, стоявший уже в гробу одной ногой, возвратился к жизни, которою наслаждаюсь и до сего дня, вследствие тогдашнего отречения моего от всяких лечений. — Хотя у вас в Петрограде при дворе есть такой лейбмедик, Федор Степанович *Цыцурин*, бывший киевским профессором и моим приятелем, который заткнет за пояс всех своих знаменитых учителей западноевропейских; но я надеюсь, что если бы вы и к нему обратились за советом врачебным, он сказал бы то же: оставьте себя на некоторое время свободным от всяких медикаментов; — при этом вспоминается еще мне наш московский, достопамятный профессор медицины Иустин Евдокимович *Дягьковский*, писавший некогда в Киев, что поддавшись он германским эскулапам, был не только ограблен, но и залечен ими понапрасну. Итак — все врачествословие отжените от себя, по крайней мере, до будущей весны.

2) Зимовка в Киеве для вас, страдающего нервами, и невысказанно! Зимовал я, после отставки моей, трижды в Москве многозвонной (на 1850-й, 1858 и 1859-й годы) и в Киеве (на 1845-й, 1865, 1867, 1871-й) — и каждая зимовка в Москве была для меня не только приятнее, но здоровее гораздо, чем зимовки в Киеве, особенно последняя в 1870—1871 годах, на Бибиковском бульваре, в доме Горецкого, хотя в этом доме прибавился незнакомый дотоле мне *Пономарев*, вскоре ставший одним из любимых мною, — так же как и вами, — земляков моих...

Не запоздал я сообщить ему отсюда ваш новый адрес, в вашем письме ко мне начертанный, который ему хотелось от меня знать, чтобы писать к вам. Много приятного передал он мне о вашем пребывании на южном берегу Крыма; сам он предполагал ехать на зиму в Одессу, в находящееся там подворье афонских черноризцев, если получит их на то согласие, чтобы там написать или дописать книгу об Иисусе Христе, за которую взялся он, по их заказу. — В Киеве у него, слабого здоровьем труженика, такая однокомнатная квартирка, со входом прямо из холодных сеней, что в ней и осенью видеть его было мне больно, — его, неутомимо работавшего не только над указателем статей, помещенных в "Киевских епархиальных ведомостях" за 10 лет, — не только над известием о моем Юбилее и подробным перечнем и отчетом о всех писаниях киевского, михайлогорского юбиляра, но в то же время и над дополнительными сведениями о бессмертном юбиляре холмогорском, для Академии Наук.. Не случилось мне спросить, что он заработает от этой последней за крохоборный, кротопливый труд свой о великом русском человеке;

но не воздержусь перед вами умолчать, что за описание моего юбилея в газете "Киевлянин" он получил от ее издателя 20 р. серебром; а за его статью, обо мне и сочинениях моих для с.-петербургских журналов написанную, будет ему заплата — 150 р. серебром. — Ах, когда бы уже скорее он, стряхнув с себя столь привычную для него библиографическую копоть и пыль, уселся на зиму где-либо и вдохновился на писание вышеупомянутой книги для святогорцев!.. Я звал его даже в свою хату на зиму, чтоб нам воодушевлять и подгонять друг друга на заветные труды... Ибо покаюсь перед вами, что зимою в Киеве к новому году переплел себе красивый томик, и в начале его, 1-го генваря, написал заглавие: "Книга о Киеве" и несколько страниц вступительных, в намерении дописать к весне; но и доселе еще та книга остается при том же вступлении... И если здесь, к новой весне, она не будет написана, то значит, что совсем изветшал и исписался... Хоть бы мой старый друг-товарищ Погодин уделил мне малую толику от своей неутомимой, неукротимой писательной ярости и силы. Жду с нетерпением получить от него полный экземпляр его древнерусской истории, читанной мною в корректурных листах только до 1073 страницы. Жду известия и от нового приятеля своего Пономарева, где он и что с ним? Был бы я очень счастлив на исходе сего 1871 года, если бы получить мне в моем уединении здешнем известие о вашем местопребывании до весны и состоянии вашего драгоценного здоровья и настроения душевного... Надиктуйте еще ко мне хоть строчку и скрепите ее рукою властною, на укрепление и воодушевление надднепровского отшельника, вседушевно преданного вам

М. Максимовича

Мой адрес: *Золотоноша* (Полтавская губ.), на Михайловой Горе. — А зимы тут опять нет, и снегом белеет только длинная полоса замерзшего Днепра; на земле и лесах темь, — и лишь изредка зелень.

Жена моя свидетельствует вам свое глубочайшее почтение. Мы оба скучаем за нашим киевским гимназистом Алексеиком. Господь да хранит вас!

23 января 1872 г., Михайлова Гора

На второй день Рождественских святок обрадован я был немедленным отзывом вашим, драгоценнейший князь Петр Андреевич, искони ко мне благосклонный; а на третий день нового года, на листе от Академии Наук, снова обрадовала меня собственноручная подпись ваша, блеснувшая мне ярко среди других более или менее светлых имен. Благодарю вас вседушевно за все, за все, в прошлые годы мною от вас слышанное и виденное, желая вам здоровья и благоденствия и вдохновения на весь нынешний год, в котором надеюсь лично услышать и увидеть вас; где бы то ни было, на русском протяжении от Невы до Черного моря, я найду вас непременно; впрочем, говорю это в тех мыслях, что вы на этот год не лишите Русской земли — быть вам в ее пределах, и не удалитесь опять на Европейский запад... (Вот видите, при мысли о нем и я выразился как-то не по-русски!)*

*

В мае того же 1872 года Максимович посетил С.-Петербург и имел утешение видеться с князем П. А. Вяземским.

Здесь на Михайловой Горе зимовка моя такая же неправильная и нестройная, как и зима нынешняя: дня за три здесь над Днепром было как будто в начале весны; но вчера и позавчера сыпал непрерывный снег с метелью, налагая на замерзшую землю санные дороги, которым несказанно обрадовались здешние селяне, — и сегодня утром, при безветренном морозе, восходящее солнце озарило такую прекрасную надднепровскую картину, для срисовки которой понадобилось бы многих живописцев, многих фотографических приборов; — но она пропала невозвратно, имея зрителем своим лишь одного меня, — из небольших окон ветшаной хатки моей, в своем утреннем неприборе, просыпающегося всегда задолго еще до солнечного восхода, но уже неспособного дышать надворным воздухом, когда он бывает выше шести — семи градусов; а лет за 12, в Москве, я выносил еще 10 градусов мороза, но не более того... Между тем, при свечном огне, я не способен стал ни читать, ни писать, еще с 1830 года, еще с жития моего в Ботаническом саду за Сухаревою башнею... И вот —

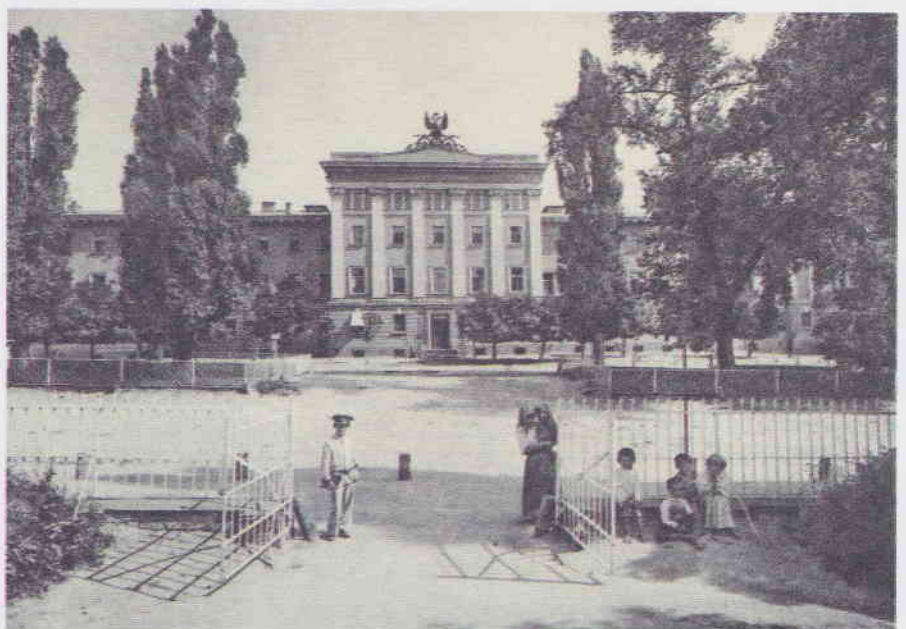
“За днями дни идут, идут напрасно...”

Сухарева вежа (Москва).
Розфарбована гравюра. 1825 р.

Несмотря на лестные для меня знаки общественного ко мне внимания, по случаю 50-летнего юбилея моего, доселе еще не прекращающиеся, не придают они мне новых сил и вдохновения на продолжение и окончание заветных трудов: я ничего не делаю для науки и литературы вот уже полгода!.. В декабре уповал на январь, теперь уповаю на февраль; но если и он с преемником своим мартом также пройдут бесплодно, то значит, что и *продолжение впредь* сего года (до будущей осени и зимы) ничем не означут в книжном мире моего существования... Чувствую, что я заплесневел в столь долгом привитании моем над Днепром, между Михайловой Горой и Киевом; — томлюсь желанием увидеть еще раз, в нынешнем году, и многомилую мне Москву, и Петроград, виденный мною только раз, в 1829 году, но вмещающий ныне в себе самых дорогих мне людей, — а потом — хотелось бы также увидеть, наконец, и Тавриду с перепутницей ее Одессою, и там вздохнувши и отдохнувши привольно, как во время оно, возвратиться в дом свой, доканчивать заветные свои труды. Для предположенных странствий нарочито отложена и положена в Киевский банк *тысяча* рублей, из тех *трех* тысяч (то есть, в наличности 2.700 р.), которые получил я, по милости царской, в качестве юбилея. Да взял еще, за 600 р. с чем-то, четыре билета первого займа на авось... но авоська 2-го января не принес ничего, кроме 10 р. за 4 купона, да слабый луч надежды на 2 июля, владельцу двадцатидесятинной Михайловой Горы, остающемуся по-прежнему на пенсионе своем, 62 р. с копейками в месяц, который другой год уже получается из казначейства киевского, во избежание трудных сношений с Полтавой и Золотоношей и для вящего сближения с Киевом, где обретается лучшая радость жизни моей, мой гимназист Алексейко, пробывший здесь все святочное время и снова умчавшийся на почтовых, 7 января, на Бибиковский бульвар, в первую гимназию. А я тут прибуду на пароходе в страстную седмицу, чтобы там провести весь Светлый праздник.

Перша кївська гімназія.
Фото кінця ХІХ ст.

Как же я заговорил о себе перед вами, высокочтимый и многолюбимый князь!.. Но уж на этот раз не брошу в печь этих листков, удовольствовав ее пламя двумя другими... Не взъщитесь за болтовню как прежних моих писем к вам, так и этого...

"Минута ему повелитель!"

Припоминается в эту минуту мне еще ваш стих к Готовцевой, данный некогда мне в первую "Денницу" мою (которой давным-давно не имею у себя, так же как и второй "Денницы", и второй речи моей "о русском просвещении" 1831 г. и многих других своих словопечатных изделий):

Вы будьте истинны,
Вы будьте — просто *Вы!*

Золотые слова сии стали для меня девизом и писаний, и деяний моих; ныне они вспомнулись по поводу справедливого замечания вашего о "Послесловии" и биографических писаниях современной литературы нашей, в которых не различишь правды от кривды, и которой хорошо бы помнить вышеприведенные ваши слова и обратить их себе в заповедь. "Публика — не шестнадцатилетняя девочка", — говорил некогда Пушкин. "С публикою нельзя обращаться как с закадычными приятелями и входить о себе в подробности для нее вовсе не занимательные" — сказали вы в своем последнем письме ко мне... Совершенная правда!

24 января. Мой вчерашний день на Михайловой Горе был под конец еще прекраснее, чем при восходе солнечном. В седьмом часу вечера появилось пожарное зарево над Днепром, тянувшееся к востоку: думали сперва, что это новый пожар на нашем побережье. Но зарево поднималось все выше, будто багряная радуга, а под нею светило небо бледнозеленым светом; багряная дуга, серединою обращенная прямо на север, концами своими то раздавалась на запад и восток, поднимаясь выше и на севере, то суживаясь и понижаясь немного, иногда достигая почти до полунеба. Воображаю, как хорошо было это необычайное северное сияние видно у вас над Невою! Но был невообразимо прекрасен вид Михайлогорского обширного кругозора, когда он весь под сиянием дня, красовавшийся белым снегом, теперь, при зареве северного сияния, весь блистал розовым отблеском его на всех близких и далеких своих местностях. При десятиградусном морозе я глядел и любовался этим дивным зрелищем изо всех окон своей хатки, — глядел до самой полуночи, и все также было оно прекрасно на земле и небе. Перед новым днем проснувшись, я не увидел уже этого сияния на небе, а только сверкали вековечные, приглядевшиеся уже звезды; — и после нового сна увидел я снова утреннюю зарю и восход солнечный, столь же ясные и прекрасные, как и вчера, да и полдень сегодняшней также ясен и прекрасен... Оставляю перо мое металлическое, оденусь и пойду освежиться на просторе поднебесном...

Неизменно преданный вам Михаил Максимович

Почтенному сыну вашему прошу передать мой Михайлогорский поклон. Моя Маруся дней пять уже за Супоем у своих родных; поехала на колесах, вернется на санях...

*Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева
и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому //
Старина и Новизна. Кн. IV. 1901. С. 187—212.*

ДАВИДОВ Сергій Іванович

*1790 — 17.III.1878. Князь, дійсний таємний радник (1844),
віце-президент Імператорської Академії Наук (1852),
попечитель Київського учбового округу (1838—1845)*

Походив із грузинського князівського роду. Здобув домашню освіту. 1809 р. поступив на службу в штат генерал-губернатора Новгородського, Тверського і Ярославського. З 1812 р. служив у чині підпоручика в 3-му піхотному полку Рязанського ополчення. Учасник Вітчизняної війни 1812 р.; брав участь у битві під Москвою та в закордонному поході російської армії. Разом з кінним полком Костромського ополчення, до якого був приписаний з 1813 р., перебував за кордоном (1813 — 1815) у Сілезії, Богемії, Вестфалії. Брав участь у багатьох битвах, зокрема під Магдебургом і Гамбургом, під час штурму Дрездена був поранений кулею в руку. В 1816 р. кн. Давидов знову поступив на військову службу тепер уже в Московський драгунський полк і через рік став ад'ютантом генерал-ад'ютанта Бороздіна. У 1818 р. був переведений до лейб-гвардії уланського полку, а в 1825 р. подав у відставку.

Через два роки колишній армійський офіцер вступає на цивільну службу чиновником з особливих доручень при Міністерстві фінансів. У 1828 р. Давидов у чині колезького радника став Вітебським, а згодом (1832) — Гродненським віце-губернатором, йому надано придворний чин камергера. Через два роки Давидова призначено Мінським цивільним губернатором у чині дійсного статського радника.

5 грудня 1838 р. згідно з царським розпорядженням його призначають попечителем Київського учбового округу замість Є. Ф. Брадке. Цей крок став цілковитою несподіванкою для міністра народної освіти, оскільки Сергій Іванович був людиною цілком випадковою на освітянській ниві, інтереси освіти були для нього чужими. Тодішній міністр народної освіти граф Уваров поспішно направив помічником нового попечителя досвідченого Карлгофа, доручивши йому фактичне управління Київським учбовим округом.

Сучасники характеризували князя Давидова як людину чесну, добру, навіть лагідну. Але разом з тим, як згадував М. Чалий, "попечитель кн. Давыдов был человек крайне ленивый... На экзаменах обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовал на лоскутке бумаги головки". Справами учбового округу він практично не займався, оскільки вони були для нього сферою новою і незрозумілою. Тому найголовніші кадрові питання вирішували чиновники його канцелярії, зокрема Лазов. Сам князь підписував документи навіть не читаючи їх, дотримуючись політики невтручання у вирішення справ керованого ним учбового округу. Інколи він навіть змінював свої попередні рішення, щоб зберегти службову честь своїх підлеглих.

У 1840 р. Сергій Іванович був нагороджений орденом Св. Анни I-го ступеня. Згодом його обирають почесним членом Академії Наук (1844). Того ж року він стає таємним радником. 13 червня 1845 р. Давидова переміщено з посади попечителя Київського учбового округу в сенатори і відряджено для ревізії Калузької губернії. Віце-президентом Імператорської Академії Наук він став у 1852 р. Почесний член Університету св. Володимира з 9 грудня 1849 р.

11 июня 1843 г., Михайлова Гора

Милостивый Государь
князь Сергей Иванович!

Предложение Вашего Сиятельства от 29 мая я имел честь получить сего июня 9-го дня и первым долгом себе поставляю принести мою глубокую признательность за все Ваше благосклонное ко мне внимание. Движимый сим чувством и моею любовию к Университету Св. Владимира, я с искренним усердием готов потрудиться еще на служение сему святилищу наук, от которого оторван я только тяжкою болезнью. Двухлетнее пребывание в деревенском уединении, без помощи врачебной, восстановило несколько мои силы; но оне еще недостаточны для точного и постоянного выполнения профессорской должности. Продолжительное ненастие и сильная стужа пробуждают еще в моем теле ревматические страдания, при которых мне чрезвычайно трудно было бы выполнять должность мою в высоких аудиториях университетского здания. Но если затруднение сие может быть устранено снисходительным распоряжением, по которому я мог бы и в сказанных случаях продолжать мои занятия непрерывно без ущерба для слушателей, то я готов принять на себя преподавание русской словесности с тем, чтобы в продолжение наступающего учебного года изложить всю историю русской словесности и сверх того занимать университетских слушателей критикою лучших русских писателей и разбором их собственных сочинений, полагая ежедневно для истории русской словесности две часовые лекции, а для занятия критикою одну двухчасовую. Постоянное присутствие в заседаниях университетских всего более меня изнуряло; а потому я в состоянии участвовать в них только по временам, для испытания студентов в русской словесности и в других необходимых случаях, относящихся прямо к моему предмету.

Если таковые занятия мои могут быть соответственны с видами Вашего Сиятельства и потребностью университетскою, то я в приятнейший долг и честь себе вманил бы возобновить мое служение Университету Св. Владимира, состоя под непосредственным начальством и распоряжением Вашего Сиятельства. Что касается до денежного вспоможения мне на предстоящий труд, то я могу совершить оный, если для годичного содержания себя в Киеве буду обеспечен выдачею мне от университета полного годового оклада, положенного штатом для ординарного профессора, за каждую лекцию по 15 рублей серебром.

Література

Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1.

З іменем Святого Володимира: У 2 кн. / Упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський. Київ, 1994. Кн. 1.

Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 6.

Столетие Киевской первой гимназии (1809—1811—1911 гг.). Киев, 1911. Т. 1—2.

Представляя все сие благоусмотрению и воле Вашего Сиятельства, с истинным почтением, признательностью и преданностью к Вам честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Михаил Максимович

19 августа 1843 г., Михайлова Гора

Предложение Вашего Сиятельства от 7 августа и 150 р. серебром, назначенные мне на переезд, я имел честь получить сего месяца 18-го дня, и вслед за сим поспешу явиться в Университет Св. Владимира для начатия в нем моих занятий. На преподавание русской словесности я считаю совершенно достаточным назначить три полуторачасовые лекции, как имел я в бытность мою профессором; ибо при таком числе уроков каждая часть русской словесности, распределенной на все четыре курса, может быть изложена в продолжение года во всей полноте, требуемой студентским званием и не обременительной для слушателей, которые сверх лекций должны иметь время для сочинений и других занятий, относящихся к сему предмету. Большое число уроков было бы несоразмерно ни с моими силами, ни с потребностью самого предмета, подобно тому, как и для многих других предметов в университете назначается и теперь менее восьми часов в неделю. Многолетним опытом я дознал вышеозначенное мною о числе лекций, необходимых для русской словесности, равно и то, что если профессору, участвующему в приемных испытаниях, назначается три лекции в неделю, то в годичный курс ему приходится только с небольшим девятью уроками действительного преподавания. Ибо, как известно Вашему сиятельству, из сорока учебных недель в году — в первое полугодие (из 5 месяцев оно) до трех и более недель, а во второе полугодие (из 4 ½ месяцев оно) около 4 недель проходят обыкновенно в испытаниях, так что, за вычетом сего времени и табельных дней, для действительного преподавания остается в первое полугодие около 50 уроков, а во второе не более 40. На сем расчете и основал я испрошенную мною сумму 15 р. серебром за лекцию, как 90-ю часть профессорского оклада, принимая на себя сверх лекций участие в заседаниях, назначаемых для испытания в русской словесности. Представляя все сие благоусмотрению Вашего Сиятельства, честь имею покорнейше просить, дабы мне было назначено три лекции в неделю с ежемесячным производством сказанной платы за каждую лекцию; я же потщусь быть всемерно полезным для воспитанников Университета Св. Владимира, не ограничиваясь одними урочными, условленными занятиями в Университете.

Киевская старина. 1898. Т. 63. Октябрь—декабрь.

ДАНИЛЕВСЬКИЙ
Григорій Петрович

14.IV. 1829, с. Данилівка, нині Барвінківського р-ну Харківської обл. — 6.XI.1890, Петербург, похований у с. Пришибі, нині Балаклійського р-ну Харківської обл. Прозайк, публіцист, архітектор, фольклорист, громадський діяч, таємний радник (1886)

Нащадок козацького роду Данилевських, син збіднілого українського поміщика. Навчався в московському Дворянському інституті (1841—1846), а з 1846 р. на юридичному факультеті Петербурзького університету. 22 квітня 1849 р. був заарештований у справі петрашевців, але 10 липня звільнений із Петропавлівської фортеці за недостатністю доказів. Університет закінчив у 1850 р. і в листопаді того ж року за рекомендацією П. Плетньова поступив на службу до Міністерства народної освіти канцелярським чиновником. З червня 1851 р. обіймав посаду чиновника з особливих доручень при А. Норву — товаришеві міністра.

Першим друкованим твором Г. Данилевського був вірш "Славянская весна" (1848). Знайомство з М. В. Гоголем (через О. Бодяньського, восени 1851 р.), їхні бесіди про літературу

Література

- Багалеї Д. И.* Материали для біографій южно-руських научно-літературних діячів. Київ, 1903. Вып. 1.
- Данилевський М. Г.* Данилевський по личным его письмам и литературной переписке. Харьков, 1893.
- Свйасов Є. В.* До історії написання праці Г. П. Данилевського "Основ'яненко" // Радянське літературознавство. 1980. № 2; *Свйасов Є. В.* Г. П. Данилевський в літературній полеміці початку 1860-х років // Русская литература. 1981; *Свйасов Є. В.* Г. П. Данилевський в літературно-общественном процесі кінця 1840-х — початку 1860-х гг. Ленинград, 1982.
- Трубацев С. С.* Г. П. Данилевський. СПб., 1893.
- Уманець М.* [Комаров М.] Г. Данилевський (Посмертна згадка) // Зоря, 1891, Ч. 1.
- Хресток П.* Україна доби селянської реформи в творах Г. П. Данилевського // Літературний архів. 1930. Кн. 1—2.

стали важливим етапом становлення Данилевського як літератора. 24 червня 1852 р. він опублікував на сторінках "Московских ведомостей" велику статтю на захист Гоголя від нападок Ф. Булгаріна.

Улітку 1854—1855 рр. Данилевський у складі археологічної експедиції відвідав Курську, Харківську і Полтавську губернії. Наслідком поїздки була стаття "Частные и общественные собрания старинных актов и исторических документов в Харьковской губернии" (ЖМНП, 1856, № 3). У 1856 р. записував народні пісні в Україні.

Після одруження в 1857 р. Григорій Петрович виходить у відставку й переїздить до родового маєтку батька — с. Петровське Харківської губернії. Дотримуючись ліберальних поглядів щодо селянського питання, він ще до реформи 1861 р. відпустив на волю частину своїх кріпаків й активно включився у громадську діяльність. У травні 1858 р. його обрали представником дворянства Зміївського повіту в Харківський губернський комітет, згодом — членом училищної ради, губернським гласним, почесним мировим суддею, а з лютого 1868 р. — присяжним повіреним Харківського судового округу. В 1869 р. Данилевський від імені Харківського земства підписав договір на будівництво Курсько-Харківсько-Азовської залізниці, одним із ініціаторів якого він був. Того ж року він переїздить до Петербурга і вступає на службу в Міністерство внутрішніх справ чиновником з особливих доручень. З початку 1870 р. він помічник редактора, а з серпня 1881 р. й до останніх днів життя — редактор газети "Правительственный вестник". У 1882 р. Данилевський призначений членом Ради Головного управління у справах друку, в 1886 р. дістав чин таємного радника.

Протягом усього життя Григорій Петрович пропагував українську культуру, зокрема літературу, хоча сам писав російською мовою. Найвідоміші твори — "Слобожане" (1854), "Нравы и обычаи украинских чумаков" (1857), "Беглые в Новороссии" (1862), "Беглые воротились" (1863), "Воля" (1864), "Девятый вал" (1874), "Мирович" (1875), "Последние запорожцы" (1879), "Княжна Тараканова" (1885), "Сожженная Москва" (1886), "Черный год" (1888) та ін., що увійшли до повного зібрання творів письменника у 24 томах (1902). Данилевський виступив першим перекладачем українських казок. Зокрема, його збірник "Степные сказки" побачив світ у Санкт-Петербурзі в 1852 р. Досліджував також історію української літератури. Праці Данилевського "Основ'яненко" (1855), "В. Н. Каразин. Материали для биографии" (1860) і "Сковорода" (1862) увійшли до збірника "Украинская старина" (1862) і були удостоєні Уваровської малої премії.

20 апреля 1854 г., Михайлова Гора

Милостивый Государь Григорий Петрович!

По последней почте получил я любезное письмо Ваше и поэтическое к нему приложение. Благодарю Вас сердечно за этот подарок и за Ваше доброе ко мне слово! Степными сказками Вашими, отчасти мне уже знакомыми, полюбуюсь теперь вновь и вполне, — и если найдется что сказать об них, кроме голословной похвалы, то я с удовольствием это сделаю со временем... Теперь же скажу только еще раз *спасибо*, и *помогай Бог!* Доброе

дело Вы вздумали и биографию нашего незабвенного, достопамятного *Основьяненка*. С ним, к сожалению, я не был знаком лично; и моя переписка с ним была редка. Посылаю Вам два письма его ко мне, от 2-й половины 1840 года: они, кажется, будут Вам пригодны и интересны для биографии. В них речь об его "Добром Пане", написанном для моего "Киевлянина", и об малороссийском правописании. Этот неважный предмет чрезвычайно занимал его; "столько раскольников у нас по этому предмету, что нужно бы составить вселенский собор из разных сект и решить дело" — писал он ко мне: и по его желанию и вызову неоднократно, начал было я писать к нему обстоятельное письмо о правописании малороссийском, во 2-й книге "Киевлянина...", но не кончил я, зане тогда пришел было конец всяческому начинанию моему и я был уже на исходе в бесконечность! Попрошу Вас возвратить эти два письма мне и прислать мне биографию, когда она отпечатается; я между тем отыщу для Вас автограф "Доброго Пана". Не странно ли, что я так охотно послал две дружины писем ко мне моего возлюбленного Гоголя, для его биографии, предпринятой в "Современнике", — и знаю, что она уже напечатана давно, и не вижу ее доселе. Хоть бы из дефектного экземпляра вырвали те листки, где биография, и прислали мне!

М. Максимович

20 февраля 1856 г., Михайлова Гора

Премного благодарен Вам, любезнейший Григорий Петрович, за вашего *Основьяненка*, которого я прочел давно с истинным удовольствием, — и обнимаю Вас от всего сердца за милое письмо ваше ко мне... как живо оно напомнило мне меня самого — за четверть века, и как будто сам я рвусь из Севера на простор украинских степей, на приволье днепровское! Но, когда Вы сказали мне, что Вы свой в кабинете Вяземского, в его архиве литературном — о, как охотно я поменялся бы теперь с Вами местопребыванием!...Знаете ли что? Да Вы редкий счастливец, просто баловень доброй доли вашей, лелеющей Вас, як маты кохану дытynu... Вы можете проводить ежегодно треть года на Украине, а потом возвращаться в просвещенный мир Севера... да это *идеал*, которого не достигну я доселе, при моем постоянном к нему стремлении! Да бежит же от Вас мысль переменить такую долю и менять ее на постоянное пребывание в глуши степной: одичаете, и тоска по родине обратится в гораздо худшую тоску на родине. Приезжайте ежегодно освежиться украинским воздухом, нахвататься степной травы, а потом с нею на Север претворять и перерабатывать — как Вы впрочем и делаете. Повторяю: ваша жизнь устроилась наилучшим порядком, и не рушьте его! Будучи слишком вдвое старше Вас, позволяю себе давать Вам это *опытное* наставление в жизни — извините, или скажите спасибо — а я делаю свое, и говорю Вам сердечную и житейскую правду. *Весна* — иное дело, и Вы правы, в стремлении своем отдохнуть весною на Украине! Московская или точнее сказать в *Москве* весна, равно как и в Питере, в сравнении с весною на Украине, действительно почти то же... да почему же не сказать, почти то же, что загорода или комора перед цветником...

меркотиньем пахне!.. Апрель и май — эти два месяца на Украине точно рай, и как жаль, что Вы не в прошлую весну направились к нам на Днепр; а в эту весну я не буду на Горе; уже решено, что я по первой просухе еду в Киев, а оттуда в Черниговскую губернию к своим родным, куда меня зовут на это время свои родственные отношения... Но если Бог поможет мне, как я уже и подготовился, перезимовать эту зиму в Москве, — мы с Вами — вон в *ту весну* устроим поездку сюда на Днепр, которого 60 верст можно увидеть с Михайловой Горы. Я в 1850 году, протомясь и нанюхавшись гнойной весны в Москве, решил, чтобы ни одной весны, сколько Бог пошлет их мне на долю, не проводить в Москве, а на Украине — во что бы ни стало! — Итак, мы нынешнею весною не сойдемся на берегу Днепра... Между тем, возвращаясь к прежнему, видя ваши исторические стремления, по Основьяненку и Сковороде, скажу вот еще что: весна на Украине все будет та же и через год, и через несколько лет и не уйдет от Вас: а князь Вяземский, хоть и зеленеет неувядающим лавром и кипарисом, но уйдет от Вас... Он для нас стоит украинской весны: не отрывайтесь от него, пока он в Питере, заслушивайтесь его — как соловья старого времени, это Вам клад дал Бог для историко-литературных работ ваших, — родник живой воды... упивайтесь светлым ее кристаллом. — Напишите мне что-нибудь о нем подробнее. Будь на вашем месте я, я занялся бы уже полным собранием его стихотворений, рассеял бы их по всем литературным украинцам, и уже написал бы сотню, другую примечаний по его изустным сказаниям: то-то был бы комментарий!.. Об украинском Диогене у меня нет ничего особенного. Есть одно письмо его, да не стоит внимания и приискания в бумажном хламу, от которого я отчужден на сию зиму; ибо он лежит в нетопленном флигельке моем. Вы напомнили мне о Соколове... Что его Купалова ночь? Написана ли? — Что "Дельвиг" Гаевского, которому прошу передать мой поклон, и если напечатан "Дельвиг" его, то — неужели не увижу его, как он посулил мне! Еще раз благодарю Вас за *Основьяненку*. — Вы прекрасною веткою в нем подарили всех малороссиян. — Автограф его "Добрый Пан" дожидает Вас, чтобы отдаться Вам в руки. — Сказки — чтобы Вам попробовать передать их нашу украинскою мовою! Знаете ли, что и я на старости — перевел украинским стихом "Песнь о полку Игореве".

Но, конец листу... Бог да поможет Вам в работах Ваших. Передайте мой низенький поклон князю.

Багалей Д. И. Материалы для биографий южно-русских научно-литературных деятелей XIX века. Киев, 1903. С. 21—24.

Григорій Сковорода.
Гравюра XIX ст.

ЖУКОВСЬКИЙ
Василь Андрійович

*29.I.1783, с. Мішенське Бельовського повіту
Тульської губ. — 12.IV.1852, м. Баден-Баден (Німеччина),
похований у Петербурзі. Поет, перекладач,
критик, таємний радник (1841)*

Батько — поміщик Афанасій Іванович Бунін, мати — полонянка-туркєня Сальха (Єлизавета Дементіївна Турчанінова). Прізвище і по батькові дістав від свого хрещеного батька — збіднілого дворянина Андрія Григоровича Жуковського, що жив "на хлебах" у Буніних. Виховувався в сім'ї батька, а потім (з 1790 р.) у приватному пансіоні Х. Роде в Тулі. Після закриття пансіону навчався у тульському Головному народному училищі, звідки був виключений "за неспосібність". Продовжив домашню освіту в сім'ї своєї сестри та хрещеної

Література

- Веселовский А. Н.* Поэзия чувства и "сердечного воображения". Петроград, 1918.
- Гарцман Ш.* Жуковский в Киеве // Київ. 1986. № 6.
- Дубровин Н. В.* В. А. Жуковский и его отношение к декабристам // Русская старина. 1902. № 4.
- Жуковский В. А.* Дневники. СПб., 1903.
- Жуковский В. А.* и Максимович М. А. // Харьковский Университетский сборник в память В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Харьков, 1903.
- Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883.
- Иезутова Р. В.* Жуковский и его время. Ленинград, 1989.
- Перец Л. Н.* Два украинских корреспондента В. А. Жуковского: Сборник статей, посвященных академику А. С. Орлову. Ленинград, 1934.
- Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853.
- Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь.* Т. 2. Г-К. М., 1992.
- Семенко И. М.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Москва, 1975.
- Шевырев С.* О значении В. А. Жуковского в русской жизни и поэзии. Москва, 1853.

матері В. Юшкової. Там для домашньої сцени написав свій перший літературний твір "Камилл, или Освобожденный Рим" (1795). Восени 1795 р. рідні спробували влаштувати Жуковського на військову службу до Нарвського піхотного полку. Питання про подальшу долю юнака остаточно вирішилось у 1797 р., коли його зарахували до Московського університетського благородного пансіону. Великий вплив на юнака мали філософські і суспільно-політичні погляди наставників (А. Прокоповича-Антонського, І. Тургенєва, М. Бакаревича); провідним для нього став моральний критерій. Із пансіону молодий поет виніс несприйняття політичних методів реорганізації суспільства, котрі, на його думку, обов'язково суцриводжуються насиллям. Слідом за своїми вчителями він покладав надії на поступову природну трансформацію і моральне вдосконалення особистості, а література у цьому процесі мала відігравати домінуючу роль. Тому свою творчість він розглядав як виконання високого громадянського обов'язку.

У 1800 р. Жуковський закінчив пансіон зі срібною медаллю, а на початку наступного року виступив одним із засновників Дружнього (Дружеского) літературного товариства. Воно проіснувало недовго, однак відіграло помітну роль у становленні нових, романтичних, принципів у російській літературі.

Після невдалої короткострокової служби в московській Головній соляній конторі (1802) Жуковський вийшов у відставку й виїхав на малу батьківщину з твердим наміром присвятити своє життя літературі. 1802 р. став початком його літературної слави. У журналі М. Карамзіна "Вестник Европы" з'явилася у його перекладі сентиментальна елегія Т. Грея "Сельское кладбище". Поява елегії "Вечер" (1806) ознаменувала остаточний перехід молодого поета до романтизму. Працював у журналі "Вестник Европы", однак ідейні та естетичні розходження з М. Каченовським змусили його в середині 1810 р. залишити часопис.

У серпні 1812 р. Жуковський вступив до 1-го піхотного полку Московського ополчення. Під час Бородінської битви перебував у резерві, потім був при штабі М. Кутузова, де присєднався до гуртка, що групувався навколо військово-похідної типографії. Після тяжкої хвороби дістав чин штабс-капітана й був нагороджений орденом Св. Анни, а згодом звільнений у запас. У 1814 р. поет написав віршоване послання "Імператору Александру", де виклав свої суспільно-політичні погляди, зокрема несприйняття насилля. З 1815 р. — член літературного товариства "Арзамас". Критично ставився до кріпосного права: у 1822 р. звільнив своїх нечисленних кріпосних. Відмовився вступити до "Союзу благоденства", не поділяючи його тактики.

У 1815 р. Жуковський був запрошений до імператорського Двору, при якому залишався майже 25 років, виконуючи функції вчителя російської мови майбутньої імператриці Олександри Федорівни, наставника майбутнього імператора Олександра II. Розробив систему освіти й виховання наступника престолу, покликану сформувати його ідеальним, на думку наставника, імператором (государем); головною наукою для нього вважав історію. Поет готував майбутнього царя на роль творця нової політики, побудованої на засадах християнської моралі, збагаченої історичними знаннями. Створювати не знищуючи — такою була формула політичних переконань Жуковського-громадянина. Перебування при Дворі наклало свій відбиток на світогляд великого романтика (ідеалізація російського самодержавства), проте, як влучно зауважив П. Вяземський,

"официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта. Душа его осталась чиста и в том, и в другом звании".

Поет допомагав засланим Баратинському і Глинці, декабристам, Герцену, брав участь у вирішенні долі Кольцова і Лермонтова, звільненні з кріпосної неволі Шевченка та родичів Нікітенка. У 20—30-х роках його квартира була одним із найбільших культурних центрів Петербурга: учасниками його субот були літератори, художники, музиканти, зокрема О. Пушкін, М. Гоголь, І. Крилов, брати Віельгорські.

У 1837—1839 рр. Жуковський супроводжував наступника престолу у черговій подорожі по Росії та Західній Європі. 6 жовтня 1837 р. він зробив запис у своєму щоденнику про перебування у Києві та відвідини його М. Максимовичем. Останній у своїх "Письмах о Киеве..." також зафіксував цю подію: "6-е и 7-е октября я провел с Жуковским, будучи проводником его по всему Киеву... Из представляющейся с Андрея Первозванного обширной панорамы Киева... Жуковский пристальнее всего гляделся в ту сторону, где Вышгород, город Ольгин, и срисовал себе тот вид... Рано утром 8 октября обнял меня на прощанье, и это уже было последнее мое с ним свидание". Из листа М. Гоголя до М. Максимовича від 7 квітня 1834 р. дізнаємося, що В. Жуковський і П. Вяземський брали безпосередню участь в організації переходу московського ботаніка на кафедру російської словесності Київського університету і що міністр народної освіти без особливого бажання дав на це згоду. У 1840 р. побачив світ перший випуск літературного альманаху "Киевлянин", що видавався М. Максимовичем. Серед інших творів він помістив вірш В. Жуковського "Цвет Завета". Успіх часопису надихнув ученого продовжити розпочате видання і він звернувся до поета з проханням зробити "новое утешение, подарив "Киевлянина" и на сей год произведением Вашей Музы, да явится он и теперь в свет не иначе, как украшенный Вашим именем и Вашей поэзией". Проте ані друга, ані третя книги "Киевлянина" вже не містили поезій Василя Андрійовича.

Відчуваючи свою непотрібність учню, Жуковський вийшов у відставку (1841) і виїхав до Німеччини, де одружився на дочці свого товариша, художника Г. Рейтерна. Хвороба дружини, дітей і власна завадили йому повернутися в Росію, про що він весь час мріяв. Виразом суспільно-філософської позиції поета стала книга "Мысли и замечания" (1850), котра вийшла друком уже після його смерті.

29 ноября 1840 г., Киев

Милостивый Государь Василий Андреевич!

В марте месяце я имел честь писать к Вам и в пакете кн. П. А. Вяземского препроводил к Вам экземпляр моего "Киевлянина". С той поры я хотя и сильно хворал, так что наконец стал формальным инвалидом Киевских Муз, однако успел составить вторую книжку "Киевлянина", и теперь, приступая к печатанию оной, обращаюсь к Вам с тою же песнею: сделайте мне и нам новое утешение, подарив "Киевлянина" и на сей год произведением Вашей Музы, да явится он и теперь в свет не иначе, как украшенный Вашим именем и Вашей поэзией! Без этого, мне кажется, нельзя и быть "Киевлянину", пока он не вовсе еще отказался от Поэзии, а от Поэзии отказаться ему то же, что и не

Цесаревич Олександр Миколайович. Портрет першої половини XIX ст.

быть. Мне сдается еще, что не только "Киевлянин" мой, но и наш Киев ждет себе именно Ваших звуков; а преосв. Иннокентий даже поручил мне (перед крещенскою вечернею) припомнить Вам подобное же его желание, о коем он говорил с Вами в Ваше памятное для нас посещение Киева. После того, как Вы пересадили "Цвет Завета" на мелкотравчатую мураву моего "Киевлянина", он обратил ее в Заповедный Луг, на котором — вследствие того — в нынешний год произрастают еще пока два только поэтических цветка, в том числе Хомяковский "Киев", посаженный при входе... Остальная поэзия "Киевлянина" существует в возможности. Что касается до прозаического поля, то на сей год оно засеяно уже статьями: о Выдубицком монастыре, о монастыре Гнилецком (о существовании коего древнем — доселе не было известно), о месте Туровой Божницы, о городе Луцке, о Волыни, о Литовском Государстве, и проч. и проч. — Относительно издателя могу сказать то, что он, хотя и наскучает Вам своим письмом и частою речью о "Киевлянине", но и эти самые поступки его зависят от того, что он желает всеми силами своими радеть о киевском своем издании. Впрочем, этих сил у меня так мало осталось, что я принужден был оставить службу и, живучи теперь совершенным отшельником, ожидаю на днях формальной отставки, а с наступлением весны — "я в пустыню удалюсь от прекрасных здешних мест"! Впрочем, и моя пустыня прекрасная: во ста сорока верстах ниже Киева, против устья р. Роси, где на Княжой горе был город Родна, — на левом берегу Днепровском есть гора, составляющая средоточие обширной и необыкновенно живописной панорамы, образуемой нагорным берегом Днепра, протяжением верст на сто. На этой, еще нежилой до меня горе моя пустыня, в которой, поминая мои Московские сады, буду заниматься садоводством и цветоводством, в надежде, что эта буколическая жизнь сколько-нибудь поставит меня на ноги и померкшее зрение мое прояснится..., а то, верите ли, с трудом читаю даже "Историю" Карамзина, а примечаний без увеличительного стекла не разберу ни строчки. Таким образом будущее лето решит, в состоянии ли буду возвратиться к книжным занятиям, — и в таком разе я мог бы каждую зиму и быть там, и заниматься "Киевлянином"; в противном же случае... Но я бы не желал и не хочу предполагать противного, хотя бы тогда уже без сомнения не беспокоил Вас, как теперь своими литературными просьбами. Но и тогда, как доньше, всегда не престану питать в душе моей живейшего чувства уважения и преданности к Вам, с которым имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

М. Максимович

Где теперь гуляет наш Гоголь?

*Перец Л. Н. Два украинских корреспондента
В. А. Жуковского // Сборник статей,
посвященных академику А. С. Орлову.
Ленинград, 1934. С. 95—96.*

ЗУБРИЦЬКИЙ Денис Іванович

*1777, с. Батятичі Жовківської округи
(нині Кам'янсько-Бузького р-ну Львівської обл.) —
4.I.1862, Львів. Історик, етнограф, архівіст*

Сім'я Зубрицьких належала до старої української дворянської родини — гербу Венява. Здобувши початкову освіту вдома, Денис у 1790 р. вступив до Львівської гімназії, яку закінчив з відзнакою у 1795 р. У подальшому навчався приватно, займаючись самоосвітою. У 1809 р. був обраний секретарем Перемишльського повітового управління, створеного військовими герцогства Варшавського під егідою Наполеона. Скориставшись перебуванням у цей час на теренах Галичини російських військ, Зубрицький опанував російську мову. Це уможливило обіймання ним у 1809 — 1812 рр. посади судового перекладача з російської мови при крайовому апеляційному суді. Згодом працював юстиціарієм у Перемишльському повіті. Хвороба дружини змусила сім'ю Зубрицьких у 20-х роках XIX ст. переїхати до Львова. На лікування було витрачено дві третини майна родини. Проте всі зусилля виявилися марними. У 1825 р. дружина померла. Після її смерті Денис Іванович самотужки виховував трьох своїх дітей — сина Альбіна й двох дочок — Агнесу та Станіславу.

Література

- Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Москва, 1916. Т. 1.
- Ваврик В. Д. И. Зубрицкий и его труды о Ставропигийском братстве // Временник Ставропигийского института. Львов, 1929.
- Головацький Я. Некролог Зубрицького Д. І. // Слово. 1862. Ч. 9.
- Дедицький Богдан. Своєжитєвьи записки. Львов, 1908.
- Довідник з історії України. А—Я / За ред. І. Підкови і Р. Шуста. Вид. 2-е, доопрацьоване і доповнене. Київ, 2001.
- Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в "Вестнике Европы" за 1885 и 1886 годы. Сочинение Якова Головацкого. Вильна, 1888.
- Ісаєвич Я. Зубрицький Д. і його діяльність в галузі спеціальних історичних дисциплін // Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР. Київ, 1963. Вип. 4.
- Капраль М. Історіографія Львівського Успенського братства // Україна в минулому. Київ; Львів, 1992. Вип. 1.
- Левицький І. Галицко-русская библиография XIX ст. (1801—1886). Львов, 1888. Т. 1.
- Орлевиц Грина. Денис Зубрицький — автор "Хроніки міста Львова" // Зубрицький Д. Хроніка міста Львова. Львів, 2002.
- Пашаєва Н. М. Неизданная переписка Д. И. Зубрицкого // Славянский архив: Сборник статей и материалов. Москва, 1962.
- Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). Москва, 1879. Вып. 2.
- Сварник І. Д. Зубрицький і "Хроніка міста Львова" // Дзвін. 2000. № 9.
- Студинський К. 3 кореспонденції Д. Зубрицького (1840—1853) // Записки НТШ. Т. XLIII. Львів, 1901.
- У 1829 р. Д. Зубрицький вступив до Львівського Ставропигійського Інституту, який був на той час єдиною українською світською інституцією. Обіймав посади префекта (керівника) друкарні, архіву та бібліотеки, провізора (наставника) школи. Він був найяскравішою і найпомітнішою постаттю у Ставропігії, користувався високим авторитетом серед її членів. Діячі Інституту тричі (1834, 1835, 1838) обирали його віце-сеньйором цього закладу. Проте Денис Іванович відмовлявся від довіреної йому високої посади, щоб мати можливість інтенсивніше проводити історичні студії. Членство в Ставропигійському Інституті зміцнило його зацікавлення історією.
- У 1848 р. Зубрицький став членом Головної Руської Ради — першого політичного органу галицьких українців. У той час, коли Головна Рада висунула перед австрійським урядом політичні вимоги (поділ Галичини за етнічною ознакою на дві провінції — українську і польську), Д. Зубрицький виступив із розвідкою "Границя між руським і польським народами в Галичині", в якій науково визначив західну етнічну межу української території й тим самим сприяв окресленню ареалу ймовірної української провінції. 1 березня 1848 р. він погодився стати редактором першого часопису українською мовою "Пчола". 1823 р. надрукував у німецькомовному журналі "Львівський паломник" статтю "Про пісні галицького народу" (перекладена М. Каченовським і опублікована під дещо зміненою назвою у "Вестнике Европы", 1827), де вмістив українські народні пісні. Це була одна з перших публікацій українського фольклору в Галичині.
- Основні історичні праці вченого побудовані у вигляді хронік, де цитувалися або переказувалися цінні джерела, більшість із яких уперше вводилися в науковий обіг. Праці історика завершили перший хронікально-джерелознавчий етап львівської історіографії. Автор праць: польською мовою — "Історичні дослідження про русько-слов'янські друкарні в Галичині..." (1836), "Літопис Львівського Ставропигійного братства" (1832, опубл. 1849 — 1850), "Нарис з історії руського народу в Галичині і церковної ієрархії в тому королівстві" (1837), "Хроніка міста Львова" (український переклад. Львів, 2002); російською мовою — "История древнего Галицко-русского княжества" (у 3-х т. 1852—1855), "Галицкая Русь в 16 веке" (1862). Підтримував російську схему давньоруської історії московського історика М. Погодіна, стояв біля витоків москвофільства в Галичині. Не випадково його згодом називали "отаманом Погодинської колонії". На замовлення останнього купував у Львові на його кошти й пересилав до Росії стародруки та давні церковні писемні пам'ятки. Однак не менш тісними були стосунки історика з І. Срезневським, В. Ганкою, П. Лукашевичем, О. Бодяньським та М. Максимовичем.
- Д. Зубрицький готував для публікації й пересилав Археографічній комісії Петербурзької АН копії історичних документів для видань "Акты Западной России" та "Памятники, издаваемые временной Комиссией для разбора древних актов". Підготував "Дипломатический кодекс Галичини", який, однак, не був виданий за браком коштів. Член-кореспондент Санкт-Петербурзької Археографічної комісії (1842), Петербурзької АН (1855), почесний член Київської археографічної комісії (1844), Московського товариства історії та старожитностей (1846).

22 апреля 1840 г., Киев

Милостивый Государь!

Письмо Ваше для меня чрезвычайно было приятно во всех отношениях, — и самый русский язык, ежечасно здесь слышимый, становится чем-то новым, более внятним и родным, более красноречивым в Ваших устах, чем под пером наших премногих писателей. Хвала и честь Вам, что Вы его усвоили себе, несмотря на полвека жизни Вашей! Пишите ко мне и ко другим русским, ради Бога, по-русски: не поверите, какое это наслаждение доставляет, хотя для Вас, — нам Вы говорите — труднее то, чем писать по-польски (*польска мова — цур ей, пек ей — обрыгла и тут до ката нашому брату, южному Русину... нехай вона зтямится! Буде з нею и того, що вы книжки на ей пишете да грукуете!*) Возрождение русской словесности в Червоной Руси есть явление утешительное; дай Бог, чтоб обстоятельства к тому благоприятствовали и чтобы молодое ваше духовенство не прекращало сего прекрасного и достопамятного начинания. На каком бы ни писали языке галичане, все равно, *лишь бы писали они о своей милой Руси*; но молодому — нынешнему и будущему поколению надо писать на своем родном языке, подобно немцам, французам, чехам и всем почти другим нациям. У нас в империи Русской, русским языком стал великорусский язык, которым и говорим, и пишем, и думаем, как языком общим, живое употребление и в Украине (в образованном классе народа) имеющем. Потому *все, что у нас пишется по-малороссийски, есть некоторым образом уже искусственное*, имеющее интерес областной только, как у немцев писаное на аллеманском наречии. У нас не может быть словесности на южнорусском языке, а только могут быть и есть отдельные на оном сочинения — Котляревского, Квитки (Основяненка), Гребенки и других. Южнорусский язык у нас есть уже как памятник только, из которого можно обогащать великорусский или по преимуществу у нас русский язык. Народные украинские песни и пословицы суть также только прекрасные памятники для словесности русской. Но для русинов Австрийской империи живой язык южнорусский; пора языка польского для них давно прошла, пора великорусского языка для них еще не наступала. Потому весьма желательно, чтобы они подобно Вам усвоили себе великорусский язык; но ваша червоно-русская словесность — по моему мнению — должна быть на Вашем родном русском языке — т. е. на южнорусском; и только в Галиции она может быть на этом языке. И потому для ваших молодых писателей наши народные песни должны быть не только как памятники прекрасные, но и как живые образы языка русского; там и формы уже готовые для галицких стихотворцев. Это хорошо поняли Головацкий, Вагилевич, Устиянович и Шашкевич и потому их стихи читаю с большим удовольствием и сочувствием, чем стихи Левицкого и прочих мне известных, кои от своего народного отбываются, а к великорусскому не пристали, и плавают между ними на искусственной середине, весьма неблагоприятной их поэзии. Так писали у нас Сумароков и Кантемир и другие в XVIII веке. — Гоголь пишет совершенно в малороссийском духе, между тем пишет по-великорусски и лишь

Маркіян Шашкевич.
Портрет кінця XIX ст.

немногие слова украинские употребляет; а между тем, читая его, кажется читаешь по-южнорусски. Ваши молодые писатели должны писать чистым южнорусским языком, какой представляется особенно в песнях и думах украинских и старинных червонорусских; а этот язык пополнять могут из старинных письменных памятников галицких и украинских, где много есть слов и оборотов — а потом уже пополнительным источником пусть будет великорусский язык, преимущественно перед другими словенскими. Для правописания сообразуем должен быть старинный способ писания южнорусский приноровленный к народному языку надстрочным знаком $\hat{}$ (а не \cdot , ибо у русских \ddot{e} , \ddot{o} , \ddot{u} = io). Я предложил этот способ в 1827 году; многие оный одобрили; старинное употребление в нем сохранено. И я не вижу причины, для чего, например, Вагилевич*, упрекающий Лозинского за писание польскими буквами, защищающий по справедливости нашу русскую азбуку, сам вопреки ей пишет не по-русски, изгоняет \ddot{z} , $ы$, вместо $в$ даже в глаголах пишет \ddot{z} \ddot{s} и вводит молдавское $джа$ (\mathcal{D}), как будто не довольно ясно будет поставить $дж$: правописание его "Русалки", признаться, очень дико, и правописание Левицкого более походит на русское. Если эти расколы и разногласия будут продолжаться в начинающей словесности и не примут все одного правописания, то это замедлит успех. И у нас Тредьяковский хлопотался очень о нововведениях; пробовали изгонять буквы \ddot{z} , \ddot{z} ; Лажечников издал недавно целый роман "Басурман", писанный как говорят (например, *маево*, *пашол*, вместо *мо-его*, *пошел*), как по-украински пишут харьковцы и поляки (польскими буквами); однако основой великорусского правописания все-таки осталось церковнословенское правописание, из коего развилась и великорусская и наша южнорусская письменность. Что хорошо Вагилевич (собственно Шашкевич) сделал, так это двойное e (\ddot{e} , \ddot{e}) и употребление \ddot{s} (только не везде). Прошу Вас покорно передать мои мысли вашим львовским писателям русским и поклониться им. Желаю им полного успеха, Бог да поможет им в том! — Я писал бы к ним, да не имею силы для этого;

*

Следует читать: Маркиан Шашкевич, который был собственно главным редактором "Русалки Днестровой" 1837 г., изданной в Будине, и автором статьи о русском веселье.

кроме гемороия и ревматизма, которыми страдаю другой год, я уже десять лет не вижу правым глазом, а левым могу читать только до обеда, и то теперь с трудом. — Не знаю, получили ли Вы посланные мною Вам описание Киевософийского собора и мою 1-ю часть "Истории древней русской словесности"? — Если Вам понадобится какая-нибудь книга, пишите ко мне, и я охотно Вам буду высылать. Теперь посылаю Вам "Киевлянина", изданного в 1840 году. Вот начало такого издания, которого назначение Южная Русь и коего Вы желали. Теперь посылаю только три экземпляра, для Вас, Вагилевича и Головацкого; при okazji пришлю больше. Если у Вас есть какие материалы, то одолжите

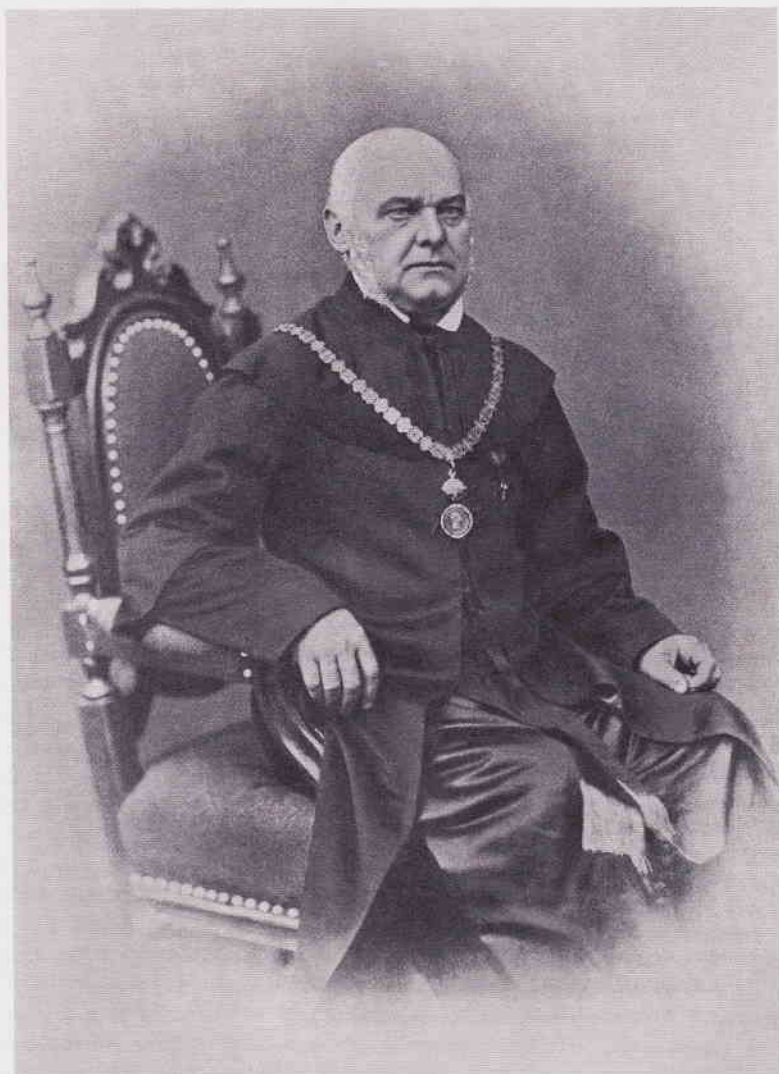

Титульна сторінка альманаху "Русалка Дністрова". 1837 р.

меня присылкою их для помещения в "Киевлянине". Если можно к октябрю месяцу напишите мне статью о Львове (о начале его, состоянии, особенно в XVI — XVII веках, когда была академия там, — о церквах замечательных и проч.); хорошо бы составить и статью небольшую о Галиции всей или Австрийской Руси Червонной и Карпатской (показав округа все, границы их, народонаселение, церковное состояние, наречия и пр.). Статьи Ваши будут очень замечательны и примутся у нас с удовольствием большим и успехом. Пишите хоть на польском языке; я переведу их на русский. Попросите Вагилевича, Головацкого и других однородцев моих быть моими сотрудниками и участвовать в "Киевлянине" статьями о Червонной Руси; хорошо если бы к октябрю или ноябрю что-нибудь я получил для второй книжки "Киевлянина". Пусть и галичане помогут "Киевлянину" и в нем отзывается их голос!

Михаил Максимович

P. S. Сообщите мне верную копию послесловия Ивана Федоровича к "Апостолу" Львовскому (1574) и копию герба его. —

Яків Головацький.
Фото 1864 р.

Г. Вагилевич занимается много мифологией; не может ли он написать для "Киевлянина" статейку о *Дивах*, верование коим осталось в Карпатах и было в Украине, как видно из песни Игоревой. — Желал бы я иметь еще подробное известие о *Ветхом Завете*, переведенном с еврейского (?) и хранящемся во Львове, о котором вкратце помянул Головацкий. Со временем я очень желал бы получать краткие *описания Галича* и прочих *Червенских городов*, подобно тому как у меня в первой книге описаны некоторые: прочтя их, Вы увидите, чего мне надобно. Все замечательное относительно Галицкой Руси будет у меня иметь место, только Бога ради присылайте и пригласите других.

Если мне поможет Бог нынешним летом освободиться от моей болезни и стать на ноги (ибо я так слаб ногами, что больше года почти не выхожу из дому), то я надеюсь в будущем году побывать у Вас во Львове и объехать всю Галицию, и даю в этом себе обет!

М. Максимович

Галичанин: Литературный сборник. 1863.
Вып. 2. С. 107—110.

ІВАНІШЕВ
Микола Дмитрович

5.XI.1811, Київ — 14.X.1874, Київ. Правознавець та історик права, доктор російського законодавства (1840), заслужений ординарний професор (1864), декан юридичного факультету (1849—1861), ректор Університету Св. Володимира (1862—1865)

Походив з дворянської родини. Після закінчення Київської духовної семінарії (1829) навчався на філософсько-юридичному відділенні Головного педагогічного інституту в Петербурзі, який закінчив у 1835 р. У 1836 р. здібний випускник був відправлений у закордонне відрядження до Німеччини та Чехії (для підготовки до професорського звання). Після повернення на батьківщину (грудень 1838 р.) призначений ад'юнктом юридичного факультету Університету Св. Володимира для викладання російських державних законів. 30 липня 1840 р. захистив дисертацію ("О плате за убийство в древнерусском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою") й отримав ступінь доктора російського законодавства. Того ж року призначений екстраординарним професором кафедри законів державного благоустрою, а з грудня 1842 р. — ординарним професором тієї ж кафедри. Читав курси законів

Література

- Андрейцев В., Короткий В.* Микола Іванішев. Київ, 1999.
- Бондарчук Т. І., Усенко І. Б.* Іванішев Микола Дмитрович // Антологія української юридичної думки / За ред. Ю. С. Шемшученка. Київ, 2002. Т. 2.
- Гриценко І. С. М. Д. Іванішев* — засновник історико-правової школи Університету Святого Володимира // Вісник Київського університету. Юридичні науки. 2000. Вип. 40.
- Дідун Н. В.* Архівна та едиційна діяльність М. Д. Іванішева (до 185-річчя від дня народження) // Українське архівознавство: історія, сучасний стан та перспективи: Наукова доповідь на Всеукраїнській конференції (Київ, 19—20 листопада 1996). Київ, 1997, Ч. 1.
- Дідун Н. В.* Науково-організаційна та педагогічна діяльність М. Д. Іванішева // Вісник Київського університету. Історія. 1998. Вип. 40.
- Журба О. І.* Київська археографічна комісія. 1843—1921: Нарис історії і діяльності. Київ, 1993.
- Калакура Я., Дідун Н.* Іванішев Микола Дмитрович // Українські архівісти: Біобібліографічний довідник. Київ, 1999. Вип. 1.
- Кістяківський О. Ф.* Щоденник (1874—1885): У 2 т. Київ, 1995. Т. 1—2.
- Кістяковський А. Ф.* Профессор Н. Д. Іванішев и его сочинения. Москва, 1877.
- Киян О. І. М. Д. Іванішев як історик й організатор історичної науки* // УІЖ. 2002. № 2.
- Ковальчук О. М.* Історико-правовий напрям на юридичному факультеті Київського університету (середина XIX — початок XX ст.) // Проблеми правознавства. Київ, 1991. Вип. 52.
- Короткий В. А.* Київський університет у 60-х роках XIX ст. (Ректорство М. Д. Іванішева) // Вісник Київського університету. Історія. 1999. Вип. 42.
- Лантева Л. П. Н. Д. Іванішев* (1811—1874 гг.) и его работы по истории славянского права // Právněhistorické studie. Praha. 1979. № 22.
- державного благоустрою, загального правознавства та поліційного (адміністративного) права. З грудня 1849 р. по червень 1861 р. неодноразово обирався деканом юридичного факультету, а 17 березня 1862 р. згідно з наказом Міністра народної освіти затверджений ректором Університету Св. Володимира. На цій посаді він залишався до 5 лютого 1865 р.
- Понад 20 років (1843—1865) М. Д. Іванішев працював у Київській археографічній комісії (Тимчасовій комісії для розгляду давніх актів). Разом із М. О. Максимовичем був одним із її організаторів, редактором історичних (1845) та юридичних пам'яток, віце-головою Комісії (1859—1865), головним редактором (1861—1863). Брав участь у кількох археографічних та археологічних експедиціях (1843, 1845, 1849, 1850, 1852, 1856) з розшуку документальних актових джерел та археологічних пам'яток Південно-Західного краю. Наслідком наукової обробки виявлених матеріалів став ряд публікацій. Це, насамперед, "Памятники, издаваемые Временной комиссией для разбора древних актов", у 4 т. (1845—1859); "Архив Юго-Западной России" (Ч. 1: Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Т. 1. 1859; Ч. 2: Постановления дворянских провинциальных сеймов в Юго-Западной России. Т. 1. 1861); "Древности" (у 3 т. 1846). У 1849 р. за редакцією М. Д. Іванішева вийшло також двотомне видання "Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни".
- Учений започаткував створення архівних установ Києва, Волині та Вітебська, у тому числі Київського центрального архіву давніх актів (1852) при Університеті Св. Володимира. У 1861—1863 рр. був головним редактором офіційного видання Університету Св. Володимира "Университетские известия".
- У 1862—1864 рр. М. Іванішев листувався з М. Костомаровим з приводу запрошення його на вакантну кафедру російської історії. У листопаді 1864 р. керував Київським учбовим округом (КУО) під час від'їзду з Києва попечителя. 8 лютого 1864 р. наказом Міністра народної освіти Іванішев затверджений у званні заслуженого професора. У лютому 1865 р. його відряджено до Варшави для роботи в юридичній комісії з підготовки судової реформи в Царстві Польському, а в січні 1866 р. він став головою комісії. Того ж року Микола Дмитрович подав у відставку з посади голови комісії й порушив клопотання про річне відрядження за кордон "для пополнения недостатка практических знаний". У травні 1867 р. він повернувся до Києва, де зайнявся науковою діяльністю. Жив усамітнено, відмовлявся спілкуватися навіть із найближчими знайомими, не відповідав на листи, у тому числі М. О. Максимовича.
- 24 жовтня 1869 р. Іванішева обрано почесним членом Університету Св. Володимира. Він був також членом Імператорського Російського географічного товариства (1852), дійсним членом Віленської археографічної комісії (1858), Товариства староруського мистецтва при Московському публічному музеї (1865) та Московського археологічного товариства (1865). Мав чин дійсного статського радника (1860), був нагороджений орденами Св. Володимира III ступеня (1862), Св. Анни II (1851) та III (1847) ступеня, Св. Анни II ступеня з Імператорською короною (1856); відзнакою за бездоганну службу за 20 років (1857).
- Основні праці Іванішева (Сочинения / Под ред. А. В. Романовича-Славатинского и К. А. Царевского. Киев, 1876) видані окремою книгою вже після смерті автора.

6 декабря 1871 г., Михайлова Гора

День разорения Киева Батыем — день именин киевского столпа Иванишева, у него так приятно некогда мною проведенный и потом здесь как-то вспомнутый даже стихотворным посланьем к имениннику. Вот и ныне он зело мне вспомнулся, при взгляде на портретец его, одесную которого портретец Фундукля, а ошую — поливяный Тарас [Шевченко]... И мне взгустнулось о прежнем нашем, бывшем в сороковых годах сего столетия... Не изменившийся в моем личном к вам дружественном, искреннем чувстве, — я уехал из Киева в октябре нынешнего года недовольный вами, что вы не отозвались ко мне даже словом своим, не только не дали себя узреть, невзирая, что мой первый день в Киеве, праздничный день 15 августа, посвящен был вам, "генералу от археологии..." Во имя археологии, равно нам любезной, я стряхиваю с себя вышеупомянутое недовольство, и стародавнюю, искреннюю к вам дружбою, приветствую вас с днем именин ваших, — призываю тени Тараса и пана Цветкова, звавшего вас Талейраном, и прочие, нам равно близкие и ведомые, да вместе мы, врываясь в покои ваши, не дадим вам покоиться напущенным на себя нелюдимством и расшевелим, развеселим вашу скучающую и неудовлетворенную жизнь душицу. За нее и за почтенную лысину вашу сегодня я выпью добрую здравницу, помолвившись уже натщесердце о вас св. патрону вашему, скорому помощнику.

Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева. Санкт-Петербург, 1876. С. 310—311.

Лаптева Л. П. Профессор университета Св. Владимира Н. Д. Иванишев (1811—1874) и его деятельность в Киевской Археографической комиссии // Укр. археограф. щорічник. Нова серія. 1992. Вип. 1.

Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева — ректора Университета Св. Владимира и вице-председателя Киевской Археографической комиссии. СПб., 1876.

Романович-Славатинский А. В. Николай Дмитриевич Иванишев // Сочинения. Киев, 1876.

Романович-Славатинский А. В. Иванишев Николай Дмитриевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Университета Св. Владимира (1834—1884) / Под ред. В. С. Иконникова. Киев, 1884.

Скакун О. Ф. Іванішев як історик і археограф // УІЖ. 1971. № 9.

Сницька О. В. Іванішев Микола Дмитрович (1811—1874) // Укр. біографістика. 1996. Вип. 1.

Курган Перепет.
Гравюра XIX ст.

ІНОКЕНТІЙ

(в миру — Іван Олексійович Борисов)

*15.XII.1800, м. Єлец Орловської губернії — 26.V.1857,
м. Одеса. Архієпископ, богослов, духовний оратор
та письменник*

Народився в сім'ї священика. Навчався у Воронежській та Орловській духовних семінаріях, потім у Київській духовній академії (1819—1823), де на його богословську роботу звернув увагу митрополит Євгеній (Болховітінов). Після закінчення академії направлений до Петербурзької семінарії інспектором і професором церковної історії та грецької мови. Згодом призначений ректором Олександрівського духовного училища. У грудні 1823 р. прийняв чернецтво, з 1824 р. бакалавр богословських наук Петербурзької духовної академії. В 1825 р. обіймав посаду інспектора, члена правління духовної семінарії, з 1826 р. екстраординарний професор. Став відомим у наукових колах після публікації в журналі "Христианское чтение" (1828—1830) дослідження "Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа" (останнє видання: М., 1991), в якому одним з перших в Росії застосував історико-археологічний метод дослідження. Доктор богословія з 1829 р.

У 1830 р. Інокентій повернувся до Києва на посаду ректора Київської духовної академії. Запропонував новий метод богословських викладів— історичний і порівняльно-історичний, широко використовуючи першоджерела та західноєвропейську (особливо протестантську) богословську літературу. За 16 років викладацької роботи підготував самостійні курси з усіх галузей богословських наук, добився заміни латинської мови викладання в Київській духовній академії на російську, запровадив нові дисципліни, склав відповідні програми академічних і семінарських курсів. Виховав покоління вчених-богословів. У 1838 р. обраний членом Російської Академії Наук (відділення російської мови і словесності). Заснував у Києві часопис "Воскресное чтение", де друкував свої твори. Серед консерваторів вважався "неологом". З приводу його ортодоксальності проводилося таємне слідство.

Не залишаючи ректорства, був настоятелем Києво-Братського монастиря (1830), пізніше архимандритом Михайлівського Золотоверхого монастиря. Єпископ Чигиринський (1836), Володимирський (1841), з грудня 1841 р. єпископ Харківський (з квітня 1845 р. архієпископ), з лютого 1848 р. архієпископ Херсонський і Таврійський. Досліджував старожитності півдня України, Криму, Кавказу. Одним з перших вів розкопки Херсонеса Таврійського, розпочав опис монастирських бібліотек і став збирати монастирські рукописи. Заснував в Одесі Болгарське настоятельство, яке до визволення Болгарії надавало притулок і освіту сотням болгар. Ініціював процес відродження монастирів Охтирського, Балаклавського, Георгієвського, Святогорського, відкриття та будівництва церков. Під час Кримської війни (1853—1856) проповідував на передовій, благословляв солдат, утішав поранених.

Був талановитим проповідником, володів унікальним даром оратора. Його промови, проповіді й повчання "Слова к пастве вологодской..." (Київ, 1843), "Молитва Св. Ефрема Сиріна" (Харків, 1844), "О грехе и его последствиях" (Харків, 1844) та інші входили до кола читання російського суспільства 30—40-х років XIX ст. й були перекладені багатьма мовами, зокрема, німецькою, французькою, вірменською, польською, сербською. Автор "Богослужбных книг Греко-Российской церкви" (Київ, 1836).

Підтримував близькі стосунки з обер-прокурором Св. Синоду та багатьма ієрархами церкви і мав значний вплив на церковні справи. Спілкувався з багатьма представниками науки та культури — істориком М. Погодіним, літераторами М. Гоголем (якого благословив на поїздку до святих місць), О. Кошелевим, О. Хом'яковим, М. Щербиною, І. Давидовим та ін.

Знайомство Максимовича з Інокентієм відбулося влітку 1834 р. і переросло в довготривале дружнє спілкування. "Двери келий моих все и всегда открыты", — писав він київському професору, часто запрошуючи його до себе та роблячи візити у відповідь. Найінтенсивнішим спілкуванням обох учених було в період ректорства Михайла Олександровича (1834—1835) і наприкінці 30-х років XIX ст. У своїх "Письмах о Киеве..." Максимович згадував: "Незабвенные мне тогдашние его беседы со мною по вечерам и его длинная келия в Братском монастыре, вся заваленная книгами и газетными листками, и выходная дверь из нее в небольшой сад, отделенный от мира каменной стеною и ушпигованный (по выражению Гоголя) устремленными к небу тополями. Сколько раз я приходил туда, истомленный служебными делами, и каждый раз возвращался оттуда освеженный душою и мыслью". Думку про видання альманаху

Література

- Барсов Н. Биография архимандрита Иннокентия (б. м., б. р.).
- Барсов Н. Архиепископ Иннокентий Борисов по новым материалам его биографии. СПб., 1884.
- Буткевич Т. Иннокентий Борисов, бывший архиепископ Херсонский. СПб., 1887.
- Иконников В. Киев в 1654—1855 гг. // Киевская старина. 1904. № 12.
- Иоасаф (Гапонов), иеромонах. Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Северная пчела. 1858. № 177.
- Кондаков В. А. Иннокентий Борисов, архиепископ Херсонский и Таврический, в письмах его 1822—1855 // Русская старина. 1881. № 11.
- Письма разных лиц знаменитому архиепископу Иннокентию Борису. Собраны Н. И. Борисовым. Москва, 1885.
- Палимпсестов И. У. Мои воспоминания об Иннокентии. СПб., 1888.
- Погодин М. Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. Москва, 1867.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1988.
- Шоломова С. "Созидать в тишине и мире..." // Истина и жизнь. Москва, 1998. № 6.

"Киевлянин" і план організації Історичного товариства в Києві вони сформували спільно. Коли університет був закритий (1839), Інокентій переконав першого ректора написати доповідну записку на його захист і допоміг дати їй хід. А коли університет відкрили раніше запланованого терміну, він радів з цього приводу. Досить часто єпископ відвідував наукові диспути в Університеті Св. Володимира, був їх активним учасником. За ініціативи М. О. Максимовича його обрали Почесним членом Київського університету. Як свідчить листування Погодіна і Максимовича, останній планував написати "капітальну статтю" про Інокентія, однак цей задум не був реалізований. Свої спомини про великого християнського проповідника Максимович залишив у книзі "Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде" (СПб., 1871).

Почесний член Університету Св. Володимира (1835) та Московського університету (1855). У 1901 р. видано 2-е повне видання творів Інокентія в 12-ти томах. Канонізований Св. Синодом у 1997 р.

24 ноября 1849 г., Москва

Ваше Высокопреосвященство!

Проезд Ваш через Москву пробудил в душе моей так много прошедшего и усилил мои помышления о будущем. Намерение воротиться отсюда на юг, для деятельности служебной, растет во мне, можно сказать, не по дням, а по часам.

На примете у меня ректорство в Киеве или Харькове, тем более, что оно решилось бы в декабре. Благодатный край Вашей паствы* для меня еще желаннее, но там не вижу отсюда себе места. Во всяком случае при назначении меня на службу, особенно по университету, я желал бы, чтобы оставлена была при мне моя пенсия (762 р.), которая мила мне, как привычная, как верная подмога на случай нового крушения в здоровье или иного невзгодья. Богатство не мой удел; да и не суждено мне; но я должен признаться наконец, что и бедность мне наскучила. "Роблю я, роблю — работа ни за що"! Не хотелось бы этой песни поставить в эпитафию новой главе моего жития.

Обозначив мои настоящие желания и стремления, покорнейше прошу помочь мне Вашим ходатайством у тех, в чьих руках сила и власть, от кого зависит может мое назначение.

М. Максимович

Киевская старина. 1898. Т. 63.
Октябрь—декабрь. С. 304.

*
В Одессе.

КНЯЖЕВИЧ Дмитро Максимович

*25.IV.1788, Петербург — 1.X.1844, м. Велика Буромка
Золотоніського повіту Полтавської губернії. Державний
службовець, філолог, журналіст, археолог, етнограф*

Син дворянина, вихідця з Сербії, що був чиновником у м. Казані. Навчався в Казанській гімназії, брав участь у підготовці рукописних журналів, зблизився і потоваришував з С. Т. Аксаковим. З 1802 р. служив у Міністерстві фінансів (у 1814—1820 рр. служив у Празі та Відні бухгалтером при Ліквідаційних комісіях російської армії, за що мав урядові нагороди). За кордоном оволодів німецькою мовою. В 1821 р. призначений начальником відділення Департаменту державного казначейства.

Був членом гуртка О. Ізмайлова, учасником літературного салону Пономарьової, де отримав псевдонім Сословов. Перші науково-публіцистичні статті на теми моралі опублікував у журналі "Цветник" (1809). Відомим став завдяки книзі "Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблиц содержания оных, для удобнейшего их приискания" (СПб., 1822), яка вважалася одним з найкращих видань російських прислів'їв, що передувало працям І. Снегирьова та В. Даля. Друкував наукові статті переважно про російські синоніми.

У березні 1824 р. Д. Княжевич призначений Санктпетербурзьким віце-губернатором і відійшов від літературної діяльності. Згодом посідав відповідальні адміністративні посади, був членом ряду Учених комітетів і товариств. З 1831 р. керував Департаментом державного казначейства, а в липні 1837 р. призначений почителем Одеського учбового округу.

В Одесі Дмитро Максимович проводив активну адміністративну і літературно-просвітницьку діяльність, у 1840 р. став таємним радником. Він реорганізував Рішельєвський лицей, створив програми для гімназій та училищ, редагував "Листки общества сельского хозяйства Южной России", підготував два випуски "Одесского альманаха" (1839—1840). 25 березня 1839 р. заснував (за участю агронома, історика-любителя

Література

- Н. Гр. [Греч]. Воспоминание о Княжевиче. СПб., 1860.
- А. К. [А. Д. Княжевич]. Дмитрий Максимович Княжевич, основатель и первый президент Одесского общества истории и древностей // Русская старина. 1888. Апрель—июнь.
- Максимюк Т. "Он дал простор знаниям..." // Вечерняя Одесса, 1988, 5 марта.
- Минаков П. Д. М. Княжевич // Новороссийский календарь на 1860 г. Одесса, 1859.
- Мурзакевич Н. Н. Записки. 1806—1833 // Русская старина. 1887. № 1—6, 9, 12; 1888. № 9; 1889. № 1.
- Надеждин Н. И. Род Княжевичей. Одесса, 1842.
- Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 2. Г-К., Москва, 1992.

М. Кір'якова) Товариство історії та старожитностей Південної Росії (Общество истории и древностей Южной России), а з 1844 р. почав випускати "Записки" товариства. Як президент товариства, проводив значну роботу зі збирання та опису археологічного й етнографічного матеріалу, залучаючи до співробітництва М. Надеждіна, В. Григор'єва, М. Мурзакевича. Попечитель реорганізував "Новороссийский календарь" в адресно-краєзнавчий збірник, де публікував свої статті з історії Південної України.

З Одеси Княжевич виїздив за кордон. Восени 1840 р. разом з Надеждіним відвідав ряд західноєвропейських міст, у т. ч. Загреб, зблизився з відомими славістами — чехом В. Ганкою і сербом В. Караджичем; у Римі зустрічався з М. Гоголем. До Одеси повернувся навесні 1841 р. У другій половині 1843 р. Княжевич відправився "на води" до Марієнбада. Свою подорож він описав у замітці "Переезд от Одессы до Вены" (1843), з цікавими замальовками Чернівців і Кракова.

Помер на шляху до Петербурга, куди віз проект перетворення Рішельєвського ліцею на університет.

Листувався з Максимовичем. Відомо 16 листів (за Т. Максимюк) Княжевича до Михайла Олександровича. Служба за наймом та археологічні заняття не задовольняли Максимовича, і на початку 1844 р. він почав мріяти про нову діяльність — адміністративну. Його листи до попечителя Одеського учбового округу — свідчення цього бажання.

14 января 1844 г., Киев

Милостивый Государь
Дмитрий Максимович!

В прошлое воскресенье, т.е. 9 января, Караваев порадовал меня вестью об Вас и тремя одесскими книгами, чтением коих и занят был я в эти дни. Спасибо великое Вам за распространение умственно-книжной деятельности в краю Вашем; благодарность моя сердечная за Вашу добрую память обо мне и за присылку этих книг, из которых экземпляр Николина писания о роде Вашем сберегу особенно, как дорогой истинно праздничный мне подарок от Вас. — А ровно за год, на Михайловой Горе моей, я получил из Киева Ваше последнее письмо от 4 октября — отрадное и памятное для меня, при всем том остававшееся безответно с моей стороны... Впрочем, чтобы отвечать на оное, видно, надо было пройти году, в который я — несмотря на разные сокрушения жизни и на полное отчуждение всякого врачевания — стал опять на ноги, а потом здесь в Киеве решил себе: гожусь ли еще на что-нибудь?... Задушевною мечтою я все стремился на Ваш юг, к моему излюбленному Черному морю... И если бы имел у себя сколько-нибудь запасной деньги, то в прошлом бы еще лете приехал погулять и хоть немножко пожить в Ваших пределах... Но ограниченный одним Переяславским Казначейством в средствах моего продовольствия, я оставался на горе моей, поглядывая на влекущийся от меня к Черному морю Днепр и на виднеющиеся за ним из моих окон Воронцовские (не разобрано). Между тем судьбе угодно было опять пригвоздить меня к горам Киевским. На приглашение и потом формальное предложение князя Давыдова, я счел себя обязанным принять на себя хоть

Володимир Караваєв.
Фото другої половини XIX ст.

временно преподавание русской словесности в Киевском университете, для которой доселе не нашелся еще профессор: и вот с сентября я преподаю русскую словесность поурочно, в качестве артиста... Само собою разумеется, что на таком основании мне долго быть при университете не приходится; сделаться же по-прежнему профессором — также не приходится по премногим причинам, из коих слагается итог: не хочу и не могу. Чтобы не показаться своенравно безотчетным, я должен исповедаться перед Вами хотя отчасти в вырвавшейся грешной фразе. Оставляя все топоческие или местные причины моего нехотения, упомяну о моих личных. Около 20 лет преподавая разные науки, я утратил охоту к этому делу, да и самая рысь или сила преподавательная довольно уже истаскалась; а в памяти моей свежо изречение Василия Михайловича Котельницкого, сказанное им на мое похвальное словцо Шевыреву после вступительной лекции: "погоди, батенька, поживешь с наше, будешь дурак!" Другая причина та, что профессорство вовлекло бы опять в прежний круг постоянных теоретически-ученых занятий и сидений и по-прежнему непременно свалило бы меня с ног. К тому же у меня охота смертная к старине Киевской; а на мою участь горькую здесь при Генерал-Губернаторе открылась уже Комиссия, в коей я очутился членом и уже имею от нее немало старых бумаг и хартий: предавшись им, я сам изветшаю и иссохну опять, как оне — ни за что, ни про что, — и через какой-нибудь год-другой должен буду опять воротиться на гору свою для поправления на подножном корму... Предвижу не обманчиво такую участь; а из каких благ буду готовым к такому празднику, если профессорство к моей пенсии прибавляет только 2050 рублей ассигнация-

Вид Київського університету
у другій половині XIX ст.

ми? Такая плата за труд конечно не может быть названа кладом; зато она может быть поставлена третьею причиною, по которой мне хочется избежать предстоящих мне соблазнов археографических и профессорских. Есть уже три причины, потому можно мне не распространяться более о сем предмете; уже из них видно, что мне очень бы приятно очутиться в другой сфере и пребывании и действия — не теоретического, ученого сидячего, но живого и практического, для которого не изветшал и не истощился еще, и которым, кажется, обманывалось бы мое бытие, особливо в вожделенном краю Черноморском. Вы так радушно и благосклонно в последнем письме Вашем поласкали мою мысль о переселении на юг, что она выросла во мне и обратилась в решительное намерение; а чтение Вашего календаря привело меня к мысли: не примете ли Вы меня на службу к себе и не заместите ли мною имеющейся при Вас "вакансии". Ничего лучшего не мог бы я себе придумать и пожелать в служебной жизни; а сколько чувствую и знаю себя, я, несмотря на слабое зрение свое и на владение одним лишь русским языком, мог бы еще быть усердным и полезным чиновником на этом поприще, сродном мне, и отчасти изведанном уже в бытность мою ректором за отсутствием попечителя. Если же эту вакансию суждено не мне занять, а для меня не найдется никакого другого места служебного под начальством Вашим, чего именно желал бы я себе, как чиновнику, то я покорнейше просить буду Вас найти для меня хотя иное какое-либо занятие, которое, прибавляя к пенсии моей (2660 р. асс.) столько же, или несколько более, доставило бы мне возможность безбедной жизни в Одессе или Крыму... Как бы охотно я тогда, кончив в начале мая киевские занятия мои и пробыв с месяц на горе своей июнь, пустился бы вниз по Днепру — в желанный предел: туда бы не шел я, туда бы летел... Вот мой столько сердечный, сколько обдуманый ответ на Ваше доброе, внимательное предложение: "чем-нибудь способствовать моему перемещению". Как много обязали бы Вы меня этим перемещением, о том, что могу говорить здесь... Мне остается только просить и ждать ответа Вашего, в уповании на благорасположение Ваше преданному Вам искренно и с душевным почтением к Вам имеющему честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

М. Максимович

КУЛІШ

Пантелеймон Олександрович

*27.VII.1819, містечко Вороніж Глухівського повіту
Чернігівської губернії — 2.II.1897, хутір Мотронівка
(нині с. Оленівка Борзнянського р-ну Чернігівської обл.).*

*Історик, фольклорист, етнограф, громадський діяч,
письменник, літературний критик, мовознавець, перекладач*

Походив із заможної селянської родини, що мала козацьке коріння. Навчався (1831—1836) у Новгород-Сіверській гімназії, згодом — у Київському університеті (1839—1840), спочатку на філософському, а потім юридичному факультетах (слухав лекції М. Максимовича). Через важкі матеріальні умови не зміг закінчити навчання. За рекомендацією першого ректора Університету Св. Володимира призначений в 1842 р. на посаду вчителя російської мови та літератури у дворянську школу м. Луцька. Згодом викладав у Києво-Печерському

Література

- Вибрані листи П. Куліша, українською мовою писані. Нью-Йорк; Торонто, 1984.
- Гринченко Б. П. А. Кулиш. Біографічний очерк. Чернігов, 1899.
- Данилов В. В. П. О. Кулиш і М. О. Максимович // Україна, 1926. № 5.
- Дорошенко Д. Пантелеймон Куліш. Ляйпциг, 1923. Історія української літературної критики. Дожовтневий період. Київ, 1988.
- Каманин И. Письмо М. А. Максимовича к П. А. Кулишу // ЧИОНЛ. Кн. XVIII. Вып. III—IV. Киев, 1905.
- Кирилюк Є. Бібліографія праць П. О. Куліша та писань про нього. Київ, 1929.
- Ковальчук Оксана. Історіософські пошуки П. Куліша: особливості моделювання історії // Київська старовина. 1999. № 6.
- Кордуба Мирон. Причини до урядової служби Куліша (від губерньського секретаря до надвального радника) // ЗНТШ. Т. 99—100. Львів, 1930.
- Маковей О. Панько Омелькович Куліш. Огляд його діяльності. Львів, 1900.
- Пантелеймон Куліш: Збірник праць Комісії для видання пам'яток новітнього письменства. Київ, 1927.
- Куліш П. О. Листи до М. Д. Білозерського. Нью-Йорк; Львів, 1997.
- Куліш П. О. Матеріали і розвідки // Збірник філологічної секції НТШ. Т. 22. Ч. 1—2. 1929—1930.
- Пантелеймон Куліш. Матеріали і дослідження. Львів; Нью-Йорк, 2000.
- Куліш П. Щоденник / Упор. і прим. С. М. Кіржаєва. Київ, 1993.
- Нахлік Є. Апокаліпсис Пантелеймона Куліша // Вітчизна. 1990. № 10.
- Нахлік Є. К. Пантелеймон Куліш. Київ, 1989.
- Петров В. Пантелеймон Куліш у п'ятдесяті роки. Т. 1. Життя. Ідеологія. Творчість. Київ, 1929.
- та Києво-Подільському дворянському училищах, у гімназії м. Рівного. Багато подорожував Київщиною, записав чимало народних пісень, легенд, переказів. У 1843—1845 рр. поговаривав з В. Білозерським, М. Костомаровим, Т. Шевченком, М. Гулаком, О. Марковичем — майбутніми діячами Кирило-Мефодіївського товариства. З осені 1845 р. працював у Петербурзі — старшим учителем гімназії і викладачем російської мови для студентів-іноземців при Петербурзькому університеті.
- У 1847 р. Петербурзька АН відрядила Куліша за кордон для вивчення слов'янських мов, історії, культури і мистецтва. В березні того ж року його заарештували у Варшаві за підозрою щодо участі в Кирило-Мефодіївському товаристві. Після п'ятимісячного ув'язнення Куліша вислали до Тули, де він служив у канцелярії губернатора, з жовтня 1849 р. працював редактором неофіційної частини газети "Тульские губернские ведомости".
- Наприкінці 1850 р. письменникові дозволили повернутися до Петербурга, проте аж до 1856 р. йому заборонялося друкуватися і служити в закладах Міністерства народної освіти. У другій половині 50-х й упродовж 60-х років Куліш виступив одним з найактивніших учасників і організаторів українського літературного процесу. В 1857 р. він заснував власне видавництво, де опублікував близько 40 дешевих книжок серії "Сільська бібліотека", "Записки о Южной Руси" (Т. 1—2. СПб., 1856—1857), історичний роман "Чорна Рада" (1857), "Граматику", альманах "Хата" (1860). Брав участь в організації, виданні й редагуванні журналу "Основи" (зокрема вів відділ бібліографії), був одним із провідних співробітників, які визначали напрям цього видання. Здійснив дві подорожі (1858 і 1861 рр.) до країн Західної Європи.
- Після виходу Валуєвського циркуляру (1863) й початком кампанії переслідування українського друкованого слова, письменник змушений був переїхати до Варшави, де протягом 1864—1867 рр. працював в Установчому комітеті чиновником з особливих доручень, директором відділення духовних справ. Звинувачений у зв'язках з політичними діячами Галичини та публікації творів в українських виданнях, Куліш змушений був залишити державну службу (1867) й емігрувати. Жив здебільшого в Галичині (1868—1871), де активно включився в політичне життя, брав участь в організації і виданні журналу "Правда", співпрацював з галицькими народолюбцями, підтримував тісні контакти з ученим-фізиком І. Пулюєм та письменником О. Барвінським.
- Наприкінці 1871 р. письменник повернувся до Петербурга, де редагував (з 1874 р.) "Журнал Министерства путей сообщения". Поява Емського указу (1876) й загострення вимог цензури завадили йому опублікувати низку своїх творів. Не вдалося також дістати дозвіл на видання "Журналу П. А. Куліша", який мав бути двомовним. У 1877 р. письменник оселився на хуторі Мотронівка, де провів решту життя. Терпів матеріальні нестатки, однак не покидав літературної та наукової праці.
- Проповідував просвітницькі ідеї і християнський гуманізм, виступав за самобутність і розвиток національної культури, народної освіти. У художньо-публіцистичному циклі "Листи з хутора" (1861) ідеалізував хутір як осередок національної свєрідності й народної моралі. У ранніх творах поетизував козацтво, водночас осуджуючи його за внутрішні чвари. У своїх наукових працях "История воссоединения Руси" (СПб., Т. 1—2, 1874; Т. 3, 1877), "Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654)" (Т. 1—2, 1888; Т. 3, 1889), статтях "Мальована гайдамащина" (1876), "Казакки по отношению к государству и обществу"

(1877), написаних на основі архівних джерел, польської та європейської історіографії та мемуаристики, він оцінив козацькі й селянські повстання в Україні як такі, що руйнували основи української державності й культури, підносив культуртрегерську місію польської та української шляхти й міщанства. У збірнику "Хуторская философия и удаленная от света поэзия" (1879) Куліш обстоював право українського народу на самобутній розвиток, застерігав від захоплення урбанізацією і розриву зв'язків людини з природою, доводив переваги патріархально-хуторянського побуту над міською цивілізацією. Емський указ та заборона "Хуторской философии..." цензурою, вилучення її з продажу похитнули його промосковські ілюзії. У "Зазивному листі до української інтелігенції" (1882) письменник осудив шовіністичну політику російського уряду, закликав усі верстви українського народу до національної злагоди і ненасильницької боротьби за збереження рідного слова, національної культури. У брошурі "Крашенка русинам і полякам на Великдень 1882 року" (1882) закликав до співпраці українську і польську інтелігенцію Східної Галичини, звеличував польських "культурників" — колонізаторів України й засуджував селянсько-козацькі повстання, за що зазнав різкої критики з боку В. Антоновича, І. Франка, М. Костомарова, Д. Мордовця.

Суть історіософських поглядів П. Куліша полягала в несприйнятті революційного екстремізму, що загрожував, на його думку, "другою Руїною". Він був переконаний, що "шляхом козаччини і гайдамаччини нікуди йти", вірив, що Україна зможе стати поруч з передовими країнами Європи тільки завдяки культуротворчим діянням народу, передусім інтелігенції.

П. Куліш — перший професійний український літературний критик, автор літературно-критичних оглядів "Про відношення малоросійської словесності до загальноросійської" (1857), "Погляд на українську словесність" (1860), "Характер і завдання української критики" (1861) та інших, статей про творчість Т. Шевченка, М. Гоголя, Марка Вовчка, Г. Квітки-Основ'яненка та ін.

Ставлення великого подвижника українства до Т. Шевченка було неоднозначним, іноді суперечливим. Він називав Шевченка "національним пророком" і водночас полемізував з ним через поетизацію Кобзарем "запорізької вольниці", гайдамаччини і селянських повстань, але водночас високо оцінював його як митця слова, виразника національної самосвідомості, народної патріархальної моралі і — в окремих творах — національної єдності.

Куліш підготував до друку і видав з власними коментарями "Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем"

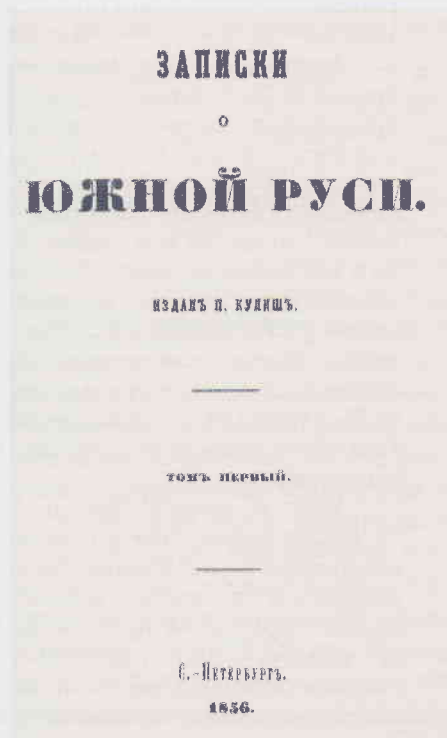
Українська літературна енциклопедія: В 5 т. Т. 3. К—Н. Київ, 1995.

Фризман Л. Г., Ляхно С. Н. Максимович — літератор. Харьков, 2003.

Шандра В. С. Документи ЦДІА УРСР у м. Києві про П. О. Куліша // Архіви України. 1989. № 5.

Шенрок В. П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901.

Ямпольський І. До бібліографії праць П. О. Куліша та писань про нього // Літературний архів. 1931. Кн. 1—2.

Титульна сторінка книги П. Куліша "Записки о Южной Руси". 1856 р.

(Т. 1—2, 1856), "Сочинения и письма Гоголя" (Т. 1—6, 1857), відредагував і видав 1-у книгу "Народних оповідань" (1857) Марка Вовчка.

У своїх творах письменник застосував нову орфографію (т.зв. кулішівку) й тим самим заклав основи українського фонетичного правопису. Створив український буквар і читанку "Грамотка" (1857, 1861). Значним надбанням його літературної спадщини стали переклади зі світової класики та перше повне українське видання Біблії (1903, у співавторстві з І. Пулюєм та І. Нечуй-Левицьким).

Максимовича і Куліша пов'язували довголітні, але дуже непрості стосунки. Їхнє знайомство відбулося ще під час навчання останнього в Університеті Св. Володимира. Перший ректор симпатизував здібному студентові, протегував йому, ввів у літературу, опублікувавши в своєму "Киевлянин" його "Малороссийские рассказы". Куліш називав Михайла Олександровича "мой почтенный наставник", всіляко вихваляв його, підтримував задум перекласти українською мовою "Слово о полку Игореве". У середині 40-х років Куліш на основі зібрання пісень Максимовича планував разом з Костомаровим, Срезневським і Метлинським видати великий колективний пісенний збірник, проте здійснити цей задум йому не судилося. Щонайменше двічі, на думку І. Каманіна (1852, 1853 рр.), він був гостем Максимовича на Михайловій Горі. Навіть мав намір поселитися там.

У 1854 р. колишній студент писав своєму вчителю: "Отношения мои с вами не могут быть заменены для меня другими дружескими связями, как бы они ни были для меня приятны, и мне нет надобности объяснять вам почему" (Цит. за: Данилів В. В. П. О. Куліш і М. О. Максимович // Україна, 1926, № 5. С. 15). Максимович надав колишньому учневі своє листування з Гоголем, коли той почав готувати дослідження про нього. Як свідчать листи відставного київського професора до О. Бодяньського, ще в 1856—1857 рр. він досить шанобливо ставився до біографа Гоголя, запитуючи у листі від 28 червня 1856 р.: "Где Кулиш? — Я скучаю без него".

Відкритий лист Максимовича до Куліша (Украинские письма к П. А. Кулишу // Русская беседа. 1857. Кн. 5. № 1) з критичними зауваженнями до першого тому "Записок о Южной Руси", поклав кінець їхнім давнім теплим стосункам. Максимович повідомив Куліша про свій намір надрукувати їх, викликавши у адресата насторожену реакцію: "Щодо бійки за "Записки", то шкода вам заводять із мною чубанину: чи ви мене, чи я вас подолаю, однак буде негарно і для почину нашого діла невжиточно. Глядіть, добродію, чи не пересолили ви своїх листів у "Руську бесіду". Самі знаєте, що буває людям за пересіл... Як же скажете мені щиру правду з добрим серцем і розумом, то поклонюсь і подякую за науку". (Цит. за: Данилів В. В. П. О. Куліш і М. О. Максимович // Україна. 1925. Кн. 6. С. 18). Такі слова адресував 1 грудня 1856 р. колишній учень своєму вчителю.

Утім, 6 лютого 1857 р. Михайло Олександрович писав О. Бодяньському: "Но я с нетерпением ожидаю полюбоваться его прекрасною "Черною Радою" в печати. Она мне очень понравилась в его чтении; и язык очень хорош, и живое изображение Украины за Брюховецкого". В тому ж році "Чорна Рада" вийшла у світ, а наступного — в "Русской беседе" (1858. Кн. 1) — з'явилась рецензія на неї Максимовича, в якій оцінка історичного твору Куліша була вже дещо іншою. Це було викликано тим, що письменник, на думку рецензента, у деяких

епізодах применшував "достоинство повестей нашего великого художника Гоголя, относящихся к жизни Малороссии".

Рецензія Максимовича страшенно образила Куліша. Миттєво взаємна повага переросла в гостру ворожнечу, що вилилася в не завжди коректну полеміку на сторінках преси. (Куліш продовжував критикувати свого колишнього кумира навіть після його смерті). Пантелеймон Олександрович відповів написанням двох статей про Гоголя, які були надруковані в "Основи" (1861. № 4, 5), де, зокрема, заявляв, що "Гоголь не знал простонародной Украины, живописал ее нравы и обычаи по образцам антинародным".

Ознайомившись з публікаціями свого опонента, Максимович спростовує наведені ним твердження на сторінках газети "День" (1861. № 3—13) у серії статей "Оборона украинских повестей Гоголя". Він точний і педантичний, а емоціям протиставляє аргументи і факти, заявляючи про незмінність своєї позиції щодо Гоголя: "Если бы и в самом деле одному только мне пришлось защищать украинские повести Гоголя от такой этнографической критики, с какой выступил г. Кулиш, и тогда я не отказался бы от этого дела". Максимович не обмежився лише "обороною творця "Українських повістей", а протиставив аналізові ранніх повістей, зробленому Кулішем, своє бачення творчості Гоголя. Полеміка дедалі більше розросталася, охоплюючи дедалі ширше коло питань, тому, прислухавшись до рекомендації О. Бодяньського, Михайло Олександрович обмежив кількість своїх статей, а частину навіть знищив.

Полеміка між двома знаковими постатями українства століть століття не лише оцінки творчості М. Гоголя. Об'єктом дискусії також виступали Т. Шевченко, Г. Квітка-Основ'яненко, різні історичні події та їх оцінка, що свідчило про різні шляхи, якими йшло тогочасне українство до власного самоусвідомлення.

20 января 1854 г., Михайлова Гора

Письмом вашим, милый друже, от 28 дек. зело усладился, хотя в нем и отозвалась маленько горечь. Жизнь (sic), в подобие припаленного сахара... Что делать, такая уж доля человеку в подлунном, *вольном свету*, как выражаются слепые певцы русские, в своих стихах про Лазаря убогого и прочих. Радуюсь я, и жена моя, поданною нам надеждою посещения вашего нашей Горы весною; а то уж огорошили было, что на год с лишком застряли в граде Петровом... А у меня все неудовлетворенная жажда Москвы. Ее усилила до смаги на губах здешняя новая родня моя, от чего, вместе со всяким иным неудобством здешней жизни моей, напала такая неохота, чтобы не сказать хандра, к сообщению с миром, что я на все праздники уединился в Межигорский монастырь, воссозданный в Сказании моем из атомов, во ста местах набранных; по временам только выхожу из монастыря в полки и сотни, где тоже приходится (sic) аки пчеле собирать, и добро бы мед, а то пергу невкусную, чтобы из нее ссучить восковую свечку на поминовение покойникам родины моей... Сегодня, слава Богу, уже повеяло оттепелью, хотя снег велик очень лежит на земле, и кажется далеко еще до весны. Еще раз скажу, что месяц, если не больше, духом моим был я совершенный отшельник, и все житейское и живущее не занимало меня: почему и все (внешнее) в великом запущении, начиная с переписки с

друзьями — все они по праву могут назвать меня "Михайлом Молчаливым", почти к первому вам в нынешнем году вот — это отзываюсь... — хотя мысленно, в часы, когда не могу читать и писать, обо всех вспоминаю нередко. Поклонитесь же с сим словом достойнейшему нашему Петру Александровичу [Плетневу], которого письмом я был грустно одушевлен и весьма ему за него благодарен. (Письма Гоголя лучше всего возвратить ему, чтоб он прислал их мне, как знает вернее).

Радуюсь, что письма, к Вам посланные, послужили добрым запасом приятелю вашему М* для биографии Гоголя. Уверен, что она будет прекрасна, и что я читаючи ее буду рукоплескать припеваючи: не бойся, не бойся, в червоньи чоботы обуйся! Если попадетя в кипе затаившийся где-то остаток Гоголевского писанья, то с первою почтою пришлю: в следующее воскресенье предположил себе развязывать и перебирать бумажный хлам, почти для этого собственно; а лежит он во флигеле, куда редко проникаю.

Пишите почаще ко мне, если вам эта заочная беседа приносит хоть половину такого удовольствия, какое мне от нее, каждый раз как привезут из Золотоноши ваш конверт. Господь да поможет вам жить там хорошо, а приехать сюда еще лучше (что (sic)) отогреться и освежиться привольем Днепра-Словутицы. Не далее, как вчера, Маруся моя с удовольствием румяным говорила мне уже о том, как она по-прошлогоднему поедет с вашей жинкою и свестью (купаться) на Днепр... — Кланяйтесь же им обоим от нас обоих, и привозите их скорее! — А Вам пока вот дуэт от меня на память и в дар на нынешний год:

Он

Ой, жинко моя,
Белозирко моя!
Як ты ходиш по хате,
Легко сердцю здыхати!

Она

И вчора кулеш,
И сёгодня кулеш:
Прийди прийди, серденько,
Мою душу потеш!

18 июня 1856 г., Михайлова Гора

Ваши "Записки" о Гоголе драгоценная книга. Как много нового успели вы, в такое короткое время, собрать и прибавить к прежнему вашему "Опыту биографии Гоголя"! Вот что значит приняться за дело с любовью. И с каким умением расположили вы собранные вами письма Гоголя и воспоминания о нем его друзей и знакомых! Жизнь его, в вашей книге, становится как бы наяву перед читателем и раскрывается все более и более.

Я имел удовольствие послужить вам, чем случилось, для вашего прекрасного труда. Я охотно и теперь сообщу вам, что приходило мне на память о незабвенном поэте, при чтении ваших "Записок". Но я начну с начала — с вашего "Остапа Гоголя". Портрет его написали вы мастерски, *con amore*; но он мне не по-

Идеться про псевдонім
П. Куліша.

Петро Плетньов.
Портрет 1836 р.

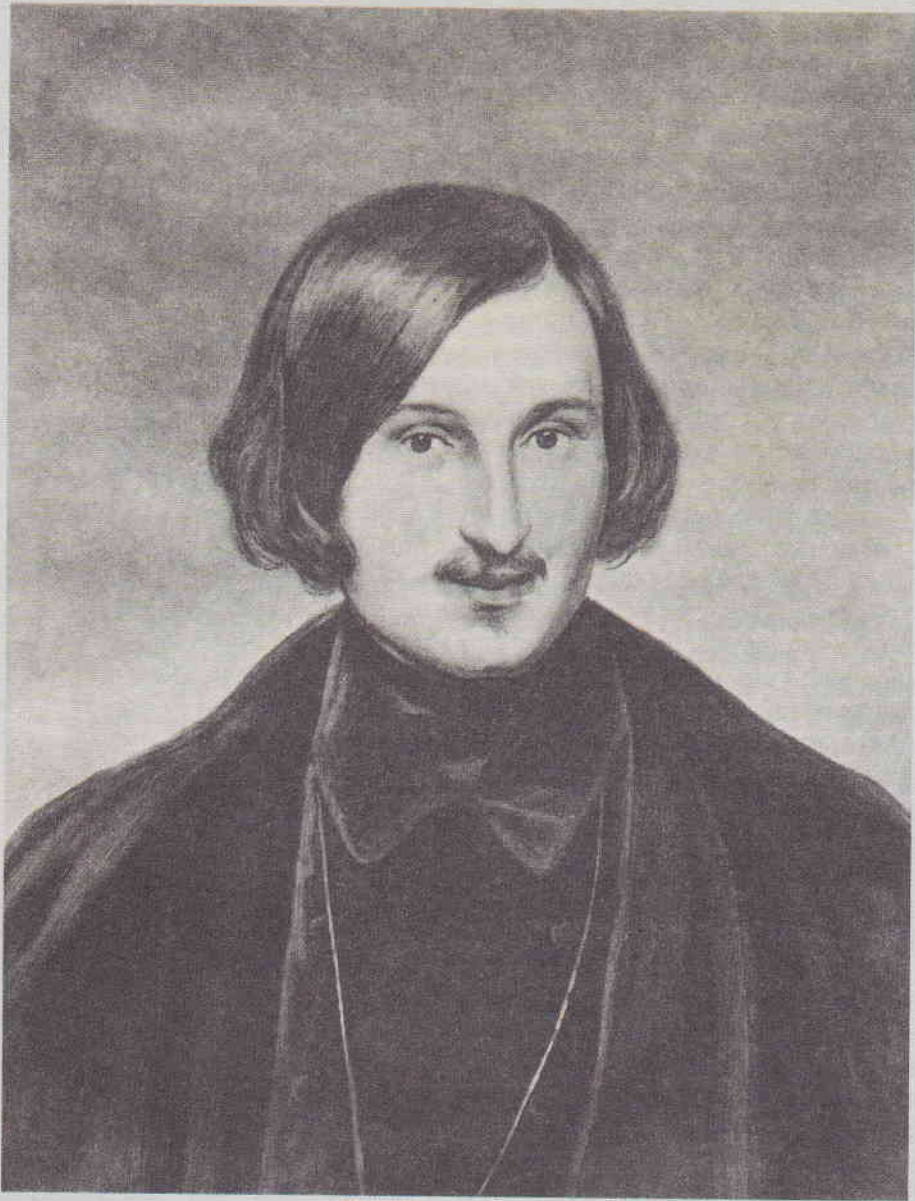
любился; и, во-первых, потому, что он не совсем похож на подлинник, — что в нем есть прибавочные черты, которые не принадлежат действительному, историческому — *Евстафию Гоголю*, полковнику подольскому, а впоследствии гетману той половины *Заднепровской* Украины, которая оставалась за Польшею, по отдаче туркам другой половины. — Вы говорите, например, что по отречении Дорошенковым от гетманства Гоголь "пошел служить, с горстью преданных себе козаков, воинственному Яну Собескому и, разгромив с ним под Веною турок, принял от него опасный титул гетмана, который не под силу пришло носить самому Дорошенку". Не говоря о том, что тревожное, замашистое гетманство "вихреватой головы" *Дорошенка*, — и маленькое, спокойное гетманство степенного *Гоголя* — две вещи разные, — и что Гоголь принял гетманство от короля Собеского прежде его знаменитого дела под Веною, — я спрошу у вас об одном: откуда взяли вы, что Гоголь громил турков под Веною, вместе с Собеским? — Это знаменитое дело было уже после Гоголева гетманства; там, под знаменем Собеского, освобождали австрийскую столицу от турков — 20 тысяч козаков с другими новыми витязями *Козацкой Украины*: с *Палеем*, *Самусем*, *Искрою*, а *Гоголь* тогда — уже *четыре с половиною* года лежал в гробу, в том знаменитом "козацком монастыре", к которому после Полтавской битвы обратились и старый Палей, "охочекомонный полковник Белоцерковский" и его товарищ Самусь, добровольно сложивший с себя изветшалое Заднепровское гетманство и оставшийся на полковничестве богуславском, им же и устроенном в тогдашнем хаосе разоренной Украины Заднепровской.

Вы продолжаете об Евстафии Гоголе: "Что было с ним *потом* (!), и какая смерть постигла этого, как по всему видно, энергического человека, *летописи молчат*. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула из мрака, сгустившегося над украинскою стариною, осветилась на мгновение кровавым пламенем войны и утонула снова *в темноте*. И какому *летописцу* его времени было дело до Остапа Гоголя, полковника отдаленной Надднепрянской Украины и потом гетмана небольшой дружины козаков..."

А между тем, как эти строки свои печатали вы в Петербурге, в Киеве печаталась небольшая книжка г. Н. Белозерского, под названием "Южнорусские летописи", — и в той книжке на 119 странице сказано: "1676. От короля польского Яна Собиеского поставлен был гетман войск Запорожских Евстафий Гоголь. Он погребен в *Киевомежигорском монастыре* 1679 года, января 7-го [дня]".

Эта летописная подробность о смерти Гоголя верна, как это я знаю из другого источника. А вы ведь знаете, что защита Вены от турков происходила в сентябре 1683 года: следовательно, Гоголь уже не мог там *громить турков*! — А что память о Гоголе, после его полковничества поднепрянского и недолгого гетманства в Полесье, не утонула в темноте и была озарена не *зловещим блеском*, но — оставалась, можно сказать, в *тихом свете* для народа украинского, то вы можете видеть из следующих о нем подробностей, — которые в 1851 году я приберег для моего незабвенного поэта Гоголя, а теперь передаю вам, его жизнеописателю.

В Межигорском монастыре, до конца его (положенного загадочным пожаром в апреле 1787 года) был портрет "Гетмана Евстафия Гоголя — в рамках черных с красными маленькими

Микола Гоголь.
Портрет роботи Ф. Моллера. 1841 р.

травами". Там он находился в деревянной Свято-Духовской церкви, вместе с другими шестью портретами, а именно: императора Петра Первого, гетмана Богдана Хмельницкого, полковника Семена Палея, — и еще двух лиц, неизвестных в истории, подстаросты Димерского и последнего межигорского игумена Коцаковского (после которого начались уже межигорские архимандриты).

А в соборной Преображенской церкви, воздвигнутой на иждивение Московского патриарха *Иоакима*, который, будучи постриженцем Межигорского монастыря, любил его до кончины своей и хотел быть здесь погребенным и не переставал благотворить ему щедрою рукою, — в той знаменитой церкви, и доньше уцелевшей, в числе 18-ти напрестольных евангелий было одно — львовской печати 1644-го года, в таусинном фиалковом бархате, со многими среброзолочеными образками и другими накладками, — *наданное от гетмана Евстафия Гоголя* — 1679 года (следовательно, перед самою его кончиною).

Все это значит подробно в "Книге описной ставропигиального Киевомежигорского монастыря, совершенной 1777 года, февраля 5-го дня", — которую неожиданно встретил я, в июле 1851 года, посетив заштатный Богуславский монастырь, основанный на нынешнем живописном месте над р. Росью — вышечопманутым полковником Самусем, в начале прошлого столетия.

Но ваш *Остап Гоголь* не показался мне еще по *другому отношению*: для чего вы даете его так решительно в предки поэту, тогда как в приведенном вами дворянском протоколе 1784-го года значит другой, современный Евстафию, — "полковник *Андрей Гоголь*"? — Не потому ли только, что вам интереснее показалось дать в предки поэту лице исторически-известное, вместо лица, не упомянутого в летописаньи?...

И вот составилось у вас мнение, что документальный полковник *Андрей Гоголь* есть *предание* о Евстафии Гоголе, но "искаженное в канцеляриях гетманской Малороссии", и у вас для этого мнения нашлись два предлога. Во-первых, тот, что в протоколе упоминается королевская грамота на село Ольховец, данная полковнику *Андрею* от короля Казимира, 1674 года, между тем как этот король за шесть лет перед тем отрекся от престола. Это замечено Вами верно: но дело в том, что ошибки в годах и других цифрах такое обыкновенное и частое явление в рукописях и печатных книгах, даже в сочинениях исторических, хронологических и статистических, что и здесь очень естественно предположить опisku в годе: наше дело, как и всегда в подобных случаях, исправить год по соображению с сущностью дела! Вместо 1674 года будем разуметь 1664-й, да и только! (А не то, пожалуй, можно предложить еще другую опisku канцелярского переписчика грамот, что у него имя *Казимир* при имени *Яна* написано машинально, как имя столь часто повторяющееся в грамотах, которых так много надавал украинцам — Ян Казимир и таким образом его имя, столь привычное для писца, явилось вместо *Яна III-го*; и тогда 1674 год будет верен.

Существеннее ваш второй предлог, что "ни в одном известном документе не встретилось не только полковника *Андрея Гоголя*, но и никакого полковника *Гоголя*, кроме *Остапа* (т. е. *Евстафия*; так *подольский полковник* всегда именован в актах и памятниках, начиная с "Переяславских статей", и только одна

Дем'ян Многогіршній.
Малюнок 1720 р.

позднейшая летопись, изданная Рубаном, назвала *Остана Гоголя*). Но — разве нам известны все документы, в которых упоминаются прежде бывшие полковники козацкие — городовые и охочеконные? Тысячи документов лежат еще в неизвестности непрочитанные для бытописания; тысячи их пропали уже и пропадают ежегодно — от пожаров, от мышей и от рук людских, а с тем вместе, конечно, и многие полковники, со своими асаулами и сотниками, ушли и уходят навсегда от известности в любознательном потомстве!.. Слыхали ль вы: про *Афанасия Щуровского*, полковника *Переяславского*? Или про *Степана Шамлицкого*, полковника *Лубенского*? — А это два лица для вас любопытные: оба они были полковниками — в 1663-м году, во время *Черной Раги*, и их обоих 18 июля казнил проходец Брюховецкий — наравне с великолепным Сомком, с Васютою Золоторенком и с Оникеем Силичем. — Об этих двух злополучных жертвах Брюховецкого, пропускаемых или неверно понимаемых в летописях, я узнал в августе 1850 года из церковной, современной приписки в старинном помяннике Лубенского Мгарского монастыря. Я назову вам до 20-ти украинских полковников, о которых и помину не было во всех прежде изданных летописях и документах, о которых я узнал из старинных помянников, вкладных надписей на церковных книгах, домашних актов и т.п. Может быть, в каком-нибудь документе и встретится нам еще раз — полковник *Андрей Гоголь*; да если б и не встретился, довольно и того, что он есть уже в одном документе, в королевской грамоте, которою дед поэта в 1784 году (как учредились и в Малороссии дворянские собрания) доказывал свое дворянство. *Афанасий Иванович* — признавал своим прадедом документального полковника *Андрея Гоголя*; и кому же ближе знать о своем прадеде, как не ему?... — Ваше мнение о тождестве двух современных полковников тогда бы могло состояться, если бы в грамоте значился *Евстафий Яновский*, — на том основании, что у поэта нашего, и его ближайших предков, была двойная фамилия: *Гоголь*, *Яновский* и совместно: *Гоголь-Яновский*. Такую двоякость фамилийных имен часто видим у полковников времени Богданова: Миргородский полковник *Григорий Лесницкий*, *Григорий Сахнович* и *Сахненко-Лесницкий* — одно лицо; Киевский полковник *Павел Яненко*, *Павел Янович* и *Павел Янович-Хмельницкий* одно лицо, равно как и его преемник — *Василий Дворецкий* и *Василий Бутримов* (на Переяславских статьях). У Величка (II. 29) читаете о смерти на войне бывшего генерального писаря "пана Галюховского". Знаете ли, что это тот самый "писарь *Семен Остапов*", который подписался сам на Переяславских статьях? У меня есть один документ, сообщенный мне 1850 года г. Забелиным, где этот писарь, освобождаясь из плена (вместе с Киевским полковником и Броварским сотником), просит себе оружия, чтобы опять идти на войну (в которой он и убит); и в той просьбе он именуется: *Семен Остапов сын Галуховский*. — Кроме того, что фамильные имена у прежних украинцев ставились двояко и трояко, а иногда совсем не ставились, — позднейшие летописцы, со своей стороны, затемняли (для нашего знания) личности прежних полковников, то называя их не теми полками, в которых они были в известное время (как это нередко и у Величка), то передуя фамильные имена их — *Антон Ждановича* в *Антон Адамовича*, *Семена Савича* в *Семена Павицкого* и т. п. (как это я и показал, в моем "Известии о Летописи Григория Грабянки"

Іван Мазепа.
Малюнок 1720 р.

в "Москвитянин" 1855 г.). При всех подобных переделках в позднейших летописях, при всей разноименности фамильной в современных актах, постоянным оставалось и для нас остается — личное имя, которым одним иногда и означались старшины козацкие. Так, например, — от начала гетманства Богдана Хмельницкого был при нем войсковой (генеральный) осаул Демко; так он значится не только в летописаньи, но и в "Книге реестров" 1649 года. Впоследствии, он, ставши гетманом, пишется уже *Демьян Игнатович*; а по фамилии был он Многогрешный.

При такой важности у прежних малороссиян имени личного, мне кажется, мы не имеем права заменять встречаемое в документе личное имя другим, особенно при одинокости документа. Иное дело, когда в летописях встречаем, например, Миргородского полковника Богданова времени — *Максима Гладкого*; а в официальной "Книге реестров" и в Лубенском Помяннике он значится "*Матвей Гладкий*" — тут мы должны признать *Матвея*, по недоразумению летописцем названного *Максимом*. Но такие случаи очень редки, равно как и такие, что в одно время бывают два соименника, например, — при гетмане Богдане — два *Петра Дорошенка*, два *Ивана Богуна*; или в одном Полтавском полку — *Иван Искра*, убитый в междоусобице Выговского, и *Иван Искра*, казненный при Мазепе, вместе с Кочубеем; или такой случай, что — после страдальца *Василия Кочубея* старшие сыновья каждого поколения его именуются его именем, и потому в наследственном селе их Дубовичах (где знаменитый образ Богоматери Дубовицкой) погребен уже не один *Василий Васильевич Кочубей*, и есть живой соименник и преемник.

Іван Вигівський.
Малюнок 1720 р.

Богдан Хмельницький.
Малюнок 1720 р.

Петро Дорошенко.
Малюнок 1720 р.

Из всего сказанного, мне кажется, следует, что родоначальником Гоголя должно признать документального "полковника *Андрея Гоголя*", которого и *дед* нашего поэта в 1784-м году признавал своим прадедом.

М. Максимович

ЛЕБЕДИНЦЕВ
Петро Гаврилович

21.XII.1819, с. Зелена Діброва Звенигородського повіту Київської губ. (нині Городищенський р-н Черкаської обл.) — 3.XII.1896, м. Київ. Церковний і культурно-освітній діяч, історик, археолог

Народився у багатодітній сім'ї сільського священика. Початкову освіту здобув у Богуславському духовному училищі, продовжив у Київській духовній семінарії (з 1833 р.). Закінчив у 1843 р. Київську духовну академію з зарахуванням до 1-го розряду вихованців. Затверджений магістром богословія (1843). У 1843—1845 рр. викладав (як професор) російську літературу в Орловській, логіку та психологію (1845—1851) в Київській духовних семінаріях. У Києві був економом семінарії, а також викладав німецьку та французьку мови.

Майже 10 років (1851—1860) за власним бажанням працював у Білій Церкві настоятелем Преображенської церкви та вчителем богословія Білоцерківської гімназії. Українофіл за переконаннями. Виступив організатором народних шкіл як у самому місті, так і за його межами. Під час селянських заворушень 1855 р. у своїх проповідях всіляко намагався угамувати пристрасті. Пізніше він описав ці події у своїх спогадах "Записки протоирея Петра Гавриловича Лебединцева о "Козаччине" 1855 года" (Київ, 1900).

У липні 1860 р. повернувся до Києва, де обійняв посаду за-
коновчителя Другої міської гімназії. Водночас став священни-
ком: спочатку Києво-Успенського собору на Подолі (1860—
1862), потім Преображенської на Печерську (1862—1864) та
Миколаївської, при будинку генерал-губернатора (1864—1868),
церков.

У січні 1861 р. Лебединцева призначили редактором "Ки-
евских Епархиальных Ведомостей", він дістав сан протоієрея.
Перше його редакторство (1861—1874) сприяло становленню
журналу як серйозного видання, орієнтованого на потреби
краю та вивчення його історії. Через 12 років (1886) він знову
очолив створений ним орган й до самої смерті продовжував ре-
дагувати офіційну частину "Киевских Епархиальных Ведомос-
тей". Сприяв також появі журналів "Руководство для сельских
пастырей" та першого фахового історичного видання в Україні
"Киевская старина" (1882).

У 1863 р. Лебединцев став членом Київської духовної кон-
систорії й розпорядником Київського училища дівчат духовно-
го звання (девиц духовного звання), для становлення й функ-
ціонування якого зробив чимало корисного у педагогічному та
економічному відношеннях. Завдяки його зусиллям було збу-
довано приміщення і відкрито Друге жіноче училище, яке до
1863 р. вважалося паралельними класами 1-го училища. Упро-
довж 30 років (до 1893 р.) він незмінно залишався на посаді
розпорядника.

Любов до вивчення стародавніх документів і старовини
привела його до Київської Комісії для розгляду давніх актів,
членом якої він став у грудні 1863 р. Як знавець церковної ар-
хеології Лебединцев увійшов до складу комісії з оновлення
Спаської церкви (1864—1865). Брав активну участь у створенні
Історичного товариства Нестора-літописця, Одеського товари-
ства історії і старожитностей, археологічних з'їздах. На III Ар-
хеологічному з'їзді у Києві (1874) його реферат "О Святой
Софии Киевской" викликав неабиякий інтерес у делегатів, а
сам він головував у відділі церковних старожитностей.

Плідна, різнопланова діяльність П. Лебединцева приверну-
ла увагу Св. Синоду. Коли з ініціативи Московського митропо-
лита Макарія постало питання про реформування духовного
суду і з цією метою був створений комітет з реорганізації
духовно-судової частини, Лебединцева викликали до Санкт-
Петербурга для участі в роботі створеної при комітеті комісії.
Це відрядження тривало цілих чотири роки (з весни 1870 по
лютий 1873 р.).

У 1868—1891 рр. Лебединцев протоієрей Київського
Софійського собору, ініціатор його реставрації в давньовізан-
тійському стилі: при ньому були відкриті й реставровані фрес-
ки, збільшені розміри вікон головної бані, відкриті й вивільнені
від даху нові склепіння, влаштовано калориферне опалення.
Йому належать "Описание Киево-Софийского кафедрального
собора" (К., 1882), "Св. София Киевская, ныне Киево-Софий-
ский кафедральный собор" (К., 1890). Не менш цінним у науко-
вому відношенні був твір "Киево-Печерская Лавра в ее про-
шедшем и настоящем состоянии" (К., 1886, 1894). За свої праці
з археології Лебединцев обраний товаришем голови Церковно-
історичного товариства при КДА (1874), де часто виступав з
рефератами.

Література

Діденко Людмила. Петро Гаврилович Лебединцев // Протоієрей Петро Лебединцев та українське Відродження XIX — початку XX ст. Біла Церква, 2002.

Крайній К. К. Історики Києво-Печерської лаври XIX — початку XX століття. Київ, 2000.

Малишева Лариса. Ім'я П. Лебединцева в періодичній пресі Росії за 1860 рік // Протоієрей Петро Лебединцев та українське Відродження XIX — початку XX ст. Біла Церква, 2002.

Науменко В. Петр Гаврилович Лебединцев // Киевская старина. 1897. Т. 56. № 1—3.

Проценко Л. А. Київський некрополь: Путівник-довідник. Київ, 1994.

Титов Федор. Киево-Софийский кафедральный протоієрей Петр Гаврилович Лебединцев. Киев, 1897.

Шульгин В. Юго-Западный край в последнее двадцатипятилетие (1838—1863). Киев, 1864.

Коло наукових інтересів дослідника можна умовно поділити на декілька напрямів: 1) оприлюднення нових матеріалів, що стосуються історії західноруської церкви; 2) церковно-історичні дослідження; 3) дослідження з галузі археології.

Лебединцев підтримував дружні стосунки з В. Антоновичем, В. Науменком, іншими членами Київської громади, був знайомий з Т. Шевченком. У травні 1861 р. він служив панахиду в Києві над труною поета під час перевезення її до Канева. Був одним з ініціаторів видання тритомного зібрання творів М. О. Максимовича. Нагороджений орденом Св. Анни I ступеня. Почесний член Київської духовної академії та Університету Св. Володимира (1893).

Протягом десяти останніх років свого життя, починаючи з 1864 р., М. Максимович співробітничав з "Киевскими Епархиальными Ведомостями", редактором яких був П. Лебединцев. Співпраця зблизила їх, тим більше, що наукові інтереси вчених збігалися: обох цікавила історія України, зокрема Києва. Восени 1864 р. Михайло Олександрович вирішив, що зиму проведе в Києві. На той час "Киевские Епархиальные Ведомости" вважалися одним із найцікавіших друкованих видань, і він вирішив налагодити співпрацю з ними: з одного боку, "любя издавна старину Киевской Руси, а особенно церковную, и имея в запасе некоторые сведения и замечания по этому предмету", а з іншого — співробітництво давало можливість бодай трохи покращити матеріальний стан ученого, оскільки жити на 760 р. пенсії в рік було дуже складно. 30 квітня 1864 р. Максимович написав листа до редакції часопису з пропозицією співпраці, приєднавши на додаток статтю "Нечто о Межигорья". Так зав'язалося його листування з П. Лебединцевим, що переросло в довготривалі товариські стосунки, які не припинялися до останніх днів життя Максимовича. Варто зазначити, що саме на шпальтах "Киевских Епархиальных Ведомостей" були надруковані цінні у науковому відношенні праці мешканця Михайлової Гори, присвячені Києву та українським старожитностям.

30 сентября 1864 г., Михайлова Гора

С назидательным для себя удовольствием читал я многие статьи в "Киевских Епархиальных Ведомостях". Любя издавна старину Киевской Руси, и особенно церковную, и имея в запасе некоторые сведения и замечания по этому предмету, я желал бы иногда передавать их в общую известность через "Киевские Ведомости", и покорно прошу Редакцию оных принять меня в свои сотрудники. На первый раз препровождаю "Нечто о Межигорья" — статейку, внушенную известием о продаже Межигорья с публичного торга... Вскую, Боже, низложил еси оплот его, и обимают и вси мимоходящие путем!..

Я полагаю, что для мысли о Межигорья, мной выраженной, найдется у вас сочувствие, а потому и статейке моей справедливее всего быть в ваших "Ведомостях", минуя все другие светские повременные издания. И если она найдет себе место в Ваших "Ведомостях", то благоволите, по обыкновению, напечатать для меня полсотни отдельных оттисков.

С истинным почтением к Редакции "Киевских Епархиальных Ведомостей" имею честь быть покорным ее слугою

Михаил Максимович

21 марта 1865 г.

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Весьма благодарю Вас и за издание моей "Книги Наума", и за условия о ней, и за всю вашу заботу о ней, которую принимаю за ваше для меня дорогое внимание ко мне. О том свидетельствую прилагаемую при сем фотографическою персоною моею и подписом руки моей.

Душевно преданный вам и вас почитающий

Михаил Максимович

Корректурный лист "Сказаний о Межигорском монастыре" благоволите прочесть и мне прислать.

17 мая 1865 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Пользуясь сегодняшнею оказией отсюда в Киев препровождаю вам в библиотеку стародавнюю книгу проповедей, изданных Виленским братством, любопытную и по языку западнорусскому. С нею вместе посылаю вам мой задушевный поклон и сердечное желание вам здоровья и успеха в делах и трудах ваших.

Из новостей нашей губернии — очень печальный пожар города Лубен; а радостных не имеется. В половине июня надеюсь быть уже в Киеве и видеться с вами. Итак — до приятного свидания! Преданный и уважающий вас

Михаил Максимович

Отцу Фаворову* прошу передать мой душевный привет.

*

Н. А. Фаворов, профессор богословия в Киевском университете.

9 июня 1865 г., Михайлова Гора

Несмотря на одолевающую меня неробоязнь, не могу пропустить новой оказии в Киев, и не сказать о себе вам, дорогой и почтенный Петр Гаврилович! Пишу вам мой душевный привет и поклон; и посылаю обещанную вам книжицу нашего знаменитого Транквилиона "Зерцало Богословия", которую лет за двести преследовали и жгли, по указам Михаила и Алексия в Московщине и Сибири; и несмотря на то, читали ее там, равно как и "Учительное Евангелие" того же автора, и вдохновлялись тем и другим на собственные писания проповедей и богословских трактатов. Транквилионова "Учительного Евангелия" уже нет у

меня; но вместо его я препроводил вам "Учительное Евангелие" Виленское в прошлом месяце (обрывок моего прежнего собрания книжной старины западнорусской!).

После Золотоношских выборов, о которых я извещал вас, я остался в числе 27-ми гласных от сословия землевладельцев, между которыми обрелось 2 священника и 2 козака; а на 12-е июня мы опять позваны на выборы дворянские. Не позволяю себе отказаться от поездки на выборы. Таким образом, поездка моя в Киев все оттягивается вперед... С того 27-го мая страшная засуха обратилась в дождливую погоду, и остаюсь в неведении, пооблагодият ли небеса столь желанной мною поездке в Киев в июне, чтобы там отговориться мне к Петрову дню, — мне, удрученному телесно и душевно. Во всяком случае примите уверения в истинной преданности к вам душевно уважающего вас старика Михаила Максимовича.

"Епархиальные Ведомости" получаю через Золотоношу исправно и читаю с удовольствием; но какое-то письмо страховое пришло в Канев еще 11 мая, а объявление о нем получил я лишь сегодня. Отца Назария [Антон Фаворов] приветствовал с орденом, о чем прочел я сегодня. Часто впадает заботная мысль: окупился ли вам мой "Наум", принятый вами в свою добрую опеку?..

26 июня 1865 г., Михайлова Гора

Два ответные письма ваши, дражайший Петр Гаврилович, я получил, наконец, хотя и не скоро, но исправно, и премного благодарю вас за них, ибо они доставили мне великое удовольствие. Ваша память обо мне столь же усладительна для моей души, сколько любопытны сообщенные вами сведения из текущей жизни современного Киева. Сожалею, что мое намерение быть в нем все еще отлагается впредь по разным обстоятельствам моего здешнего быта и пребывания; с чем в согласии и самая природа, бывшая в мае отменно сухою и палящею, а в июне слишком дождливою, даже до нынешнего дня. А мне так хотелось быть в Киеве именно в настоящие дни, чтобы отговориться в Лавре и посмотреть некоторые окрестности, для решения себе некоторых накопившихся топографическо-исторических вопросов... Не знаю сам, удастся ли хотя в Спасовку исполнить предположенное было на Петровку!.. А с 15 августа у нас в Золотоноше начинается уже земское собрание, в котором деятельно участвовать вменяю себе в обязанность, хотя от поездок в Полтаву (еще не виденную мною, но ненавидимую), равно и от выборов в члены управы, отказываюсь решительно... Желание мое — провести зиму опять в Киеве, водворяясь по-прежнему в соседстве с вами, если бы можно было, где-нибудь на Крещатики. Тогда вознагражу трудолюбием ту гульбу и недеятельность, в которой обретаюсь тут уже третий месяц и которую могу себе извинять только разве старостию и утомленьем от прежней жизни; но уж никак не украинскою леностию... Пробы мои освежаться в Днепре оказывались неудачными и в мае и в июне: остаются надежды на июль, дабы избавиться от ревматизма, крепко приставшего к левой руке и посягающего нередко на голову и глаза; а избавление от него мне единственное — Днепроречовица!

Что касается до другого способника моего — до старика "Наума", то я радуюсь, что он уже почти окупається перед вами вашею же заботою; а мои обращения о нем к толиким и таковым мужам, видно, безуспешны, не удостоены даже ни от кого и отзывным словом даже до сегодня! То-то мне так и не хотелось писать их; после долгой отвычки от них, я зарекаюсь уже писать их даже до смерти, чтобы не навязываться на неприятные ощущения, которые и без того сами налетают подобно мошкам и комарам, столь досадительным в нынешнее лето. Согласен вполне с вами, что книгопродавцам надо уступать, и не только по 20, но при значительном требовании и по 25 %. Имею письмо из Санкт-Петербурга от Глазунова, долго пролежавшее в Киеве, которым он просит позволения моего напечатать новое издание "Наума", как напечатал он прежде три издания, под надзором Надеждина и Неволлина. Но я ему предлагаю покупать тысячами из Киева с уступкою 30 % без нашей пересылки. Я уверен, что он в своей типографии печатал несравненно большее количество, чем то, на которое договаривался и за которое платил. Что же это г. Андрияшев¹, с двух тысяч, за которые уже вынимал и деньги, съехал только на одну?... Надо бы мне об этом воззвать к С. С. Гогоцкому², назначившему две, как минимум... или к М. А. Тулову³, вспомянувшему меня, спасибо ему, на выезде моем.

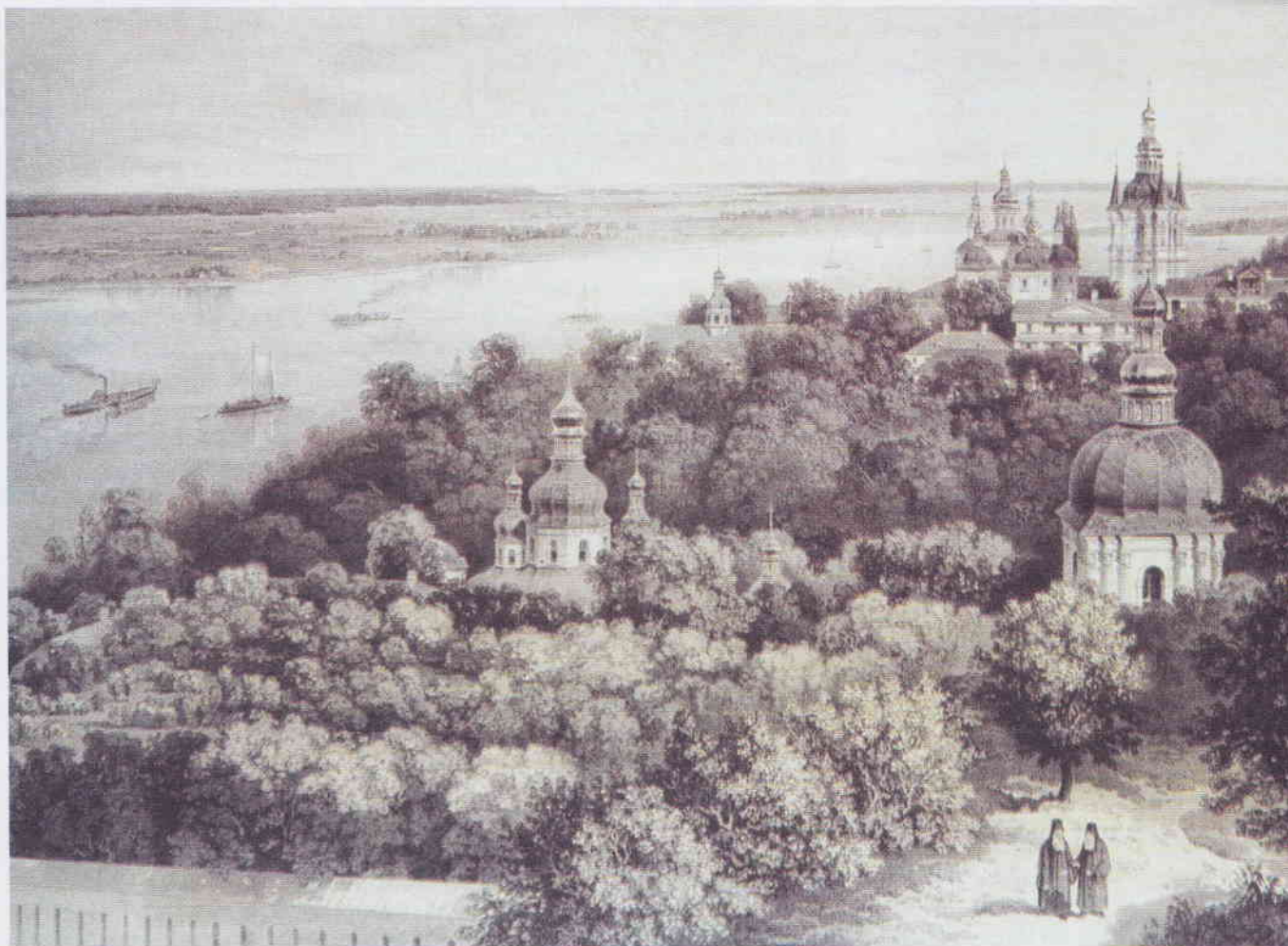
*

¹А. Ф. Андрияшев, издатель "Киевского Народного Календаря".

²Профессор философии в Киевском университете.

³Помощник попечителя Киевского учебного округа.

Красвид Ближніх та Дальніх печер Києво-Печерської лаври.
Літографія другої половини XIX ст.

Олексій Андріяшев.
Фото другої половини XIX ст.

Но я вспомянул сей час, что мне надо прежде всего заговорить о Забелах, и Мировичах, как о предмете, более прочих настоящем. Не читавши Феофанова слова, не могу написать приуроченного к нему комментария; а потому собственно для вашего усмотрения припомяну следующие сведеньца.

Бракосочетание Ми-ровиченка с Забеловною было, без сомнения, в первых годах прошлого столетия, еще до "несчастливого шведского року". — Род *Забел* (или *Забелов*, как писали в старину) известен стал в пределах бывшего Не-

жинского полка еще в гетманство Богдана Хмельницкого: в 1651 году встречается полковник *Забела* (должно быть *Василий*).

Его сын *Петр Забела* в гетманство Брюховецкого был уже генеральным судьей, а в гетманство Демка Многогрешного — генеральным обозным (т. е. первым после гетмана старшиною в войске). В том же звании, несмотря на свою неграмотность, продолжал он быть и при Самойловиче, видный еще и в 1679 году, в котором его сын *Степан Забела* был генеральным бунчужным (как видно из 116 главы Киевского Синописа); а в первые годы Мазепина гетманства был он полковником Нежинским. Сего-то Степана Петровича Забелы дочь *Анна* и была в браке за *Семеном Мировичем*, которого отец *Иван Мирович* исторически известен с 1692-го по 1706 год, как полковник Переясловский (а документально мне он известен еще с 50-х годов, как зять Кропивянского полковника Филона Джеджелея). Весною 1706 года командирован был он с своим полком от гетмана Мазепы в Ляховичи, для защиты этого города от шведов; но осажденный многочисленнейшим шведским войском, взят был в плен со своими переясловцами, в апреле (или точнее 1 мая) и отвезен в Готтенбург, где скончался 4 декабря и там погребен. Памятью его в Переяслове остается каменная Покровская церковь, которую по смерти его докончил в 1706 г. зять его Яков Ефимович Лизогуб со своею нежною Мировичевою, помнитса, Настасией.

Чету, приветствуемую Феофановым словом, постигла недобрая доля.

В числе сторонников Мазепы, при его измене, оказался и *Василь Иванович Мирович*; пока он и другие находились эмигрантами в Туреччине, брали их семейства и близких родичей в Москву на жительство, причем в апреле 1712 года переселены были в Москву — вдова Мировича, старая полковница *Пелагия*, ее сыновья *Яков* и оный *Семен*, и дочка *Марина*. А как Василий оказался потом столь виновным, что сослан в каторжную работу, то и все вышеозначенное семейство Мировичей отправлено

было в Тобольск из Москвы. В одно время с этою семьею отправлен был из Малороссии в Москву и *Семен Забела*, которого жена ушла с Орликом и при нем находилась; а *Михайло Забела*, бывший сначала сотником Борзенским, а потом полковым судьей Нежинским, стал генеральным судьей в 1729 году, когда Яков Ефимович Лизогуб возвышен был в звание генерального обозного, в котором и оставался долго, будучи по смерти гетмана Апостола первенствующим лицом в войсковой старшине малороссийской.

Михаил Максимович

Воспоминание об этих лицах, в железный век малороссийской жизни, — припоминает мне известный акт, о снятии клятвы с Горленка и прочих, который следует мне списать для "Ведомостей", вами издаваемых. Это поспешу сделать в следующем письме, пока надумаюсь приняться за что-нибудь более коштванное, хотя и не настолько, как ваши церковно-археологические заметки в последнем номере. А какая интересная там резолюция владыки вашего о благочинном! Не знаю, отцу ли Назарию или кому иному обязан я за присылку мне "Трудов академии", которые получаю исправно и читаю с большим удовольствием и любопытством, несмотря, что утомляется от того мое зрение.

Относительно старых книг, я должен сказать откровенно, что у меня их осталось уже очень мало, и сберечь из них у себя я желаю очень-очень немногие, в том числе издания Иоанна Максимовича: из них *Богомыслие* и *Феотрон* брал у меня иногда Иннокентий для Академии и не возвратил. Если когда-нибудь встретится вам случай приобрести эти две книжки и *Отче Наш*, которой у меня еще не было, то не упустите их от моего обладания, в наследие моему сыну Алексею: а я охотно вам доставлю еще кой-какие старые книжицы, вовсе не предназначенные у меня к сохранению и для меня ненадобные. Все они из разряда священных, а потому даже грешно из оставлять в качестве домашнего хлама. Охотнее теперь я дал бы место на своих полках двум томам Архива, изданным Феофаном Гавриловичем [Лебединцевым] и прочел бы их с жадностию: но мой почтенный друг Юзефович до того небрежен, что и донныне не высылает их мне, имеющему сугубое право иметь их у себя прежде многих иных лиц.

Тут-то на досуге, когда не хочется брать пера в руки, и читать бы подобные вещи, усевшись на призьбе, в тени акаций, и поглядывая на Днепр, за которым видны мне и Канев, и Мошны, и высокий мыс над Сокирною, где взят был Мельхиседек... А кстати, портрет его я оставил у Г. П. Галагана, и в случае моего смертного часа, он должен быть передан в академическую залу, сообразно желанию Феофана Гавриловича, которому прошу передать в ближайшем письме мой дружеский поклон.

Но пора уже мне и кончить этот письменный присест и вам дать покой от него. Уже за полдень; а день пресветлый... Вы еще, вероятно, в консистории пробудете час-другой. От всей души желаю вам здравия и благоуспения в делах ваших. Душевно преданный вам и почитающий вас М. Максимович.

Если случится что писать ко мне, то вернее и скорее дойдет ко мне адресованное по почте на Золотоношу.

Михайло Тулов.
Фото другої половини XIX ст.

Іван Скоропадський. Гравюра
першої половини XIX ст.

3 июля 1865 г., Михайлова Гора

В погону за моим последним письмом, через Золотоношу посланным, поспешаю с этим листком, имеющим плыть по Днепру, да омоеся историческая пыль с письма предыдущего.

Вы, желая от меня обещанной заметки о *Забелах* и *Мировичах*, при первой фамилии поставили *Анну*, а при второй — имя *Симеона*. Это так и принялось в моей мысли, хотя в самом деле было наоборот; а к тому еще привилось весьма ошибочное известие *Истории Бантыша-Каменского* (1822. Т. IV. С. 47) о *Василии Мировиче*, которому он приписал Переясловское полковничество, принадлежавшее его покойному отцу *Ивану*, и проступок, принадлежавший брату *Феодору*. И я написал вам сведение двуошибочное. Спешу поправить его для исправного комментария к *Феофанову* слову. Женихом был не *Мирович Семен*, а *Семен Забела*, невесткою — *Мировичовна* (*Анна*), которая в 1709 году бежала вслед за *Мазепою*, *Орликом* и братом своим *Феодором* (*Ивановичем*) *Мировичем* в *Бендеры*. *Семен Забела* в 1711 году посылал к ней нарочного, чтобы она вернулась к нему на *Украину*; но она при том же нарочном выбралась в *Шведский лагерь* к королевскому маршалку *Лимонту*. После такого поступка *Анны Ивановны*, муж ее подавал челобитную к царю, через гетмана *Скоропадского*, дабы ему вольно было иную жену поняти, а от той-де он цурается и отрекается.

Так окончилась свадьба, напутствованная словом *Феофана Прокоповича*, который (говорит предание) и без свадьбы сплодил знаменитого *Теллова*, наставника последнего гетмана, *Кирилла Разумовского*. Чем кончилась судьба *Мировичовны-Забелихи*,

Кієво-Печерська лавра.
Літографія другої половини XIX ст.

Павло Полуботок. Гравюра
першої половини XIX ст.

не знаю; а муж ее все-таки был позван на жительство в Москву, за гульбу и эмигранство его жены.

Семен Мирович был женат на дочери Ломиковского, умершего в Бендерах; а Василь Мирович был зятем Токиевского (полковника Киевского), тоже находившегося в Бендерах при Мазепе, потом при Орлике, в гетманство которого Фегор Мирович считался генеральным асаулом (вместо Дмитрия Максимовича, воротившегося в Малороссию, оттуда в Москву, а из нее в Архангельск). За его-то тяжкую вину, его мать — старая Мировичка Пелагея, братья его и сестры, потребованы были в Москву, а оттуда посланы в Тобольск, но его жена, во время его эмигранства, была у отца своего Полуботка, знаменитого полковника Черниговского. Вот подробная и верная обстановка вопроса, за которую может смело ручаться душевно вас почитающий и преданный вам

Михаил Максимович

Вчера я начитался и майской книжки "Трудов" Академии, и ваших "Ведомостей" 12-го нумера, в котором особенно понравилась мне заметка о дорожных крестах и по поводу сведения о родной матери Ломоносова. Благоволите и в вами заведываемое училище, и в школу Гогоцкой подарить от меня по 50 экз. книги "Наума".

10 июля 1865 г., Михайлова Гора

У вас в Киеве теперь праздник Антониевский, а завтра Ольгинский, а там и Владимирский, но я сижу тут по будничному и только сожалею подчас, что не могу очутиться в Киеве по причине изнеможения от жары и пустоты карманной. Кое-как, однако, настрочил вчера прилагаемый листок для ваших "Епархиальных Ведомостей", который прошу принять благосклонно. Примечание мое вышло сухарное, но я поопасался размочить его Днепровскою водою... А хотелось сказать бы, что можно бы, кажется, уже снять анафемское поминовение в Киеве с того, чьих памятников столько в Киеве — и Лаврская каменная ограда, и Никольский собор, и Братская Богоявленская церковь; кто золотил своим коштом и верхи прежней лаврской великой церкви, от громового удара сгоревшие; чьим старанием возобновлена древняя епархия переясловская и поставлен там Вознесенский собор и проч. и проч. 157 лет уже проклинали его ежегодно: и если проклятие наложено было на него и его единомышленников, и снималось с последних — по велению царскому, то и с него могло бы, наконец, быть снятым, по милостивой воле царской, церковным ходатайством Киева... Вот какая хмелинка была в голове, когда я принялся списывать лист гетмана Скоропадского к митрополиту киевскому, но нельзя же было ей повиться по тычине пера моего; вы первый выбросили бы ее из моего примечания, как сорную траву...

Француз, поселившийся в с. Прохоровке еще в молодые годы, умер около года тому назад глубоким стариком.

Вы из моего золотоношского письма могли удостовериться, что в знойное лето я не могу писать дельного: вам верно уже доставил мусье Альфонс[®] мое поправочное письмецо о женитьбе

Семена Забелы на Анне Мировичовне; но и в том письме жену Фегора Мировича, нераскаянного приверженца Филиппа Орлика, я назвал, помнится, дочкою Павла Полуботка, между тем как она была родная сестра его, дочь Леонтия Полуботка, бывшего полковником Переяславским. — Вижу, что в старой памяти моей происходит уже такая же мешанина, как и в истории Бантыша-Каменского, который *Василя* Чуйкевича называет то Василем (по актам), то Семеном (по Ригельману), да и не один он попадает непрерывно в подобные неточности! Похождение Анны Ивановны Забелиной-Мировичевны и было у меня на примете, когда я хотел вам писать примечание к Феофанову слову; но здесь я и не вспомнил на первый раз в чем дело!

Но не буду обременять вас моим разглагольствием: у вас мало досуга и много чтения и дела; а у меня наоборот! Итак — будьте здоровы и благоуспешны, и не забывайте душевно преданного вам Михайлогорца.

А что выпадает на долю Межигорья?

19 августа 1865 г.

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Кланяюсь вам из Золотоноши, где я уже третий день, участвуя в земском собрании, в качестве гласного, уклонившегося впрочем от выбора в какие-либо особенные должности по земству; а нынешний день я назначен для баллотировки в члены управы, которым положено вчера жалование 750 р. в год, то же и председателю; на канцелярию 2 000 р.

Препровождаю заметку к Феофанову слову, которую можно, мне кажется, поместить в ваших "Ведомостях". Хотелось бы в первой половине сентября, к Воздвижению, быть в Киеве по прошлогоднему; но еще не знаю, исполнится ли это, равно как и то, в возможности ли буду зимовать в богоспасаемом граде.

От всей души желаю вам здоровья и благополучия, искренно преданный вам

Михаил Максимович

Письмецо мое, с актом о Горленке[♦], посланное через Переяслов 12 июля, вы верно уже получили.

♦ "Лист гетмана Ивана Скоропадского".

13 июля 1865 г., Михайлова Гора

Заметка о новоизданном слове Феофана Прокоповича.

В 14 номере киевских "Епархиальных Ведомостей" нынешнего года напечатано весьма замечательное, но остававшееся в неизвестности слово Феофана Прокоповича — "В честь новобрачных". Очевидно, что это известное слово принадлежит к первой поре его витийства, когда он был еще учителем в Киевской академии (ректором в ней был он с 1711 года).

Не знаю, к какому времени принадлежит академическая рукопись, из которой заимствовано это слово, но я нахожу, что

Феофан Прокопович.
Портрет XIX ст.

переписчик его сделал значительную ошибку в заглавии, перемешав фамилии новобрачных. Заглавие дано такое: "Слово ректора Киевской коллегии Феофана Прокоповича в неделю мытаря и фарисея, в честь новобрачных *Симеона Мировича и Анны Забеловны*".

Против этого можно сделать следующие возражения.

1) Киевская академия именовалась *коллегией* в XVII веке, до 1701 года. "Ректором Киевской коллегии" был Феофан Прокопович 1-й, дед знаменитого витии, скончавшийся 1689 года.

2) У Переясловского полковника Ивана Мировича, умершего в шведском плену 1706 года, действительно был сын *Семен Мирович*. Но он женат был на дочери генерального обозного Ивана Ломиковского, *Елене*. Свидетельством тому служит завещание Ломиковского, писанное в марте 1711 года в Яссах. В нем сказано между прочим: "Коханую дочь мою *Елену Семёновну Мировичовую* з милым её малжонком и кохаными чады благословляю и Божия им благословения желаю" (см. в "Молодикe" на 1844 г. С. 73 и 77). Ясное дело, что Феофаново слово относилось не к *Семену Мировичу*.

3) Новобрачными, в честь которых витийствовал Феофан, были: *Семен Забела* и *Анна Мировичевна*, дочь вышеупомянутого полковника Переясловского. В доказательство приведу следующий отрывок из письма гетмана Скоропадского к графу Головкину, 1712 года (см. в "Чтениях" 1859 г., кн. 1).

"Старая *Мировичова*¹, которой сын *Федор* при Орлику генеральным асаулом; там же² и *дочка его, Семена Забелы жена*; братья его Федоровы: *Семен* с женою и с детьми, за которым дочка Ломиковского, при Орлику найдуючегося, *Василь* с женою и с детьми, за яким дочка Мокиевского³, в противной стороне умершего; да его ж, *Федора Мировича*, три братья нежонатые, *Яков, Димитрий и Иван*".

Так как взаимный родственный союз малороссийской старшины составляет главный мотив Феофанова слова, то не лишним будет прибавить, что Федор Мирович женат был на дочери прежнего Переясловского полковника Леонтия Полуботка, которая, после бегства мужа её, оставалась в доме брата своего Павла, полковника Черниговского. Другая дочь полковника Мировича, именно *Феодора*, была женою Якова Лизогуба, бывшего впоследствии генеральным обозным.

На основании предложенных сведений, следует дать Феофанову слову такое заглавие: "Слово учителя Киевской академии Феофана Прокоповича в неделю Мытаря и Фарисея, в честь новобрачных *Семена Забелы и Анны Мировичовны*".

Михаил Максимович

1 сентября 1865 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Посылаю вам статейку о горе Московке⁴. Может быть она, после оной, что помещена у вас в 5 номере, окажется излишнею;

¹Полковница *Пелагея Мировичева*, урожденная *Голубовна*.

²Т. е. в Бендерах, куда ушла она, покинув мужа своего в Малороссии.

³Константий Мокиевский, полковник Киевский. — Не знаю, его ли дочь или Полуботка была *Анна Мировичовна* (другими словами: жена ли Василия или Федора Мировича).

⁴Кажется, эта статья нигде не напечатана.

в таком разе благоволите ее пристроить хоть в "Киевлянина", или где-нибудь, за исключением, разумеется, "Телеграфа"...*

Я воротился из Золотоноши (откуда писал к Вам) не совсем здоровый, что и донныне продолжается, при неблагоприятной для ревматизма моего погоде. Не теряю, однако же, надежды собраться с силами для поездки в Киев.

Между тем погружаюсь в киевскую церковную старину, и сегодня, прочитав в вашем издании об андреевском кресте Лохвицкого работы — занимался крестовоздвиженскою церковью... Вижу, что надобно сызнава поверить все, что писано было и Берлинским, и Закревским, и прочими о Старом Киеве. Чтобы меня или митрополиту, или Безаку пригласить в Киев на службу в звании археографа; в Киеве для этого можно быть *по особым поручениям!*

Желаю вам здоровья телесного и крепости душевной. Преданный вам

Михаил Максимович

18 октября 1865 г., Михайлова Гора

Благодарю Вас премного, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович, за ваше приятнейшее письмо от 11 октября, которым усладился так благовременно, ибо я находился тогда в сильном желании беседы вашей. Вы много сообщили столько интересных новостей, из которых особенно я порадовался Спасскими фресками и примеченным вами рельефом преподобного Антония — и как бы хотелось взглянуть на них! Но к прискорбию это придется уже будущею весною, если даст Бог мне вызимовать благополучно в моем Михайло-Горском отшельничестве... Мне очень тяжело оставаться здесь на безлюдьи и в тесной хатке; но что же делать когда не везет фортуна в Киев... И безденежье, и нездоровье не пускают меня отсюда. Мой ревматизм левого плеча очень усилился, на всю руку, кидаясь нередко на голову и глаза, и это подчас пугает меня немало... И я рассудил, что ехать в Киев без денег и на такое же, если не большее соседство как в прошлом году, и также одному — непригоже вельми, и что лучше уж весною — даст Бог — приехать, когда можно бывать там везде, и поработать, и полечиться, если надобно. Итак — до будущей весны! Помолитесь только, чтобы помог мне Господь вызимовать благополучно.

В тот день, как вы писали ко мне, и я здесь писал для Вас — прилагаемую при сем статейку о двух стихотворениях, которую благоволите поместить в "Киевских Епархиальных Ведомостях", да услышана будет *et altera pars*! Кто этот г. Петров? Спасибо ему за находку, и нельзя ли попросить у него или иного кого, чтобы мне списали буква в букву тот "Плач", ибо в том виде, как напечатан, он зело попорчен.

*

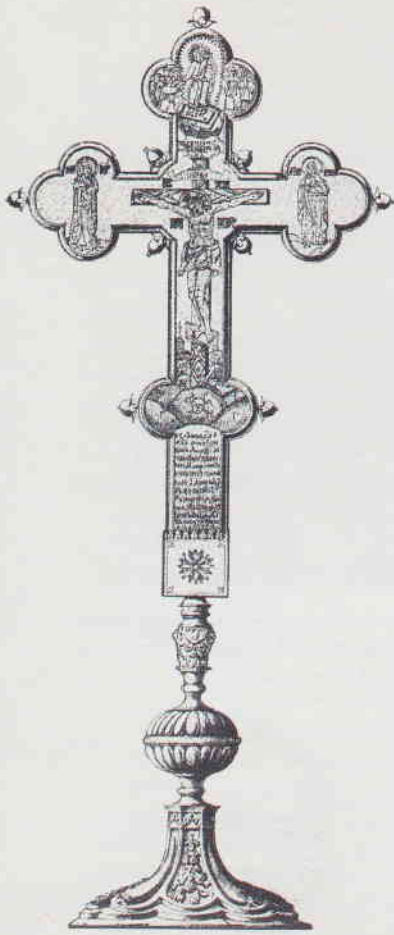
Издававшаяся в то время вторая газета в Киеве — "Киевский Телеграф".

Микола Петров.
Фото другої половини XIX ст.

●

Інша сторона.

Хрест, подарований Петром Могилою Видубецькому монастирю. Малюнок першої половини XIX ст.

А в начале сего месяца я отправил к нам через золотоношскую почту начало моих "Записок о киевском Братстве". Кажется, Вы и о. Фаворов будете ими довольны. Я хочу пересмотреть критически все известия историков Киевской академии о временах её до кончины П. Могилы. Попрошу Вас только вычеркнуть конец 1-го параграфа о петербургском календаре. По отправке к Вам, я заметил, что этот конец некстати, и послал его особою заметочкой в "День". — (Туда ж сегодня настроил и потабенку: слухи о Межигорье, по вашему намеку). Еще попрошу Вас сделать для меня оттисков несколько, как статейки о 2 стихотворениях, так и Записок; этих можно и побольше, в виде особой книжечки для раздачи их питомцам и любителям матери-академии.

А что с моею статейкою о горе *Московке*? Буде не пойдет в дело у Вас, перешлите ее в "День", и вообще я попрошу Вас, что не примется у вас из моих писаний, отправлять туда. Сюда, впрочем, не подходит заметка о Семене и Анне, которая пусть останется в Ваших бумажных связках без печати.

Спасибо вам за опеку над моим "Наумом" и радуюсь, что он взнес уже вам выкупную за себя сумму. Жаль, что мои бывшие академические приятели и прочие панове не потрудились своих десниц даже для ответа на мои письма, к ним писанные. Ни от кого ничего в ответ: это уже просто неучтивство; но видно так повелось уже в нынешнем веке, от которого с каждым годом я отстаю приметно, а быть может уже незабаром и совсем меня не станет... Время всем... Но живой живе гадае...

Так как у Вас причтется мне малую толику, то я дружескую на Вас возложу комиссию: 1) пошлите в черниговскую редакцию сколько надо за "Историю Русской церкви" Филаретика, последнего издания, его книгу о "Черниговской епархии" и "Жития русских святых" (не помню настоящего титула), дабы эти три издания выслали оттуда на мое имя в Золотоношу. 2) Пошлите 15 р. серебром моей родичке, Варваре Васильевне Марковой, на Крещатик в дом Коломийцова, где была фотография Левдика и где её муж открыл новую фотографию. На те деньги я просил ее сделать мне некоторые покупки и прислать их с этою же оказией, по которой теперь я к Вам пишу мое послание. Я до того здесь досиделся, в уповании быть скоро в Киеве, что и писательские припасы все истощились; а писания в виду довольно-таки, — начиная с продолжения "Записок о Братстве", которые надеюсь докончить в нынешнем месяце, если отляжет боль от головы и глаз, в последние дни к ним привалившая.

Но св. Антоний у меня в мыслях и как бы перед глазами. Снимите фотографический его образ с лаврской колокольни и тот образ св. Феодосия, что в Спасской церкви, что вы упоминали об нем в Вашей знаменитой статье...

Помогай Бог Вам трудиться и да хранит Он Вас в добром здравьи. С моим к Вам почтением и сердечною преданностью остаюсь навсегда Ваш

Михаил Максимович

14 ноября 1865 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

На этих днях я отправил к Вам *продолжение*, а вот теперь препровождаю и *окончание* моего писания о Киевском Братстве. Я предполагал было окончить Могилянским временем, но для этого понадобилось бы еще глав 8 или 10, а потому ограничился до-Могилянским временем, опасаясь, что и этих 12-ти много. Можно будет после разобрать особо и историю Могилянского 15-летия. Не имею под рукою у себя нескольких необходимых книг. Мои "Акты Западной России" остались у переплетчика Бодде, в целую зиму у него неконченные. Желал бы очень получить еще: *второй* том актов Южной и Западной России, если он вышел в свет, и "Документы", изданные в нынешнем году Кояловичем. Во всяком случае, вы имеете уже от меня подвоз исторического запаса для "Епархиальных Ведомостей", да и впредь не будет остановки за этим, лишь бы здоровье не изменило. Что-то крепко разболелась левая рука, так что с трудом напинаю свое пальто, в котором вы и видели меня постоянно, а тулуп свой могу накидать только наопашку. Глаза мои тоже залипают во сне. Забываю немощность свою только в те часы, как усядусь за книги и письмо...

Как Ваше здоровьечко служит Вам при вашем многочисленном служении? Помогай вам Бог!

Если образа готовы, то передайте их Николаю Аркадьевичу Ригельману для пересылки в Варшаву, а еще короче — перешлите их и от себя как-нибудь в Варшаву, на имя Ольги Федоровны Кошелевой. Она, вероятно, давно уже там; а что за них будет следовать, то получится неукоснительно. — На мою долю, если наберется у "Наума" или по редакции Вашей, попрошу у вас выслать к декабрю *полсотни*, на подмогу пенсиону моему, который решительно не покрывает потребностей здешнего моего домашнего быта, как ни стараюсь быть сокращенным в расходах; а прочее, если послужит фортуна, пусть накапливается ко времени контрактному или на весну, когда я намереваюсь непременно приехать в Киев, между прочим и для занятий делом ученым и книжным...

Остаюсь с моим неизменным к Вам чувством уважения и преданности

Михаил Максимович

NB. Когда-то я читал у Захария Копыстенского о девятинах и прочих поминальных сроках, а теперь усомнился в счете дней: Иов скончался 2 марта, какой день 11-е марта?

О Копинском, прости Господи, дохожу до того предположения, что он, наконец, помешался на патриаршестве Могилы, на отдаче Лавры, Михайловского и Никольского монастырей католикам. Много виноват С. Косов, исключивший его из ряду митрополитов киевских в своем патерике: это для бывшего митрополита

Олексій Хомяков.
Гравюра XIX ст.

страшная обида. Что его при взятии из Михайловского монастыря окровавили, то видно из его собственных слов, записанных в градской книге, а следующее сказание Ерлича не чуждо правды. Я смягчил воспоминание о нем донельзя.

24 ноября 1865 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Каждому письму Вашему бываю рад, но последним Вашим от 11 ноября я особенно усладился, получив его в часы душевной тревоги и тоски от болезни моего Алексейки. Вот эти случаи составляют, можно сказать, центр тяжести тягостного быта в хуторе, — который пора бы уже на старости заменить городским житьем... Мне в прошлую зиму говорили как-то об этом и пан Галаган с Ригельманом; и другие приятели тоже иногда советовали зимовать в Москве, особенно Языков и Хомяков — царство им небесное! — и я совершенно согласен с ними с того времени и доныне, — и рад бы совсем водвориться в Киеве, да не приберу к тому способу. На седьмом десятке лет с хилым здоровьем трудно уже вступить в обязательную службу, хоть бы то была и в комиссии временной, — да именно в ней-то и тяжело было бы, — ибо наигорший из деспотизмов есть деспотизм приятельский, как это сказал я лет за семь в Москве бывшему некогда моему приятелю Титову, обрадовавшему тогда всех нас своим появлением. Странная моя участь, словно та чумацкая доля,

— Що люде не роблять,
А я роблю, дбаю — нічого не маю!

Надо однако же придумать какой-нибудь способ, видя совершенную необходимость перемещения в Киев или Москву; ибо хуторское житье мое с каждою зимою становится все хуже и тяжелее... Но я удалился от текущих дней и не сказал, что ныне, благодарение Богу, мой сынишка здравствует опять, и я покойнее душею; а что болит рука и т. п., то это уже как будто так и следует.

Заботы москвитянок об Острожском Братстве утешительны, и когда будет у Вас вписная книга, прошу и меня вписать в братчики. Но какую штуку ляпнул об Остроге о. Подвысоцкий в 40 номере "Дня"! Если такое понятие о книгопечатании острожском в ходу у нашего духовенства, то мне пришло на мысль написать Вам в "Епархиальные Ведомости" статейку маленькую о русском книгопечатании. А между тем попрошу Вас отобрать из имеющихся в моей скрыне всех книжиц моих по 1 или по 2 экз. и переслать от меня в тамошнюю библиотеку; а "Наума" можно послать сотню в училище острожское для подарка ученикам. (Я просил Вас, как-то, сделать то же и для Вашего Кловского училища, и для школы Гогоцкой).

С особенным любопытством прочел я в 21 номере статью о Холмской гимназии и с нетерпением жду прочесть речь Ф. Г. [Лебединцев]. Бог в помощь ему! Но сколько ему сдержанности духа приходится выносить при всех этих процессиях. Воображаю себя на литургии, где Калинин возглашал о панеже... Пришлось бы плюнуть да и только, как это делал наш святой Владимир, по свидетельству Нестора и песен великорусских.

Плюнуть да и только надо и Ф. Г. и Крыжановскому на тех черняков, которые уже бросили на них тень страхопудства украинофильского... Но если это опудало, сочиненное ляхами и Говорскими, еще в ходу, даже и в царстве Польском, то можно бы позаботиться о том, чтобы Антонович¹ не перемещался в Холм, а был удержан в Киеве прибавкою жалованья: без него совсем пропадет обанкротившаяся временная комиссия, хотя председательство её и считается службою М. В. [Юзефовича]. Жаль, что я не знаком с Безаком — готов бы написать ему об удержании Антоновича при комиссии удвоением ему жалованья. Нельзя ли вам как-нибудь подействовать и содействовать этому делу?

А замечание ваше об избытке ладану так мне полюбилось, что в ответ на него я сказал бы даже стихами:

Замолкни, лжец наш поседельй,
И дай покой твоим богам:
Уже им гимны надоели
И опротивил фимиам,
От воскурений невоздержных
Златой кадьницы твоей
Уже тошнит ляхов мятежных
И кашель душит москалей.

Впрочем, я не читаю "Московских Ведомостей", а если пришлете "Черниговские Епархиальные", то я им буду очень рад, ибо таких исторических писателей, как Филаретик, у нас со свечами поискать, и я его писания читаю с особенным вниманием, хотя и не во всем с ним согласен. Он следит за историей и подвигает ее вперед: не то, что бездарный соперник его, компилятор Макарий. — А как же доставить их на Михайлову Гору?.. Если бы не очень озаботить вас, то я попросил бы вас — "Черниговские Ведомости" и еще более нужные для меня "Акты Западной России" и "Документы", изданные Кояловичем, и когда вышел второй том "Актов Южной и Западной России", и еще что найдете, заделать в одну посылку, закупоренную и запечатанную, и первого или 2-го декабря сдать ее моей родичке Варваре Васильевне Марковой; а она отдаст посылку своему племяннику, студенту Василию Лесеневичу, который 3 декабря уезжает домой на вакации и, таким образом, я могу получить ее еще хоть под конец декабря. Что же касается до Наумовского заработка, то его лучше переслать через почту, сколько бы его ни набралось. Мне угрожает долгое безденежье: только на этих днях я узнал о новом порядке получения пенсионера. Еще в начале нынешнего года подал прошение Иванишеву² о выдаче мне копии аттестата моего, затерянного при выезде моем из Москвы; но себялюбивый Иванишев оставил ее без удовлетворения, говоря, что ему некогда было при отъезде его; Митюкову³ тоже было, как видно, не до моего аттестата; просьба моя почитет, вероятно, в ректорских делах; надо будет писать к Матвееву⁴, да позабыл его имя по отчету; а между тем полтавская казенная палата может замедлить выдачею своих пенсионных мне листов; а поэтому-то я рад буду всякой присылке от вас, что только наберется у вас в мою пользу (без отложения на контракты) по январь месяц. К этому месяцу, или точнее говоря, к исходу декабря, предстоит, особенно здесь, особенная надобность в деньгах, на расплату с наймытами и проч. и проч.

*

¹В. Б. Антонович, известный историк, тогда служивший в Киеве, в Археологической комиссии для разбора древних актов.

²Ректор университета.

³Проректор университета.

⁴Вновь избранный ректор университета.

Каленик Мітюков.
Фото другої половини XIX ст.

Теперь еще словцо о следующем. В III главе моих "Записок" на 739 стр. сделана важная опечатка: Петр Могила пострижен — в 1595 году! — Бога ради поместите в конце следующего номера необходимую поправку, что он пострижен не в 1595 году, как напечатано, а в 1625, а в отписках благоволите перепечатать этот листок; а может быть он войдет во второй полулист, еще неотпечатанный.

В VII главе не опечатка, а глупая с моей стороны прибавка в скобках *червонцев* — к слову *золотых*! Прошу вас притьмом: выкиньте эти *червонцы*, в скобках приписанные, чтобы их не было совсем в тексте. Это просто затмение на эту минуту. *Червонец* в 1622 году равнялся *трем золотым*.

Все остальное в записках моих обстоит, кажется, исправно. Разве в конце XII-й главы можно так поставить: свое призвание — "рятьовать церковь православную российскую" (как говорил о нем Исаия Копинский).

После 10-дневной отлучки от письменного столика моего, именуемого, по форме его подставки, *лиркою*, я слишком расписался к вам... но неохотно расстаюсь с этим листком, заменяющим личную беседу с вами. А вже пора прервать ее... Сегодня, наконец, сыпал снег, и подуло зимою. Сегодня, вероятно, вы видели двух именинниц, соименных и по отчеству. А когда их будете видеть, после получения этого письма моего, то скажите и старой К. В. Годувичевне, и молодой К. В. Кочубеевне, что я вспоминал об них обеих, и если бы был в Киеве, то верно был бы у них в ту пору, т. е. в начале 3-го часу пополудни. А здесь у меня нет уже никого — в прошлом ноябре, когда я был в Киеве, здесь скончалась старушка, тетка моя, Катерина Ивановна Максимовичевна; и нет ни единой души родной старше меня, только дядя Егор Федорович Тимковский, меньшей брат матери моей (тот, что путешествовал в Китай, приставом миссии, и привез назад Забуддыжного Гиацинта или Иоанна Бичурина, с которым я и побратался было у него в Питере 1829 года), который привитает над Невою и сегодня виделся мне очень странно в беспокойном и тяжелом сне.

Прощайте пока, дражайший Петр Гаврилович! Пошли вам Господь здоровье и бодрость на совершение благих дел ваших и завершение трудов годичных. Остаюсь при ваших молитвах и благословении. Душевно преданный

М. Максимович

1 декабря 1865 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

По отправке моего письма к вам от 25 ноября, я имел удовольствие получить ваше письмо от 16-го и при нем мои брошюры и речь Ф. Г., которую прочел со вниманием и удовольствием, ибо она очень хороша.

Об Остроге напишу вам с охотою, — и немедленно, особливо если получу Акты западнорусские, которые остались у переплетчика Боде: я думал ими пользоваться зимою в Киеве, — но здесь теперь мне без них плоховато приходится. Это я испытывал уже, писавши и о Киевском Братстве, — принужденный пропустить число избрания Исаии Копинского в игумены Михайловские и поставивши войтом киевским *Семена Мелешковича*, кажется несвоевременно. Если не отпечаталась статья, то вычеркните его имя.

Об острожских князьях, училище и типографии начну писать дня через два, и может быть еще в декабре же пришлю вам, — особливо если подоспеют *акты*, где есть кое-что, чем необходимо бы воспользоваться для статьи. Братства в Остроге не было прежде.

Сегодня мой "Наум" именинник, и я несправедлив перед ним, что не продолжаю его книг. Поспешаю отправкою почты. Душевно желаю вам доброго здоровья и успеха в делах ваших. Преданный вам и уважающий вас

М. Максимович

Не привезут ли с почты черниговских книг: жду их нетерпеливо.

29 декабря 1865 г., Михайлова Гора

Приветствую вас с наступающим новым годом, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович! Желаю вам от Господа новых сил душевных и телесных на продолжение трудовой жизни вашей.

Письмо ваше от 10-го декабря с сотнею Наумовских рублей подоспело в самую пору, и я благодарил вас за него мысленно, а теперь и письменно благодарю вас за ваше дружеское ко мне внимание. Получил в то же время и черниговскую книжную посылку, которую преимущественно и занят был в последние дни, как читатель, отложив на время писательство; а настроил только прилагаемое при сем *письмо в Киев о тысячелетии* русского христианства. Вероятно есть уже об том в великом мире нашем, но я не знаю его, а полагаю, что, во всяком случае, не лишним будет и мое личное мнение об этом, которое и благоволите напечатать поскорее в ваших "Ведомостях". Кажется я не ошибся в том, чем именно приличнее всего ознаменовать тысячелетие православной русской церкви в Киеве. Копию этого письма в Киев пошлю жениху — Аксакову.

За острожскую старину примусь уже с нового года; а в старом годе выработалось для неё совсем новое родоначалие князей острожских, по которому моя статейка будет любопытна и для польских любителей западнорусской генеалогии. Ожидаю моих Актв Западной России, чтобы решительнее взяться за напечатание моего "Воспоминания о князьях острожских" для ваших "Ведомостей". Помогай вам Бог! Остаюсь душевно преданный вам

М. Максимович

P. S. Что за книжица публикуется в Киеве о придорожных крестах?.. Не на вас ли метят? — Прошу вас пришлите ее и Муравьевскую о судьбах Андреевской церкви (в пакете при "Киевских Епархиальных Ведомостях", всего скорее дойдут). У меня задумана статья об Андреевской церкви, в которой можно будет сказать нечто и о придорожных крестах древнерусских).

Ах, когда бы уже поскорее весна: я сплю и вижу быть в Киеве...

21 января 1866 г., Михайлова Гора

Еще 17 января я получил пакет от Вас, дражайший Петр Гаврилович, и того дня приготовил было обратно в Киев копию моего аттестата; но едущий в Киев отложил поездку до сегодня, да и почта из Золотоноши будет завтра; а потому сегодня препровождаю и документы и мое челобитное благодарение Вам и добрейшему отцу Фаворову за благосклонное попечение об этом в настоящую пору немаловажном дельце моем.

Судя по тому, что прежний подлинный аттестат занимал полтора листа и полулист был гулящий, я полагаю, что для удобства в будущих пересылках по почте, можно теперь написать его на двух листах, взнеся хоть за пять листов краснописцу, ибо мне очень желается, чтобы этот документ, оставляемый на память моему Алексею, был написан *каллиграфически*, подобно потерянному...

Послезавтра, надеюсь, привезут мне и объявление на Ваше пятипечатное письмо, и 1-й номер Ваших "Ведомостей", за которыми уже я соскучился.

Мои три письма к *гр. Блудовой* вы верно получили уже... (NB. в 3-м письме не забудьте победу под Вишневецом означить 1512 годом, вместо 1516-го!). Полагаю, что этих писем, если Вы их поместите у себя, понадобится таки порядочно для основательниц и братчиков; а потому прошу Вас покорнейше устроить из них брошюру с особым заглавным листом и цветною оберткою экземпляров во *сто* — разумеется, на мой счет; ибо несправедливо было бы наносить ущерб редакции печатью более 50-ти (что ей вменяется в обязанность, по примеру "Русской Беседы", — журнал Министерства народного просвещения) и притом облеченных в обертку полную...

Начал было четвертое письмо и — остановился: неоткуда мне взять здесь, без *Актв Западной России*, сведения о княгине Константина Константиновича, а в примечаниях о Григорович, помню, приложил родословную. Там же помещена и *Престорога* священника, необходимая для письма о Константине

Дмитро Блудов та його дружина Антоніна. Графічні портрети середини XIX ст.

Константиновиче. Всех писем, как вижу, будет еще *три*; нельзя ли выручить у Боды мои акты и для пересылки мне отдать моей родичке В. В. Марковой, у которой бывает сюда оказия, как и сейчас привезли письмо от нее и Киевский календарь 2-го издания от г. Андрияшева, которому прошу при свидании передать мой благодарственный поклон за "Наума" и за календарь, и замечание, что и во 2-м издании остались ошибки: избрание Петра Могилы было в 1633 г., а не в 1631; Зборовская битва и мир в 1649 году, а не в 1648... вот что приметилось с первого взгляда.

Брошюры о крестах хоть и не присылайте: из статьи Малышевского вижу уже что они.

Попрошу Вас всеусерднейше еще вот о чем: моему Алексею будет скоро 6 лет; надо к нему приставницу добренькую и смышленную; тут не мог найти; не набезит ли подобная перед Ваши глаза в подведомом Вам училище?.. Прошу Вас иметь это на примете; ибо пора моей дитине, не то чтобы учиться, а просвещаться, а не баловаться, даже и в гульбе по Михайловой Горе. А мальчуган-то уродился даровитый... Да при невежественных хохлушках начинает грубеть против первых пяти годов.

От всей души желаю Вам благоденствия и крепости душевной и телесной на продолжение Вашей полезной православному люду деятельности!

Преданный Вам М. Максимович

27 февраля 1866 г., Михайлова Гора

Почтеннейший и дражайший Петр Гаврилович!

За неделю пред сим я послал к вам через Золотоношскую почту *продолжение* моих писем о кн. Острожских (4-е и 5-е), а

Володимир Антонович.
Літографія кінця XIX ст.

вот является к вам с поклоном и *окончание* (6-е и 7-е); примите их благосклонно! Дело обошлось по необходимости, и без *актов*, которыми я турбовал вас, турбуемый на досуге моею историческою совестью, но забывая, что вам так мало досуга при многосложной службе вашей. Пусть же те акты дожидаются моего приезда в Киев, куда намерен привезти и отсюда еще порядочную ношу книжно-бумажную, на продовольствие себя будущей осенью и зимою, которые, если даст Бог веку, предрешил я себе провести непременно в Киеве. Здесь в эту странную зиму совсем изныдел, и особенно в этом *лютном* месяце; в последние дни его я почти такой, как был во время оно — лет за 25, — да и скучно уже становится здешнее безлюдье. Жду не дождусь весеннего дыхания и пути, чтобы после Великодня да и в Киев!

Последнее письмо ваше со *ста* рублями я получил еще в конце масляной — и с той поры прекратилась моя корреспонденция; по случаю перемены почтмейстера в Золотоноше, что ли, вышла какая-то путаница, что три недели нет ничего мне ни откуда, даже и 3-го номера ваших "Ведомостей". Сегодня я уже решительное туда пишу требование не задерживать получающихся на мое имя пакетов. В хандре и нездоровьи я и сам ни к кому не писал, кроме этих писем — к знакомой незнакомке! Только Федоров, посещавший меня из Канева, сообщил меня с некоторыми новостями киевскими, из которых особенно радостною была мне — назначение *шести* тысяч на временную комиссию. Исполать им за это и поможи им Боже, при таком вороте, благоуспешно и обильно черпать воду целующую из неистоцимого кладезя старины — архива центрального и проч. Теперь уже и грешно было бы не удержать в Киеве Антоновича, как главного водочерпия. Воображаю торжествующего теперь М. В. Юзефовича!.. Жаль, что "Киевлянина" уже нет мне — хотелось бы прочесть заобеденное красноречие. В апреле и мае ничего уже читать не захочется, кроме книги природы... Но — от нынешней почты жду вознаграждения за трехнедельное пощение.

От всей души желаю вам крепости телесной и бодрости душевной, на продолжение великопостных подвигов, чтобы вы были благоуспешны во всех многосложных ваших должностях и занятиях.

Ваш преданный и почитающий вас

М. Максимович

Нельзя ли мне прислать *огин*, не более, оттиск моих записок о Киевском Братстве, чтобы прислать некоторые *опечатки* для приложения к прочим оттискам, которые получу уже на месте.

Прикажете корректору пристальнее наблюдать за цифрами, особенно в 6-м письме. Для меня ошибки в годах — просто беда и обида, так опостыли. Так, недавно в Юго-Западном архиве зачитал вводную статью Иванишева и в самом начале — "на Люблинском сейме 1596" да еще крупными цифрами! Такую небрежность вменяю в преступление. Да! в 5-м, кажется, письме написано у меня Иоан Борзобогатый-Красненский, — надо *Красенский*.

2 марта 1866 г., Михайлова Гора

Я не ошибся в ожидании моем от той почты, по которой отправил к вам, достопочтеннейший Петр Гаврилович, письмо мое с двумя последними письмами к гр. Блудовой для печати. Получил несколько приятных для себя пакетов, в том числе и с 3-м и 4-м номерами "Киевских Ведомостей", и брошюру Временной Комиссии, и Погодинское "Утро"... от чтения уже и глаза заболели.

Не распространяясь, однако же, попрошу вас покорно на мой счет подписаться в редакции "Ведомостей" за сей год — в Варшаву на имя *Ольги Фегоровны Кошелевой* и поскорее выслать все отпечатанные номера, а потом и следующие. — Нелишним считаю сказать, что бибульная обертка пропускает сквозь себя чернила надписей, которыми пропитываются и мараются листы номеров, даже до пятого, а потому повелите отправщику шановать книжки; а еще лучше, если бы на обертку вообще шла бумага несколько плотнее. — Чья это "Исповедь"?* — "Киевлянина" и "Труды" Академии уже не присылают; а я только что задумал было написать статейку в "Труды", разделавшись с Острожскими... Не напишу же, а займусь лучше переборкою своих книг, которые в страшном беспорядке и запылении. Тем временем не наступит ли уже весна... Я просто изнемог от этой несносной полужимы.

Остаюсь душевно преданный вам М. Максимович

В Киеве ли еще Н. И. Розанов? Хочу писать в ответ. Благоволите запечатать это письмецо мое и отправить в типографию.

10 марта 1866 г.

Его высокопреподобию Господину Распорядителю Киевского училища девиц духовного звания. Честь имею почтеннейше донести, что Аттестат мой получен мною сего марта 8 дня, и принят с искреннею благодарностию за попечение о нем, как вашему Высокопреподобию, так и добротолубному о Христе брату нашему, господину профессору университета св. Владимира и всечестному отцу Фаворову, о чем и благоволите уведомить при удобном случае его Высокопреподобие, его же образ купно с вашим в моей душе и памяти моей пребывает выну! — И не застал меня тот Аттестат мой яко раба ленивого и камня лежачего, но яко труженика, обратившего разумичные силы свои на уяснение святой и для всех нас достолюбезной старины богоспаемого града Киева, во свидетельство чему и препровождаются при сем семь листов первых от моих Археологических записок о Киеве** — да не умедлят они типарным делом объявиться во всеобщее известие в "Киевских Епархиальных Ведомостях", трудом вашего Высокопреподобия издаваемых, — от них же, и моего ради удовольствия и продовольствия соблаговолите повелеть совершити сто отпечатков особо, на мое иждивение, толико же благообразных, яко и книжица временной комиссии, сего же

*

Вопрос этот касается статьи преосвященного Порфирия Успенского.

**

О месте киевской церкви св. Андрея. Археологические письма (Киевские Епархиальные Ведомости. 1866 г. № 11).

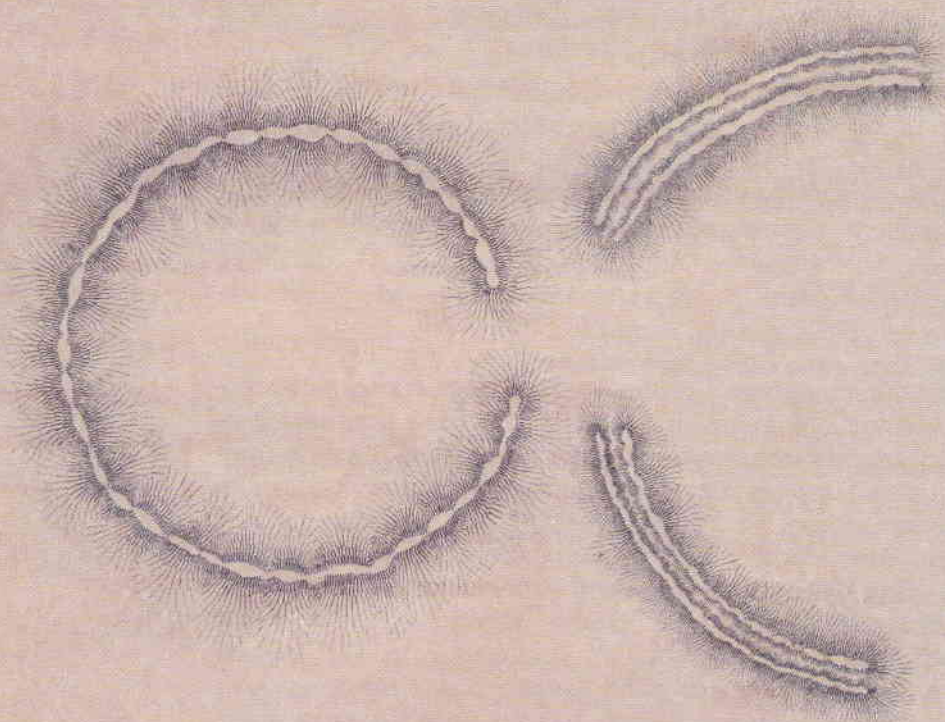
могила первого разряда

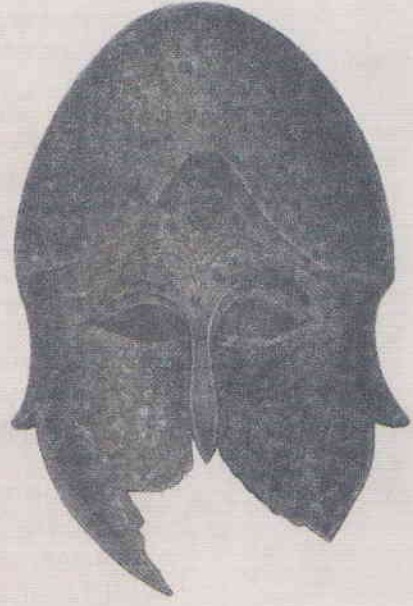
могила второго разряда

могила третьего разряда

Ілюстрації до книги І. Фундукля "Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии". 1848 р.

року выданная под заглавием "Очерк", зело бо есть красовита неточию очесом телесным, но и мысленным.

Вашего Высокопреподобия покорный слуга и приятель Михаил Максимович рукою власною.

Писано на Михайловой Горе.

3 апреля 1866 г., Михайлова Гора

Христос воскрес — воистину воскрес!

Не успел я отправить на почту моего великодного письма к Вам, почтеннейший Петр Гаврилович, как принесли мне с почты Ваше письмо и 6-й номер "Ведомостей". Итак, мое письмо осталось ненадобным, кроме заглавия, на истребление которого не поднялась рука и которое при сем прилагается. Поспешаю отозваться моим искренним благодарением за всю вашу приязнь и за это последнее письмо, содержащее в себе столько любопытных для меня подробностей. Слава Богу! среди суеты и слепоты мира сего текут еще источники живой воды и светит светом истинным... И сама природа в нынешнем году вполне у нас отвечает Светлому празднику праздников, как ясными и теплыми днями, так и ночным сверканием звездного неба...

И я оживаю, несмотря на подвернувшееся к празднику душевное огорченье, которое впрочем проглочено уже мною, отерпевшимся смолоду на перенесение тяжаров житейских... Весна всегда радуется и оживляет меня, особливо в последние, преклонные мои годы; а этот год особенно. Для вящего наслаждения ею, я немедленно двинулся бы в Киев, но — парусов нет... Аттестат, за который снова благодарю и Вас и Назария Васильевича*, пошел уже в ход; но — говорят — вернется из Полтавы разве к концу мая месяца... Как быть? приходится Вас просить, чтобы известили меня поскорее, много ли у Вас наберется мне деньгí по редакции, включая туда и письма об Острожских, — разумеется, приблизительно. Другого источника для Киевской поездки не имею; а хотелось бы сильно еще хоть бы в последних днях апреля двинуться в Киев на весь май. Если присланные Вами 200 р. отнестъ на счет "Наума", то все же таки, за исключением истраченных для меня, будет нечто на мою поездку; а если мало, то нельзя ли как-нибудь тысячу "Наума" сбуть Литову, или кому иному, со значительною уступкою. Надо приодеться!

А и денег нет — перед деньгами —

поют в московских песнях; так-то и мне приходится, впрочем не в первый, а разве в сотый раз, услаждаться этим напевом. А между тем я еще тем обессилил свое иждивение, что, испытыв плохую зимовку в своей старой хатине, заложил новую, чтобы успокоить себя на случай доведется здесь кончить свой век, чего бы не хотелось, по пословице: на людях и смерть красна. Веселей было бы, кажется, и труженным костям моим, если бы их понесли, например, хоть на Скавику, где лежит мой прадед у северных дверей церкви, — хотя про нее же есть песенка и бессмертная, записанная в моей книге песен рукою Гоголя, 1834 г. в Петербурге, а в следующем году, будучи у меня в Кие-

*

Ошибочно назван по отчеству Фаворов Назарий Антонович.

ве, он настроился добрым духом, так что с этой поры, кажется, можно вести его душевный кризис: в пять суток — ни словечка зазорного, *крепкого*, без чего не обходилось и в августе 1850 года, когда я провел с ним 10 дней у него в Васильевке или Яновщине, и простился с ним уже навеки... Вот вспомнулся мне покойный друг мой — в конце Светлой Недели, когда мой Алексейко дожидается в церкви артоса; — не "*Светлое ли Воскресенье*", им читанное мне, вдруг сблизило со мною его душу, и мне пришла на память его мысль, что у нас прежде, чем у других народов, воспряднуется Светлое Воскресение Христово!

Ваш 6-й номер предо мною: берусь за него, чтобы оторваться от овладевшей моею душою памяти о прошлом. *Соображения* Ваши — отличная статья, особливо листок с 211 страницей: что правда, то правда, а ее так много, и так хорошо у Вас высказано, что с нею хоть на Божий суд явиться можно...

Что же касается до *примечания* Вашего на 202-й странице, к выписке из Платоновой истории, то Вы, отче, дали порядочного маху, назвав епископов *Северского Лежайского* и *Погольского Туптала*: таких епископств и епископов не было тогда на белом свете; их сочинил автор "*Истории Руссов*", также как и *Переяславского* — *Яворского*, — разумеется, не *Кониский*, а какой-то иной даровитый мистификатор, написавший эту замечательную историю, из которой однако нельзя и не надо брать ни единого факта для положительной истории. *Северского* епископа не бывало тогда; а Михаил *Лежайский* был архимандрит *Новгород-Северский*, живший уже в половине XVII-го века; *Савва Тупталенко*, впервые встретился мне в книге Реестров Войска Запорожского 1649-го, в числе рядовых козаков Киевского полка, а епископа этой фамилии не было, до св. Димитрия Савича; да и особого *Погольского* епископа не было, а *Каменец-Погольским* считался и прибавочно титуловался епископ Львовский *Гедеон Балабан*, которого товарищем по православию оставался еще *Михаил Копыстенский*, и только; за исключением их *двух*, все прочие тогдашние епископы перешли в унию, затянув в нее и митрополита Рогозу.

Что касается до *Копырева Конца*, то я не знаю, где хотели поставить памятник Богдану. Не там ли, где у меня на *чертеже* древнего Киева, в "*Киевлянине*" 1840 года, помещена церковь св. *Симеона*? Но Крунич-Польская "*Пчела*" заставила меня переместить ее к месту Андреевской церкви; а на том краю можно поместить церковь св. *Иоанна*, заложенную в 1121 г. в Копыреве Конце (должно быть Мономахом); под горою или в дебрях тут был и "*огород св. Иоанна*", поминаемый в Киевской летописи 1151 года. (Войска были поставлены между дебрями от Ольговой могилы и в огороде св. Иоанна). Но вот и Алексейко мой вернулся с артосом...

Примечание к моей статье об Андреевской церкви я пришло на той неделе; и мне кажется, что лучше ее поместить у вас особою статьею, без заглавия "*Археологических Записок*", которых впрочем имею в виду несколько, начиная с *Софийского Собора*, о нем же покойный Иван Михайлович¹ рассудил весьма неудовлетворительно и неправо; да и для меня отпечатайте только обыкновенных 40 экземпляров.

Полтавский директор, не спрося меня, представил, а князь Шихматов² утвердил членом от Министерства народного просвещения

*

¹Скворцов, бывший профессор богословия в Киевском университете, а затем кафедральный протоиерей в Софийском соборе.

²Кн. Ширинский-Шихматов, попечитель Киевского учебного округа.

Церква Св. Андрія
Первозванного.

Кінець 1840-х рр. Худ. М. Сажин

щення в Золотоношський училищний совет, куда и зовут на 15 апреля; но я поеду с тем, чтобы отказаться от этой обязанности, которая не по силам мне старику, хотя по душе и не прочь бы. Меня влечет к себе Киев и его святая старина. Помогите мне осестись в нем! От души обнимаю Вас, преданный Вам

М. Максимович

12 апреля 1866 г., Михайлова Гора

Что это за нечестие на берегах Невы, в Петрограде!.. И чья же это святотатственная рука — лядская или плантаторско-русская — поднималась на царя-Освободителя, которого поистине можно назвать "добрым страдальцем за Русскую землю", как называет Киевская летопись Владимира Мономаха!.. Сохрани же нам его, Боже, для блага Русской земли, и пошли ему век Мономахов, чтобы и о нем будущий летописатель сказал: "жил от рождения своего 73 лета"!

12 апреля 1866 г., Михайлова Гора

Кланяюсь Вам, почтеннейший Петр Гаврилович, и ожидаю благоприятной весенней погоды, чтобы хоть в конце сего месяца пуститься в путь, на Переяслав разумеется, а не Днепром, которого теперь еще не вынесет мое нездоровье... Так холодно и ветрено у нас, что едва ли теперь отважусь и на поездку в Золотоношу.

21 мая 1866 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Что касается до моего приезда в Киев, то о нем довелось мне сказать себе украинскою поговоркою: *нехай на Петривку!*.. Не получая и доселе из Полтавы ни расчетного листа на пенсион, ни аттестата моего, — не ведая о предстоящей мне Киевской заплате, я не мог двинуться в Киев ни Днепром, ни румом. На этой неделе поручил уже найти для меня хоть полсотни в позыку, и если найдут, то немедленно пушусь в богохранимый Киев, хоть на малое время, чтобы исполнить свой обет; а если выйдет на этих днях и пенсион, то к июню же прибуду в Киев и с семейкою моею.

До приезда моего не печатайте статьи моей о Вздыхальнице: лучше будет поверить ее на месте, вместе с Вами, и решаемые в ней археологические вопросы решить окончательно, соборне.

Как вы возмогаете о Господе?.. Жду с нетерпением обнять Вас, душевно преданный Вам

М. Максимович

9-го номера "Киевских Епархиальных Ведомостей" доселе нет еще с почты.

29 мая 1866 г., Михайлова Гора

Давно, давно не имею отзыва от Вас, дорогой и почтенный Петр Гаврилович, и скучаю о том, но не пеняю, зная, как много у Вас занятий, и желая всегда сердечно Вам новых сил от Господа на их продолжение... Будучи в Золотоноше 26 мая, куда ездил в первое собрание училищного совета, я получил 10-й номер "Киевских Епархиальных Ведомостей" и вчера прочел его весь залпом, и — приветствую Вас с орденом св. Анны, и желаю поскорее видеть на Вас и орден св. Владимира! Возрадовался я и тому, что уже был ход на Аскольдову могилу — и за это *предпразднество* готов расцеловать преосвященного Порфирия, хотя прежний предместник его, Владимир, как-то заметил Иннокентию, меня целовавшему всегда во уста (даже и в саккосе и в митре, при заложении Университетского здания), что епископу не подобает целоваться с мирянином!

Но аттестата и расчетного листа на получение пенсионера за 1866 год еще нет из Полтавы... и я остаюсь — увы — в совершенном безденежье; но еще не в безнадежье достать тут сколь-

ко-нибудь, лишь бы доехать до Киева, в уповании, что в начале июня Вы припасете мне заплату по редакции — о чем предупредительно и убедительно прошу Вас.

С моим душевным почтением остаюсь преданный Вам

М. Максимович

Передайте мое приветствие и о. Оглоблину, и сердечное спасибо за его статью и благосклонное словцо обо мне, старом киевлянине...

7 декабря 1866 г.

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Возвращая при сем листок "Телеграфа", прошу последнего номера "Епархиальных Ведомостей". За морозом и нынешним снегом я и сегодня еще домосеждствую с самой пятницы; а между тем притьмом надобно переменить квартиру и прочая, и прочая. Скучно мне зимовать в Киеве... и писание не идет на ум...

До приятного свидания!

16 декабря 1866 г.

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Вот и статья моя о Софийском Соборе для первого номера Ваших "Ведомостей"*; если будет угодна, то надо бы не медля и печатать, еще до наступления святок. А себе попрошу у Вас, тоже еще до наступления святок, пятьдесят рублей в счет нового моего заработка. Надобно же, чтобы хоть от редакции "Епархиальных Ведомостей" было чем заплатать сторублевую прореху в моем дырявом кармане, сделавшуюся по благодущию братства. Вижу по себе, что полы урежь, да утекай!

Разгулявшаяся во мне простуда отбила решимость на перемещение, и я остаюсь на прежней квартире, несмотря на разные ее невыгоды.

Желал бы получить 24-й номер "Епархиальных Ведомостей".

Получил очень любезное письмо от гр. Блудовой.

Желая Вам крепости и бодрости на окончание экзаменов и совершение прочих Ваших служеб, остаюсь до приятного свидания душевно преданный Вам

М. Максимович

Завтра утром хочу освободить Вашу храмину от моей скрини с книгами и остальной сотни Наумовской.

9 января 1867 г.

Лучше ли Вам, почтеннейший Петр Гаврилович?.. А мне сегодня еще карантин; безвременным выездом в субботу я поиспор-

*

"О времени основания Киево-Софийского собора" — напечатана в "Киевских Епархиальных Ведомостях". 1867 г., № 1.

тил немного свои суставы. Всего досаднее, что при этом глаза болят, и домоседство мое малоплодно...

Тетрадь Лаврских актов попридержите у себя до времени, ибо там есть любопытные подробности о Никифоре Туре; хотя главные акты напечатаны уже, да и второстепенные о правах униатских также напечатаны в Почаевском сборнике.

Остальные две тысячи "Наума" Андрияшев взял для своего книжного склада, и таким образом довершилось это дело. Остаточную у Вас сотню, если досужно Вам теперь, вручите сему подателю. А я произнес еще раз спасибо Вам за "Наума" и желая Вам полного здоровья, остаюсь до скорого свидания с Вами.

Душевно преданный Вам

М. Максимович

8 марта 1867 г.

Как Вы здравствуете, почтеннейший Петр Гаврилович, ради великого поста?.. А я несколько дней уже томлюсь зубною болью и скучаю безденежьем; от первой отделаюсь, может быть, терпением; а второму можете Вы пособить — присылкою моего заработка за напечатанный уже *полулист*; и то добре на голодные больные зубы! Благоволите же ускорить присылкою. — Прилагаю при сем два тома Макарьевской "Истории Русской Церкви", уже теперь не нужные для меня.

До приятного свидания! Ваш преданный

М. Максимович

25 марта 1867 г.

Приветствую Вас со днем св. Благовещения, препровождаю несколько брошюр и Погодинское объявление о его "Русском", которое благоволите перепечатать в "Епархиальных Ведомостях", а к следующему их номеру доставляю мою статейку, кажется, о выборе П. Могилы в митрополиты.

Душевно преданный Вам

М. Максимович

5 октября 1867 г., Михайлова Гора

Доброго здоровья желаю Вам, почтеннейший Петр Гаврилович!.. Вот я уже и затворился на всю предстоящую зиму в моей Михайлогорской пустыни; а между тем книги подручные и моя серосмушковая шапка — в Киеве. Без шапки той я обойдусь; но без тех книг, я как без руки одной буду на зиму, и мне будет неловко, — даже и перед Вашими "Епархиальными Ведомостями". А потому, если едущий в Киев из Прохоровки, податель сего письма Николай Васильевич Красник, возьмется допроводить сюда находящиеся у Вас мои два сундука, то прошу Вас передать ему оные, запечатав их Вашею печатью. Он обещал мне это сделать, если что-нибудь особенное ему не помешает. С ним же я

Петро Могила.
Портрет XIX ст.

препровожаю к Вам пакетец профессору Тютчеву, который благоволило передать ему, в его дом — на Подвальной улице, немного далее дома Алферьева. А когда увидите о. Желтоножского, то настройте его кисть на скорейшее живописание тех икон, о которых его прошено: ждут их нетерпеливо и мне об них напоминают, а потому — надо поспешить исполнением. Скучненько будет мне здесь до весны; да нельзя уже пособить тому. Опыт двух зимовок в Киеве показал, что на третью уже зиму не по силам и не по летам отваживаться мне без готовой на то деньги!.. Да, видно я не очень нужен для Киева, когда никто из имущих власть или деньги киевлян не порадеет моему там пребыванию. Даже и почтенный председатель нашей комиссии — казак пан кожух дам, да й слово его тепле... Но с наступлением осеннего тепла, я надеюсь и без их кожуха обойтись и таки буду в необходимом для души моей Киеве, если Бог не возьмет моей души к тому времени в селения нездешние.

Еще раз желаю Вам от всей души доброго здоровья и бодрости на продолжение ваших полезных трудов и с моим неизменным к Вам почтением и приязнию остаюсь навсегда преданный Вам

М. Максимович

27 декабря 1867 г., Михайлова Гора

Почтеннейший и дражайший Петр Гаврилович!

Приветствую Вас с настоящим Новым Годом и желаю Вам от всего сердца моего новых сил душевных и телесных, на продолжение ваших благих подвигов, от которых столько доброго Киеву и его люду.

Простите меня, что не написал Вам ответа на Ваше любезное мне письмо от 8 октября; я думаю, что ответ мой внятен был Вам и без моего письма... Что же касается до воспоминания о Евгении, то я начинал писать, но прочитав прекрасное слово о. Фаворова в Ваших "Епархиальных Ведомостях", нашел излишним для них мое писание и бросил его. Но я мысленно сопresentствовал Вам в Софийском соборе, при Вашем соборном поминовении достопамятного киевского иерарха-историка; я с благодарностью вспоминал вечера, проведенные в беседе с ним во дворе Софийском, и тот светлый Владимирский день 1834 года, когда Евгений благословлял торжественное открытие университета св. Владимира, и я с сердечным трепетом подписал ему первый диплом на звание почетного члена... Давно уже нет в Киеве того Кортковского дома, который был колыбелию новорожденного университета: "и не познает к тому места своего!"... Нынешнее здание и заложено и совершилось уже по смерти Евгения; но память о нем жива, и честь первого юбилейного воздания принадлежит ему, университету св. Владимира, — о чем я не знал даже, будучи в августе в Киеве, что тамошний благовеститель готовится своим словом помянуть многотрудную жизнь ученого иерарха на торжественном акте... Тем интереснее было для меня то слово, имея за собою даже прелесть неожиданной новости. Да почиет же со славою прах Евгения в Софийском кремле до всеобщего воскресения!

Євгеній (Болховітінєв Є. О.).
Портрет XIX ст.

А Филарет московский... Какой удивительно-торжественный конец жизни этого великого светила на небосклоне русском! С его кончиною не стало уже, кажется, последнего представителя русского человека прежнего, Александровского века. Дай Бог, чтобы век, поистине новый, наставший с царствованием Александра Второго, царя-освободителя, оставил православному русскому миру таких людей, какими знаменовался век Александра 1-го, Благословенного!..

Что нового готовится у Вас в Киеве на 1868 год? Я поздравляю Вас с новою книгою о *Киеве*, которая на днях выходит в Москве, с книгою Закревского, в двух больших томах в 4-ку с рисунками. Археологическое общество не пожалело истратить более трех тысяч рублей на ее издание. Хвала и честь московскому археологическому обществу за его усердие к Киеву!

Не знаете ли Вы, где теперь находится попечительница Острожского Братства. Мне хотелось бы к ней отозваться.

Когда будете писать к Феофану Гавриловичу, прошу передать ему мой дружеский привет и рукожатье.

Два сундучка с моими книжками и бумагами получил я в исправности, в день св. Митрофана.

Мою статейку о Руси — России Вы, верно, давно получили. Нового едва ли что буду писать до весны. Много остается еще не читанного или давно читанного, что хотелось бы прочесть; а чтеца и писца у меня нет; а мое собственное зрение, как оно кратковременно, Вам известно; да и охота писать что-то крепко убавилась с наступлением нынешней зимы. Итак — до весны, до этого радостного утра нового 1868 года!

От всей души обнимаю Вас, преданный Вам

М. Максимович

13 января 1868 г., Михайлова Гора

Почтеннейший и дражайший Петр Гаврилович!

Сейчас был у меня о. Чайковский и доставил мне приятнейшее письмо Ваше от 25 дек. Благодарю Вас за него; полагаю, что и мое, современное ему, Вы уже получили. Если буду в мыслях свободнее, то постараюсь хоть небольшой лист написать о Евгении для "Епархиальных Ведомостей", хотя повторяю сказанное в прежнем письме, что у Вас — слово отца Фаворова такой превосходный пролегомен к дальнейшим воспоминаниям о Евгении, которых г. Пономарев, конечно, набрал уже вдоволь, что моя страница пригодится разве в послесловие. К тому же все это время я что-то очень смущен головою; была все святки больна жена моя; да и сам я таскаю ноги через силу. А к тому еще прислали мне два больших тома "Описания Киева" Закревского, и я до того утомился их чтением, до того голова набита вся этим грузом, что едва ли сквозь него пройдет что-нибудь светлое и живое, пока хоть немного не выгрушу на бумагу той *Киевомашии*... Впрочем, до половины февраля еще далеко, и Бог даст просветлеет в голове, и после отписок новогодних, мне предлежащих,

Фабіан Остен-Сакен.
Портрет XIX ст.

буду досужнее. Сегодня настроил для Погодинского "Русского" некролог о нашем Якове Ивановиче Осиповском, обезумевшем от соперничества с Иваном Борисовым, во время академического их студентства.

Сегодня же, прежде всего, читал № 1 Ваших "Ведомостей" и в моей статейке встретил важную опечатку на странице 9, строке 2; напечатано *апостолов* — вместо: *апостатов*!! Кажется, надо поскорее поправить эту ошибку — и в Ваших "Епархиальных

Ведомостях", и в особых оттисках — зане она в изречении Петра Могилы, и наши апостаты могут им воспользоваться...

А между тем — да хранит Вас Господь в добром здравьи и бодром духе!

Преданный Вам М. Максимович

*

¹Речь над гробом генерал-фельдмаршала князя Ф. В. фон дер Остен-Сакена. Киев, 1837 г. (Перепеч. в Журнале Мин. Нар. Просв. 1838 г., ч. 14, а также во многих тогдашних газетах).

²Речь о русском просвещении, сказанная Максимовичем 12 января 1832 г. во время университетского акта в Москве, напечатана в "Телескопе" 1832 г., ч. VII, № 2 (вышла и отдельно).

Р. S. Поминкою о Евгение, через шесть недель после его кончины, началось мое надгробное Слово Сакену¹; но у меня нет его, нет давно и моей московской речи о Русском Просвещении². Не попадутся ли случайно Вам на глаза эти две штучки, и тогда благоволите их притяжать для меня. Хочу собрать под конец веку свои писания и хоть раз взглянуть на них и вспомнать по ним мои минувшие годы.

Почтеннейший Петр Гаврилович!

На прошлой почте я послал к Вам письмо о митрополите Евгение, какое случилось написать. В нем надо в конце поставить так: *его преемником, Филаретом Киевским* (см. "Временник" 1854. Кн. 19), а в помете — сегодняшний день субботний — 10 февр.

На случай, по какому-либо обстоятельству, Вам неудобным покажется печатать это письмо с означением вашего имени, в таком разе поставьте: к М. И. Погдину — и тогда в начале так: *Сегодня пишу тебе...* но под впечатлением *не совсем приятным*.

Не мешало бы и к Хронике И. М. Скворцова означить: см. "Киевские Епархиальные Ведомости"... год и номер.

Если бы какое выражение в том скоропоспешном письме оказалось неловким, прошу Вас покорно исправить по своему усмотрению. Я и свою душу, в нынешнем месяце страшно волнуемую и мучимую, предал бы Вам на утешение и исцеление, если бы находился в Киеве; но там Господь спасает меня от этой невзгоды...

Покорнейше прошу передать прилагаемое при сем письмецо к г. Андрияшеву и переговорить с ним, и решить с ним условие о моем "Кратком Букваре", с тою же ко мне благосклонностию, с какой Вы были к предпоследнему изданию моего "Наума".

Я желал бы, чтобы напечатано было Букваря тысячи три или уж не менее двух — на плотной бумаге, и чтобы все экземпляры были непременно *шиты* и в цветной плотной обертке. Цену ему можно назначить *пять* копеек; и в таком разе мне получить здесь за тысячу *30 рублей* серебром; а за вторую тысячу *33 рубля* вручить Е. В. Галагановой от моего имени к сроку, в приход Острожского Братства.

Печатать же славянский текст, по Вашему совету, лично мне в Киеве сказанному, надо без титл, с разверстанием в полный склад молитв и проч.

Сделайте одолжение, примите на свою опеку мой Букварь нового издания, во всем вышеозначенном, и решите все то, как Вы положите в переговоре и договоре с почтенным директором-книгораспространителем.

Вообразите, я только теперь получил от Погодина письмо к нему графа о моем "Науме", писанное еще в прошлом году 1-го апреля!.. Я бы летом получил за 10 000. А теперь получу разве к концу этого года! ибо напечатано было, по неизвестности, 5 или 6 тыс.

8 апреля 1868 г., Михайлова Гора

Христос Воскрес!

Приветствую вас, почтеннейший Петр Гаврилович, с великодушным святом и прошу принять благосклонно только что законченную *писанку* мою о Киевском синопсисе, для ваших "Епархиальных Ведомостей".

Как же вы возмозгаете о Господе?.. Я уже соскучился крепко и даже посетовал, что в нынешнем 1868 году еще ни разу вы не подарили меня своею грамоткою, которая всякий раз мне приносила и новое удовольствие для сердца, и новые вести для знания. Что за немилость; или я перед вами чем-либо провинился, хотя ей-ей не сознаю за собою никакой вины перед вами; а впрочем, зная многосложность вашего быта киевского, я не пеняю, а только напоминаю о том, что есть... Я люблю Киев, где между немногими вы первый — и совсем раззнакомился с Киевом в нынешнем году, ибо сквалыга Шульгин уже и "Киевлянина" своего не высылает мне в этом году, а "Друг народа"* хуже врага докучает своим Ильей Муромцем, еще недоконченным и в нынешнем году!.. Разоритесь на время — а подпишитесь: на имя Марьи Васильевны Максимовичевой в Золотоношу — на треть или на половину сего года, в конторе "Киевлянина", на эту неблагодарную ко мне газету; ибо я намерен прибыть к вам в исходе мая, так не мешает хоть в начале того месяца пробежать, что деялось в Киеве за январскую треть года.

Прилагаю при сем печатное объявление, присланное мне от Погодина, чтобы я передал его для напечатания в киевских газетах: Бога ради, напечатайте, где знаете и возможете.

*

Газета, издаваемая
А. Андрияшевым.

Когда будете видеться в первый раз с г. Андрияшевым, прошу сказать ему от меня, что я не получил обещанного им академического календаря на 1868 год, и что я имел право ожидать от него, на каких же условиях он желал бы напечатать новое издание моего "Букваря". Уважая его ревность к распространению народных книг, прошу вас разрешить ему напечатать мой букварь в каком ему угодно числе и на каких ему угодно условиях!.. Кажется, не обидно будет ему, если он через год по напечатании заплатит мне половину барыша. Сумма так маловажна, что нам с ним считаться и торговаться не подобает.

Если, по случаю его несогласия на предложенное прежде ему условие, не внесена та сумма в Острожское Братство, о которой извещал я вас, то попрошу вас теперь внести ее в счет моего вам заработка. У меня есть деньги в Золотоноше, да я не знаю, когда соберусь за ними съездить, ибо и сегодня еще продолжается светлоседмичный дождь, нагрязавший крепко дорогу, а к тому же не имам крытого экипажа (старую коляску, возившую Богородского, Иванишева, его преемника, и, наконец, меня, в Москву и Киев, я, наконец, продал, за её изветшалостью, жиду-ковалю за 25 карбованцев). Мне совестно и сознаться, что та вписная книжечка, которую получил я от Е. В. Галаган, завалилась где-то, так что я не могу вам сообщить и списка подписавшихся в ней на Братство Острожское. Но я на этой неделе предприиму обыск повальный в моем книжно-бумажном хламе, перерою все мышинные норки и конечно отыщу ту книжечку и доставлю тогда вам, яко блюстителю Киевскому Братства Острожского. Я даже позабыл, сколько я написал вам собрано мною: сорок с чем-то, или около того.

Вот несколько раз уже в этот Фомин понеделник непогода мешает мне отслужить привычную панихиду на могилах деда и отца на соседнем с Михайловой Горою кладбище. Однако дождь уже перестал и как будто разгуливается. Уже 11 часов и блеснула надежда быть там... А в 1845 году в этот поминальный день, бывший тогда в Юрьев день, за отыскание на Скавике прадеда моего могилы и отслуженную на ней панихиду, я поплатился возобновлением моей прежней болезни ревматической, подорвавшей тогда мои дотоле исправные финансы, так что я и доньше не налажу их на первоначальную статью. Но Бог милостив — так-сяк, а все-таки не напрасно копчу небо своим непристойным воскурением табачного зелья.

От всей души обнимаю вас и прошу передать мой привет о. Фаворову, о. Подвысоцкому и его подружью — доброй заступнице моей в последний день мой в Киеве, когда она заступилась за меня от притязаний какого-то полицейского молокососа, не пускавшего меня и Солнцева ступить и шагу вперед дальше золоченого ангела над тою катедрою, с которой провещал любезный супруг ее о судьбах Андреевской церкви и о ее попечителе, от него же после обеда мы пешеходствовали с вами и простились на Софиевской площади — до радостного будущего утра...

Ваш М. Максимович

Не забудьте велеть оттиснуть мне моего письма к вам о Киевском Синодесе. — Жаль, что нет оттисков письма о Евгение.

15 апреля 1868 г., Михайлова Гора

Я имел удовольствие получить светлопраздничное письмо ваше, почтеннейший Петр Гаврилович! Но отлагая впредь письменную беседу, поспеваю отправить теперь новый конец моего письма о Киевском Синописе, которым прошу вас покорнейше заменить прежний конец, там находящийся. Продолжение, вами желаемое, будет.

Ваш М. Максимович

1 сентября 1868 г., Михайлова Гора

Сердечно порадовался я, узнав о назначении вас, дражайший и многоуважаемый Петр Гаврилович, в кафедральные протоиереи Софийского храма, и не раз уже приветствовал вас мысленно, желая от всей души вам благоденствовать и благовестствовать там долгое время, и чтобы ваш подвиг увенчался так же, как и достойных предместников ваших, двух соименных Иоаннов!..

В середине сентября, или во второй половине его, надеюсь видеть и слышать вас в Киеве; а теперь пока что отгуливаюсь на Михайловой Горе моей, воротясь из Золотоношского земского собрания порядочно простуженным; плохая подготовка на зиму... Да уж так видно суждено мне быть безвыходным домоседом зимою, не только здесь, но и в Киеве. Когда бы только попалась квартира мне с большою одною комнатою, где бы можно ходить просторно; а впрочем и для ума тоже приятен простор... Засев на полгода в вашем святом граде, быть может успею и написать о нем что-нибудь путное...

До приятного свидания остаюсь душевно преданный вам

М. Максимович

28 сентября 1868 г., Михайлова Гора

Поклон и привет мой задушевный вам, дорогой Петр Гаврилович! Под конец сентября, при сборах на зимовник киевский, я почувствовал себя так немощным, что не решился на переезд и принужден невольным благоразумием — остаться здесь на всю осень и предстоящую зиму... Легко сказать: на полгода; но кто считает себе уже 65-й, тому *полгода* неважность какая... пролетят незаметно! А останется ли след их на моем привычном книжном поле, о том наперед и себе сказать не могу, — кроме, разве, обещанного вам сказания о монастырях Подканевском, Святопокровском!..* Бог даст дотяну до весны, так в мае увижу Киев и вас в нем. Да хранит вас Господь и святая София; а вы помолитесь обо мне и припасите мне, в благословение моей Михайлогорской хаты — храмовой образ Премудрости Божией, создавшей себе столпов семь. У меня был он, да я отдал его в благословение покойной сестре моей Елене, и не раз желал опять видеть его у себя на горе, возле образа Нерушимой стены.

*

Вероятно, предположение не осуществилось: такой статьи Максимовича мы в печати не знаем.

А вот и другая просьба. О. Иосиф Желтоножский, в прошлом году, обещал мне написать, наконец, два образа — *св. Ольги* из церкви Десятинной, и *Богоматери* из придела Софийского, что при входе. Если они уже готовы, то да благоволит их отправить по следующему адресу: *Её превосходительству Ольге Федоровне Кошелевой — в Москву, на Поварской в собственном доме.*

Где вы зимуете: там же, или во дворе Софийском?

Передайте поклон мой о. Фаворову и о. Подвысоцкому.

Душевно преданный ваш М. Максимович

23 марта 1869 г., Михайлова Гора

Почтеннейший Петр Гаврилович!

Письмо ваше от 1 марта я имел удовольствие получить, но пока собирался отвечать подробно — простудился, разболелся глазами, а к вящему горю — вчера нечаянно изломались мои читальные очки, и пока исправлюсь очами и очками, попрошу Вас на сей раз об одном деле: снимите с меня братчиковский долг и из заработанных мною по вашей редакции денег передайте Екатерине Васильевне Галаган мой сбор, вписанный в полученную от неё книжицу:

за 1867 год — 34 р. 25 коп.

за 1868 год — 18 р. 75 коп.

а всего 53 рубля

Прошу вас очень поспешить этим дельцом, чтобы не опоздать к отчету. Передайте мой поклон всем братчикам Острожским — Киевским, и предстоятелю новому Свято-Владимирскому, и купно с ним вспомните меня в ваших молитвах.

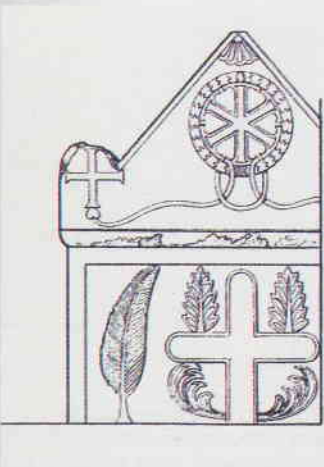
К Вам в Киев предполагаю и думаю прибыть уже после Великодния, когда станет совсем тепло по-весеннему. Моих брошюр благоволите прислать мне сюда хоть по десятку; а прочие пусть у вас меня ожидают.

За известие о Ярославовой гробнице весьма благодарю и думаю, что вам подобает приняться за новое описание Софийского храма и всей его истории. Помоги вам Боже и на сие и на всякое дело.

Григорию Павловичу мой особенный и повинный поклон и просьба, чтобы, пока что с тем памятником перед лаврскою трапезною, поставить бы хоть временную решетку: будучи на Антониев день в лавре, только что подхожу к бедному камню Кочубея и Искры, как навстречу мне якийсь богомолец по нем так и човгае подковами, що у мене аж на сердце защемело, и я пожурил его с сердцем за попираание старины, — и мало ли таких ног кованых прошло еще после того, сглаживая дорогую памятную надпись все более... Но уже разболелась голова моя.

Остаюсь душевно преданный вам

Михаил Максимович

Фрагмент саркофага
Ярослава Мудрого. Малюнок
першої половини XIX ст.

29 марта 1869 г., Михайлова Гора

Сейчас представилась оказия из нашего села в Киев, и пользуюсь ею, чтобы передать Вам мой поклон, многоуважаемый Петр Гаврилович! Я недавно писал к Вам о разрушении моих привычных читальных очков, без которых бедствую; а в ночь под Благовещение и совсем опешил: два жидка, как видно по их следам, выкрали моих коней с упряжью и нетычанкою, разобрал частокол заднего двора и — пиши пропало! Так уже пришлось неудачна мне вторая половина нынешнего марта.

На случай мои брошюры еще не посланы, то их передайте в квартиру Василия Николаевича Максимовича и оне дойдут с обратною подводю. Да приложите, кстати, если есть под рукою, календарь 1869 г.; Андрияшева просил выслать, да он забыл верно, а без календаря скучно; а в *хозяйственном* Симонтовского перепутаны на весь год лунные квадраты, за что достается ему немало лайки от здешних хозяев.

Желаю Вам здравия крепкого на предстоящие седмицы, в которые помолитесь и обо мне, и моем Алексейке, да вразумлюсь, куда его пристроить на учение; ибо уже пора — с 22 февраля пошел десятый год, и мальчик славный.

Остаюсь душевно преданный и уважающий вас

М. Максимович

Екатерине Васильевне Галаган пришлю отчет по Братству; болели все глаза, да и донныне еще не совсем оздоровели; впрочем для Братства нужнее деньги, о которых я просил в предыдущем письме моем.

До следующего письма или до свидания после Великодня, если Господь тому поможет.

10 января 1870 г., Михайлова Гора

Сердечно благодарю Вас, почтеннейший и дражайший Петр Гаврилович, за Ваш дружеский лист от 12 декабря. В ответ на него я давно надиктовал бы вам нарочито длинную эпистолию, но поджидаемый оный *первый* номер "Киевских Епархиальных Ведомостей" доселе ко мне не явился, а потому не знаю, куда направить мои к Вам мысли и речи, и только словами поэта, с детства моего мне милыми, могу сказать:

— Где ты, милый? Что с тобою... И лишь узнаю, где Вы ныне, не премину провести приятный час в письменной беседе с Вами; а до того часу, как и до скончания веку моего — остаюсь преданный Вам и почитающий Вас

М. Максимович

Весь декабрь и первые дни января я был с такою тяжелою головою, и слабым зрением, и скукою в душе, что и вспоминать скучно.

6 апреля 1870 г., Михайлова Гора

Кланяюсь Вам, достопочтеннейший и дорогой Петр Гаврилович, и приветствую Вас с наступающим Светлым Праздником! А где Вы встретите и проведете его, того не знаю и не вижу из "Киевских Епархиальных Ведомостей"... Я же все здесь, в своей хате, и все еще немощный, с головою, одоленною ревматизмом и набитою чтением, но неспособною еще на писательство. Давно уже не было такой бесплодной мне зимы! Жду не дождусь наступления мая, чтобы переехать в Киев и там уже водвориться постоянно... Но как и где, то еще для меня неведомо.

Сегодня девица Мироновичева отправляется в Киев на пароходе, вследствие сильного ее желания быть там на праздниках. Я отпускаю ее с миром, заплатив ей сполна за 5 ½ месяцев ее пребывания у меня, в совершенном здравии.

Статей Костомарова, о которых Вы упоминали в своем письме, не ведаю, но по приезде в Киев полюбопытствую посмотреть, что там за погудка на новый лад. Если Вы в Петербурге, то прошу Вас достать для Киева ту книгу Срезневского, где помещена его статья о *Зарубском* монастыре, которую мне желательно знать. Не забудьте!

Феофан Лебединцев.

Фото другої половини XIX ст.

А о Погодине я получил недавно грустное известие, что он был опасно болен. Помогите ему Бог поскорее восстановиться в силах и докончить свою древнерусскую историю. Наш Славянин простудился в день св. Первоучителей Славянских! Православному русскому миру надобны такие старики-подвижники, как Погодин: и с убылью их — как будто убывает богатырская русская сила... Так сдается, по крайней мере, мне старику, душевно преданному Вам Максимовичу.

P. S. Прошу Вас передать мой поклон братьям Вашим, Феофану Гавриловичу и Даниилу Гавриловичу, а также милому нам обоим Назарию Антоновичу [Фаворову]. Господь да хранит Вас на всяком месте владычества своего! — Вспомните меня при наступлении Великодня!

11 мая 1870 г., Михайлова Гора

Привет и поклон Вам, дорогой Петр Гаврилович, с берегов Днепра и пустынно-цветущей Михайловой Горы — на берега невские, в громадные вечношумные твердыни Петроградские! Благополучно ли Вас домчала паровозная сила по железным путям?.. От всей души желаю Вам здоровья и успеха в призвании Вашем и благополучного возвращения к св. Софии Киевской!

Когда я увижу богоспасаемый наш град — сам не знаю. Только что освежился было немного животворным дыханием во второй половине апреля, — в которую здесь и небо и земля были необычайно прекрасны, — как перед Правую Середю вздумалось мне омыться после полугодового заключения во фланели: но прохладная ванна в 23 ° неожиданно, вместо ободрения моего скудельного состава, пробудила в нем давнего врага моего — ревматизм, который и гуляет теперь по мне от головы и до ног... А тут еще — все та же скудость денежная, с которой хотя я и свыкся от юности моя, но в исходящие годы моего веку, при возрастающих ценах и потребностях, становится она иногда до того тяготящею и смущающею, что и крылья и душа опускается, и рука не порывается к перу... Вам, как духовному другу моему, поверяю прискорбие мое в эти последние дни, майские дни, когда бы только радоваться, любясь зеленью и цветением обновленной весной природы... В раздоре мысленных стремлений и житейских печалей и задержек, беру псалтырь — что откроется?... Псалом 118-й, на 70-тых стихах. — Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим: благ мне закон уст Твоих паче тысящ злата и серебра. Руце Твои сотвориша и создаста мя; вразуми мя и научуся заповедем Твоим. Вот что открылось мне — среди письменной беседы с Вами, в день святых Первоучителей Славянских. Да будет же над нами их благословение и молитва!

От всей души обнимаю Вас, и брата Вашего Даниила Гавриловича, и нашего любезного киянина Назария [Фаворова]. Любящий и уважающий Вас

Михаил Максимович

Если узрите там, в Петрограде, графиню А. Д. [Блудову], передайте ей мое живейшее воспоминание о ней, — в нынешний день.

В начале мая я просил Н. П. Барсукова достать нам для Киева должно быть любопытный "Дневник" Эриха Лассоты, бывшего в Киеве 1592 года. Если видаетесь с ним, т. е. с библиотекарем синодальным, — то попросите его вручить эту немецкую книжицу Вам, коли она есть налицо; — а если надо еще выписывать ее, то все-таки пусть на имя Ваше он вышлет ее в Киев, а Вы придержите ее у себя, до нашего свидания. — О статье про *Зарубский* монастырь не забудьте. Не отыщется ли в синодальном архиве старинного списка Феофановых грамот Богоявленскому Братству? — А о грамоте п. Иеремии я не чаю: так уверен, что ее не было.

Если встречаете И. С. Сербиновича, — засвидетельствуйте ему мое незабытое к нему почтение.

А нашему достопочтенному Владыке киевскому я повседневно кланяюсь мысленно, глядя на его фотографический снимок, сделанный Кордышем.

До свидания!

29 июля 1870 г., Михайлова Гора

На ваше Петербургское письмо, почтеннейший и дорогой Петр Гаврилович, отзываюсь ныне — сердечною благодарностью, что вы и там продолжаете свою дружескую обо мне заботу... Но знаете ли что?.. Мне, приметно ослабевающему головой и телом на исходе 66-го года жизни, была бы полезна такая субсидия, которая не заботила бы меня собою и не отвлекала бы меня от привычных и желанных занятий книжным делом. Вот, если бы можно было испросить для меня то, чем покойный Безак улучшил быт нашего председателя Временной Комиссии, почтенного друга моего Ю. [Юзефовича], т. е. аренду. Но это несбыточно, особенно в нынешнее время, когда поднялась на Западе заверюха военная. Что же касается до предполагаемого вами мне землевладения на правой стороне Днепра, то о нем была уже речь и в исходе прошлого года, и чуть ли еще не другая, в начале нынешнего, к князю Дондукову, — и более уже не должна быть повторяема ни от кого, — тем более, что я перед нашим *ласковым князем* киевским оказываюсь несостоятельным человеком, взявшись за предложенное им дело, казавшееся как раз по мне, но превысившее мои одряхлевшие рабочие силы — и я ничего почти доселе не сделал, хотя и не бегал от дела... Истинно говорю, что порою бывают со мною такие отливы жизненных сил, что, ложась после вечерней молитвы на свою постель, думаю, уж не последний ли день кончаю на этом свете! — Но Господь дает еще мне новые дни, а мне хотелось бы проводить их возможно спокойнее и беспечальнее, не удручая себя новыми тяготами житейскими. А предполагаемый надел меня участком земли Киевской с обязательною за него выплатою, будет для меня непременно тягостною обузою, бесполезною и для самой земли Киевской. Ведь я сам не буду там жить и хозяйничать; —

Афанасій Бичков.
Гравюра XIX ст.

моим участком её будут орудовать все те же *олонгари*, жида или "безбожные ляхове", и может после меня статься, что на выплату наследники мои будут лишаться некоторой части готового для них моего пенсионера... Мне становится уже нелегко попечение и иждивение даже и на мою Михайлову Гору, мною насажденную и устроенную на песчанистом пустыре, и не будь они родиною моего единородного сынка Алексейка, — я сбыл бы ее со своих плеч для какой-нибудь хатки с садиком в Киеве, чтобы в ней дожить свой век, на родине моего рода, и там написать давно желанную книгу *о Киеве*.

Прошу вас засвидетельствовать мое искреннее почтение и благодарение Афанасию Федоровичу [Бычкову] за его доброе ко мне внимание и участие, — и пересказать или даже прочесть ему вышеписанное нежелание мое обратиться из мелкопоместного владельца Михайловой Горы Золотоношского уезда — в помещика или обывателя губернии Киевской.

Передайте мой поклон и Николаю Платоновичу [Барсукову] и скажите ему, что если и была за мною некоторая заслуга научная, то она слишком уже вознаграждена мне дипломами от многих ученых обществ, а наконец, и от университета и от академии Киевской, удостоивших меня в конце прошлого года избранием в свои почетные члены.

Когда перемещусь в Киев, сам еще не знаю. При посредстве П. А. Муханова, граф Дмитрий Андреевич [Толстой] благоволил принять в собственность Министерства Народного Просвещения мою "Книгу Наума", и еще 24 июня получил я письмо его, что за то мне определена с Высочайшего соизволения тысяча рублей; и я в тот же Иванов день отвечал благодарным письмом Его Сиятельству; и на первые дни июля, по страшной духоте и пыли, отправился в Золотоношу, чтобы написать нотариальный акт на передачу Министерству Народного Просвещения моих прав на мою "Книгу Наума", и тот акт 3-го июля отправил директору полтавскому, в надежде, что от него скоро прилетит Золотоношскому штатному смотрителю и ассигновка на оную тысячу. Но директор уехал из Полтавы; смотрителя, как вчера мне сказали, тоже нет на месте... Ну, для чего, скажите, такая формалистика? Для чего эта лишняя инстанция — директор? Разве не мог департамент послать ассигновки прямо золотоношскому смотрителю, предписав, чтобы он сперва истребовал от меня нотариальный документ. Тогда бы еще 3 июля я получил деньги и был бы давно в Киеве. А теперь опять надо ехать в Золотоношу на 3-е августа за тою несчастною тысячею, — протомясь из-за неё целый июль... Вот это уж подлинно... Да может быть и не найду там ни смотрителя, ни ассигновки, и возвращусь на свою горемычную гору только с пенсионом своим за июль месяц, с 62 р., за вычетом на поездку и дневку; а здоровья-то и спокойствия душевного опять убудет на столько же, сколько убыло их после тех первых дней июля... Потому-то и сказал я, что не знаю сам еще, когда выберусь отсюда в Киев.

"За днями дни идут, идут —
Напрасно..."

Да и в Киеве-то, я привык уже, что, по переезде с парохода в гостиницу, тотчас отправляюсь к вам на беседу, к св. Софии

Дмитро Толстой.
Фото другої половини XIX ст.

Киевской. — А когда знаю теперь, что вы привитаете еще там, на водах Невы, — если и успею хоть к половине августа достичь Богоспасаемого града, мне при виде его с Днепра, придется сказать: "Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи!". Мысленно обнимаю вас — любящий и уважающий вас

М. Максимович

Р. S. Что же вы не прислали мне статьи Срезневского о монастыре *Зарубском*? Мне она очень нужна. Перечитав эти 5 страничек, мною вам сегодня написанные, я попрошу вас прочесть их — и достопочтенному Афанасию Федоровичу и достолюбезному Николаю Платоновичу, да ведают они, каково мне, старому украинцу, живется здесь на Побережьи днепровском; а в дополнение к тому скажу великорусской пословицей: "Не корми меня тем, чего я не ем".

17 августа 1870 г., Михайлова Гора

В конце июля я писал к вам, почтеннейший Петр Гаврилович, в Питер, — но вчера вечером вернулась из Киева жена моя, отвезшая туда моего Алексейка, и сказала, что видела вас служащего в Софийском храме... Приветствую возвращение ваше в Богохранимый град! Имею надежду, что я прибуду туда в первые дни сентября, ибо вчера получил от золотоношского штатного смотрителя уведомление, что полтавский директор 8 августа, наконец, распорядился о переводе оной Наумовской суммы из Полтавы в мой родимый городок... Туда и потрясусь я завтра или послезавтра, вероятно уже в последний раз.

Где найду приют себе в Киеве на зиму?.. Возвратится ли ко мне головная сила и настроенность на писание и занятие книжное?.. Как уладится там в эти дни принятие в первую гимназию моего возлюбленного михайлогорского неука, о котором что-то сильно щемит у меня на сердце?.. Как оставить тут жену на маленьком хозяйстве моем, при ненадежных наемниках, повседневно смущающих мирное житие наше своими неисправностями?.. Все это вопросы, бременящие ныне мою утомленную, старевшую голову, тогда именно, когда им надобны полное освобождение от тяготы и заботы житейской, чтобы прийти в себя... Ах, когда бы уже скорее очутиться в Киеве, и там отговориться, ибо я здесь не говел еще в нынешнем году и о том скорблю душевно. — Рад буду обнять вас в первый день моего прибытия.

Душевно преданный вам М. Максимович

Завершу это письмо четверостишием, набежавшим в письме к Погодину, озвавшемуся ко мне по возвращении из Иерусалима:

В глуши томлюся я безлюдной,
Неся тяжелый мой ярем,
И подвиг жизни многотрудной
Кончается почти ничем.

13 декабря 1870 г., Киев

Давно собираюсь озваться к Вам непосредственно, дражайший Петр Гаврилович, — и вот сегодня так светло светит с самого утра солнце, повернувшее вчера *на лето*, что и у меня на душе посветлело, — и я поспеваю в эти часы сказать Вам мой душевный привет и сердечное желание — здравия, благополучия в делах и подвигах — там на царственном севере! Но север и климатически надвигается с каждым годом сильнее на киевскую землю. Здесь, и особенно с 7 декабря морозы, и метели, и преизобильные снега, наперерыв соревнуя друг другу, напоминают мне живо хуртовину, в конце 1837 года бывшую, и заставляют меня ожидать, что будет и ныне, как тогда, хоть и не великое землетрясение, а что будет великая вода в Днепре на весну, то уже почти наверное сказать можно.

С 7-го декабря началось и для меня известное вам зимнее мое заточение. Правду сказать, и до того дня не велики были мои ходы по Киеву, не далее Коломыйского дома¹ в один конец, и 1-й гимназии в другой; после 15 сентября не поднимался на Печерск, а на Подол спускался 5 декабря, по известному случаю с несчастным братом Иванишева, — где увидал, наконец, и Назария [Фаворова], невиденного мною с прошлогоднего юбилея. Но зимнее отшельничество мне уже давно привычно; а то необычайно мне, что четвертый месяц уже я в Киеве, а не пришла ещё бывалая охота и способность писать — ни о Киеве, ни о Юго-Западном крае. Что это за планида нашла на меня в 1870 году, сам не знаю, и боюсь разгадывать... Останавливаюсь чаще на той мысли, что в 47 лет моей сочинительской деятельности, проходившей в частых недугах и постоянной скудости, и премногих неудовлетворениях душевных и житейских, я пришел в изнеможение рабочих сил умственных и телесных. Боюсь насиловать себя на 67 году, хотя и не лишаю себя упования, что еще не пришел конец, — что с новым годом придет еще бывшее настроение, при новых условиях жизни... А теперь они не завидные: чтоб было чем зимовать мне здесь, а жене на Михайловой Горе, я продал мой последний двор, в Прохоровке, за 400 р. жиду Аарону; ибо пансионом моим теперь уже не пропитаешься; половина его уходит на наем и содержание служителей и работников Михайлогорских; а всего-то пансиона 2 р. в сутки! — Жаль мне расстаться с Михайловой Горой, моим теплым гнездом, где ожил я после отставки на новое, богоданное тридцатилетие жизни; но и там уже так трудно и скудно стало жить мне, что горе, да и только. Киевское житье не приятно для ослабевшего старика, готового сказать, наконец: не покидать было Москвы и ботанического сада за Сухаревой башней, когда и Уваров не хотел тебя из неё выпустить, не дав ни подъемных, ни даже прогонных до Киева! Но видно была воля Божия, чтобы вторая половина жизни моей посвящена была родине моего рода, Киеву, — и я пеняю себя каждый раз, когда срывается с языка или пера сожаление, что променял Москву на Киев... Но я запел вариацию на известную вам старую песню. Лучше вот что скажу. В конце прошлого месяца, во исполнение Вашего желания, переданного мне Пономаревым, настроил я статейку для "Киевских Епархиальных Ведомостей"; то была проба пера и чернила, какова в них сила². Между тем, пока вы в Питере, потрудитесь через гг. Григоровича и Барсукова

*

¹Дом Коломыйцевых был на углу Крещатика и Бибиковского бульвара, а Максимович в ту зиму квартировал по соседству с этим домом.

²Вероятно, статья эта — известие о книге "Благоутробие Марка Аврелия" ("Киевские Епархиальные Ведомости", 1871 г., № 1).

навести справку, нет ли в синодальном архиве известия Киевского от Рафаила Заборовского о достопамятном двухнедельном пребывании здесь Елисаветы Петровны 1744 г. Ведь неизвестно нам тех дней, например, — какого числа сентября заложила она церковь Андрея Первозванного? Вы много обяжете меня, если добудете в Питере точные известия о том времени, недостающие для верного и обстоятельного Киевоописания. Господь да хранит вас всюду и выну!

Преганный Вам М. Максимович

Кланяюсь дружески Даниилу Гавриловичу.

27 декабря 1870 г., Киев

На прощанье с этим кончающимся уже годом, пишу мой святочный привет Вам, вечно тот же для меня Петр Гаврилович, с наступающим Новым Годом, — и сердечно желаю, чтобы он был нам хороший и погожий!

Благодарю Вас за Ваше достолюбезное письмо, дней за двенадцать мною полученное... Где-то на чугунке разъехалось оно с моим к Вам писанием? — Мы сочувственно, как вижу, друг другу сказались, по пословице русской: сердце сердцу весть дает!

Первый номер "Епархиальных Ведомостей" засвидетельствует о моем участии в них; а пока дойдет он к Вам, посылаю корректурный отрывок, который прошу передать Николаю Платоновичу [Барсукову] в его собрание автографов. Хорошо, что я написал статейку, еще не читавши Карповской книжки, а то мое *Известие* обратилось бы грозно на эту возмутившую меня докторскую свинорью, — и вышло бы из того длинное, но неприятное писание. Костомаровское научное франтовство и Кулишовское себе на уме литературное сумасбродство нашли таки себе созвучие в хрюканье харьковского доцента, воздоенного щекотом московского Соловья-историка, о котором Погодин молвил справедливое словцо, что у него прошедшая жизнь русская представляется вверх ногами. Это особенно верно и метко сказано относительно нашей родимой Украины козацкой. — Но, оставляя в стороне все эти разномыслия, разногласия научные и литературные, — оставляя позади себя все, бывшее доселе, я с надеждою на лучшее, впереди нам предстоящее, обнимаю Вас дружески, дорогой Петр Гаврилович, целую мысленно десницу Вашу протопресвитерскую, яко же и наяву бывало не единожды, и остаюсь навсегда неизменно преданный Вам — старый украинец

Михайло Максимович

31 декабря 1870 г., Киев

На отдание праздника Р. Х., — на встречу Нового Года и прощанье с 70-м, — мне пожелалось еще раз отозваться к Вам, многоуважаемый Петр Гаврилович, — да вспомнится Вам, там на Неве, наша поднепровская сегодняшняя *щедровка*:

Щедрый вечор, добрый вечор,
Добрым людям на здорowie!

И Бог велел бы, кажется, быть *Историческому Обществу* в древнем Киеве... И почему бы, сдается мне, не состояться ему хоть в 1871 году! Именно: "Киевскому Обществу Истории и древностей Славянорусских", — как начертано было за тридцать лет рукою Иннокентия?

Пусть бы граф Уваров переговорил об этом с князем Дондуковым-Корсаковым, яко двигателем Киева... Ведь состоящая при нем Временная комиссия, с её председателем Юзефовичем, есть все-таки *временная*. Мне же приходит на мысль, что в Киеве Историческому Обществу, и при существовании оной Комиссии, подобало бы состояться, подобно Московским обществам — при *Университете Св. Владимира*, где есть уже и музей древностей, и неисчерпаемый центральный Архив, и даже особая сумма на открытие древностей... А потому, если нашему ласковому князю Киевскому не будет противна мысль об основании Общества, — тогда графу Уварову следовало бы замолвить об этом свое слово графу Дмитрию Андреевичу Толстому и запросить письменно здешнего попечителя, — так как и во время оно бывший комитет древностей, по мысли старого Уварова, состоял под председательством попечителя, — и состояние предполагаемого при *Университете* Общества не может обойти попечителя, так же как бытие его в *Киеве* не может сбыться без начальника края. Так мне представляются ныне первоначальные ходы к исполнению мысли о *Киевском ученом Обществе*. Но я ведь устарелый, запоздалый в мире отшельник, и Вам виднее там и отголе, как бы лучше дать первый шаг к осуществлению этой счастливой и для меня заветной мысли... Я уверен, что *Общество* может состояться, разумеется не подчиненное, но лишь прикосновенное к попечителю, и в действиях своих самостоятельное, подобно прежним и новому в Москве, при университете обретающимся. Деятели найдутся из нового поколения в академии и университете, — отчасти и из прежнего (например, Иванишев, здоровый еще как бык, — но как вице-председатель временной комиссии, совершенно чуждающийся ее, по нелюбвию своему к председателю, о нем же не лет глаголати нам с Вами. Починайте речь об этом с графом Алексеем Сергеевичем: авось словеса Ваши обратятся в дела! Обрадованный тем, мог бы и я тогда, — с боку припёка, — потряхнуть стариной по-стариковски, как в песнях наших поют: "потыхесеньку, помалесеньку"... Приходит мне на память старичишка Берлинский, — которого два аттестата теперь у меня перед очами: один, данный ему, 22-летнему, 1786 года, за подписом академии Киевской ректора архимандрита *Варлаама Мисловского*; другой — данный 7 марта 1835 года, на котором подписался "Ректор Михаил Максимович". Этот бывший ректор вспомнул старого Максима в Москве, в начале 1850 года, в заседании Московского общества Истории и древностей российских, бывшем в доме Черткова и под его председательством*. А после того заседания был у него в зале вечер, где находился и Гоголь, — и где я познакомился с Чертковой, урожденной графиней Чернышевой, оригинальной женщиной, одетой по-черкески, с кинжалом за кожаным поясом... И рекомендована она в

Олексій Дондуков-Корсаков.
Фото другої половини XIX ст.

*

Статья Максимовича
"Поминка о Берлинском"
напечатана во "Временнике"
1850 г., кн. 5-я.

знакомство мне, как другу Гоголя... Но все это, с сотнями подобных былей моей жизни, исчезает яко дым, —

“Как обман, как упоенье,
Как прелестный призрак сна” —

говоря стихами кн. Петра Андреевича Вяземского.

Сегодня я, как и вчера, сижу себе один с Алексейком моим, не зная еще, прибудет ли с Михайловой Горы мое подружие... Прощайте!

22 февраля 1871 г., Киев

Вчера, т. е. в первый день февраля и честной масляницы, много обрадован был я письмом Вашим, почтеннейший Петр Гаврилович, от 23 января... Необычайно снежная зима задерживает, а может быть иногда и поглощает письменную корреспонденцию. Представьте, что то письмо ко мне графа Уварова, на которое ожидан был ответ мой, до меня не дошло; а потому и не было ответа. Жаль, если оно пропало! По крайней мере, я желал бы, чтобы он был об этом известен и не вменил бы мне в вину моего молчания. Не поможете ли Вы мне в этом оповещении его? А на всяк случай напишу об этом и Погодину... Но от него, также как и от других москвичей, нет и до сего дня ни листочка, написанного 1871 годом. Не знаю, дошло ль мое письмо крещенское к графине Блудовой, — за вторую половину которого, где я писал о себе, сильно встревоженный одною случайностью, крепко сержусь на себя. — В нынешнем январе стукнуло ровно *тридцать* лет, как я получил отставку от службы; и как вспомню свою жизнь в эти тридцать лет, то — аж сердце вяне!... Наконец, чувствую себя старым, уже приставшим конем, поставленным на изъезды, остающиеся от молодых быдлят: так выразился я в том письме к графине о моем скудном для нынешнего времени пенсионе, и сказал: хоть бы *Госнога Петербург* помогли мне докончить век мой довольнее, чем он тянулся доньше. И вижу, что в Петербурге радушнее думают об улучшении моего быта, чем в Киеве, хотя и тут уже с половины января зашла речь о том... Дают же бывшим профессорам и теперь аренды, — да и кому их не дают!

По Вашей доброй ко мне дружбе, Вы говорите о *юбилее*, как предлоге к улучшению моего быта... Не по сердцу мне эта не заслуженная мною почать, и я отклонял от себя мысль о том моих доброжелателей, в надежде, что вот-вот сухоробрая жница жизней, своею неминуею никого косою, снимет меня с пажити сего мира... Но если уже *Вы* полагаете, что это и необходимо и благовременно, — и что только этим путем и способом можно достичь того: то я с благодарностью разрешаю Вам отдать меня в петербургскую опеку и распорядиться мною по ее благоусмотрению! Я в самом деле, на исходе веку, не совладаю с собою, и делаю не то, что бы надо. Знаете ли, что я три дня уже занят ответом на статью Закревского-дурня о Кошыреве Конце, помещенную в “Трудах Московского Археологического Общества”? — Простите! — С Вашим дружеским благословением остаюсь неизменно преданный Вам

М. Максимович

8 марта 1871 г., Киев

Доброго здоровья желаю Вам, дражайший Петр Гаврилович, на довершение Ваших Петроградских трудов и на радостное возвращение ваше в Киев. — Если бы знали Вы, как мне скучно здесь, и особенно в последние недели по вечерам, в одиночестве, не могшему читать и писать... Берегите свое зрение, и особенно от вечернего чтения газетных столбцов и от писания на лощеной бумаге, весьма вредящей глазам своим блеском. Я все домоседствую безвыходно и редко с кем вижусь теперь... Вычитал кое-что я для киевознания, но все мелочи, почти микроскопические. Вчера отправил в "Беседу" (которой, впрочем, еще не видел) статью: "Нечто о Копыреве Конце" в ответ Закревскому. Это надо было сделать; но чуть ли это уже не последняя моя статья полемическая. Для "Епархиальных Ведомостей" Ваших напишу нечто свое, оставляя в стороне чужие брехни. Жаль, нет в Киеве Пономарева; он бывало заходит иногда в мою скучную квартиру и принесет об Вас весточку...

Отзовитесь, ради Бога, хоть страничкою на эту мою грамотицу и отведите душу — поскорее. Скажите хоть коротенько: что случилось по вопросу Вашему обо мне и по моему Вам ответу? Пошла ли в ход Ваша заботливая, дружеская мысль, и можно ли надеяться мне, что она не останется втуне? В тридцать лет, после отставки, я привык уже к неудачам всяческим; так мне и тут оне чудятся и чуются. Но осведомиться у Вас не мешает; ибо скоро весна, а мне для здоровья душевного и телесного необходимо убраться в мае из Киева куда-нибудь подальше на юг, на синее море, если не к водам кавказским... Когда ждать Вас из Питера, к Великодню? — Да хранит Вас Господь на всяком месте владычества своего! — Вспоминайте иногда в молитвах своих душевно преданного Вам

М. Максимовича

5 апреля 1871 г., Киев

Христос воскрес!

— *Раг мир увесь*... Невольно пишется мне сегодня это стародревнее отзвучие — к Вам, дорогой и многоуважаемый Петр Гаврилович. Да здравствуйте радостно на берегах Невских!

Благодарю Вас за письмо Ваше, полученное мною в великую субботу... Мне оно было в усладу горемычного пребывания моего в доме Горецкого* именно с вербной недели, продолжающегося и до сего дня, до проводного понедельника... Горе мое в заболевшей левой ноге моей, — помните, еще с 1864 года страдавшей расширением вен; два месяца теперь сидел я безвыходным сиднем, чтобы на страстной и светлой седмицах зато повидать Киева, яко подобает православному христианину русскому; но мои ножные вены, от колена и до пятки, — ни с того ни с сего — вдруг обратились в низку твердых желваков или галушек, а потом это пошло и вверх ноги... Пачкаюсь более двух недель уже аптечными мазями; но от них не легче, и сегодня перейду к разбивке вышепомянутых желваков — йодом. Надо лежать или

*

На Бибиковском бульваре, где тогда занимал Максимович квартиру.

ГОРОДОКЪ ВЪ С. ПОЛТВИНѢ НАДЪ Р. РОСАВОМЪ.

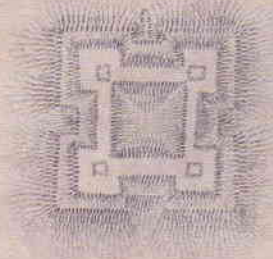
ГОРОДОКЪ ВЪ МѢСТѢ С. ПОЛТВИНА .

ЗАМОКЪ ВЪ М. КОРЕШНѢ НАДЪ Р. РОСНОМЪ.

ГОРОДОКЪ ВЪ СРЕДОКѢ М. КОРЕШНѢ .

100. 100. 100. 100.

Ілюстраціі до книги І. Фундукля "Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии". 1848 р.

сидя держать ногу в лежачем виде; а как стану на месте минут на несколько, щемит нога моя несносно, так что и помолиться хотя вкратце нельзя спокойно. Вот какое невзгодье постигло меня на светлый праздник!

Новою усладою, на третий день праздника, был мне сам благовестник, Назарий Антонович, невиденный мною около 4-х месяцев... От него, и от Григория Павловича [Галагана], приятно было мне услышать живую весть о Вас. Последний с Екатериною Васильевной навестили меня в среду, — с лекции Хрущова, который и сам был у меня, с третьей и последней своей лекции публичной, — в субботу. Лекций публичных в нынешнем году читается университетскими много, да публики на них бывает мало. Пришлись видно не в пору, — или не в коня корм, — или по пословице: не корми меня тем, чего я не ем!

Дело моего полувечья, возложенное Вами на университет, не знаю как пойдет; на этой неделе будут выборы в ректоры, хорошо, если бы Назарий Антонович и Хрущов успели дать этому делу такой толчок, чтоб из Киева оно представлено было в Питер к маю месяцу. А если тут пойдет оно в проволочку и придет в Питер, когда там вся сила разъедется, то из того ничего желанного и предполагаемого не выйдет. Так мне, пассивному в этом деле, сдается!

Я пробуду здесь — до половины мая; нога моя, кажется, не пустит меня далее Михайловой Горы; там и предполагаю быть до половины августа; но когда бы уже мне хоть 15 мая выбраться отсюда на простор Михайлогорский. — И вообразить не можете, как я здесь занудился во глубине душевной! — Превозмогая однако же — я все еще продолжаю даже чтение и писанье. Вы, конечно, видели уже и мою отповедь о *Копыреве Конце*, в 7-м номере "Киевских Епархиальных Ведомостей", преисполненном опечаток. Пономарева нет в Киеве, как слышу; удрал в свой Котоп, после вербной субботы, в которую был у меня с вербовою ветвию из Софийского храма, стоящею и ныне в образном угле.

Радуюсь, что Вы извлекаете старописьменные перлы о Киеве: привозите их побольше; будем вкупе любоваться ими и пристраивать их уместно, в августе, — коли Бог благоволит мне к тому времени оздороветь и пошлет средства для пребывания в Киеве: ибо нынешнее пребывание мое — сущее мне разорение, — прибыли, кроме несчастного пенсионера, ниоткуда ни гроша, и долгу набежало уже сотни полторы; без Вас не знаю у кого бы спросить и ведомостного заработка (рублей до *семидесяти*), которым пробавляюсь бывало от Вас в нередкие припадки безденежья. Не служит мне *фортуна* с самой отставки моей 1841 года!.. Видно *нетягою* быть и до конца дней — Вашему другу и почитателю.

М. Максимович

30 апреля 1871 г., Киев

Пишу Вам, дражайший Петр Гаврилович, привет из Киева в памятный мне день Иакова: в этот день 1853 года было бракосочетание мое в Драбове, в Михайловской церкви, и какое

торжественное, собором трех иереев, — и какой прекрасный весенний день тогда был!.. А здесь, в нынешнем году, ночью был снежок с морозцем, так что термометр у меня в комнате, вчера протопленной, спустился на 14°... Тем не менее я бодрюсь; от иодового умачения уже мякнут и убавляются венозные желваки левой ноги моей; я начинаю уже ходить под открытым небом и чувствовать себя как бы пробуждающимся от зимней спячки. Вот сегодня написал уже и ответ на недавнее письмо графа Уварова, который при сем прилагаю, чтобы и Вы знали его содержание. Если граф в Петербурге, то потрудитесь, заклеив и запечатав пакет, немедленно ему доставить; если он уехал уже, напишите: в *Москву*, и поскорее пошлите туда.

О полувечьи писательства моего представление факультетское лишь сегодня будет заслушано в Совете, ибо в прошлую пятницу не было Совета, за отъездом ректора Матвеева куда-то далеко на практику и нездоровьем проректора Митюкова. Что там усветуют сегодня, буду знать завтра; но медление кстати, ибо попечитель Антонович, ко мне благоприятный, вернется разве к половине мая. Раньше того срока я не успею выбраться отсюда, ни по здоровью, ни по средствам моим денежным. Спасибо Вам; в Егорьев день о. Жданов весьма кстати вручил мне 75 р. от редакции "Киевских Епархиальных Ведомостей". К тому в дополнение, на следующей неделе, получу еще мой пенсион за апрель — 62 р. из Киевского казначейства, куда я перевел свой пенсион, в предположении здесь коротать остаток дней своих. Но где я водворюсь с конца августа или с начала сентября на новую зимовку, если Богу угодно, чтобы я вернулся сюда к тому времени из моей Михайлогорской пустыни?.. Конечно, мне надо привитать или на Старом Киеве, или невядалеке университета и первой гимназии. — Пишу Вам эти мелочи, зная дружеское Ваше во мне участие, чтобы Вы, принявши в свое внимание странную судьбу мою, известны были и о нынешнем ее моменте, вследствие которого я могу застрянуть окончательно и безвозвратно там, против устья р. Роси*...

О многом, многом, более мне интересном, хотелось бы поговорить с Вами, — вот например и по случаю одесского события... У меня на душе чуется, что если правительство не укоротит распространение жидовства, хоть бы и в жалкой Переяславщине или Полтавщине, где на моих очах, в продолжение 35-ти лет жидовство усилилось во сто раз, то лет через десять или около того повторится непременно, не только Аккерманская или Одесская история, а история 1648 или 1768 годов. Но что будет, то Бог даст, в Его же воле и силе пребываем и все мы, единичные личности, и множественные миллиардные единицы государственные, — и совершается на белом свете подлунном то, что не может быть предвидено никакими умозрениями, никакими телескопами и микроскопами... Господь да хранит Вас на Невских берегах для благополучного возвращения и пребывания на Днепровском берегу, в богохранимом стольном Киеве. Когда-то я увижу и обниму Вас в оном?.. Душевно преданный Вам

М. Максимович

Р. С. Брату Вашему и Николаю Платоновичу прошу передать мой сегодняшний поклон. Для живейшего о себе напоминания

Олександр Матвеев.
Фото другої половини XIX ст.

*

Т. е. на Михайловой Горе.

прилагаю свою образинку... Снимитесь Вы в Питере и пришлите мне сюда, — только без камилавки, как, помните, я просил Вас в прошлом году, после Вашего служения в Софийском храме...

Господь да хранит Вас и благодееет Вам на всяком месте владычества своего! — Помолитесь и обо мне, душевно преданном Вам земляке!

1 мая 1871 г., Киев

Привет Вам, дражайший Петр Гаврилович, с нынешним праздником Киево-Софийским. Вы мыслию своею, конечно, здесь, в дому и храме Ярославлем, у мощей преподобного мученика — митрополита. Но знаете ли, что ныне с утра до 11-го часу шел непрерывный дождь, — да и до сего часу полудня перемежался он уже неоднократно...

Чуть ли не придется мне сегодня быть домоседом до вечера. А мое вчерашнее к Вам послание — представьте себе, сам я донес до почты и воротился тихим ходом восвояси, зело уставший: так стараюсь разшевелить все зимние залежи и застои моего устарелого организма... А факультетское представление и вчера не заслушалось в Совете, который не состоялся и вчера, понеже не собралось узаконенное число 2/3 наличных членов... Блаженная пора настала для "наук вызволенных!"... Хорошо тому на свете жить, кто ныне поступает в их университетский причет: и вольно, и привольно!

Порадуйте меня еще раз в Киеве, до 15 мая, Вашими хотя немногими строками: когда Вы надеетесь вернуться сюда, — и о прочем, что набегит под Ваше перо, на листок, для меня предназначенный.

Мне сегодня что-то особенно грустно, и не с кем отвести душу!... Не придет ли к обеду хоть *Алексеико* мой из гимназии, которая однакоже — сказав правду — не возбудила в нем и доселе любви к чтению и занятию...

С моим неизменным к Вам почтением и дружеством, остаюсь навсегда преданный Вам

М. Максимович

13 июня 1871 г., Михайлова Гора

Приветствую вас и кланяюсь вам в Киев, дражайший Петр Гаврилович, с моей Михайловой Горы. Уезжающий сегодня гость мой перескажет вам обо мне, лучше меня, мое пребывание здесь с 21 мая, и передаст вам статью мою, еще до его посещения написанную; а письменную корреспонденцию с друзьями и благожелателями начинаю вот этим только листиком к вам, 13 июня 1871 г. Мысленно обнимаю и целую вас в уста и десницу, любящий и уважающий вас

М. Максимович

13 июля 1871 г., Михайлова Гора

Винюсь перед вами, достопочтенный и дорогой Петр Гаврилович, в медленности моего ответа на ваши два письма ко мне, не только прелюбезные, но и многокорыстные для меня своими приложениями — *ста рублями* к первому от 19 июня и *пятисотным талоном* ко второму от 25 июня. Но сущность ответа наперед вам известна: искренняя и сугубая благодарность за ваше дружеское ко мне внимание и обо мне попечение. Сам не знаю, что это за безписьменность нашла на меня в нынешнее лето на Михайловой Горе: лишь второе это письмецо, а первое было тоже к вам... а предстоит к написанию по меньшей мере дюжина. Впрочем, виною тому не перобоязнь, в иные лета на меня здесь нападавшая: то можете видеть по моей второй уже статье для "Киевских Епархиальных Ведомостей"; по статье об Илие Муромце¹, посланной письмом, отданным для ускорения на пароход, шедший в Киев, вечером 11-го июля и пристававший к здешней *Прохоровской* пристани. Да благоволит редакция поместить ту мою вторую статью в ближайшем нумере, как для того, чтобы не утратился её литературно-полемический интерес², так и потому, что дней через десять я предполагаю прислать еще статью: о киевских первопечатных книгах достоверных и мнимых (последний надал Киеву о. Троицкий, накликавший даже "Триодь", якобы напечатанную в первой половине XVI в., в воображаемой лаврской типографии, по мнению о. Леонида Новоиерусалимского). Это будет, вероятно, уже последняя моя дань книжной старине южнорусской... Лежит еще на совести Покровский монастырек Каневский; но тот уже отлагаю до зимы или осени³; да и весь материал для него, как и для всего Киевоописания, и для Юго-Западного края, заключен в двух сундуках, оставленных в доме Горецкого, у Науменка, вместе со столом, в котором также есть бумаги и картины мои, — а ключи от них у него же. Предполагаю увидеть снова Киев, почти невиданный мною в последнее мое пребывание в нем — около 15 августа. Впрочем, это сбудется лишь тогда, если поправлюсь моим здоровьем. Если ж оно будет по-нынешнему, то быть мне здесь и в августе, и в сентябре, — при всем стремлении мыслей моих к богоспасаемому граду, при всей томящей меня и пугающей меня мысли зазимовать здесь, на отцветающей уже Михайловой Горе. Странное состояние и течение моих дел! С 20 января лежит бездейственно талон на 500 рублей, назначенных мне благодеющим князем Дондуковым, и не находит меня в Киеве; между тем, как я, почти разорясь зимовкою в Киеве, перед выездом из Киева, объявлял посещавшим меня приятелям, чтоб нашли мне рублей 200 на год, или 500 на два года, под залог Михайловой Горы, за 10 процентов; и нашелся лишь один добрый человек, снабдивший меня на бессрочную и беспроцентную уплату *ста* рублями, которые и помогли мне расквитаться с квартирой и прочими мелочами, и добраться до ночлега на пароходе "Александре", — куда г. Щербак весьма обязательно доставил мне еще месячный пенсион мой, из Киевского казначейства им взятый: вот я и не с пустыми руками добрался, бурным в тот день (царя Константина и Елены) Днепром, до своего двора Михайлогорского. Я прерываю беседу с вами на половине ее, желая чтобы хоть она

*

¹В каком веке жил Илья Муромец? ("Киевские Епархиальные Ведомости". 1871 г. № 15).

²"Библиографическое объяснение Гильтебрандту" ("Киевские Епархиальные Ведомости". 1871 г. № 15).

³Обе эти статьи, очевидно, не были им написаны, т. к. в печати мы их не знаем, а в рукописях, имеющихся в нашем распоряжении, мы их не нашли.

скорее достигла вашего слуха: мои едут опять на Тарасову могилу гулять, со своими гостями и соседями, покидая меня сиднем на своей Горе, одним одного; а я тому и рад, чтобы на самоте придти сколько-нибудь в себя, после предшедших дней, и отдохнуть от усталости. Моя жизнь... но что говорить о ней? Чья жизнь на этом свете удовлетворительна — обладающим ею, даже счастливейшим носителям её, даже баловням её?.. А я никак не могу сопричислить себя к их сонму, даже с самого отрочества моего, когда Золотоношская черница Варсонофия, выучившая меня грамоте, давала мне ночлег в кухонной половине своей кельи, на лавке, возле своей старой колченогой послушницы, которая иногда виделась мне во сне в виде простоволосой, растрепанной ведьмы, вследствие её же рассказов.

От всей души обнимаю вас, уважающий и любящий вас

М. Максимович

Доброго здоровья желаю Вам, дражайший Петр Гаврилович! Мой голос к Вам из Михайлогорской хаты на берега Невы, в письме к Николаю Платоновичу сказавшийся, конечно, дошел уже давно до Вашего услышания. А вслед за тем, я много обрадован был еще новым знаком Вашей дружеской памяти обо мне — Вашею карточкой без камилавки, которою и почтил новоприобретенный мною в Киеве альбом. Вашей статьей о городе Владимире-Залесском (о нем же, помните, заметку мою, при Вас графине Блудовой сказанную), если Вы дадите ей форму письма ко мне, может начаться не малочисленный ряд переписки нашей о киевской старине, где, по пословице, чем дальше в лес... Переключкою этою оживятся опять "Киевские Епархиальные Ведомости", — и в этом предположении я напишу и о первопечатных киевских книгах в форме письма к Вам. Вы, без сомнения, на это согласитесь...

Дал бы только Господь мне силу и благосостояние душевное на дальнейшие труды. До настоящих же дней время мое на Михайловой Горе было каким-то бесцветным и бесплодным отдыхом после многотрудного полувечья моей жизни. К тому же и погода почти весь ноябрь, туманная, со мрякой, а нередко и с краплистым дождем, как и сегодня с самого утра. Солнца давно уже не видится здесь; да и месяц сполнился, уцербляется едва видный сквозь туманную атмосферу, о звездах же и говорить нечего, как будто и нет их на небе... а без светил небесных скучно быть на земле, даже и на нашей украинской, — даже и на моей Михайлогорской. Может быть на водах Невских и веселей в такие дни; но о том Вы скажете мне, когда — даст Бог — перезимуя здесь, я прибуду к Вам на страстную неделю и мы похристосуемся с Вами на Великдень. Теперь же, оповестите меня хоть коротенько о себе, когда будете Вы снова на Старом Киеве, в дому святософийском? Хоть для душ и нет, говорят, пространства и времени, но для души, еще привитающей в сих пределах, временных и местных, и не отрешившейся от состава вещественного, желательное сведение о родной и дружной душе, на

этом вольном свету пребывающей, и по получении его она утоляется...

"Можно ли к Вам старшине войти? — спрашивает у меня служанка. — Зови, — говорю я..." И вот, приспевший к обеду моему волостной голова Панченко, на просвещение которого я некогда подарил его отцу четырехтомное "Училище Благочестия", своим разглагольствием о всякой всячине нашего земского бытия, перебил мое к Вам разглагольствие, и я препровождаю его Вам недоконченное, лишь бы поскорее заявить Вам этими строками моими ту постоянную думу сердечную о Вас, с которою был, есмь и буду — вековечно преданный Вам

М. Максимович

P. S. — Если Вы еще в Петрограде, то прошу Вас передать мой поклон и привет Даниилу Гавриловичу.

3 декабря 1871 г., Михайлова Гора

Благодарю Вас, дражайший Петр Гаврилович, за Ваше усладительное письмо от 13 ноября, которым усугублено было веселие мое на Введение, в день рождения и именин моей Марьи Васильевны. Дважды прочел я тогда его своими собственными очами, — пока не прибыл еще наш престарелый о. Иван Дроздовский, для чтения Акафиста — таким тихим гласом, что я только и слышал из уст его: *Рагуйся!*... Только этим молитвенным воззванием в горня, прерываемо было историческое помышление мое о богоспасаемом нашем Киеве, наведенное живописным наведением на него Ваших впечатлений Владимиром-Залесским... Жалею, что написано оно Вами между прочим, останется пока только моим достоянием: его следовало бы передать и в общую известность, зане в нем больше питательного, чем в письмах М. В. Толстого о том же граде... Меня же особенно возбудила на внимание к нему чтомая накануне дребедень Стрыйковского, будто Владимир Великий или святой не только создал этот город, но и перенес в него свою столицу! Надо было мне снова перечесть знаменитого некогда и авторитетного для киевлян польского писателя, в отличном экземпляре подаренного мне, в юбилей мой, киевским приятелем моим Веригию-Даровским. — Писания Тихонравова я вовсе не знаю; но Ваши замечания я представляю Вам, когда свидимся — даст Бог — на Великдень в Киеве.

У Вас в Петрополе теперь на 7-е декабря будет *второй* Археологический съезд. Вы, конечно, будете в нем участником, и кстати было бы там сказать Вам свое киевское слово о русской древности Залесского края, возобновляемой не по-древнему.

Графу А. С. Уварову, когда будете видеться с ним, прошу передать мой поклон и сказать ему, что образование *Археологического Общества* в Киеве составляет заветную задачу мою; но к исполнению её не было возможности приступить в минувшую осень, и потому оно отложено на предстоящую весну, на апрель месяц...

Вчера прочел я в "Киевлянине", что и наш киевский владыка Арсений устремится на зиму к сонму невожителей... Покорно прошу Вас передать ему мой Михайлогорский поклон.

Володимир Антонович.
Фото 1870-х років

А между тем скоро будет именинником мой возлюбленный — заочно Николай Платонович Барсуков. Прибавьте, к моему приветствию ему, Ваше доброе слово, — и как некогда в Киеве, с Вашей легкой руки, сошло благополучно новое издание "Книги Наума", так ныне поблагодарите Вашим наставлением и содействием к освобождению Николая Платоновича от оных *остальных* "Писем о Киеве": изданы хорошо, на славу хорошо; но ведь не должны же они быть по-польски: *накладом* автора и издателя!

Автор тех *писем* и доньше еще не вышел на тропу писателя и, пока что, все еще остается читателем и слушателем чужих писаний, от древней "Илиады" Омировой — до писания сего времени, полковника Г. А. Милорадовича, антагониста Костомаровского — Карпова, "Киевлянина" Шульгинского и прочего, тому подобного, в том числе изданий Ивановского о соведздрале-Снегиреве... Пора бы, кажется, все это отложить в сторону и приняться за себя и за свое дело, — чтобы не бесплодно и небесследно прошла и эта зимовка моя; но вдохновение не слетает, а без него не для чего и приниматься за книжный труд на 51-м году своего писательства — Вашему...

М. Максимовичу

17 января 1872 г., Михайлова Гора

Накануне Водохрестья я имел великую радость получить письмо Ваше, дражайший и многоуважаемый Петр Гаврилович. Сердечно благодарю Вас за приветное благожелание мне и за карточку с Вашею подписью, и за известия, Вами мне сообщенные, о деяниях второго собора археологического, между которыми особенно любопытна показалась мне, с одной стороны — забота разных киян о разных учреждениях в Киеве историко-археологических. Это показывает настоящую потребность в Киеве этого дела. Но все знали, что оно почти совсем подготовлено было мною, в долгой переписке о нем с графом Уваровым, в переговорах с попечителем, с Вами, с Малышевским, с Юзефовичем, Иванишевым и другими юнейшими, и все изъявили свое согласие на то, так что в сентябре я говорил о том и с князем Ал. М. Дондуковым-Корсаковым, который выразил свою готовность содействовать археологическому обществу, предположенному быть при университете. В сентябре неудобно было собрать мне членов-основателей на первое совещание — за отсутствием из Киева кого-либо из главнейших за моим юбилеем, а потом за открытием Галагановской коллегии, академическим актом, — и за моим личным утомлением, и я отложил дело на *Светлую седмицу* сего года. Слышу теперь, что И. П. Хруцов, с Иконниковым, доцентом Антоновичем и другими, поспешил предвосхитить честь этого, уже много лет заветного мне дела... На это мне приходится сказать, как говорил Нестор быстроногому Ахиллесу, в 23 п. Илиады:

— Прежде таков я бывал! Но теперь молодым оставляю
Трудные подвиги славы, пора, пора уступить мне — старости
скорбной...

Порадуюсь издали, если благоуспешно состоится оное общество *при университете*, на что я особенно настаивал и согласил графа Уварова, как это особенно Вам известно. Рад буду не менее, если приведет Бог мне побывать лично хоть на третьем киевском съезде археологическом, о котором давно уже замышляет Уваров, — ему же за то подобает честь и слава. Что же касается до его приветственной телеграммы мне, то она была от 3 октября, когда уже отпечатан был мой юбилей в "Киевлянин", и Шульгин отказал Пономареву напечатать ее, чтобы не переполнять своей газеты все тем же... Вас я воображал в Питере — до Великого поста. Но Конотопец [С. И. Пономарев] пишет мне, в полученном вчера письме, что Вы будете в Киеве в исходе января. По этому случаю — прекращаю на время письменную беседу с Вами, и адресую Вам этот листик еще на Неву, к нашему достолюбезному жителю Турова дома [Н. П. Барсуков], — и с Вашим дружеским благословением остаюсь навсегда преданный Вам неизменно

М. Максимович

12 февраля 1872 г., Михайлова Гора

Привет и поклон мой Вам, дражайший Петр Гаврилович!

Из моего последнего письма к Вам, через нашего благоприятеля Барсукова посланное, Вы знаете причину, почему оно было прерванным и недоговоренным. Слышу теперь, что Вы все еще там в Петрограде, а не в Киеве, а потому и устремляюсь к Вам туда моими мыслями и словами, и прилагаемую при сем копией с письма Вашего, давно уже списанной рукою питомицы Вашего училища*.

В недолгий промежуток времени немалый переворот произошел в бытии Вашего старого приятеля Михайлогорского. Чем больше нуждается он в сосредоточении и покое душевном, чтобы свести концы своей исходящей жизни и завершить ее чем-нибудь действительно дельным, тем более развлекается он и мелочными, повседневными подробностями своей домашней жизни, и весьма лестными для него, но все же суетными, выражениями общественного внимания к нему, по случаю 50-го юбилея, еще в сентябре начавшегося, и до сих дней все еще продолжающегося... Меня особенно и радует и тяготит внимание, оказанное мне Академией Наук, доселе как бы не хотевшей и знать меня, но удостоившей меня, наконец, не только званием своего члена-корреспондента, но и щедрившей меня присылкою в трех увесистых тюках *тридцати томов* ее издания, в числе которых чуть не третья часть творений высокопреосвященного историка русской церкви Макария, с которым Вы там на Неве подвизаетесь ныне о правах и правде русского духовенства. Несмотря на его святительский сан, он нам родной академик Киевский, и я прошу Вас испросить у него мне архипастырское, любовное благословение и принять к сердцу то выражение моего к нему почтения, которое на этих же днях пошлю к нему в виде бандероль-

*

Ф. А. Радецкая состояла чтицей при Максимовиче. Она была рекомендована Лебединцевым, знавшим ее, как воспитанницу Киевского Женского Епархиального Училища. Ее же рукой написано и это письмо под диктовку.

ной посылочки (помнится, я замечал уже Вам, что никто из *епископов*, некогда мне благоприятных — ни Димитрий, ни Антоний казанский, ни даже наш достолюбезный Иоанн, ни гу-гу в ответ и привет на письменный отзыв к ним Михайлогорскому старцу; лишь один кишиневский старичина *Антоний* — царство ему небесное! — написал ему ответную грамотку, стоящую даже и обнародования... Но не для чего было бы и то в нынешнем письменном многословном мире.

Было у меня предположение писать для печати письма к Вам о Киеве — *третье, четвертое* и т. д., но пока еще ничего не пишется мне на 51-м году моей словопечатной службы; а чем она начнется еще и сам не знаю; задачи, темы роятся тьмами в голове моей, но только докучают собою и не дают мне покоя, как мошки и комары здешние, в начале летней поры, не дают спокойно ни работать, ни гулять под открытым небом. А тут еще и здоровье мое в последние недели сильно изменяет, особенно зрительные нервы: считаешь час или два, даже и крупного шрифта (о петите уже и покушения нет!), и голова так разболится, глаза тоже, что уже и слушать читаемое мне становится неспособным, и хандра нападает... О, когда бы уже скорей пролетали и этот *лютый* месяц, и преемник его *Маржец*, чтобы к Великодню мне очутиться в Киеве, а там в Москву и в Петроград, — чтобы еще раз увидеть их и, освежась душою и телом, воротиться способным на делание своего привычного, заветного дела... Тринадцатый год уже, как маюсь я между Киевом и своею Горой, словно заржавельный маятник закоптелых стенных часов с зозулею!.. Поневоле встоскуешься, засмутишься, — особенно сидячи безвыходно в четырех стенах, иногда целые дни, в зимнее время, в длинные ночи. Но это старую песню затянул я... простите старому нетяге!

А видались ли Вы в Питере с моим тёзкою и старейшим братом, с Погодиным?.. Вот подвижник! — Но время уже мне прекратить писание, зане уже половина 3-го пополудни; а я просыпаюсь всегда досвета. Господь да споспешествует и пребыванию Вашему на Неве, и возвращению Вашему на родимый наш Днепр! — С неизменным к Вам почтением и полносердечною преданностью остаюсь Ваш

М. Максимович

20 апреля 1872 г., Киев

Христос воскрес!

Приветствую Вас, достопочтенный и дражайший Петр Гаврилович, со Светлым праздником, который провожу в Киеве с семьею моею и со многими из учеников моих.

Напутственное письмо Ваше получил я в день отъезда моего из Михайлогорской обители, 9 апреля, и оно было для меня чрезвычайно приятно, как дружеское благожелание. И какой теплый, даже знойный апрель здесь на Днепре! — Жена моя завтра возвратится восвояси с дочкою и племянницей (Марковою); а я,

после Щекавицкого понедельника, через день или два отправлюсь в Москву, где и будет мое пребывание майское — по всей вероятности в доме Кошелева на Поварской! О поездке в Питер, весьма желательной для меня, не смею обещать самому себе: увижу в Москве, из которой вернуться в Киев, а отсюда на Михайлову Гору, предполагаю в половине июня.

Опись киевского замка, полученная мною от Шодуара, та самая, что напечатана польскими буквами у Грабовского; выдана выпись её Станиславу Жолкевскому, помнится 1608 года, когда он стал воеводою Киевским по смерти Острожского. Если в Литовской метрике список половины 16 в., а не начала 17-го, то о нем можно позаботиться.

Отрывки о Киеве из диакона Павла были давно напечатаны, чуть ли не в Библии для чтения, но они мало кому ныне известны, и в "Киевских Епархиальных Ведомостях" следует повторить их, тем более, что не все относящееся к Киеву было переведено в тех отрывках.

Лаврская опись, Вами мне сообщенная, весьма любопытна; но к ней необходим комментарий, преимущественно о некоторых князьях и княгинях, требующих разыскания и справок нарочитых: вот почему и отложено мною впредь сие дело, до будущей зимовки в Киеве.

Если увидите А. Ф. Бычкова, прошу Вас передать ему глубокую благодарность мою за его академическое ко мне внимание, которую не смог я выразить письменно... Вы и не подозреваете, как я в продолжение зимовки в своей хате был туп головою, нерасположен к общению с людьми... словом сказать, ипохондричен. — Если Москва не восстановит моего мозга и сердца, плохо мне на старости будет. Сказать ли, что я в десять дней киевского жития моего не собрался еще побывать у князя Александра Михайловича, ни у Порфирия. Между тем, видя здесь, что из Общества Несторианского ничего действительно полезного для исторической науки не выйдет, я решаюсь возобновить в нынешнее лето прежнюю думу об основании *Археологического Общества*, — уверенный, что Вы не откажетесь от данного мне слова: быть в числе *основателей*. При встрече нашей в Москве, в начале июня, решим вместе этот вопрос.

Жаль, если не увижусь с Пономаревым, которого надеялся я видеть в Киеве.

А Н. Пл. Барсукову я готов бы и на весне нынешней воспеть:

Цвели, цвели цветочки — и поблекли;
Любил меня милый друг — и покинул.

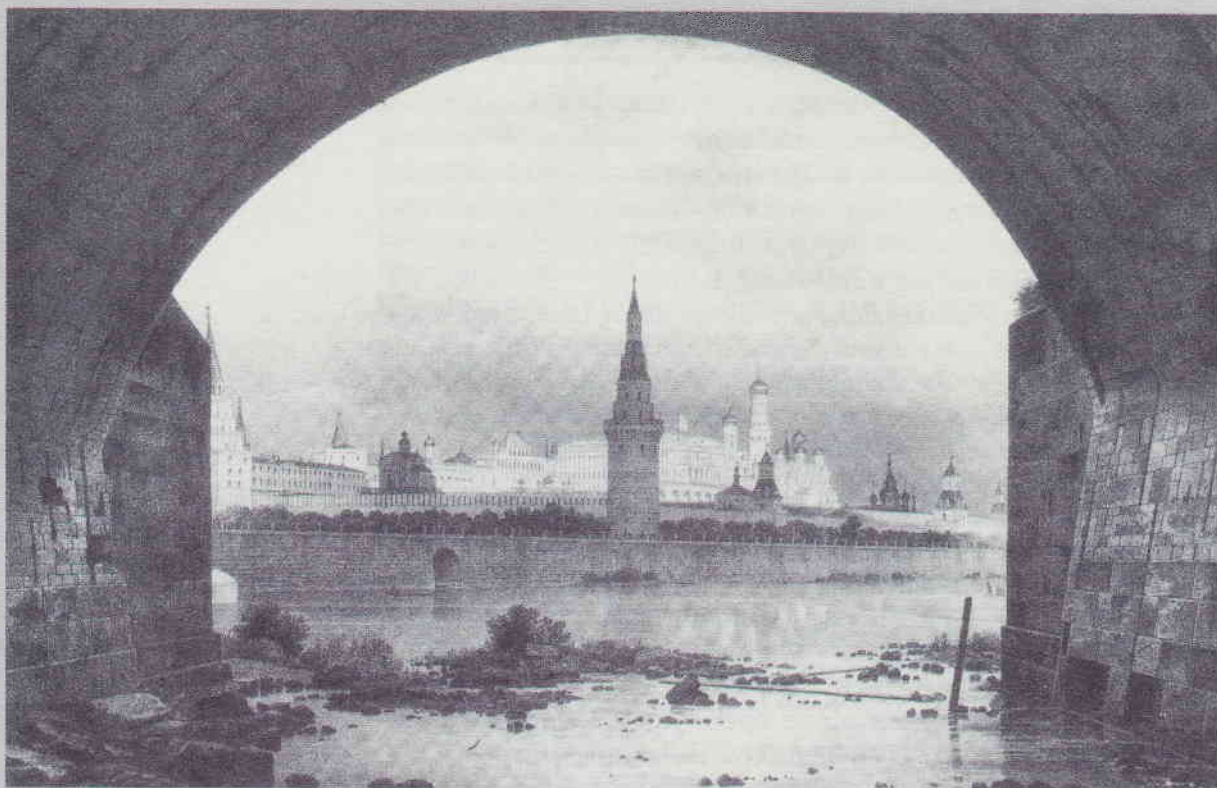
До свидания в Москве — дражайший Петр Гаврилович! Я сегодня затормошен страшно, — и с самого утра запроважен печально видом умирающего приятеля и земляка моего Павла Осиповича Науменка*.

Грустная жизнь наша на сем свете!.. "Уже умер" — прибежал сказать это Алексейко. Иду туда — прощайте, до свидания! — Ваш

*

Бывший директор Белоцерковской гимназии, живший в Киеве в отставке.

М. Максимович

Кам'яний міст з боку Кремля. Літографія 1825 р.

Вид на московський Кремль. Літографія кінця 1830-х років

Вид на Олександрівський сад.
Літографія 1830-х років

Панорама Москви
з Воробйових гір.
Літографія 1825 р.

17 июня 1872 г., Москва

Вчера я обрадован был письмом Вашим, дражайший и многочтимый Петр Гаврилович, что Вы, наконец, выбрались из числа невожателей и уже на пути к Киеву и к своему двору святософийскому. Полетел бы я в Новоиерусалимскую обитель, не виденную мною с 1822 года; но я все еще остаюсь — седьмой день уже — безвыходно, как птица в клетке, из-за малой рожницы, расцвевшей было на щеках моих... вчера поспешил умыться, но пришлось опять помазаться коллодием и посидеть еще денька два... Итак, мы свидимся в Москве, а не в Воскресенском, куда собирается Бодянский, куда завернет и петербургский проф. Орест Миллер, приехавший из Киева и вчера меня посетивший. Жалею, что, заехав в Москву, так мало видел ее в нынешнем ее наряде, — что не удалось побывать и в Сергиевской лавре, не виденной мною с 1824 года... Нет, не годится уже ни для Питера, ни для Москвы, душевно преданный Вам Михайлогорец. До свидания!

Ваш М. Максимович

Отцу архимандриту Леониду прошу передать мой усерднейший поклон и поручить меня в его знакомство и приязнь.

2 февраля 1873 г., Михайлова Гора

В великий праздник Сретения возобновляю надолго прерванную переписку почти со всеми этим отзывом на ваше письмо ко мне, многоуважаемый и дражайший Петр Гаврилович, от 18 янв. Приветствую возвращение ваше в Киев, поздравляю с окончанием вашего велико-долгого дела в Петрограде, в продолжение которого вы успели добыть столько исторического добра и для Киева с его краем. Благодарю вас и за вашу дружескую там заботу обо мне; и на этих же днях буду писать к достопочтенному Афанасию Федоровичу Бычкову. О моем 15-дневном пребывании в Питере сохраняю приятнейшие воспоминания. Московское жительство мое в июне, как вы знаете, смущено было болезнью; Киевское житие в сентябре, по отъезде вашем, было еще болезненнее и скучнее; а здесь нынешняя зимовка моя такая тяжкая для меня и скучная, что и говорить об ней не хочется: сидень, лежень, изнемогший не только телом, но и головою, в хандре и спячке. Обновлюсь ли духом и телом с наступлением новой весны — то Он единый ведает.

Моя Марья Васильевна, с Феодорою [Радецкая], вернулась сейчас из церкви и поручила свидетельствовать вам ее глубочайшее почтение и сердечный привет. Ф. Радецкая, еще в августе отпущенная в Киев, для держания экзамена по географии и истории, который кончила она только перед святками рождественскими, — и к нам явилась вновь 12 января. Я назначил ей по 10 р. серебром в месяц, при всем готовом, пока найдется для нее выгодное местечко, преимущественно в Киеве, где у нее три брата и две сестры. Прошу и вас иметь в виду эту достойную

питомицу вашего Кловского училища, посвящающую себя педагогическому делу.

О многом, многом хотелось бы, и надобно мне, говорить с вами, когда уже возобновилось письменное общение с вами; но на первый раз довольно и вам читать, и мне писать.

С вашим дружеским благословением, остаюсь неизменно преданный вам

Михаил Максимович

Р. С. 3 февраля. — Попытался было я вчера настроить заметку для "Киевских Епархиальных Ведомостей"; но вышла неудачная и потому отложена до иного дня.

А вот сейчас принесли с почты письмецо из Киева, от Платона Александровича*, где он и Михаил Владимирович Юзефович приветствуют меня, что мне *разрешена ферма*, но где и как еще неизвестно... Скоро будет известно, и тогда возблагодарим князя Александра Михайловича [Дондукова-Корсакова].

*

П. А. Антонович — попечитель учебного округа.

28 февраля 1873 г., Михайлова Гора

В первых числах февраля я писал к вам, дражайший и глубокочтимый Петр Гаврилович, — в Киев, где и ныне вас воображаю, в уповании, что вас не отзовут уже от него и в предстоящую весну. С отбытием вашим из Киева, не поздоровился мне прошлогодний сентябрь, также как и вся зимовка моя 1869—1870 г. в печальной квартире Горецкого... Вот почему я желал бы знать заблаговременно, будете ли вы в своем Софийском доме в мае месяце, прежде которого не двинусь отсюда, по сложившимся всяческим тяготам житейским и санитарным, весь век мой одолевающим меня.

Мой отзыв на провозвестие о ферме Платона Александровича [Антоновича] и Михаила Владимировича [Юзефовича], им обоим написанный в письме к первому, не застал его уже в Киеве, как вижу по его письму, при отъезде в Питер писанному.

Наконец 14 февраля я получил здесь письмо от самого князя Александра Михайловича, 6 февраля подписанное с извещением и поздравлением меня. Дай Бог ему здоровье и всякое благоуспешие за его внимание ко мне, порадовавшее меня на исходе веку! — Я отвечал ему благодарственным письмом на другой же день (15 февраля), и полагаю, что оно получено уже благодеющим мне князем Киевским, по милости которого с 22 января я становлюсь в балтском уезде собственником Маншуровского 2-го участка в 382 десятины за 5500 р., т. е. вдесятеро против моего Михайлогорского землевладения, в 38-ми десятинах ныне округлившегося (в том числе 10 неудобных!), но стойвшего мне не меньше оных 382 материально, а душевно — и вдесятеро больше; но зато впрочем давшего мне неожиданных 32 года новой жизни, дящейся и до сего дня. А потому я надднепровский Михайлогорец даже до конца дней моих.

В совершенном неведении нахожусь, откуда будет мне сведение, в чем состоит оный Маншуровский участок, где именно он, в каком расстоянии от Балты и железной дороги, — в безводной ли он степи, или прилежит к какой-либо речке или

ручью, — есть ли там какое-нибудь жилье, и почем там можно арендовать десятину окружающему православному люду южно-русскому, с условием, чтобы там не было места ни ляхам, ни жидам, ни армянам?.. Кто меня введет во владение тем участком Подольской земли?.. А кроме того, — на сколько лет рассрочена уплата оных 5500 р., и по скольку в год надо вносить в казну, и куда именно? — Мне к маю месяцу хотелось бы об этом быть в известности, но к кому обратиться с моим желанием того и просьбой о том, — если не к вам, мой драгоценнейший друг и советник киевский? — Припоминается при этом мне ассигновка князем 500 р., в январе 1870 г., которую вы с г. Снежком прислали мне сюда; а без того... А чего стоило мне горемычное житье мое в ту зиму в доме Горецкого, да и здешнее пребывание, до поездки в Киев с оной ассигновкою в августе? — Таковую долю уже судил мне Господь, — весь век проводить бедняком; да и награды получать в ограниченных размерах, как например, за 50-летний юбилей — 3000 (без 300). Не почувствовать мне себя в полном довольстве, что называется — на широкую руку, и до конца дней; — разве слепая фортуна, 2 июля, повернет свое колесо на один из тех четырех билетов первого займа, которые взял я из оных юбилейных 2700 р. 1871 г., и которые в прошлом сентябре заложил у Тецнера¹ за 480 рублей, чтоб было чем про довольствоваться... К Великодню будет мне из Киева пенсию за январскую треть 248 р., на которые уж набежало уплаты около сотни. Весь этот [...] месяц (февраль) я хлопотал, наконец, о метрических и иных свидетельствах для представления в Полтавский окружной суд, в утверждение мне права получить наследство после брата моего Виктора, состоящее в 2100 р., которые, по моему прошению, Михайловское (Рязанской губернии) полицейское управление переслало в золотоношское. В будущем марте ожидать буду ответов на мои писания и послания — в Полтаву и Лебединь. Быть может в апреле неумолимый непреклонный в формализме Полтавский окружной суд разрешит мне получить в Золотоноше оные 2 т. Тогда уже будет мне с чем двинуться отсюда в Киев и в Балту, а оттуда на южный берег Тавриды, в котором так давно уже нуждается мое изнеможенное бытие.

*

¹Меняльная контора.²Инспектор Киевской 1-й гимназии.³Андрияшев — директор той же гимназии.

К Афанасию Ф. [Бычкову] по письму вашему я написал 15 февраля достолюбезное послание, отправив еще 22 января ему и Гроту, и Заблоцкому бандерольные пакеты, с моим фотографическим портретом и пояснением, напечатанным в 149-м номере прошлогоднего "Киевлянина", в ответе г. Хрущову. — Грот уже отвечал мне — (N. В. своим *первым*, без моего не бывшего никогда к нему писания, несмотря на то, что ему преимущественно обязан я целою полкою академических изданий... сказано немец, разумеется немец русский, не нашей русской, и особенно украинско-русской братии, — к ней же принадлежит и Костомаров, с Кулишем, Белозерским и т. п.).

Мне в нынешнем феврале неудача на ответные письма: ни от кого и сегодня нет отголоска, ни из Киева, ни из Полтавы. Получил только XII кн. "Беседы" да 23-й номер "Киевлянина".

А мой милый Алексейко, как написал свое последнее письмо в конце января, полученное мною 31 числа, и того же дня ему отвеченное мною через И. С. Палиенку², — и после нескольких писем ему от меня и жены не отзывается доселе, и никто о нем не извещает нас, — даже Алексей Фомич³, которому 8 февраля писал я по поводу его письма, чтоб он своею ласкою ободрял

Яків Грот. Літографія XIX ст.

моего сынишка. — Вскоре после того писал я в Киеве и к Г. П. Галагану, ведя речь с ним и о моем Алексейке. Но и от него мне ни полслова в ответ. Так и отовсюду, куда писал я, не пришло еще мне отзыва в нынешний день последний *Лютото* месяца.

Но кто меня смущает всех более своим упорным молчанием, — это мой милый, так лелеявший меня в мае месяце Барсуков. На три мои письма к нему — в начале ноября, в половине декабря, и в начале февраля, — по поводу заметки вашей, что он "здравствует", он не отвечает ко мне, и мне это чрезвычайно грустно, ибо не могу себе и вообразить, чем бы мог я так охладить к себе его прежнюю ко мне приязнь.

Немало печалит меня и неизвестность о благоприятеле нашем С. И. Пономареве. Не говорю о ежедневном, поистине великодружественном его посещении меня в юбилейное время мое и проходах его меня в октябре из Михайловской гостиницы на пароход; — его так мило болтливые писания сюда из Конотоп окончились 31 января 1872 г., с моим ответом ему того числа. И вот уже 11 месяцев о нем ни слуху, ни духу.

С 22 февраля (день рождения Алексейкова) выпал здесь новый снег и разрушил рождавшиеся уже надежды на настоящую весну. Долго ли продолжатся эти снега, невыносимые своей белизной для зрения другой месяц уже безвыходного из своей хаты отшельника, никто же весть! А уж как бы хотелось мне под открытый свод небесный, для дыхания свежим воздухом и ходьбы по простору Михайловой Горы!..

С вашим дружеским благословением, мысленно лобзая уста и десницу вашу, остаюсь неизменно преданный вам

М. Максимович

12 марта 1873 г., Михайлова Гора

От всего сердца благодарю вас, дражайший Петр Гаврилович, за полученное мною вчера письмо ваше от 7 марта, усладившее мне душу: оно такое прекрасное, проникнутое таким светлым, спокойным, верным взглядом на жизнь и мир, — не говорю уже о дружеском участии во мне, по которому вы мне так драгоценны... Дай Бог вам и на дальнейшие годы того же душевного строя, при добром здравии телесном!..

Я должен вам признаться, что мое второе письмо к вам писал в неуверенности — найдет ли оно вас в Киеве, в предположении, что может быть вас опять потянут туда на Неву, — как и мое письмо к попечителю от 5 февраля не застало его уже в Киеве. Потому я в начале марта написал о том же и к М. В. Юзефовичу, зане он, во время зимовки моей в несносной квартире Горецкого, говорил мне, что в случае надела меня участком, он возьмется устроить его так, что мне будет доход верный, без моего об том попечения. Конечно, то было любезно-приятельское словосочинение, которое однако дало мне право просить его потрудиться уведомить меня, что это за Маншуровский участок, далеко ли он от Балты и железной дороги, и кто даст мне на него данную?.. При этих вопросах, я был в совершенном заблуждении: мне воображалось, что та ферма, со дня Высочайшего повеления, с 22 января, уже моя, и что мне откуда-то последует формальная

на нее данная!.. Вашим письмом вчера вразумился я, что дело состоит совсем не так, как мне оно вообразилось!..

Премного благодарен вам за ваш запрос в Каменец г. Григельскому; но для совершения купчей крепости (от кого?) там есть у меня директор гимназии В. П. Должиков, о котором некогда я говорил Платону Александровичу, и которому ныне доверяет похлопотать об оной купчей. Но для того, чтобы дать ему формальную доверенность, мне надо или протрястись на таратайке в Золотоношу 32 версты и 32 обратно, или спокойнее приплыть в Киев, но там восходить на верхний этаж присутственных мест, тратя в обоих случаях деньги и телесные силы, при настоящей скудости моей тех и других. — Затем последует еще горшая операция — поездка мне самому с женою (что сама она там без меня сделает?!) в Балту хлопотать, чтоб оттуда ввести меня оным маншуровским участком во владение... Поездка туда и ввод во владение потребуют немало денег и подвига немощных сил. По вводе во владение — там надо же будет и устроить оную ферму, отдачею ея внаймы на известные годы, на прочных условиях, и взнести 257 р. по вводе во владение. Что же это за успокоение на исходе жизни моей, — когда мне так необходим только, хотя и скудный, но тихий, беззаботный отдых от трудов моей многопечальной жизни, при котором хотелось бы свести концы и привычных мне научных работ? С прошлогоднего августа, как я уже писал к вам, кажется, одолевает голову мою постоянно забота о насущном продовольствии, — при которой все присесты мои за что-либо научное оказывались напрасными попытками, при которой смешались в моей устарелой памяти даже последние годы моей собственной жизни: мне вообразилось, что я зазимовал в Киеве (в доме Горецкого) под исход 1869 года, и с этим недоумением соединились разные неправильные представления в моих частных письмах, даже в записке моей об учреждении Исторического Общества при университете, даже в печатной статейке в "Киевлянине", на которую соблазнил меня Хрущов своею, там же напечатанною выходкою, и бестактнейшею беседою укоризненною, вечером 23 сентября, накануне моего выезда из Киева, когда Феодора с Алексеиком приготавливали и укладывали мои пожитки к завтрашнему раннему выезду на пароход. — Он оказался совсем не тем, чем сначала мне показался. Но чтобы развязаться с помыслами о подобных людях, напишу вам восьмистишие, набежавшее в конце 1872 года.

Щелкопёры, мародёры,
 Все вперед идут, идут,
 И науки в свои руки
 На барыш себе берут,
 Горе, горе, что актёры
 Заглушают тихий труд!
 Но и прежде было то же...
 Будь же милостив к нам, Боже!

Мне грезилося, что к маю месяцу состоится, наконец, утверждение меня Полтавским окружным судом в праве получить наследство после брата — питомца моего, состоящее в 2100 рубл. Тогда бы я был в возможности проездиться на южный берег Крыма, для поправления совершенно расстроенного здоровья и головы моей и туловища, да потом заглянуть кстати и в оный Маншуровский участок. Но и в этом, два года томящем

деле меня, есть своего рода замедление; а пока не прекратится оно, и пока я не получу тех денег, пересланных уже в Золотоношу, до тех пор мне не с чем будет двинуться отсюда не только в Крым и Балту, но и в наш богоспасаемый град Киев, всякий день, когда посещаю его, извлекающий из моего кармана более дневного оклада, дающегося мне моим пенсионом. — Но довольно об этом говорить мне, вспомняв себе в извинение слова незабвенного друга моего Гоголя: "Что ж делать, если уже таковы свойства сочинителя, что, заболев собственным несовершенством, уже и не может он изображать ничего другого, как только бедность, да бедность да несовершенства нашей жизни..."

По отправлении моего второго письма к вам, я получил уже известие и от Алексейка, и от Алексея Федоровича, о книжных делах его и моем сынишке, но я рад буду, если вы их обоих попеняете; не завтра, так послезавтра, вероятно, отзовется и г. Палиенко на мое письмо о сынишке, 2 марта писанное. Получил я 9-го марта ответное письмо от Г. П. Галагана; но еще не успеваю к нему откликнуться.

На мое третье письмо к Барсукову, где я привел слова письма вашего из СПб., что *Н. П. Барсуков здравствует*, он немедленно отозвался достолюбезно, и я отвечал ему 6 марта.

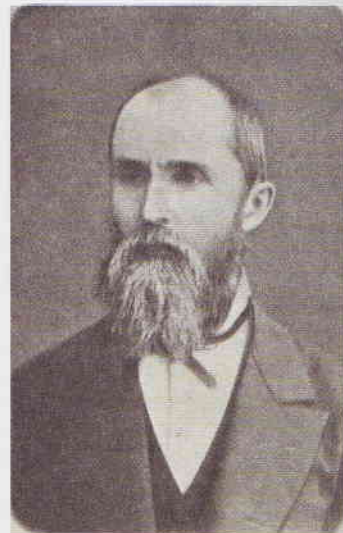
Кому С. И. Пономарев поручил все эти экземпляры биографического очерка меня грешного, — не ведаю; лишь один экземпляр, 6 сентября, доставил мне Ф. А. Терновский.

Из вышесказанного, вы снисходительны будете, что я недельки две — три не примусь еще ни за что-либо научное, хотя с удовольствием читал я в ваших "Киевских Епархиальных Ведомостях" не только архимандрита Павла, но и Ляссоты сказание и щелчок Ипатьичу за чепуху московскую. Лаврскую опись пришлю вам, хотя и без того комментария, какой желательно было мне сделать к нему; но его сделать можно было, находясь в Киеве, а не здесь. Планы Киева, вотще желанные мною от покойного П. А. Муханова, добыты вашим старанием: исполать вам; но не пускайте их в ход, пока мы с вами вместе не разглядим их; тогда и решим вместе, что сделать. Авось еще благоволит Бог, претерпев мне годичное отрешение от научного дела — от сентября 1872 до сентября 1873 г., опять к нему возвратиться, с водворением на новую зимовку в Киеве.

Моя Марья Васильевна свидетельствует вам глубочайшее почтение свое и благодарность за ваше о ней воспоминание. Федора, питомица ваша, тоже с живейшею признательностью к вам поручает мне свидетельствовать вам ея благодарный поклон за ваш ей привет и благословение. Она донныне чистая сердцем и добрая детина. У вас в кабинете есть от меня и погодинский портрет, и фотографический многоглавый лист, где и моя рожца в шапке, но мне весьма приятно было бы, чтоб там, об руку с Погодиным, на стенке виднелась и моя ипостась; а для того препровождаю к вам, с сею же почтою, в бандерольном пакете, мой "кабинетный портрет", работы киевского Мезера, 2-го сентября 1872 г., когда мне стукнуло 68.

"О, для чего я не млад и не силен, как в прежние годы!"

Этим стихом Одиссея из "Одиссеи" кончаю нынешнее письмо мое к вам, мой дражайший киевский друг, лобзая мысленно

Пилип Терновський.
Фото другої половини XIX ст.

уста и десницу вашу, и прося ваших молитв о многонемощном и многоскорбном Михайлогорце Максимовиче.

27 марта 1873 г., Михайлова Гора

В день св. Благовещения получил я достолюбезное писание ваше, многочтимый и многолюбимый мною Петр Гаврилович! — Благодаря вам, а через вас и г. Гриельскому, теперь я знаю, в чем состоит будущее владение мое, — и восемь десятин его, под *водою* сущих, радуют меня, что оно — не безводная степь. Вижу, что мне придется поступить по вашему слову, отложив южный берег Крыма до иного времени, когда совсем уже устроятся дела мои житейские в Балте и здесь. Подправить хотя несколько свое здоровье приходится мне на киевских минеральных водах, водворясь бивачно в какой-либо соседней гостинице, если не найдется там спокойной квартирки у кого-либо. Но самый приезд мой в Киев может быть тогда, как уже решится, наконец, давнее, истомившее меня и опротивевшее мне дело о получении наследства, состоящего в 2100 р., которые давно уже, по прошению моему в Михайловское (Рязанская губерния) полицейское управление, оно переслало в Золотоношское, для удобнейшего тут получения мною. Но мой присяжный поверенный, г. Квачевский, которому я уже переслал все документы и справки, каких требовал он от меня для ходатайства о моем деле в Окружном суде, еще не мог начать его, понеже — затормозилась выдача ему метрических свидетельств о рождении моем (1804 г.) и брата Виктора (1810 г.), о них же было мое формальное прошение и частное письмо, в начале февраля, к преосвященному нашему архипастырю, к которому я вчера еще писал благодарственно за его, умилившее меня, прелюбезное писание и прислание, с выражением его добрейшего, непреходящего обо мне памятования и пастырской любви. — Пусть будет, как сбудется! — Комедию о метрических свидетельствах перескажу вам, при нашем личном свидании в Киеве; а в Киев я непременно буду во *второй* половине *мая*, если бы даже и не кончилось к тому времени оное дело мое в *Полтаве*, столь противной душе моей, что я и доныне в ней не был ни разу, — что не захотелось мне видеть ее даже в 1850 г., когда я находился в 30-ти верстах от нее, будучи в гостях у Гоголя, когда предлагали мне прокатиться туда отправлявшиеся суток на двое родичи Гоголевы...

Что касается до Киева, то для меня еще преждевременно обзаводиться в нем постоянною квартирою; дума и дело о том могут быть — с наступлением сентября. А потому и прежняя ваша квартира в доме Сухобрусова — пусть достается другим жильцам. Мне она и не нравится: словно придавлена, угнетена верхним этажем. Я и вам тогда — если припомните — желал более возвышенного от полов, более просторного и светлого обиталища.

Сплю и вижу, чтобы с наступлением будущей осени обзавестись в Киеве постоянною квартирою, где бы я мог на исходе веку, до конца его, утнестись и расположиться со своими книгами и прочею бумажною рухлядью. Славную половину их оставляю в достояние общественное после себя. В той квартире желал

бы я себе, для кабинета и логовища, возможно просторной и высокой горницы, сухой, и на зиму теплой; другая горница — гостинная, тоже не малая; третья, хотя и малая, для временного в зимнее время посещения меня жены и детей; да четвертая — прихожая, с ширменным отделом для служителя. — Найдется ли такая квартира мне где-либо на пространстве между Софийским двором и университетом? Увидим.

Моя Марья Васильевна будет в Киеве 30 и 31-го марта и доставит вам лично этот листок мой; — помолится она обо мне немощном и в нынешние дни — у св. Софии, и привезет сюда на светлопраздничную вакацию нашего Алексейка. Прошу вас вспомнить меня, в две великие седмицы, в святых молитвах своих! Вседушевно преданный вам

М. Максимович

Софія Київська.
Фото другої половини XIX ст.

2 апреля 1873 г., Михайлова Гора

Вчера, под исход дня, я обрадован был приездом из Киева моих Михайлогорцев и вашим посланием, с приложением новой светописной ипостаси вашей, дражайший Петр Гаврилович!.. Благодарю многократно за все, за все ваше дружеское внимание ко мне, престарелому труженику!

Сегодня — в базарный здесь день — так заторочили мне голову, что я не в силах уже написать вам ничего, что на рассвете роилось в голове моей сказать вам о нашей достолюбезной киевской старине и древности. Вспомяну разве, что о погребении князя Глеба Всеславича в Печерской церкви при гробе пр. Феодосия упоминается не только в Патерике И. Тризны, но и в Тратургиме.

О подкиевском *Звенигороде* вопрос был мною поднят в Москве 1858 года, в споре с Беляевым, и потом с Погодиным, о месте ослепления Василька. И думать нечего, что его скорее

надо предположить в *Бугаевке*, чем в *Хотове* (удивительная несообразительность!). Но в моей посылочке бандерольной, с этою же почтою посылаемой, найдете вы первоначальную догадку или загадку мою, что оный городишко был — на р. Ирпени, в *Дзвонковой*. Там могло быть, на полудороге к Василькову, благонадежное перепутье для сбора воев Киевской области в поход к Василькову, и обратно оттуда в Вышгород, не заходя даже в Киев. — Утвердительно просил бы я Вл. Б. Антоновича отречься от приуроченья оного Звенигорода — к Хотову! — А вот что неоспоримо, что *Желань* есть *Желяне*, до сего дне так нарицаемые, — и что неразумен будет тот историограф, который, подобно Берлинскому и Закревскому, не признает этой местности исторической, угаданной еще здравым смыслом историографа Карамзина.

Об издании сборника исторических статей в "Киевских Епархиальных Ведомостях" я разделяю ваше сомнение, не плакали бы денежки, на их напечатанье истраченные. — Подождать еще надо, как означат себя грядущие годы сего десятилетия.

Сегодня отсюда последняя надежная земская почта на Золотоношу; а потому я, благодаря вас за внимание дружеское к семейству моему, расстаюсь с вами дней на десять, прося ваших молитвенных воспоминаний, при богослужениях ваших в Софийской церкви, о многомогущем еще и с наступлением апреля месяца, сердечно любящем вас и почитающем

Михаиле Максимовиче

P. S. — Говорят мне, что теперь уже 3 четверти четвертого пополудни; пора же уже и за обед приняться, кто пробудился еще до восхода солнечного. Будьте здоровы, светлы духом на все дни светлопраздные!

*Переписка М. А. Максимовича
с П. Г. Лебединцевым (1864—1873) //
Киевская старина. 1904. Т. 86. Сентябрь.
С. 380—385, 388—397, 400—402, 404, 405, 407—413;
1904. Т. 87. Октябрь. С. 127—132, 134—143, 146, 147;
1904. Т. 87. Ноябрь. С. 261—263, 265—269, 272—274, 278,
280—283, 285—288, 290—295; 1904.
Т. 87. Декабрь. С. 456—458, 460—464,
466—469, 474—476, 480—483, 485—487,
489—493, 496—499, 501—505.*

ЛІТКЕ

Федір Петрович (Фрідріх Беньямін)

17.IX.1797, Петербург — 8.VIII.1882, Петербург.

*Граф (1866), військово-морський діяч, мореходець, географ,
адмірал (1855), почесний член (1855) і президент (1864—1881)
Петербурзької АН*

Походив із дворян. Виховувався у приватному пансіоні Є. Мейера. У 1813 р. вступив волонтером на флот. Своє перше кругосвітнє плавання здійснив у 1817—1819 рр. під командуванням В. М. Головніна. У щоденнику, який вів під час плавання, окрім географічних й етнографічних матеріалів, міститься цікава інформація про політичний та економічний стан Північної і Південної Америки, Азорських островів, Камчатки та інших регіонів. За рекомендацією Головніна очолив експедицію, що досліджувала Північний Льодовитий океан (1821—1824). Опис плавання виклав у книзі "Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан... на военном бриге "Новая Земля" в 1821—1824 гг." (Ч. 1—2. СПб., 1828; перевидання. М., 1948).

У 1826—1829 рр. у чині капітан-лейтенанта керував кругосвітнім плаванням кораблів "Сенявин" і "Моллер". Експедиція збрала значні географічні, океанографічні та етнографічні матеріали, згодом вміщені у книзі "Путешествие вокруг света... на военном шлюпе "Сенявин" в 1826—1829 гг." (Ч. 1—3), виданій у 1834—1836 рр.

Література

Алексеев А. И. Ф. П. Литке.
Москва, 1970.

Безобразов В. П. Граф
Ф. П. Литке. СПб., 1888.

Добровольский А. Д. Плавания
Ф. П. Литке. Москва, 1848.

Литке Ф. П. Автобиография //
Записки имп. АН. 1888.
Т. 57, прил. 2.

Протягом 1832—1852 рр. Ф. Літке був вихователем, а згодом попечителем при великому князі Костянтині Миколайовичі, який мав очолити військово-морське відомство Росії. В цей час він зблизився з В. А. Жуковським, листування з яким присвячене головним чином проблемам виховання. У 1846 р. Федір Петрович очолив Морський вчений комітет, а в 1855 р. став також членом Державної ради.

Літке виступив одним з ініціаторів створення Російського географічного товариства, був його першим віце-головою (1845—1850, 1857—1872) і практично керував роботою Товариства. Йому вдалося об'єднати навколо себе багатьох видатних людей свого часу: його кореспондентами були К. Бер, А. Гумбольдт, Г. Гельмерсен, М. Остроградський, В. Даль та ін.

Визнанням заслуг організатора науки стало заснування у 1873 р. Великої золотої медалі РГТ ім. Літке. Його іменем також названі мис, півострів, гора і затока на Новій Землі; острови Північного Льодовитого океану.

У серпні 1847 р. Максимович завершив редагування праць І. Фундуклея і мріяв отримати постійну роботу етнографічного та топографічного характеру при Імператорському Географічному товаристві, дійсним членом якого його обрали того ж року. Про плани вченого дізнаємося з його листа до Ф. П. Літке.

29 августа 1847 г., Киев

Милостивый Государь
Федор Петрович!

Почтеннейшее уведомление Вашего Высокопревосходительства от 9 января сего года за № 58 и при нем первую книжку "Записок" Общества я имел честь получить сего июня 27 дня. Приношу глубокую благодарность за избрание меня в действительные члены Общества и всемерно потщусь оправдать столь лестное для меня внимание. Сообразно с прежними занятиями моими над топографией, и еще более над этнографией здешнего края, я желаю принадлежать к Отделению Этнографии России, и не премину представлять Обществу мои заметки по сей части, а также и заметки топографические. Но как человек, свободный ныне от всех занятий служебных, я истинно готов посвятить себя не этому отрывочному, но постоянному и более обширному труду для Общества; и всего охотнее совершил бы путешествие по разным областям России, для топографических и этнографических наблюдений, если бы для меня открылись к тому какие-либо средства.

Поспешая об этом представить благосклонному усмотрению Вашего Высокопревосходительства, честь имею быть, с совершенным почтением к Вам, Милостивый Государь, Вашим покорным слугою

Михаил Максимович

*Киевская старина. 1898. Т. 63.
Октябрь—декабрь. С. 301—302.*

МАРКЕВИЧ Микола Андрійович

26.I.1804, с. Дунаць Глухівського повіту Чернігівської губ. (нині Глухівський р-н Сумської обл.) — 9.VI.1860, с. Турівка Прилуцького повіту Полтавської губ. (нині Яготинський р-н Київської обл.). Історик, архівіст, етнограф, статистик, музикант, поет

Походив з дворянської родини, коріння якої сягає XVII ст. Козацький рід Маркевичів належав до вищої гетьманської адміністрації. Здобув домашню освіту, яку продовжив (1814—1817) у приватному пансіоні П. Білецького-Носенка під Прилуками. З 1817 р. навчався в пансіоні Головного педагогічного інституту (з 1819 р. — при Петербурзькому університеті), де його приятелями стали Л. Пушкін, С. Соболевський, П. Нащокін, М. Глінка, дружні стосунки з якими вчений підтримував протягом усього життя. Був близьким до діячів декабристського руху, згодом — Кирило-Мефодіївського товариства. У лютому 1820 р. за порадою батька поступив на військову службу юнкером Курляндського полку. Через рік став поручиком, а на початку 1824 р. вийшов у відставку. Повернувшись до родового маєтку, працював над перекладами Байрона і Шіллера, а також розпочав вивчення українського фольклору. Водночас писав "Разсуждение об истории", працю, що стала своєрідним вступом до його численних історичних творів. Тоді ж Маркевич захопився ідеєю упорядкування "Словаря" ("Большой исторический, мифологический, статистический, географический и литературный словарь Российского государства". М., 1836). Перша частина його була опублікована автором за власний кошт тиражем 50 примірників.

Література

- Гайдай Г. О. Т. Г. Шевченко і М. А. Маркевич // Радянське літературознавство. 1960. № 3.
- Глухів і Глухівщина в історії українського національного відродження. Творча спадщина родини Маркевичів: Матеріали конференції / Під ред. Ю. С. Шемшученка. Київ, 1999.
- Грушевський А. Н. А. Маркевич // ЖМНП. 1911. № 1.
- Коваль О. Маркевич Микола // Українські архівісти: Бібліографічний довідник. Вип. 1. Київ, 1999.
- Колесник Є. О. Бібліотека М. А. Маркевича // УІЖ. 1973. № 1.
- Косачевская Е. М. Н. А. Маркевич. Ленинград, 1987.
- Коцур В. П., Коцур А. П. Історіографія історії України. Чернівці, 1999.
- Кравченко В. В. Українська історіографія епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). Харків, 1996.
- Марковський М. Шевченко і Микола Маркевич // Україна. 1925. Кн. 1—2.
- Маркевич М. Історія Малоросії. Київ, 2003.
- Марченко М. І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ, 1959.
- Маслов В. І. М. А. Маркевич. Прилуки, 1929.
- Нерод В. О. Україна в працях істориків Я. М. Маркевича і М. А. Маркевича // Історична спадщина в світлі сучасних досліджень. Київ, 1995.
- Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 3. К-М. Москва, 1994.
- Ульяновський В. І. Незавершені та маловідомі праці М. А. Маркевича // Рукописна та книжкова спадщина України. Вип. 2. Київ, 1994.
- Щапов Я. Н. Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Москва, 1959.
- Яременко В. Микола Маркевич і його спадщина // Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиан. Киев, 1991.

У 1829 р. Маркевич залишає маєток і переїздить до Москви, де завершує роботу над збіркою віршів із символічною назвою "Украинские мелодии", що відіграла помітну роль у формуванні українських романтичних жанрів. Протягом року поет жив у Москві, часто буваючи у товаристві О. Пушкіна, М. Язикова, І. Кіреєвського та своїх друзів по пансіону — Соболевського та Нацокіна. Його відвідували брати Полєві, Ф. Глінка. Саме тоді, очевидно, й відбулося знайомство з М. Максимовичем.

У 1830 р. Микола Андрійович повернувся в Україну і більше не покидав її надовго до кінця життя. Влітку 1838 р. Маркевич вирішив написати "Історію Малоросії". Цьому передували значна підготовча робота, збір матеріалів, а також консультації зі знавцями українських старожитностей. В одному зі своїх листів Михайло Олександрович пропонує йому розпочати ґрунтовне вивчення історії України. "...Кто же исследует и представит нам в живой, полной картине минувшую жизнь Прилуцкой Украины, как не тот историк-поэт, который некогда напевал нам в своих "Мелодиях":

Удай, Удай, мне родной
Я люблю тебя, я твой"

(Максимович М. А. Соч. Киев, 1876. Т. 1. С. 325).

У грудні 1839 р. Маркевич часто зустрічався з Максимовичем, який не лише схвально поставився до його історичних задумів, а й надав велику кількість рукописів і книг.

"Історія Малоросії" (Т. 1—5, 1842—1843) стала основним історичним твором Маркевича. Автор використав у ньому друковані й рукописні праці попередників та документи із власного зібрання. Три останні томи містять документальні додатки, пояснення, описи джерел, списки полків, сотень, генеральної української старшини, вищого духовенства, різні хронологічні таблиці. І сьогодні праця вченого не втратила своєї цінності. Максимович неодноразово підкреслював першість і заслуги Маркевича, його пріоритет в оприлюдненні важливих джерел з історії України задовго до їх публікації. Крім "Історії русов" вчений ввів до наукового обігу низку документів, що мали першорядне значення для висвітлення подій Хмельниччини та пізнішого часу. Останній розділ "Історії Малоросії" Маркевича присвячений подіям Коліївщини. Дослідник дістав заборонене цензурою "Сказание о Колиивщине" М. Максимовича у квітні 1841 р. і включив його з додатками до своєї книги, поінформувавши читача у примітках до основного тексту праці: "За этот отрывок обязан я Мих. Ал. Максимовичу..."

Микола Андрійович досліджував народну творчість, запитував народні вірування та прикмети, опублікував етнографічну працю "Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиан" (1860). Підготував до друку літери А, Б, В українсько-російського словника, що залишився у рукопису.

Творчість Маркевича високо цінував Т. Г. Шевченко. Його "Історію Малоросії" поет використав під час роботи над "Гайдамаками" та "Живописной Украиной". Про своє життя, коло спілкування, дружбу з Т. Шевченком, зустрічі з В. Жуковським, О. Пушкіним, Є. Баратинським, К. Рилєєвим, В. Кюхельбекером вчений писав у щоденнику, що нині зберігається в Інституті Російської літератури Російської АН (Пушкінський дім). Зібрана дослідником велика колекція документів з історії України XVII—XVIII ст. зберігається в Російській державній бібліотеці (Москва).

Смерть М. А. Маркевича в 1860 р. глибоко засмутила Максимовича. У листі до Т. Г. Шевченка він писав: "Хорошо бы известить о нем в "Основе" да при этом припечатать Ваше послание к нему, не вошедшее в "Кобзарь", "Бандуристе, орле сизий".

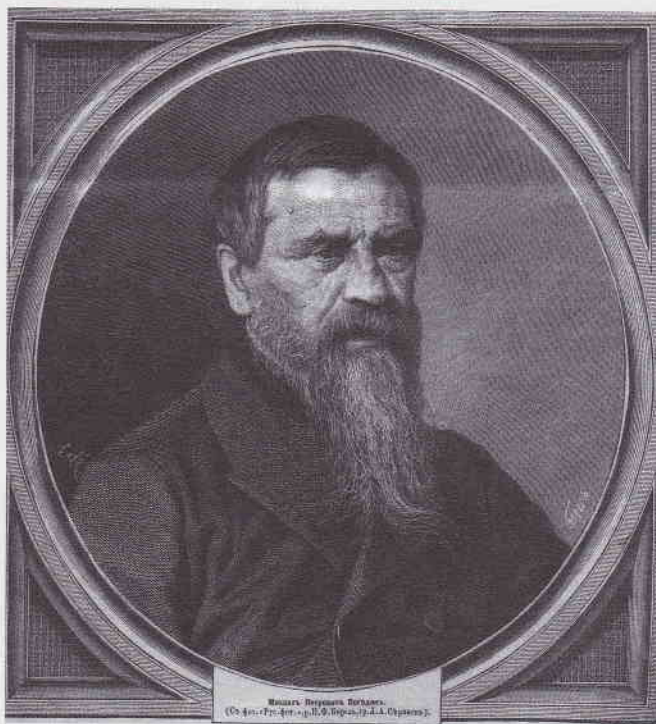
27 апреля 1841 г., Киев

Панови Маркевичу. По желанию Вашему, любезнейший Николай Андреевич, я препровождаю для Вас сие сказание с покорнейшею просьбою возвратить его мне в июле сего года, ибо се единственный у меня экземпляр "Сказания", а он к сказанному сроку мне понадобится.

М. Максимович

Фрагмент карти учебных округів европейської частини Російської імперії. 1834 р.

ПОГОДИН Михайло Петрович

*11.XI.1800, Москва — 8.XII.1875, Москва. Историк,
археолог, літератор, журналіст, видавець*

Батько був кріпаком, який у 1806 р. дістав волю. Початкову освіту здобув удома, захопившись читанням. Одинадцятирічного хлопця батьки віддали в пансіон типографа Решетнікова. Окупацію Москви французами сім'я пережила в Суздалі та Володимирі, позбувшись значної частини свого майна. Саме з патріотичною атмосферою 1812 р. пов'язане виникнення інтересу майбутнього вченого до російської історії, який згодом закріпило знайомство з "Историей государства Российского" М. Карамзіна. З лютого 1814 р. навчався в Московській губернській гімназії, а в 1818 р. поступив на словесне відділення Московського університету. Серед викладачів найбільший вплив на юнака мали Р. Тимківський, І. Гейм й особливо О. Мерзляков. Протягом 1819—1827 рр. був домашнім учителем у родині князя Трубецького. Літне перебування в маєтку князя вплинуло на формування світогляду майбутнього історика і стало протиположним впливам московських професорів. Під час навчання в університеті син колишнього кріпака виділявся старанністю й наполегливістю, убачаючи в університетській кар'єрі можливість соціального самоствердження. Закінчив навчання Погодін у 1812 р. кандидатом (за твір "Опыт рассуждения о пользе, источниках и нынешнем состоянии статистики" отримав золоту медаль), викладав географію в Московському університетському благородному пансіоні. Гердерівський погляд на географію як початок всесвітньої історії визначив ракурс зацікавлень молодого викладача,

зафіксований у творі "Мысли как писать историю географии" (1827).

Дружба з Тютчевим (університетським товаришем) сприяла зближенню з його літературним наставником С. Раїчем, який запросив Погодіна у грудні 1822 р. до свого товариства. Там він познайомився з московською літературною молоддю — С. Шевирьовим, В. Одоєвським, В. Тітовим, вивчав мови, робив численні переклади. Але найголовнішим інтересом ученого була історія. В березні 1825 р. Погодін захистив магістерську дисертацію "О происхождении Руси", в якій обстоював норманську теорію походження давньоруської держави і став її головним поборником у російській історіографії протягом кількох наступних десятиліть. Після від'їзду С. Раїча і припинення існування його товариства Погодін наприкінці 1825 р. заснував власний альманах "Урания". Заприятелював з Д. Веневітовим (через спільне захоплення Гете), а через нього познайомився з О. Пушкіним (1826). На початку 30-х років співробітничав з альманахами Надеждіна "Молва" і "Телескоп", поміщав у них свої замітки, нариси та повісті.

З 1825 р. читав всесвітню історію для першокурсників Московського університету. Ад'юнкт кафедри загальної історії (1828), ординарний професор (1833), академік Петербурзької АН (1841). Деякий час перебував під впливом німецького історика Шльоцера, мав намір вивчати виключно теорію історії. Найбільш повно означені теоретичні концепції дослідника були оприлюднені в його "Истории афоризмов" (М., 1836). Уявлення про особливий характер російської історії, в порівнянні з європейською історією, викладені в лекції "Взгляд на Российскую историю" (1833), прочитаній у присутності Міністра народної освіти гр. С. Уварова і цілковито ним схвалений. Прийняття православ'я і добровільне запрошення варягів, за Погодіним, визначили специфічний характер ставлення верховної влади до нації. У душі романтичної філософії історії усвідомлення цих своєрідних рис він уважав запорукою самостійного розвитку і громадського спокою. Ця історико-політична концепція реалізовувалась через університетський курс російської історії, який він почав читати у 1829 р. У 1836 р. Погодін очолив кафедру російської історії. Вектор історичних занять визначався принциповою полемікою з представниками "скептичної" школи (давній науковий антагонізм з лідером "скептиків" М. Т. Каченовським ускладнювався особистою неприязню).

Як секретар "Общества Истории и Древностей Российских" (обраний 12 грудня 1836 р.) видавав "Русский исторический сборник" (1837—1842), на сторінках якого вів жваву полеміку, опублікував важливу в теоретичному плані статтю "О местничестве". Прагнучи поєднати просвітницькі та комерційні цілі, приватним чином видав 20 книг "Всеобщей исторической библиотеки", збірку перекладів історичних творів, мріяв відкрити книжкову лавку. Хоча історичні заняття віддаляли вченого від журналістської діяльності, у 1835 р. він активно сприяв появі журналу "Московский наблюдатель".

Реалізувавши свою мрію, Погодін у 1836 р. купив будинок на Дівочому полі, в якому прожив решту днів і який став незмінним атрибутом московського літературного і наукового життя. На початку 30-х років заснував приватний пансіон для вступників до університету, який став основним джерелом його прибутків (у зв'язку з заборонаю у 1834 р. викладачам тримати пансіони мав намір навіть залишити університет). Важлива складова історико-політичної концепції Погодіна — уявлення про загальнослов'янські корені російської історії

Література

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 21 т. СПб., 1888—1907.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. Москва, 1855. Ч. II.

Майков Л. Н. Погодин в последние годы своего профессорства // Русский Вестник. 1893. № 7.

Павленко Н. И. Михаил Погодин. Москва, 2003.

Петров Ф. А. М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. Москва, 1995.

Погодин Михаил Петрович // Историки России. Биографии / Сост. и ред. А. А. Чернобаев. Москва, 2001.

Погодин М. П. Школьные воспоминания // Вестник Европы. 1868. Кн. 8.

Погодин М. П. Письма к М. А. Максимовичу. СПб., 1882.

Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4. М — П. Москва, 1999.

Русский биографический словарь: В 20 т. Москва, 2001. Т. 12.

Самарин Ю. Ф. Погодин как профессор // Русь. 1880. № 1.

Смирнов М. П. Воспоминания о Погодине // Исторический вестник. СПб., 1885. Т. 20.

і культури, визначила його співчуття ідеям загальнослов'янського відродження та формування панславистських поглядів. Здійснив ряд поїздок до країн Західної Європи, зокрема Німеччини (1835), побував у Празі та Відні, зустрічався з В. Ганкою, П. Шафариком, В. Караджичем. Видав "Славянские древности" Шафарика, перекладені О. Бодяньським (Т. 1—2. М., 1837—1838), переклав твір Я. Коллара "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" (Отечественные записки. 1840. № 1—2). Намітив програму слов'янського культурно-мовного єднання, доповнивши її політичними моментами — пропонував об'єднати всіх слов'ян під скіпетром російського царя.

Після чергової закордонної подорожі (1839) вирішив видавати москвофільський журнал "Москвитянин", у якому виступив з програмною статтею "Петр Великий" (1841. № 1). У 1844 р. після відходу від журналу Шевирьова, смерті дружини та важкого перелому ноги Погодін вирішив передати редакторство І. Киреевському. Полеміка з московськими слов'янофілами і стримана оцінка ними статті "За Русскую старину" (Москвитянин. 1845. № 3), якій Михайло Петрович відводив роль маніфесту в боротьбі із західниками, призвела до взаємного охолодження стосунків і рішучого усунення слов'янофілів від "Москвитянина" (після повернення Погодіна до журналу). Особисті негаразди, відчуження слов'янофілів і, нарешті, розрив з університетом, унаслідок конфліктів з університетським керівництвом (1844), стали причиною глибокої депресії, що змусила вченого залишити також посаду секретаря "Общества Истории и Древностей Российских" у лютому 1844 р.

Підтримував дружні стосунки з М. Гоголем. Привозив письменника до Москви, де він жив у будинку Погодіна, допомагав йому матеріально, дещо афішуючи свій патронаж і турботу.

Життєві та літературні негаразди лише підсилювали бажання Погодіна цілковито присвятити своє життя написанню повної російської історії, для якої він упродовж десятків років збирав необхідні матеріали. У 1844 р. вчений залишив університет і зосередився на виданні своїх історичних праць. Це, зокрема, збірка концептуальних статей 1828—1845 рр. "Историко-критические очерки" (М., 1846; Кн. 2-у складала аналітичні статті, написані в 1847—1863 рр. М., 1867) і три томи "Исследований, занятый и лекций о русской истории" (М., 1846), в яких, прагнучи показати органічний зв'язок давньоруської і загальнослов'янської історії, об'єднав дослідження про джерела та норманський період російської історії з переказом дослідження Шафарика про слов'ян. Рецензія К. Каверіна на них активізувала полеміку між Погодіним і новим поколінням істориків — його колишніх учнів. Протягом 50-х років учений видав чергові томи "Исследований...", присвячених удільному періоду (Т. 4, 1850; т. 6, 1855; т. 7, 1856; т. 5, 1857; всі — Москва).

Важливою складовою різнопланової наукової діяльності вченого було комплектування його "Древнехранилища" — унікального зібрання стародавніх книг і рукописів, що включало також предмети церковної старовини, монети, лубкові картини, прикраси тощо. За матеріалами свого зібрання друкував просвітницько-комерційні видання: "Исторический русский календарь на 1837" (М., 1837), "Образцы славянорусского древнеписания" (зошит 1—2. М., 1840—1841), "Русский исторический альбом 1853" (М., 1853). Після невдалих спроб дістати кошти на утримання своєї колекції та спорудження для неї кам'яного будинку Погодін у 1852 р. продав "Древнехранилище"

імператорській Публічній бібліотеці за 150 тис. рублів сріблом (з виплатою протягом 10 років).

Громадсько-публіцистична діяльність Погодіна протягом 50—60-х років була надзвичайно інтенсивною: подавав численні "Записки" з найрізноманітніших питань внутрішньої і зовнішньої політики, організовував урочисті обіди для героїв Кримської війни, виголошував урочисті промови, що увійшли до виданого пізніше збірника "Речи, произнесенные Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830—1872" (М., 1872). Новий період громадської активності вченого пов'язаний з політичними подіями початку 60-х років: звільнення селян від кріпосної залежності та польськими рухами 1861—1863 рр.

Всі спроби відомого історика повернутися на державну службу з 40-х років зазнавали невдач, але вірний романтичним ідеалам 30-х років він намагався сформулювати російську національну державну ідеологію в душі власних історико-політичних теорій. Не знайшли підтримки його підсумкові, узагальнюючі історичні праці "Норманский период русской истории" (М. 1859), "Древняя русская история до монгольского ига" (Т. 1—2. М., 1871). Принципове значення для Погодіна-історика мали захист норманської теорії походження Русі (полеміка з Костомаровим); полеміка з українофілами щодо давньоруської мови, яку він вважав ближчою до церковнослов'янської (дискусії з І. Срезневським і М. Максимовичем); й особливо — обстоювання "серединної" позиції щодо оцінки діяльності Петра I. Ряд праць історик присвятив діячам Олександрівської епохи. Найцікавіша з них — фундаментальне дослідження, що канонізує постать Карамзіна як першого російського національного історика — "Н. М. Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии" (Ч. 1—2. М., 1866). Значний інтерес викликає також "Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия (Борисова)" (М., 1867).

Михайло Олександрович Максимович належав до кола найближчих друзів Погодіна (лише Шевирьов був ближчим до нього), хоча їхні стосунки мали свої особливості. Шевирьов, як і Погодін, знаходився в Москві, Максимович проживав переважно у невеличкому маєтку Михайлова Гора, поблизу Золотоноші на Полтавщині, інколи зимуючи в Києві, ще рідше відвідуючи Москву. Єдиним джерелом, за допомогою якого можна простежити стосунки обох учених, є листи. І хоча Михайло Олександрович не належав до числа пунктуальних кореспондентів, листів Максимовича і Погодіна досить, щоб оцінити характер їхніх стосунків.

Максимович був молодшим за Погодіна на чотири роки. Вони познайомилися в 1820 р. на похоронах дядька Михайла Олександровича — Романа Федоровича Тимківського, який викладав у Московському університеті латинську словесність. З того часу протягом піввіку вони жили, за словами Погодіна, "душа в душу". Суперечки, що переростали у затяжну полеміку між ученими, існували, але це не впливало на характер особистих стосунків. Вони розходилися в поглядах на походження української мови, крім того, київський професор не поділяв норманської теорії походження давньоруської держави. У цьому зв'язку слід вказати на ще одну особливість характеру Погодіна: його наукові суперечки з колегами згубно впливали на їхні особисті стосунки. Згодом наукові опоненти ставали особистими ворогами, як це було у випадках з Каченовським, Полевим, Соловйовим, Іловайським і частково Костомаровим. З Максимовичем цієї метаморфози не сталося — до кінця

днів між ними зберігалася дружба. Більше того, в останні десятиліття життя Погодіна (вже після смерті Шевирьова) Максимович залишився для нього єдиним товаришем. У полемічних статтях перший ректор Київського університету проявляв твердість і послідовність поглядів, не піддаючись тискові авторитету московського вченого, але при цьому він не дозволяв собі жодного грубого випадку чи образливого слова (як це нерідко траплялося з його опонентом). І якщо різниця характерів та наукових поглядів не позначилася на стосунках двох професорів, попри імпульсивний характер Погодіна і його прагнення нав'язати опоненту свої погляди, то лише завдяки тонкому гуморові та делікатному спілкуванню "старого українця" (як він сам себе називав). Далеко не всі взаємні прохання і зобов'язання виконувалися, особливо Максимовичем. Причиною тому був стан його здоров'я: хвороба не давала можливості не лише виконувати прохання друга, а й навіть своєчасно відповідати на листи.

14 марта 1866 г. [Михайлова Гора]

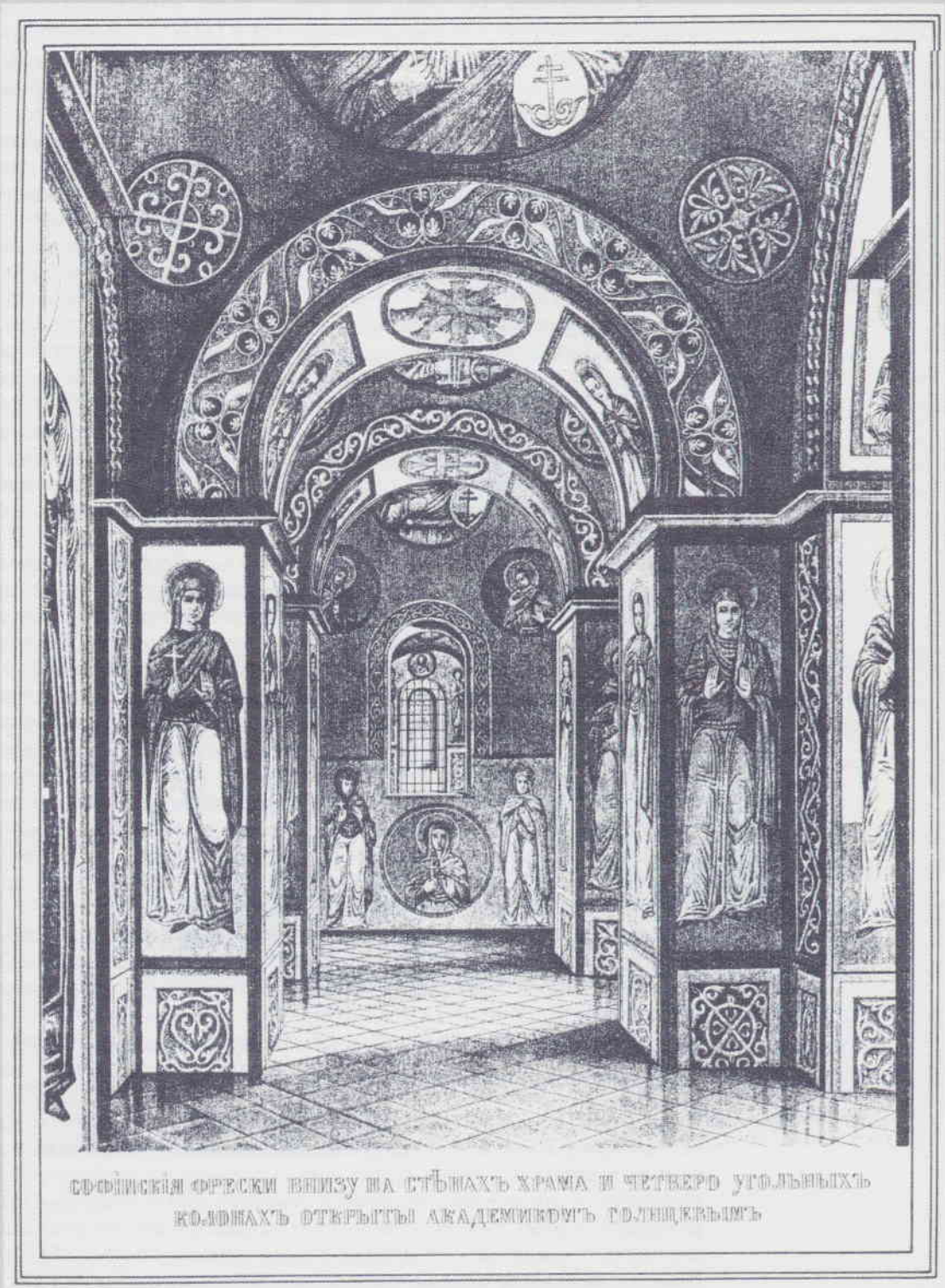
СТАРОМУ ТОВАРИЦУ!

Тебя влечет еще стремленье
Всемирной суеты,
Широкошумное движенье,
Как прежде, любишь ты;
Тебя еще не притомила
Житейская печаль,
И ты готов, товарищ милый,
Еще стремиться вдаль...

А я, свернув с большой дороги,
Отшельником уж стал;
И унялись в душе тревоги,
Которыми страдал;
Воспоминанием богатый,
О мире я забыл,
И в тишине убогой хаты
Творца благословил.

15 января 1868 г., Михайлова Гора

...Какой дорогой подарок для Киева сделан в Москве к новому 1868 году! Я говорю об "Описании Киева", вновь обработанном Николаем Закревским. Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивения на издание этой обширной книги! Хвала трудолюбивому уроженцу киевскому, так усердно и долго работавшему над описанием древней матери городов русских! Полнотою содержания оно превосходит все бывшие доселе описания и обозрения Киева: это, можно сказать, запасный магазин всяких известий, сведений, мнений и соображений, древних и новых, о богохранимом граде.

СОФІЙСЬКІЯ ФРЕСКИ ВНИЗУ НА СТЬОПАХЪ ХРАМА И ЧЕТВЕРО УГОЛЬНЫХЪ КОЛОННАХЪ ОТКРЫТЫ АКАДЕМИКОМЪ ГОЛЦЕВЫМЪ

Інтер'єр Софії Київської.

Ілюстрація до книги І. Фундукля "Обозрение Киева в отношении к древностям" (К., 1847), редактованої М. Максимовичем

В последние два года ты желал моих замечаний о разных киевских местах: и я уже сообщил тебе малую толику (от *Китаевского Городища*, в нем же я вижу древний *Пересечен*, и до *Юркова потока*, в нем же казалась мне древняя речка *Сетомль*). Вот и новый к тому повод: предлагай мне вопросы обо всем, что тебя озадачит в книге Закревского, и я охотно буду писать ответы, привыкнув издавна сообщать тебе приватно и печатно мои заметки об исторических местностях Киева и всей Украины. Я и теперь, как видишь, начинаю снова писать тебе мои примечания и воспоминания о Киеве... На первый раз — беру Фундуклеево "Обозрение Киева", на которое и ты ссылался в своих "Исследованиях".

Незабвенный для Киева Иван Иванович Фундуклей, будучи гражданским губернатором, оказал важную услугу исторической науке — изданием трех знаменитых книг о Киеве и Киевской губернии. На эти книги ссылаются все, как на книги *Фундуклеевы*; да и нельзя иначе: они *изданы* от его имени; они составились по его мысли, при его участии и содействии, и без него — их не было бы. Глядя на них, он может сказать словами давнего воеводы киевского Ходкевича: "Не пощадех от благодарованных ми сокровищ на сие дело дати!"

Первую из тех книг, "Обозрение Киева", Закревский присволяет *Журавскому*. "Это краткое, но тщательное сочинение г. Журавского составляет очень полезный и приятный труд", — говорит он в источниках (с. 908). В другом месте он говорит анониму: "Заметим автору, что "Обозрение Киева" в отношении древностей сочинено г. Журавским" (с. 343). В третьем месте: "Г. Журавский, как видно из его, впрочем весьма добросовестного, сочинения, не посвящал себя исключительно изучению киевских древностей" (с. 407). Да и по всей книге Закревского: *Журавский пишет... Журавский замечает... Журавский общается...* и т. п. А покойный Журавский неповинен в обозрении Киева — ни мыслию, ни словом, ни строчкою, ни точкою; и г. Закревский испестрил свою книгу его именем — понапрасну! Журавский был специалист в статистике, и потрудился в третьей книге Фундуклеевой, в "Статистическом описании Киевской губернии". Но и в той книге — вся историческая часть о Киевской губернии и ее городах была изготовлена еще до появления Журавского в Киеве.

Чтобы поправить ошибку Закревского, так невольно огласившего неведомое для него производство тех книг, я должен сказать тебе, как оно было на самом деле.

По части киевских древностей, рабочим человеком, у И. И. Фундуклея был *Семен Крыжановский*, тот самый, о котором говорится и в "Описании Киева", по его статьям о киевских мозаиках и софийских фресках (см. на с. 778 и 910). Закревский замечает о нем: "Жаль только, что у автора видна склонность блеснуть ученостью, не всегда к делу подходящею". Почему же бы и не блеснуть иногда ученостью тому, кто окончил курс наук в Академии Киевской; в сороковых годах постоянно копался в софийской библиотеке и тамошнем архиве; а впоследствии работал в новосоставленном центральном архиве киевском?.. Но покойный Семен Крыжановский был смиренный труженик, один из тех, которым не раз приходится повторять с Иовом: "Не искушение ли житие человеку на земли, и якоже наемника повседневного жизнь его!" *Добросовестно и тщательно* работал он года два или три над "Обозрением Киева". Наконец, в 1847 году,

когда и транспорт с рисунками для "Обозрения" был уже на пути из Парижа, вызвали и меня в Киев.

Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши в Броварах, я рано утром приехал к Днепру. Он был тогда в полном разливе; а на поромах переправляли целую дивизию, и мне приходилось дожидаться до следующего дня. Но тогда известный своею книжкою козак *Осьмак*, содержатель перевоза, и товарищ его *Скок*, поспешали в Киев на торги, и предложили мне оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться с ними. Солнце светило ярко, но ветер был сильный, и волны на Днестре клубились *барашками*; а лодка была крошечная, *гушегубка*... Кое-как уселся я в ней сам-третий, между двух козаков. Жутко было мне, пока отплывали от берега. "Он глотает людей, как мух", — говорит Гоголь о взволновавшемся Днестре. Но когда мы уже очутились над самою глубиною Днестра, мне стало необычайно легко и беспечно. Живо мне тогда воображались и твои Варяги, и мои Запорожцы, некогда сновавшие по здешним волнам. А эти горы — ненаглядные, святые киевские горы!..

Того же дня мне вручено было "Обозрение Киева", с тем, чтобы напечатать его в два месяца, к царскому приезду; и я охотно взялся за это дело. Печатаю готовый текст "Обозрения", кое-где поправленный рукою Ивана Ивановича, я написал передовой "Очерк Киева" и пополнил "Примечания" из материалов, приготовленных для третьей книги моего "Киевлянина". Туда вошли: мои выписки трех записей из Никольского евангелия 1411 года; лист князя К. К. Острожского на гору Щекавицу, сообщенный мне покойным Д. Зубрицким еще в 1841 году, и прочая... К половине июля, к Владимирову дню, "Обозрение Киева" было совсем готово, в великолепных переплетах работы Штробиндера... Вот тебе и *Журавский*!

16 января 1868 г., Михайлова Гора

Вчера я описал тебе 15-е мая, в которое поспешал я — *на перевоз, на Киев*. Мне памятно еще одно 15-е мая, над Москвой-рекой, когда мы с тобою — помнишь, в 1850 году — поспешали в Симонов. В тот день был у Мельхиседека *обед силен*, ради дорогого гостя его, возвращавшегося из Петербурга в Одессу. И как доволен был тогда Иннокентий, что наконец вырвался из Петербурга! Тогда, между прочим, он сказал нам наедине: "*novus ordo* зачинается в мире" — и это было последнее изречение, слышанное мною из уст его... я видел его тогда уже в последний раз!

В Киеве был я провожатым к Иннокентию, в Братский монастырь — тебе, и Надеждину, и Жуковскому, и другим, из которых ты один уже остался на этом *вольном свету*... Тебе и посвящаю мои воспоминания о *Иннокентии Киевском*.

Я увидел его в первый раз 15-го июля 1834 года, на торжественном открытии университета св. Владимира. В качестве новоприезжего из Москвы ректора, сидел я у кафедры, с которой звучала латинская речь профессора Якубовича *De pulchro Platonico*; а сидевший возле меня граф Протасов нашептывал мне изредка свои замечания о ней, чем доказывалось, что латинский язык ему известен. С любопытством глядел я на многочисленную, парадную публику, из четырех губерний собранную. Во главе ее был митрополит Евгений, благословивший открытие нового всеучилища.

ЧЕРТЕЖЪ СТАРАГО КІЕВА

сѣверной части.

Во Первоначальной или Австровеи Частей:

- 1 Мѣсто нынѣшней Ц. Анны Пурровской, 1744 г.
- 2 Мѣсто нынѣшней на Днѣпрѣ Пурровской, 1708 г.
- 3 Мѣсто нынѣшней Давидовской, 1729 г.
- 4 Мѣсто нынѣшней Первосвятительской М. св. Софійи, около 1757 г. св. монастырская.
- 5 Мѣсто нынѣшней Марии, 1768 г. св. монастырская.
- 6 Мѣсто нынѣшней св. Давида, 1772 г.
- 7 Дрѣвянный нынѣшней Маріи.
- 8 Плотинъ въ Днѣпрѣ Маріи.
- 9 Стѣна Пурровской.
- 10 Стѣна Пурровской нынѣшней.

Во Михайловской Частей:

- 11 Мѣсто нынѣшней Михайла, 1729 г. св. монастырская.
- 12 Мѣсто нынѣшней монастырской св. Дмитрія, 1735 г. св. монастырская.
- 13 Мѣсто нынѣшней монастырской св. Богородицы, 1731 г.

Во Копыревской Частей:

- 14 Мѣсто нынѣшней около 1731 г. св. монастырская.

(Во Сѣверной Частей нынѣшней Мѣсто св. Троицкой, св. Фридрихской, св. Любомирской.)

Во Михайловской Частей 2000 Саженъ.

Карта давнього Києва, вміщена в альманасі М. Максимовича "Києвлянин". 1840 р.

Как он прекрасен был в своей величавой простоте! Об руку с ним красовался ближайший друг его в Киеве, престарелый герой *двенадцатого* года, фельдмаршал Сакен. Им обоим подносил я дипломы на звание первых почетных членов новорожденного университета. Но меня особенно занимал отдельный ряд духовных лиц: мне хотелось угадать в нем знаменитого ректора академии... и я угадал его! По окончании акта я успел подойти к нему; и его первое, теплое слово мне и рукожатье были залогом той приязни, которую скрашена была моя семилетняя служебная жизнь в Киеве. Особенно в первый год, когда, после разлуки с моими московскими друзьями и товарищами, одолевала меня сильная тоска, в моем здешнем университетском одиночестве, сдружение с Иннокентием было благотворною опорой для души моей. Незабвенны мне тогдашние его беседы со мною по вечерам; и его длинная келия в Братском монастыре, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь из нее в небольшой сад, отделенный от мира каменной стеною и ушпигованный (по выражению Гоголя) устремленными к небу тополями. Сколько раз я приходил туда истомленный служебными делами, кипевшими тогда под барабанною скороспешностью фон Брадке: и каждый раз возвращался оттуда освеженный душою и мыслию!..

И довелось мне после того лет через двадцать быть в том саду, среди учеников Иннокентия, собравшихся к отцу ректору Антонию на чай, в храмовой день Святого Духа. Только что собрались, приносят телеграфическое известие из Одессы, что вчера, в Троицын день, преосвященный Иннокентий скончался. Все были поражены, как будто внезапный удар грома упал перед нами. И как грустно-тяжело было мне в следующий день слышать панихидное соборное пение о нем, в Богоявленской церкви, где некогда слышалось его живое, поучительное слово!..

Щекавиця — місце поховання князя Олега. Кінець 1840-х років. Худ. М. Сажин

“По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного, чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самые полные, самые искренние Записки не имеют в себе того выражения истинной жизни, какими дышат и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере на ту минуту, проговаривающей рукою... Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее”. Повторяя эти слова князя Вяземского, из его драгоценных страниц “О письмах Карамзина”, буду продолжать тебе мои воспоминания об Иннокентие отрывками из его небольших писем ко мне, донныне у меня сохранившихся — к сожалению, не вполне, ибо немало их роздал я разным лицам желавшим иметь у себя на память его рукописание.

29 января 1868 г., Михайлова Гора

...Ой, изгадай, друже милый,
 Як зо мною ты гуляв
 На Скавице, да шукав
 Вещого могилы!..
 Мы чужих могил шукаем,
 А могила знайде нас.
 Коли ж прийде смертний час,
 Того не вгадаем!

Так писал я отсюда нашему киево-подольскому приятелю, который *утер пота* над старописьменными памятниками Юго-Западной России, да и в могильной порошне покопался изрядно. С ним однажды, помнится в 1856 году, ездил я на Щековицу, чтобы посмотреть вдвоем: где могла быть там могила *Вещего Олега*? И встретился нам, среди несметного множества могил позднейшего времени, презанимательный жилец соседнего удоля. Он привел нас к площадке на *северовосточной* стороне горы, и сказал: “Тут была могила Олега!”, — сказал с уверенностью, живо мне напомнившего покойного Кондратия Андреевича Лохвицкого. Что же это указание любопытного киянина: местное предание, или недавняя выдумка? Скорей, выдумка, но об которой можно сказать великорусскою пословицей: “догадка лучше разума”; ибо никто из ученых киевоописателей не указал еще нам лучшего и вероятнейшего места для Олеговой могилы на Щековице.

В так называемых *местных преданиях* нередко повторяются только позднейшие мнения и догадки грамотных людей; но иногда в них отзывается и глубокая древность, особенно в местных именах. Например, тот отрог Старокиевской горы, который высится над Гончарами и Кожемяками с *западной* их стороны, зовется *Дитинцем*. Это имя не записано нигде; но оно, очевидно, ведется тут издревле, и показывает собою, что для жителей Кожемяцкой дебри — тем отрогом горы начинался *детинец* “великого града Киева”, заложенного Ярославом в 1037 году. Пропущенное в летописании словцо донныне хранится в устах и памяти местных жителей.

Но возвратимся на Щековицу или Скавику, на которой однако мы с тобою не были, кажется, обозревая Киев в 1835 году. А у меня она — как будто перед очами. Я был на ней в июне прошлого года — и знаешь ли с кем? С нашим заслуженным старейшиною, Дмитрием Матвеевичем Перевошиковым, который был уже гимназическим учителем, когда я гулял еще пятилетним хлопцем.

Там, на Скавике, у самой церкви Всех Святых, погребен и мой прадед, блаженной памяти, Иван Леонтьевич Максимович, бунчуковый товарищ. В 1787 году был он в числе уездных предводителей киевского наместничества, провожавших Екатерину Вторую по Днепру, от Киева до Кременчука... Да почует прах его с миром!

В "Описании Киева" Закревского, на с. 882-й, сказано: «Г. Журавский, в обозрении Киева, пишет следующее: "В начале 17-го века, Щековица составляла уже достояние коронное; и когда Днепр начал вторгаться опять в средину Подола, и сильными наводнениями беспокоить жителей, то король Сигизмунд III, для распространения города, дал гражданам киевским на эту гору привилегию 15 февраля 1619 года". Но, к сожалению, мы нигде не встречали этой грамоты; к тому же автор не сказал, где ее видеть можно».

Сожаление не напрасное: то грамота не маловажная — и по данному ею праву, и по названным в ней урочищам, особенно по *Юркову ставку*, еще бывшему в начале 17-го столетия, но иссякшему к началу 18-го, когда из той долины протекал уже только *Юрков поток*... Скажу для тебя, что весною 1701 года, при многолюдной громаде киян, под горою Скавикою, читали и слушали ту грамоту генеральные старшины — Кочубей, Скоропадский, Гамалея и Савич, приезжавшие из Батурина в Киев, по повелению гетмана Мазепы, рассудить и помирить киевского войта с игуменом Кирилловского монастыря... А видеть ту грамоту можно всякому — в *Сборнике Муханова*, 1866 года, на страницах 449—451. А взята она — из старописьменной книги киевских актов, которую я сообщил Павлу Александровичу, в проезд его через Киев в 1835 году, и которая обстоятельно описана им в прежнем его "Сборнике", 1836 года (См. *Примечание* к № 91, в обоих Сборниках). Закревский, в своем обширном "Описании Киева", перечисляет 119 источников, между которыми есть мельчайшие и совсем пустые; а между тем он упустил из виду двукратно изданный "Сборник" Муханова, в котором прежде чем где-либо напечатаны весьма важные грамоты города Киева.

Что же касается до могилы Вещего Олега, то на двух первых планах древнего Киева, новоначертанных Закревским, означены: *Щековица* сама по себе, и особо от неё *Ольгова могила*. Признаюсь, я не вижу основания для такого их разлучения, и нахожу оное напрасным. У Нестора сказано об Олеге: "И погребоша и на горе, иже глаголется *Щековица*; есть же могила его до сего дни, слово *могила Ольгова*". Из дальнейшей Киевской летописи видно, что ту гору кияне называли и *Щековицею*, и *Ольговою могилою* и просто *Ольговою*, подобно тому как называли: *Увоз Боричев*, и просто *Боричев*, и проч.

До следующего письма!

3 февраля 1868 г., Михайлова Гора

Посмотрим на ближайшую к Щековице гору Киселевку, на которой некогда стоял Киевский замок, а лет за десять устроено там кладбище Флоровского женского монастыря с красивою церковью во имя св. Троицы.

Закревский, в нынешнем "Описании Киева", говорит следующее: "По неизвестному нам источнику, или по догадке, г. Журавский (т. е. Крыжановский) сообщает, что на месте бывшего замка киевляне долго заседали свои огороды и баштаны. Сколько мы припомним с 1812-го по 1830-й год, поверхность Уздыхальницы и Киселевки была решительно ничем не занята; около 1816 года изредка, летом, Киселевка служила сборным местом для кулачного боя; но полиция вскоре прекратила это наслаждение рабочего люда" (с. 372).

В прежнем своем "Описании Киева", изданном 1858 года, Закревский говорил: "Впрочем, после приведенных выше свидетельств, я почитаю мнение Максимовича, что Киевский замок находился на горе Киселевке, вероятнейшим пред другими" (с. 135).

Действительно, означенное помещение замка определено было моим соображением, в "Киевлянине" 1840 года. Но когда в следующем 1841 году покойный барон Шодуар сообщил мне неизвестную дотоле стародавнюю "Ревизию" Киевского замка, — когда в 1844 году обнародована была в книге Zrzódla такая же "Ревизия", составленная в половине 16-го века: тогда помещение замка на горе Киселевке стало уже не моим личным мнением, более или менее вероятным, но положительным и достоверным свидетельством современников.

Между тем Закревский и в нынешнем "Описании" своем говорит: "Приведем наконец третье мнение, выраженное М. А. Максимовичем, и которое для известных наших писателей служило доселе авторитетом". И далее: "Г. Журавский в своем "Обозрении Киева" еще более развил это мнение, и оно получило кажущийся авторитет". И наконец: "Итак, после всего того, что мы о Киевском замке разыскали, с мнением М. А. Максимовича невозможно согласиться" (с. 369—371). Вот какая перемена сталась после моих недавних "Археологических записок о Киеве".

Вид Києва. З лубкової картини XVIII ст., що належала М. Максимовичу

Но что же нового *разыскал* Закревский о Киевском замке? Не разыскал ничего, а выдумал много! Главная выдумка та, что на своих новоначертанных планах прежнего Киева, *три отдельные горы* — Киселевку, Клинец и Вздыхальницу — он сдвинул в *одну нераздельную гору*, оставляя их в таком виде даже до 1715 года (с. 400). Говорите же после этого, что "гора с горою не сходится"! Задавшись своею мыслию о слиянии тех трех гор в одну, Закревский повел длинную против меня полемику, при которой многое, на тех горах бывшее, представилось ему не на своих местах и не в своем виде, и среди которой он, обратясь ко мне, говорит такими словами: "Нет, Михаил Александрович! далеко еще до *следственно*. Так легко строятся только воздушные замки" (с. 402).

Полно, так ли?... А современного свидетельства, что Киевский замок стоял именно на той горе, которая со второй половины 17-го века зовется *Киселевкою*, опровергнуть невозможно.

Посмотрите, как ясно обозначены те киевские горы в стародавней, вышепомянутой "Ревизии" Киевского замка.

— "*Гора Замковая* высокая досыть и прикра. К ней прилегли близко *ишныи горы*, также высокии. Од *полуночное* стороны, за брамою *Воеводиную*, прилегла гора на име *Щековица*, с которое видно все посеред замку; бо гора Замковая с тое стороны похла на дол, а в середине вышшая, нежли по краям; а так потреба бы и там впоперек тарасу, который бы щитил од горы оное Щекавицы.

"А з другое стороны, од *полудня*, за *Драбскою* брамою, только *через ров*, где может чоловик каменем з руки докинути... прилегла гора на име *Клинец*, ровна з Замковою. А *грутая*, там же *погалей*, вышча, на име *Вздыхальная*; але тая остра, может быти *унижона копанем*.

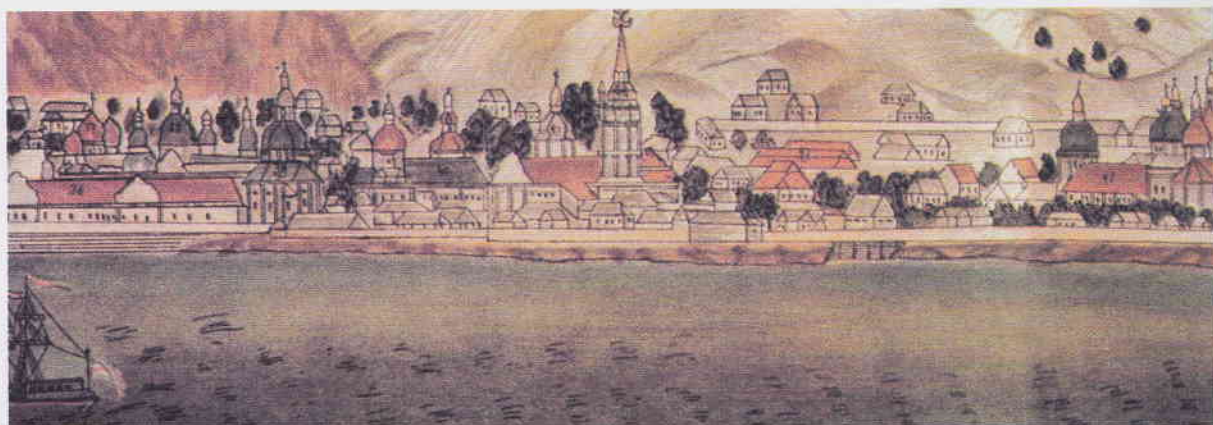
"А еще од третее стороны, од *заходу слонца*, од церкви светого Спаса, гора высокая также, яко Замковая".

— *Видите ли горы сия?*

А у Закревского, *три горы* — Замковая (Киселевка), Клинец и Вздыхальная — сходятся в *одну сплошную гору*, и он городит на ней Киевский замок — даже до нынешней Андреевской церкви, и переставляет сюда с Киселевки *Драбские* ворота замка, на место бывших здесь ворот *Киевских*...

И вышел замок тот, мечте его послушный,
С полуночи — *земной*, к полудню — *воздушный*!

Частина Подолу і Київських гір. Кінець XVIII ст.
Худ. М. Рожен

9 февраля 1868 г.

Беру на заметку в твоём "Венке" — ещё *Воспоминания* отца Иоасафа Гапонова, автора "Владимирских Достопамятностей", бывшего студентом в Киевской академии в 1833—1837 годах. При чтении их заметил я следующие неправильности.

О. Иоасаф говорит: "Однажды — это было в 1834 году — в неделю Пасхи, вдруг захотелось преосвященному, чтобы литургия была совершена на греческом языке в академической церкви..." (с. 87).

Здесь ошибка в годе. Я приехал в Киев 13 июля 1834 года; а между тем я слушал ту замечательную литургию на греческом языке; следовательно, ее служили — не ранее 1835 года.

Но вот еще "события, достойные памяти" (см. с. 80). О. Иоасаф говорит, что по открытии университета св. Владимира 15 июля 1834 года "г. фон Брадке часто посещал покойного преосвященного. Можно было тотчас понять цель и намерение этого посещения. Одно из таковых посещений было замечательно по следующему разговору между попечителем университета и покойным преосвященным.

— "Вы, — сказал г. фон Брадке Иннокентию, — порекомендовали мне законоучителя для университета, вашей академии профессора, протоиерея И. М. Скворцова, и я вам очень благодарен". — "Да, — отвечал покойный преосвященный, — это у нас столп академии". — "Теперь, — продолжал г. фон Брадке, — прошу вас покорнейше дать мне еще наставника для философского предмета. Вообразите, какое мое положение: в университете, как вам известно, открыто столько-то факультетов, и есть уже наставники, а для философского факультета нет. Присылали, правда, немецкие доктора свои сочинения, желая занять философскую кафедру. Совет университета рассматривал эти сочинения, и они оказались довольно неудовлетворительными". — "Это плохо, — отвечал покойный преосвященный, — видно, надобно оказать вам помощь и в этом случае. Извольте; рекомендую вам одного из наших бакалавров, г. Новицкого".

Это разговор вымышленный, которого не было и не могло быть. Честь приглашения в профессора университета *И. М. Скворцова* — принадлежит попечителю; но определение в университет *О. М. Новицкого* — было мое дело, которое и поясню тебе, ради исторической истины об университете. Е. Ф. фон Брадке именно хотел и настаивал, чтобы выбран был один из тех "немецких докторов", или Поссельт, или Штейн. А мне хотелось на эту кафедру — русского человека, и непременно из академии Киевской, где философия была тогда в полном развитии. Я обратился к Иннокентию, и он назвал мне *Новицкого*, говоря, что для университета он будет представительнее других бакалавров, а в Академии на его место поступит *Авсенов*. На ту же пору приспело министерское предписание С. С. Уварова, чтобы философия и все прикосновенные к ней науки были преподаваемы в духе *Православия, Самодержавия и Народности*; — а для философии собственно указана была статья о ней *Ботэня*, напечатанная в "Журнале Министерства Народного Просвещения". Тогда я отправился с диссертациями тех немецких докторов к профессору И. М. Скворцову, чтобы он рассмотрел их, удовлетворяют ли они вышепомянутым требованиям; и объявил ему о Новицком, говоря,

Іван Скворцов.
Портрет XIX ст.

что нам в университет желателен — *его ученик философии!* И как теперь слышу его, сказавшего: "Нет, там уже *другие учителя!*"

Не замедлил он написать свое мнение о тех диссертациях; оно было не в их пользу и тотчас же заслушали его в *факультете*; и в том же факультетском заседании предложен был на кафедру философии Новицкий, и вслед за тем представлен через *Совет* университета на утверждение к попечителю. Покойный Егор Федорович сначала был очень недоволен таким выбором, но впоследствии сам радовался приобретению этого блестящего преподавателя. Да и ты же, в 1835 году, был у него на лекции!

О. Иоасаф прибавляет еще следующее: "Г. Новицкий, по назначению Совета университета, должен был приготовить вступительную лекцию, и предложить ее публично в университетской зале. Для этого приглашены были: покойный митрополит Евгений, наш ректор и вся знать киевская. Орест Маркович Новицкий блистательно выдержал пробу; а мы, студенты, были от этого в восторге" (с. 81).

Нет. На ту вступительную лекцию не были приглашены — ни Евгений, ни Иннокентий, и никто из киевской публики; она, по обыкновению, прочтена была запросто, в аудитории, в присутствии только своих университетских членов, да попечителя.

Так-то молва и предание изменяют действительную быль! Но мы знаем, что еще и в древнем Киеве бывало разногласие о предметах и лицах несравненно большей важности. "Се же не сведуще право глаголют, яко крестился есть в Киеве; и ини же реша — Василеве; друзии же инако скажут".

Приснопамятный *Иван Михайлович* жил тогда на Печерске. Он *уладил* мое киевское новоселье, при следующем письме:

"Достопочтеннейший Михаил Александрович! Посылаю вам образчик киевского варенья — на новоселье. Пусть хоть это докажет вам, что не все в Киеве хуже московского. Покорно прошу снабдить меня теми песнями, которые доказывают, что и народная поэзия малороссийская не хуже великороссийской.

Истинно вас почитающий Прот. И. Скорцов".

2 августа 1834 г.

* * *

В ответ на превосходные киевские *морели* послан был от меня веленевый экземпляр "Украинских народных песен", только что изданных мною в Москве, перед выездом в Киев.

Начавшаяся тогда наша взаимная приязнь обновилась в 1856 году, с которого я, не бывши восемь лет в Киеве, снова стал посещать его каждое лето. Среди изменившегося киевского люда, *Иван Михайлович* был все тот же: и я находил особенную себе усладу в его беседе. В последний раз был я у него в 1862 году, за год перед его кончиною... Когда, между прочим, он упомянул, что отыскалась недавно его *вступительная лекция о философии*, я просил почтенную дочь его, которую называл он своим адъюнктом, прочесть нам ту лекцию вслух: и мы оба прослушали ее с живейшим удовольствием, вспоминая каждый первоначальные годы своего учительства... Ту лекцию преподавал он в Академии, ставши бакалавром философии еще в 1819 году, в котором будущий Иннокентий вступил в студенты Академии из семинарии севской...

Орест Новицкий.
Фото другої половини XIX ст.

В том же году и я, из учеников Новгород-северской гимназии, поступил в Московский университет, в котором и прошло мое второе, лучшее пятнадцатилетие жизни. Благодарение тебе, *alma mater!* Каждый год, *12 января*, я вспоминаю и думаю о тебе с любовью, где бы я ни был, и — никогда тебя не забуду!

Сегодня, *29-го февраля*, солнце светит у нас по-весеннему: и я снова принимаюсь за переписку тебе писем Иннокентиевых. Вот *первое* из них, писанное карандашом, около 1 сентября 1834 года. Оно относится к моей вступительной лекции "О значении и происхождении человеческого слова". Вопреки моей привычке читать лекции неписанные, начальную лекцию о словесности я рассудил написать: и с нею отправился к Иннокентию, желая себе его благословения и напутствия на преподавание новой для меня науки. При чтении первой страницы его остановило то, что душа животных названа *умирающею*. Но лишь только зашла речь о душе животных, явилась к нему в гости какая-то человеческая душа, и перебила нашу беседу и дальнейшее чтение. На другой день Иннокентий прислал мне рукопись мою с следующей своею одобрительною рецензией:

— "Возвращаю отрывок будущего прекрасного здания, и благодарю за удовольствие видеть его прежде других. Сам св. Владимир не усумнился бы одобрить его к изданию в свете".

"С розою и лилиею, как ни жаль, а едва ли не нужно расстаться. Только не забудьте, пожалуйста, дать им место при первом случае".

"За души бедных животных еще покорнейшая просьба".

"В Слове творческом — *госужные люди* могут с радостью открыть ересь. Не мешает переменить несколько выражений. Для соображения, я выставил места Писания, на основании которых можно произвести сию перестройку".

"Вот вам голос *всего* сердца — от того, который сердечно принадлежит вам.

Возмогайте о Господе!"

Заботливое предостережение от нареkania в ереси, со стороны Иннокентия было *опытное*, изведенное им на себе, когда он был инспектором академии в Петербурге.

Кстати, чтоб не пропал анекдот. Сидели однажды в академической зале Иннокентий с Павским, особняком, разговаривая о чем-то. Один из сочленов, глядя на них,

Митрополит Московський
Філарет. Друга половина
XIX ст. Гравюра
І. Пожалостіна

сказал вполголоса: "вон, сидят наши *неологи*". — "Да, брат, *не олухи!*" отвечал Павский несколько громче.

Само собою разумеется, что я воспользовался замечаниями Иннокентия, и моя вступительная лекция пошла в ход благоуспешно, и напечатана была в "Журнале Министерства Народного Просвещения". К. С. Сербинович писал мне: "Ваша лекция о происхождении слова отменно понравилась в Москве преосвященному Филарету". Более этого мне и желать уже было нечего для той лекции!

Второе Иннокентиево письмо, писанное около 1 ноября 1834 года, относится к первоизданному "Обозрению преподавания наук в университете св. Владимира", напечатанному "в типографии Киевопечерской лавры". Я издал его по образцу каталогов Московского университета, т. е. in 4-to, на русском и латинском языках. Профессор римской словесности, Максимилиан Юрьевич *Якубович*, на которого возложен был латинский перевод "Обозрения", принес мне его, объявляя в смущении, что ему встретилось затруднение на первом пункте — о профессоре богословия И. М. *Скворцове*, и что он не знает, как по-латыне сказать: "протоиерей, имеющий *камилавку*". Не останавливаясь за одним словом, я отдал в набор "Praelectiones", и, получив первую корректуру, разумеется, на серой бумаге, отправил ее к ректору академии, по его желанию, — отметив вопросом и словцо, затруднившее профессора-переводчика. Ответ был следующий:

— "Виноват, давеча и в ум не вошло отправить к вам сей свиток. Не худое для потомства свидетельство о состоянии лаврской типографии в XIX столетии. Подумаешь, что печатано на другой день по выходе из Киева Батя. Да ведают же, в каком состоянии новый университет застал у нас *Elegantiores litteras*, благодаря *viris eruditissimis*, их протекторам!"

"Для *камилавхи* и я не нашел слова: может быть, его трудно найти потому, что эта вещь ныне едва не потеряла своего значения..."

"За подарок благодарю. Между приятнейшими событиями в моей жизни останется и в будущем, как было в настоящем году, мое знакомство с вами".

"Нам нужен в академию, семинарию и училище доктор; жалованье 1200: нет ли у вас доброго человека?"

"Не взыщите на карандаш мой и почерк. Я люблю свободу в подобных корреспонденциях; прошу и от вас того же *и также* дружеского".

* * *

Иннокентиево указание "для *камилавхи*" того же дня подтвердилось мне, при встрече с архимандритом киевского греческого монастыря, сказавшим, что она по-гречески зовется *камилавха*. Иван Михайлович со своей стороны признал это; но он восстал против написания его фамилии *Skworcew*, говоря, что это по-польски, а не по-латыне, и потребовал перемены... И я подписал — *печатать* так: "*Joannes Squorcew... Protopesbyter camilaucha distinctus*".

В нынешнее время, для объяснения этой вещи, приводятся уже и ново-латинское *Camelaucum* из глоссария Дюканжа, и греческое *χαμελαυχια* из Константина Багрянородного; но в те

поры нам достаточно было обойтись и насущным употреблением этого слова в устах новогреческих.

Что же касается до киевского книгопечатания, то надо заметить, что латинский шрифт, которым набраны были "Prælectiones" 1834 г., был тот самый, которым печатались в Лавре еще знаменитые "Панигирики" академического префекта и учителя философии, Михаила Козачинского — Елизавете Петровне, 1744 года! В Лаврской типографии не было гражданского русского шрифта еще и в 1787 году, так что академическая "Ода" Екатерине Второй, во вкусе Ломоносовских од написанная, была напечатана шрифтом славянским. В том году митрополит Самуил Миславский испросил право для академии Киевской завести свою типографию *гражданскую*, которая содержалась в Печерской лавре и в которой печатались книги, с таким означением, — например, на "Кратком Описании Лавры": "В типографии академии Киевской при Лавре Печерской, 1817 года". Митрополит Евгений исходатайствовал в 1824 году право печатать в Лаврской типографии книги всякими буквами; и лет через семь после того имя "типографии академии Киевской" прекратилось. Иннокентий, будучи ректором Академии с 1830 года, видя тогдашний застой в искусстве книгопечатания лаврского, а равно и неудобство посылать с корректурами из Академии в Лавру и наоборот, порывался не раз учредить свою академическую типографию, по давнему на то праву; но ему не было владычного на то разрешения, ни от Евгения, ни от его преемника Филарета: и это смущало ректора, стремившегося к усовершенствованию книжного дела.

5 марта 1868 г., Михайлова Гора

Давно уже нет на Печерске того Кортובה дома, где помещался первоначально университет, где было кратковременно и мое первое пристанище в Киеве. "Якоже дух пройде в нем, и не будет, и не познает к тому места своего"! Но уцелел еще от сломки, на Никольской улице, тот знакомый тебе Катериничев домик, в который переместился я к весне 1835 года, перезимовавши на Старом Киеве, во дворе о. Кирилла Ботвиновского. Тот Катериничев домик стоит ныне на тычку, первый с правой руки, при въезде в новозданную Печерскую крепость, возле прежнего Ипсилантиева, ныне лаврского дома. Там прежде всех, гостивших у меня друзей, был *Гоголь*, нарочно приезжавший ко мне в конце июля, возвращаясь из своей полтавской Васильевки или Яновщины в Петербург. Он пробыл у меня пять дней, или лучше сказать, пять ночей: ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским, лицейским знакомцам, и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда зачиналась наша беседа... Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа: он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым. Ни *крепкого* словца, ни грязного анекдота не слышалось от него ни разу. Он, между прочим, откровенно сознавался в своем небрежении о лекциях в Петербургском университете, и жалел очень, что его не принял фон Бракке

Биограф Гоголя перемешал мои рассказы о нем, и неверно представил его пребывание в Киеве, сказав, что тогда "он был еще живой и даже немного ветренный юноша". Те "цинические песни", о которых упоминает биограф, были записаны Гоголем не "в Киеве", а еще в Петербурге 1834 года, в тех двух рукописных книгах "Малороссийских песен", которые я посылал ему из Москвы, и которые того же года переслал он мне в Киев, чрез своих родичей Трошинских.

в университет Киевский. Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян 17-го века назывался *Русским Иерусалимом* (у святителя Димитрия, гетмана Самойловича и других).

Вместе с Гоголем мне удалось, только на другой день его приезда, побывать у Андрея Первозванного. Там я оставил его на северозападном угле балкона, отлучась по делам к попечителю, жившему своим гостеприимным домом

Імператор Микола І.
Гравюра XIX ст.

возле Михайловского монастыря; а когда вернулся я, нашел его возлежащим на том же самом месте. Я помню, что из представляющейся оттуда обширной панорамы Киева — тебе, и Тургеневу, Александру Ивановичу (проезжавшему через Киев в январе 1835 года), и другим, с которыми я бывал там, всего более нравился вид на Подол и Днепр. Но Жуковский (в октябре 1837 года) пристальнее всего вглядывался в ту сторону, где Вышгород, град Ольгин, и срисовал себе тот вид; а Гоголю особенно полюбился вид на Кожемяцкое удолье и Кудрявец.

Когда же мы снова обходили с ним вокруг той высоты, любуясь ненаглядною красотою киевских видов, стояла неподвижно малороссийская молодлица, в белой свите и намитке, опершись на балкон и глаза на Днепр и Заднепровье. "Чего ты глядишь там, голубко?", — мы спросили. "Бо гарно дивиться!" отвечала она, не переменяя своего положения; и Гоголь был очень доволен этим выражением эстетического чувства в нашей землячке. Мы расстались в Киеве надолго, до нашего свидания в октябре 1849 года, в Москве.

Гоголь завершил мне собою в Киеве то *лето приятное*; а на осень меня порадовал мой родной *Егор Федорович Тимковский*, известный своим путешествием в Китай, изданным 1821 года. Докончив свое консульство в Молдавии, он возвращался на отдых в осиротелую свою *Тимковщину*, и на перепутьи прогостил у меня в Киеве первую половину октября.

Тогда была у нас пора самая горячая: готовились к заложению университета, и ожидали царского приезда. И было уже все готово. Были присланы из Петербурга — и большая платиновая медаль, и все русские монеты, чеканенные в том году. Попечитель, с инспектором Люце, своим шурином, озаботились выучить студентов даже церемониальному маршу.

Наконец *10-го октября*, в четверг, поздно вечером, Государь прибыл в Киев, и тогда же спросил у генерал-губернатора: "во сколько обойдется здание университета?" Граф Гурьев, сменивший

Василь Левашов.
Портрет XIX ст.

собою графа Левашова, уволенного в июне, за обиду фельдмаршала Сакена, не нашелся сказать Государю правды, что смета еще не окончена, или он не знал о том, и отвечал наобум: "семь миллионов!"

— "Это все равно, что нуль — сказал Государь — и я университета не закладываю".

Таким образом граф Александр Дмитриевич Гурьев, своим экспромтом, лишил Киев великолепного торжества — заложения университета державною рукою самого основателя его, во имя святого Владимира.

А по сделанной после того смете вышло вдвое меньше, и большую часть той суммы университет имел у себя готовую, в разных фондах.

На другой день после своего приезда, Государь благоволил принять у себя в зале весь *corpus universitatis*. Вслед за ними явился английский посланник, лорд Дургам, со своею свитою; и после данной ему аудиенции, англичане видели русского царя, окруженного всеми сословиями нового университета. — И был он тогда светел и ласков необычайно, — почти такой же, каким я видел его в Кремле, 22 августа, в тресветлый день его коронации.

* * *

"Дела давно минувших лет"!.. Я пишу тебе, любезный историк, и о себе, как о лице постороннем, — по старой памяти, как по грамоте, и по тогдашним письмам других, у меня сохранившимся.

В заключение 1835 года, по моему прошению, состоялось высочайшее увольнение меня от должности ректора: и она кончилась — 21 декабря. Мне стало уже невозможно тянуть двойную ляжку — ректора и профессора. Я видел, что ректорство, начатое мною в новом университете, можно было продолжать уже всякому, и было уже кому продолжать; а мне оно было помехою в деле доставшейся на мою долю науки, нескончаемой в своем требовании и усовершеннии, как и всякая наука. И мне надо было ей посвятить все мои силы и труды, тем более, что в продолжение 1835 года, попечитель не хотел принять мне в адъюнкты желанных мною людей: ни *Чистякова*, Михаила Борисовича, бывшего учителем могилевским, ни *Тарновского* Василия Васильевича, бывшего учителем житомирским. Оба они были известные мне кандидаты Московского университета.

Возвращаюсь к письмам Иннокентия, который, вместе с новым митрополитом Киевским Филаретом, священнодействовал при заложении университета св. Владимира уже 31 июля 1837 года.

Максимович М. Письма о Киеве и воспоминания
о Тавриде. Санкт-Петербург, 1871.
С. 2—11, 19—27, 37—48, 54—59.

21 ноября 1871 г., Михайлова Гора

Дорогой друг, М. П. [Погодин]. В нынешний Богородичный праздник получил я с почты две вести о тебе, удвоившие мою праздничную радость. В 135 № "Киевлянина" прочел я: "Академик Погодин произведен в тайные советники, по случаю 50-тилетнего

юбилея его литературно-ученой деятельности". — В письме П. Г. Лебединцева прочел я: "М. П. Погодин — тайный советник и доктор Русской истории". От всей души поздравляю, и только жалею о том, что ни от кого не было мне о том предварительной строчки, и даже дня юбилейного не ведаю. Но из моего последнего письма ты знаешь уже, как порывалась душа моя к тебе на Михайлов день (8-го ноября), а потому ты, в приветствие мое тебе и от нынешнего дня, прими те же Гоголевы давние слова о тебе, которые выписал я тогда из "Русского Архива"... Крепко обнимаю старого друга! Пью за здоровье и долгоденствие нового юбиляра, тайного советника и доктора Русской истории, великого подвижника Славянорусского! Живии!

Любящий тебя

Михаил Максимович

На славу плещет наш старый Днепро,
Но падает из рук мое перо.

25 декабря 1871 г., Михайлова Гора

В великопраздничный день Рождества Христова, приветствую Тебя, старый друже, вторично с юбилеем твоим, т. е. со второю половиною его, которая торжественно совершится 29-го декабря в стенах Московского университета... Это знаю только со вчерашнего дня из призывного писания о том нашего, тоже старого друга-товарища, Щуровского... О, зачем я не могу очутиться в тех, священных для нас стенах, чтоб увидеть Тебя на торжественном празднике Московском, среди общества, воздающего тебе достодолжную честь, за твое полувековое служение наукам и просвещению, и всяческому благу Святорусской земли и родной с нею Славянщины?..

Не поспеет уже к тому торжественному твоему дню и письменное выражение дружеской моей радости о тебе. Но для меня, запоздалого в сем мире, и в современном обществе отшельника, важно то, чтобы ты ведал о моей радости и за тебя, и за чествующих тебя людей, — радости, которую, в качестве святочной колядки, я готов высказать ныне словами псалмопевца: "Свет возсия праведнику и правым сердцем веселие. Веселитесь, праведнии, о Господе!"

Благословим же мы с тобою в душах наших *Его*, благодеющего нам, за окончание счастливое сего памятного нам *1871 года*, и пожелаем, помолимся, чтобы наступающий *Новый год* был новоблагодатным для всего русского люда и царства.

Еще приветствую тебя, в заключение юбилейного нашего года, с окончанием твоей многотрудной "Истории древнерусской"; нетерпеливо жду ее от тебя в полном экземпляре.

Полстолетия жизни нашей теснятся в грудь мою со всеми подробностями тьмочисленными... Крепко обнимает тебя, любящий и почитающий тебя

Михаил Максимович

Пятидесятилетие гражданской и ученой службы
М. П. Погодина (1821—1871). Москва, 1872.
С. 100—101, 107—108.

ПОНОМАРЬОВ
Степан Іванович

*3.VIII.1828, м. Конотоп Чернігівської губ. — 31.X.1913,
м. Конотоп. Бібліограф, літературознавець, книгознавець,
перекладач, колекціонер, один із перших біографів
М. О. Максимовича*

Походив з купецької родини. Батько — Конотопський міський голова. Навчання розпочав у церковно-парафіяльній школі (1840). Батько був наставником, помічником і критиком усіх починань юнака, заохочував його до самостійного навчання. Після закінчення церковно-парафіяльної школи продовжив навчання в Конотопській повітовій школі (1840—1841), де своїми здібностями і потягом до науки привернув до себе увагу штатного доглядача І. Княгницького, який умовив матір віддати сина до Ніжинської гімназії. В Ніжині (1841—1848) гімназист перші три роки навчався на кошти матері, а в подальшому заробляв на життя репетиторством.

Гімназію юнак закінчив зі срібною медаллю і в 1848 р. вступив на словесне відділення філософського факультету Університету Св. Володимира (Київ) своєкоштным студентом. З 1850 р. почав виступати у пресі, зокрема надрукував повідомлення про науковий диспут у Київському університеті та огляд нових книг. Перші два роки навчання в університеті Степан заробляв на життя репетиторством, але на третій змушений був залишити підробітки й жив на кошти матері. Причиною стало погіршення стану здоров'я, і як наслідок — поява містичних настроїв. 9 грудня 1852 р. Пономарьов блискуче склав останній іспит в університеті і дістав право на здобуття кандидатського ступеня після подання наукової праці. В Києві залишався до 1853 р., шукав посаду і збирав матеріал для дипломної роботи. Знайти роботу не вдалося, і 15 червня того ж року він їде до Москви, розраховуючи за допомогою М. Погодіна (з яким у той час листувався) влаштуватися в Білокам'яній. Не заставши історика в Москві, Пономарьов у пошуках місця відбув до Петербурга. Там він безуспішно намагався працевлаштуватися в

Публічний бібліотеці, прохав барона Корфа прийняти його бо-дай сторожем. Зневірившись у можливості знайти службу в Петербурзі, повернувся до Москви, де протягом трьох місяців "шліфував мостові", оббиваючи пороги різних осіб. Навесні вдалося, як він згодом згадував, "за шматок хліба та за приміщення" дістати посаду позаштатного доглядача при лікарні 4-ї реальної гімназії (без платні). Через місяць йому запропонували приватну роботу в родині сенатора Лівена: навчати сина високого чиновника за 500 крб. сріблом на рік. Не отримуючи платні в гімназії, Пономарьов погодився на пропозицію. Проте через короткий час з'явилася вакантна посада позаштатного доглядача учнів 4-ї гімназії з платнею 20 крб. 41 коп. на місяць, але без службового утримання. Не маючи іншої можливості розпочати державну службу, Пономарьов погодився.

Перебуваючи в Москві, завершив і надіслав до Київського університету велику кандидатську працю (532 с.) бібліографічного характеру "Исследования о русской журналистике". Розглянувши дослідження, Університет Св. Володимира присудив Пономарьову ступінь кандидата історико-філологічного факультету. Смерть матері і трьох близьких родичів від холери в липні 1855 р., а також хвороба сестри змусили його покинути Москву й виїхати до Конотопа. В листопаді того ж року він дістав посаду молодшого вчителя російської мови Полтавської гімназії, а в 1857 р. перейшов до Полтавського кадетського корпусу, витримавши іспит на посаду вчителя російської мови і словесності.

З натхненням розпочав педагогічну роботу. Незадоволений якістю тодішніх підручників, Пономарьов сам склав "Записки по истории русской словесности" для вихованок Полтавського інституту шляхетних дівчат (рукопис, 1858). Протягом 1858—1860 рр. літографовані "Записки по теории поэзии", "Записки по теории прозы" і "Записки по древнему отделу истории русской литературы". Не обмежуючись лише педагогічною діяльністю, вів бібліографічну роботу, присвячену історії літератури. У 1861 р. підготував до друку серйозну бібліографічну працю "Разбор сочинения преосв. Филарета Черниговского", що побачила світ у журналі "Духовный Вестник" (Харків, 1862. № 8—12). В кадетському корпусі Степан Іванович працював до 1867 р., оточений загальною пошаною та любов'ю.

У 1867 р. Пономарьов застудився і, прохворівши 3 місяці, змушений був узяти в травні відпустку до грудня й виїхати на лікування до Севастополя. Повернутися до педагогічної праці йому вже не судилося: перенесена хвороба позначилася на здоров'ї, найбільше на стані слуху. В січні 1868 р. він узяв відпустку й назавжди залишив Полтаву. Сестра запрошувала до Конотопа, але Пономарьов вирішив присвятити подальше життя виключно літературно-науковій діяльності. Він переїхав до Києва, перевізши туди свою бібліотеку, що сягала вже 5000 томів. "За квартиру та за кусень хліба" знайшов місце приватного вчителя в будинку свого давнього знайомого — директора військової гімназії генерала Каравасва і цілком поринув у бібліографію. До 1872 р. жив у Києві, інколи навідуючись до Конотопа. В 1871—1872 рр. написав ґрунтовну бібліографію праць М. Максимовича, опублікував низку матеріалів про його життя і діяльність, підготував матеріали до бібліографії літератури про Ломоносова, редагував (1870) "Киевские Епархиальные Ведомости".

У 1872 р. Пономарьов реалізував свою давню мрію — відвідати Афон і Палестину. З одного боку — йому хотілося

Література

Авдєєнко В., Іванова Ж. Пономарьов С. "А книгу паче хліба і солі приємлю" // Пам'ять століть. 2000. № 3.

Дудко В. Забутий бібліограф // Вітчизна. 1984. № 10.

Истрин В. М. Письма к академику П. С. Билярскому. Одесса, 1906.

Радченко Л. И. Материалы для биографии Степана Ивановича Пономарева // Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского, О. М. Бодянского, кн. П. А. Вяземского, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеєва, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. И. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомятинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованского к библиографу С. И. Пономареву. Москва, 1915.

Різнiченко Вас. Бібліограф С. Пономарьов. З нагоди 100-ліття з часу його народження (1828—1928). Київ, 1928.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1913. Т. 5.

побувати там з метою пошуку матеріалів для своєї бібліографічної праці про Святу Землю, а з іншого — він планував у теплому кліматі дещо підлікуватися. Навесні цього ж року він переселився до сестри в Конотоп, перевіз туди свою бібліотеку, а в червні виїхав до Палестини. Наслідком перебування на Сході була фундаментальна бібліографічна праця "Иерусалим и Палестина в русской науке, живописи и переводах, материалы для библиографии" (1877). Повернувшись у серпні 1874 р. з мандрівки, вчений поселився в будинку сестри, де зайняв дві кімнати. Вона звільнила його від усіх побутових турбот, надавши можливість цілком зосередитися на літературній роботі. Це було останнє переселення Степана Івановича.

У 1876—1877 рр. Ніжинський історико-філологічний інститут відрядив його до Москви прийняти бібліотеку проф. С. Шевирьова, перевезти її до Ніжина та скласти каталог. Бібліограф виступив також одним з ініціаторів видання творів Некрасова, Вяземського та інших російських письменників, рецензував низку монографій. За рецензії книг Голіцина "Библиографический словарь русских писателей" і Ліхачова "Материалы для истории женского образования в России" нагороджений Уварівськими золотими медалями. Пономарьов брав участь також у складанні Академічного Словника російської мови, в порядкував архів письменниці Н. Соханської. З початком виходу "Киевской старины" (1882) став постійним її співробітником, надсилав до редакції покажчики, повідомлення та інші матеріали.

У творчому доробку Пономарьова особливу увагу привертють бібліографічні дослідження та праці про М. О. Максимовича.

Це, насамперед: Михайлова Гора // Києвлянин. 1871. № 85—86; Юбилей М. А. Максимовича (1821—1871) // Києвлянин. 1871. № 110—112, 116. Окреме видання; Михаил Александрович Максимович (Биографический и историко-литературный очерк) // ЖМНП. 1871. Т. 157. № 10. Окреме видання. СПб., 1872; Памятник М. А. Максимовичу // Києвлянин. 1875. № 108; Подлинники писем Гоголя к Максимовичу и напечатанные отрывки из них // СОРЯС АН. 1877. Т. XVIII, № 3; Окремий відбиток, 1877; Библиографическая записка о 1-м томе "Сочинений" М. А. Максимовича // Києвлянин. 1877. № 5; Памяти князя П. А. Вяземского (Його листи до Максимовича) // СОРЯС. 1879. Т. XX; Вопросы и ответы (о статье Максимовича о Мицкевиче...) // Новое время. 1880. № 1540; Из тридцатых и сороковых годов. Письма Надеждина к Максимовичу // Полярная звезда. 1881. № 4; Письма С. О. Богородского к Максимовичу // Києвлянин. 1881. № 93; Письма Л. Боровиковского к М. Максимовичу (1836) с примечаниями // Исторический Вестник. 1881. № 5; Альбом М. А. Максимовича // Киевская старина. 1882. № 1; Письма Погодина к Максимовичу, с пояснениями их // СОРЯС АН. 1882. Т. XXXI; Письма к Максимовичу от С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Раича, князя Одоевского, М. Павлова, Ф. Чижова, стихи Раича и Максимовича с примечаниями // Киевская старина. 1883. № 4; Из писем Максимовича к Шевченку // Киевская старина. 1884. № 4; Письма Плетнева к М. А. Максимовичу, с моими объяснениями // Русское обозрение. 1896. № 5; К первому Киевскому юбилею (в честь М. А. Максимовича) // Киевская старина. 1900. № 12.

Чимало цінних досліджень учений присвятили історії та російській літературі. Протягом життя він написав, відредагував і видав понад 700 праць, брав участь більш ніж у 50 часописах. Список його праць, виданий у 1913 р. АН, охоплює 680 позицій. Деякі з них залишилися ненадрукованими, серед них

і "Систематический каталог библиотеки Максимовича" (1875), біобібліографічний словник письменників, учених, громадських діячів та інших видатних людей — уродженців України.

Основна риса бібліографічних праць Пономарьова — надзвичайна пунктуальність і докладність поданих у них відомостей. Неабияка ерудиція, величезний досвід, феноменальні знання навіть у найдрібніших літературно-історичних фактах — проходять червоною ниткою через усю його літературно-наукову спадщину. В 1900 р. вчений відсвяткував 50-літній ювілей своєї літературно-наукової діяльності, під час якого отримав багато привітань, у тому числі від Академії Наук, членом-кореспондентом якої він був. Незважаючи на свій поважний вік, продовжував напружено працювати. Не зменшила творчої активності дослідника практично цілковита глухота, лише зір, що дедалі більше слабнув, гальмував заняття. Не маючи сім'ї, Пономарьов після тривалих роздумів передав свою бібліотеку Конопотському земству, перевізши її власноручно на санчатах до приміщення земства. Був релігійною людиною. Після смерті вченого залишився великий архів. Лише невелику частину його використав Л. Радченко в "Письмах библиографа С. И. Пономареву". Більша частина матеріалів утрачена.

9 января 1870 г., Михайлова Гора

Доброго здоровья желаю Вам, почтеннейший Степан Иванович, и новой силы на продолжение Ваших научных подвигов.

Жалея, что Вас не было в Киеве ни летом ни осенью прошлого достопамятного года, я надеюсь, что весна новонаставшего ныне года доставит мне тем большее удовольствие личной беседы с Вами.

Вашу "Добрую Весть" прочел я с большим для себя интересом и удовольствием — спасибо Вам за нашего незабвенного Иннокентия! Но следовавшие затем нумера "Епархиальных Ведомостей" уже не были мне высылаемы, и по сему случаю не могу назвать редакцию ко мне *доброю*. Прошу Вас задобрить ее, да пришлет мне скорее она как те последние нумера, так и *первый*, нетерпеливо мною ожидаемый, дабы знать, где ныне Петр Гаврилович — в богоспасаемом ли граде или же там, во граде Петровом?

Еще попрошу Вас прислать мне для прочтения ту незнакому мне книжку московскую, где напечатана упоминаемая Вами статья Иннокентия о *Днепре*. За то обещаю Вам в начале марта, если не ранее, списать остальные *его* письма ко мне, с подобающими примечаниями, для помещения в "Епархиальных Ведомостях".

Желая душевно Вам успеха в Вашей полезной деятельности, остаюсь навсегда Вам преданный

М. Максимович

P. S. Если Вы заведываете редакцией "Киевских Епархиальных Ведомостей", то поспособствуйте к высылке обещанных мне 60-ти оттисков *второго* письма моего о Киеве к Погодину; да и *первого* получено мною только 30; другие 30, вероятно, где-то завалялись в типографии.

Адрес мой в *Золотоношу*, а оттуда на Михайлову Гору.

25 сентября 1871 г., Михайлова Гора

Добрыдень Вам, дражайший Степан Иванович! Я вчера, несмотря на светлость небесную, пробыл безвыходно, болея животом и головой...

“Вновь расслабился ужасно
 престарелый мой стомах”.

Между тем прошу Вас — никак не печатать моих *стишков* к Алексею, и словцо “сынишка” заменить просто — сыном. Все остальное предаю в руце Ваши и в Ваше произволение.

Я и сегодня очень слаб, но, кажется, что около полудня выйду: берет нетерпение освежиться.

До свидания, мысленно обнимаю Вас

М. Максимович

27 сентября 1871 г.

Драгоценнейший Степан Иванович!

Вчера я получил стихи Чубинского от В. Б. Антоновича, и, по его мнению, достаточно будет этих стихов да тех двух написанных приветов, т. е. Житецкого и Науменка; об остальных же можно только упомянуть, назвав только имена ораторов-импровизаторов. Отложите попечение о них и поспешите вручить Шульгину Ваше достопамятное известие о вечере. Я хотел видиться с Вами вчера вечером, да не застал Вас дома. Не завернете ли сегодня утром ко мне; впрочем, я часов в 10 уеду, пользуясь светлым днем.

Душевно преданный Вам

М. Максимович

30 сентября 1871 г.

Добрыдень Вам, друже!

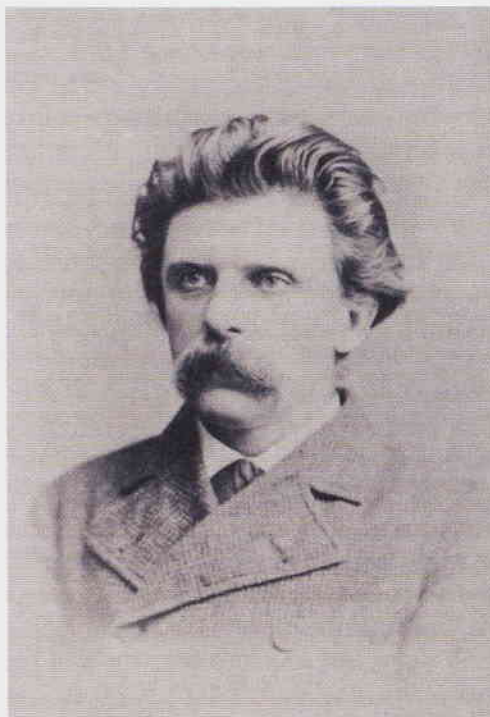
Правду Вы сказали: не надо прибавлять стихов о песне; пусть будет только то, что есть в газете.

Ваш М. Максимович

1 ноября 1871 г., Михайлова Гора

Кланяюсь Вам, любезнейший и добрейший Степан Иванович, с Михайловой Горы мысленно уже в сотый раз, а письменно лишь впервые, ради нынешнего дня *св. бессребренников* и в начало нового месяца. Завтра моя Мария Васильевна снова едет в Киев, и, может быть, на сей раз будет удачнее ее приезд ко входу в квартирочку Вашу, чем два прежние поиска ее увидеть

Вас. Вы, конечно, получили оставленную ею тогда Вам книгу "Киевлянина", две части в едином переплете, а ныне она везет к Вам и желанную Вами речь Терновского 1828-го года, которую сегодня удалось найти на дне великой скрини под бездною книжною. По миновании надобности в этой речи, Вы, конечно, возвратите ее, для вставки на прежнее место, в известный Вам том речей Московского университета. Рад буду, если эта речь даст Вам хоть одну мысль или по крайней мере строчку в будущей Вашей книге, на которую от всей души желаю Вам вдохновения.

Павло Житецький.
Фото другої половини XIX ст.

Я так сжился с Вами, в мое последнее пребывание в Киеве, что и здесь мне часто чуеться, что вот-вот Вы войдете ко мне, и мне даже до сего дня недостает Вас. На днях я получил письмо от князя Вяземского, который спрашивает об Вас и которому я буду писать об Вас завтра, полагая, впрочем, что Вы уже и сами отозвались к нему.

Что делается в Питере с Вашим писаньем обо мне грешном и моих писаньях? Недавно, писавши к Барсукову, я просил его отпечатать вновь экземпляров двести моего "Юбилея" особою книжкою, так как в ней у меня настает великая надобность для моих знакомых и соседей; каков ответ будет, не знаю.

Ожидаю нового известия о Вас, как идет работа Ваша, как Ваше здоровье и где Вы заимуете — в Киеве или в Одессе? Не поленитесь уведомить меня о том своеручно. Я же с возрастающим к Вам чувством дружбы и преданности буду зимовать в своей Михайлогорской хате, по вечерам читаючи не своими очима и пишучи не своею рукою, а теми очима, которые говорят Вам, не глядя на Вас, и тою рукою, которая на прощанье крепко жала и Вашу руку.

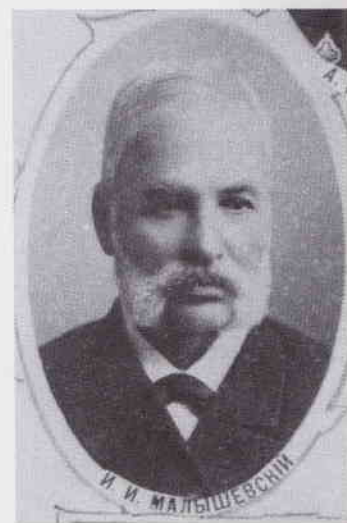
Передайте поклон мой достолюбезному хозяину Вашему Филиппу Алексеевичу, а также Ив. Игн. Малышевскому.

Читая в "Киевлянине" о диспуте отца ректора Филарета, я готов был прибыть в Братство на целые сутки, чтобы быть свидетелем. К сожалению, мой порыв остался без исполнения, по незнанию дня, назначенного для диспута, а между тем и погода заненастилась, и здоровье повихнулось...

Сегодня, во вторник, особенно стражду ломотою в ногах, а желудок с кишками постоянно враждебны мне и здесь так же, как и в Киеве: старам сталам; но душа не стареет...

Любящий Вас

Максимович

Іван Малишевський.
Фото другої половини XIX ст.

18 ноября 1871 г.

Здравствуйте, дорогой
Степан Иванович!

Вы, конечно, получили письмо Феодоры Антоновны со стихами и знаете из него об истреблении моего письма, не в добрый час написанного, собственноручно. Предполагалось лучшее расположение духа и хоть один день светлый для беседования с Вами; но погода все та же туманная, наводящая на душу тоже туман, — и вот хотя при вечернем свете огня хочется передать Вам словцо — другое.

Ваш гекзаметр весьма усладил меня своим мастерским изображением оногo акта. Стихи на 9-е ноября также очень хороши, хотя и длинноваты, и их следовало поместить на тот день в "Киевлянине". Не забудьте их через год; а к тому же времени, может быть, и перевод *гавдеамус'а* будет доведен Вами до желанного совершенства. У меня, к сожалению, не сохранился в памяти подлинник. Впрочем, и настроения литературного не дождался я еще, ни для стихов, ни для прозы; даже не писал и писем тех, которые давно бы уже надо написать; пропадает бесплодно другой уже месяц... авось хоть день *Наума* надоумит меня на дело. Видите, на Михайловой Горе, в осеннее и зимнее время перестала уже улыбаться мне жизнь, и как только после предстоящей зимы повеет весной и задымятся пароходы по Днепру, я перенесусь в Киев, только уже не в Михайловскую гостиницу, а поближе к Днепру... Но до того времени много еще утечет воды Днепром в Черное море!

Ну, а что с Вами в настоящие дни? Пришел ли ответ, Вам благоприятный, со Святой горы, и где будет Ваш зимовник? Если не в Одессе, то хорошо бы Вам очутиться со своими книгами набожными в Михайлогорско-библиотечной хатке, ставшей просторнее маленко от убавки из нее полок, тех что возле лежанки. В ней было бы Вам удобно, и мы бы друг друга подгоняли, а быть может, и вдохновляли, при окружающей нас обстановке.

Что это Вам написал Погодин, будто я не пускал его к Вам? Вы приняли было это, кажется, в буквальном смысле, но я вижу здесь только риторическую фигуру — не пускал *собою*; иначе и быть не могло. Иное дело — Вы не были у него, несмотря на то, что я звал Вас на оное стихотворное чтение Петра. Но к Вам он таки отозвался, а ко мне помалчивает, хотя я писал к нему уже дважды.

Не пишет ко мне и Барсуков давненько уже; а я писал ему отсюда, тоже два раза, — и, во-первых, о том, чтобы он не присылал ко мне сюда остальных экземпляров "Писем о Киеве", а распорядился бы ими там, по своему усмотрению; — во-вторых, чтобы он напечатал для меня двести экземпляров "Юбилея", на удовлетворение многих приятелей моих и Ваших, не получивших этой достопамятной книжицы, за которую всегда весело будет [sic!] повторять Вам *спасибо!* Это издание я почел необходимым даже и в том предположении, что новый редактор Феокт[истов] Скупый не поместит "Юбилея" в "Журнале Министерства

Народного Просвещения" при Вашей статье о моих писаниях. А что, кстати, эта статья! Скоро ли буду иметь удовольствие взглянуть на нее и прослушать ее из уст моей секретарицы, умеющей и по-Вашему мачком сеять по почтовой бумаге, так что нашему брату слабозрящему и не второпать, а, шутки в сторону, мое зрение в нынешнем году чрезвычайно притупилось; между тем, как нарочно, получил на днях от Миллера его 2 книги о словесности, для меня любопытные, но напечатанные таким мелким шрифтом, что сам я не мог бы прочесть и страницы.

Но довольно на этот раз. Вы позволите мне, любый земляче, ожидать скорого отзыва Вашего на это писанье; ибо Вы знаете из моего 1-го письма, что общение с Вами обратилось для меня в душевную потребность. От всей души желаю Вам здоровья, устроения житья Вашего и настроения мыслей Ваших на заданное себе святое дело. Возмогайте о Господе и благоденствуйте! Остаюсь душевно преданный Вам

М. Максимович

Жена с дочкою Вам кланяются.

18 декабря 1871 г., Михайлова Гора

Так это Вы в Конотопе обретаетесь, дорогой Степан Иванович!

Я очень благодарен за Ваше письмо, там писанное 8-го декабря, а здесь полученное мною 15-го. Оно было для меня, так сказать, предпразднеством наступающих святок, уже потому одному, что я нетерпеливо ожидал Вашего ответа, недоумевая, где Вы и что с Вами.

Всего более радуюсь о Вас, что с не проходящим поэтическим настроением своим Вы приняли, наконец, и за свое главное, святое дело; если бы я был в стихотворном ударе, то на сей случай воспел бы Вам свое *gaudeamus'*а, как Вы сочинили, упоминаемое Вами, подражание сей песне в честь черного ректора, домостряжателя. Но мне как-то не стихотворится во все это время; даже позабывал стихи. На днях вспомнулась латинская знаменитая *Stabat mater*... и только первый куплет ее мог продекламировать себе. Та же история и с *gaudeamus'*ом; потому и не взыщите за присланный к Вам вариант на Ваше переложение, о котором, что Вы ни пишете теперь, все справедливо, и *профессорам* и *призрачны*; а новейшие варианты всеконечно лучше прежних, особливо:

Слава, общество родное.
К нам участие дорогое —
Наш в трудах хранитель!

Когда-нибудь пришлите полный список в новом виде, и мы под веселый час с Феодорой Антоновной пропоем ее здесь, вспоминая Вас теплосердечно; что же касается до Ваших *гекзаметров об акте*, то они прекрасны для дружеских вечеров, но уж конечно не для печати. Пусть набегают к Вам и частенько складные стопы и звонкие рифмы, как летние мотыльки на цветы, но Вы

Хрещатик. 1860 р. Кольорова
літографія В. Тімма

отложите о них попечение, пока не совершите своего великого дела; о нем же да будет Ваша постоянная дума, забота и работа, и я уверен, что к исходу Великого поста он может быть у Вас почти дописан; а с наступлением Великодня или весны Вы приступите и к окончательной, художественной отделке своего произведения. Помогите Вам, Боже!

Пожелайте, друже, и мне дуже выйти хоть к новому году из одолевшей меня бездейственности писательной, чтобы и я успел к исходу Великого поста набросать заветную книжицу, разумеется, о *Киеве*... А план у меня такой, чтобы Страстную и Великоднюю недели провести непременно в *Киеве*, тогда-то мы и свидимся и облобызаемся, и наговоримся в богоспасаемом граде, и похвалимся взаимно друг другом, и дадим себе отчет за наши бедовые зимовники, в которых, впрочем, есть своя доля и счастья и радости.

Что касается до той скорби, которую навел на Вас Феоктистов, то я вполне ее разделяю и особенно за Ваш многотрудный перечень моих писаний; впрочем, он сам по себе может составить особую статью, которая, без сомнения, с благодарностью примется во многих других серьезных изданиях. Для меня особенно любопытна и важна эта половина Вашего труда, и я вчера еще, писавши к Барсукову, просил его взять поскорее из редакции "Журнала Министерства Народного Просвещения" Ваш манускрипт, дабы он не погиб в ней и сохранились бы те строки, прошлое лето Вами написанные со свойственною Вам заботою и любовью труженика истинного. У меня спрашивал об Вас наш князь верховный, Петр Андреевич, и я в запоздалом ответе моем извещал его о Вас, не зная, впрочем, на ту пору, где именно Вы обретаетесь — в *Киеве* ли, в *Конотопе* ли, или же в *Одессе*. Писали ли Вы к нему? следовало бы.

Наш милый Барсуков на днях известил меня, что к святкам будет напечатан вторым изданием мой "Юбилей", за который и ныне и присно вечно юная и новая благодарность. А что знаете о Петре Гавриловиче, от которого было мне прекрасное письмо, на которое я уже откликнулся? Не имеется ли у Вас сведений, когда предвидится его возвращение в свою Свято-Софийскую обитель.

Там, в Киеве, сегодня из гимназий, как пчелки из ульев, вылетают роями хлопята, в том числе и мой Алексейко, — и весьма может быть, что послезавтра прибудет он к нам со своим милым репетитором Владимиром Павловичем, и я веселее тогда проведу святки, ибо я уже очень за ним соскучился. (Кстати, упомяну, что тот листок, с наклеенным цветком, который долетел в Ваше конотопское уединение, оставлен мне был на память Алексейком, любящим украшать наклеенными цветками и даже купидонами листы, назначаемые для писем.)

Тут нежданно в моей стариковской памяти воскресает момент из моей студенческой жизни: в октябре помянутый юбилеем Григорий Иванович Фишер, в одной из своих лекций, ломаным русским языком декламирует нам стихи Жуковского:

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь? — "Не знаю сам.
Гроза разбила дуб родимый; и т. д.
Лечу, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится
И легкий розовый листок".

Но уже пора кончить мою позднюю беседу с Вами на этом белом листке: там, в моем домике Марья Васильевна с Олюшкою собираются уже и вечеряти и спатки. Туда пора уже и Феодоре Антоновне из моей хатки. Все мы вкупе посылаем Вам наш Михайлогорский четвероцветный поклон и дружеский привет. Мысленно обнимаю Вас.

Любящий Вас М. Максимович

Если будете видеть конотопского П. Костенецкого, передайте ему мой поклон.

Хрещатицький майдан у Києві.
Літографія XIX ст.

27 декабря 1871 г., Михайлова Гора

Вот уже и святки у нас на святой Руси, дорогой Степан Иванович! К Вам в Конотоп, вероятно, дошло уже мое недавнее Михайлогорское послание, и я надеюсь получить скоро Ваш дружеский на него отзыв. Между тем, на второй день праздника я обрадован был вторым письмом ко мне нашего верховного князя, князя Петра Андреевича, в котором, между прочим, опять вспоминая о Вас, он говорит: "С большим удовольствием прочел я статью Пономарева о Вашей Михайловой горе. Спросите его, что я писал ему о ней". — Ну, вот я и спрашиваю Вас, предлагая Вам тему для скорейшего Вашего отзыва. В дополнение к тому, я скажу Вам сердечное спасибо за истинное удовольствие мое, доставленное чтением Вашей статьи и обо мне, напечатанной в "Ж[урнале] Н[ародного] П[росвещения]". Приметны и для меня, конечно, выщипанные из Вашего писания, безжалостным редактором, места, о которых болит Ваше авторское сердце; несмотря на то, для посторонних зрителей и читателей, я все-таки покажусь тем человеком, какого Вы, с такой любовью, хотели оставить меня на память потомкам. Что же касается до Вашего, столь для меня драгоценного перечня моих писаний, то я просил уже и Барсукова выручить его в Вашем подлиннике из редакции журнальной, будучи уверен, что в будущем году из этого перечня составитсся добрая библиографическая статья, в дополнение к Вашим прежним писаниям о трудах других людей, более меня значащих.

Вчера, в Белокаменной Москве, было велие торжество юбилейное в честь моего старейшего товарища и теза Погодина; воображаю — широкошумнее нашего киевского... Большому кораблю — большое плавание... Но посмотрим, найдется ли, состоится ли в многозвонной Москве такой трезвон о том юбилейном празднике, каким обязан киевский, малороссийский юбиляр своему скромному конотопскому другу. Его руки "Юбилей" так полюбился новожиителям, что от них уже требуется он во многих экземплярах; и я со дня на день ожидаю нового издания, обещанного мне Барсуковым к концу этого года, чтобы удовлетворить и вышепомянутым требованиям и желанию наших премных здешних земляков.

Еще настоит, хотя уже и не столь великая, надобность в Вашем описании Михайловой горы. Вы пожалели моего кашука на второе издание в Киеве; а оно было бы весьма не лишним. Но на исходе памятного нам 1871 года, на пороге *Нового года*, я встречаю Вас сердечно дружеским желанием моим, чтобы Ваши все писательные силы сосредоточились на *Том*, о Ком взялись Вы и мыслить и писать, и о Ком подобает Вам потрудиться достойно в завершение всего умственного труда Вашей жизни.

После тумана, долго налегавшего в нынешний день на поднепровье наше, вот, в $\frac{1}{4}$ третьего часа пополудни, вдруг проглянуло светлое солнце; так и на Ваш ум да проглянет и осияет его свет высший!

Все мы, михайлогорцы, в том числе и Алексей, прибывший сюда с Владимиром Павловичем [Науменко], полюбившие Вас искренно, каждый по-своему, кланяемся Вам и ожидать будем Вашего скорого, хотя бы то и коротенького, известия о Вас.

Любящий Вас Максимович.

Володимир Науменко. Фото кінця XIX — початку XX ст.

17 января 1872 г., Михайлова Гора

Усладили Вы меня, коханий земляче, последним святочным своим письмом, вчера полученным. Ну, что бы и справди было прикатить к нам хоть к Новому году, к дополнению нашего веселья. То-то бы гульнули и накрутились Вы с молодыми гостями михайлогорскими, и был бы Вам полезнее и здоровее тот повседневный моцион по горе и по долу под музыку и пение, чем Ваше конотопское сиденье за картишками и мечтание о подблюдных песнях. Разве мало еще сидеть Вам за книгами и писанием многочисленных листов? Не берите, ради Бога, этих крапленых карт, даже и для раскладки их в гранд-пасьянс; разве иногда, по моему, прикасайтесь к ним ради игры в *гурня*, когда повернется уже мозг от мысленного труда и напряжения. Хотел бы я по-Вашему совсем отцураться к Великодней и Страстной седмицам и от папирос и от горилки, да не знаю, успеете ли Вы в этом, а о себе сомневаюсь; даже и пишущая эти строки меня в том не обнадеживает и не ободряет, считая то делом несбыточным.

К *Великодню* — в *Иерусалим*... какое дивное было бы событие для Вас, друже, и какое благодатное пособие для Вашего главного труда! Но устремиться на Афон в марте месяце, к *Благовещению*, — о, не только Вам самим *жутко*, но и мне страшно за Вас, при Вашем слабом здоровье. И знаете ли, что я, дружески, Вам бы присоветовал? — докончить всю Вашу книгу вчерне и сполна под благодатным небом нашей родимой Малороссии, и потом уже летом устремиться на Св. гору, а оттуда в Палестину, чтобы там набраться вдохновения для последней, художественной отделки Вашего писания о Спасителе. Не вижу и не признаю никакой необходимости быть в Иерусалиме непременно к Великодню нынешнего года; а поездка на Афон в феврале или марте может и совсем лишить Вас счастья поклониться Гробу Господню и довершить начатый Вами прекрасный труд. Обдумайте, после вечерней молитвы своей, предлагаемый Вам мною дружеский совет и решитесь отложить свою поездку до летнего времени, а на Светлую седмицу приезжайте в Киев, где мы вкупе с Лебединцевым и Терновским вознесем имя Господа, слушая о Нем Ваше великосное писание, и возвеселимся о Нем вкупе.

Буду ждать Вашего, хоть коротенького, отголоска на это из Конотопа, ибо Вы так стали близки душе моей, что мне желательно ежемесячное известие о Вашем местопребывании, здоровье и занятии... Не лишайте же меня этого Вы, которому ничего не стоит написать такой лоскуток бумаги, каким обыкновенно ограничиваются письма нашего московского юбиляра, от которого имею уже строчек десять, благоухающих радостью и удовлетворением...

* * *

Вместе с Вашим письмом получил я от Барсукова новые дары и вести: 2-е издание моего "Юбилея", напечатанное в числе 300 экземпляров, которых некоторая часть пустится в продажу, по желанию многих лиц. Оттиски моего *жития* действительно

сделаны, а что еще важнее — к ним будет приложен составленный Вами список моих писаний, о котором и мое сердце поболело, не меньше Вашего, при той мысли, что он останется неизданным.

Что же Вы не прислали мне Вашего *Gaudeamus*; мы с Федорой Антоновной и Марьей Васильевной пропели бы его *trio* в воспоминание Ваше.

О переводе Жуковского *Stabat Mater*, вообразите, я не ведал до вчерашнего дня; знал только Шевыревский перевод, напечатанный в переводе Тиковой книги, который сделан им вместе с Титовым и Мельгуновым; и начинается так:

Мать, у крестного распятия,
К сыну горькие объятия
Простирала — час настал... и т. д.

Этой книги не видел я уже лет 40.

* * *

Что касается до Вашего недовольства на забавного барича, с каким Вы отреклись от его приглашения Вас в *учредители* Общества, то я совершенно понимаю и одобряю Ваше и чувство и действие. О нем я сегодня писал Петру Гавриловичу в Петербург. Но уже половина 10-го — пора кончить; а в окончание кланяюсь Вам со всеми михайлогорцами, желаю Вам здоровья и вдохновения и дружески обнимаю Вас.

М. Максимович

31 января 1872 г., Михайлова Гора

Добре, земляче, ей-Богу, ты добре гадаеш и мовиш; Горка твоя конотопська — да буде тобі Араратом...

Чи есть у Вас в Конотопе *стóкратки*, що по-московски зовуться *маргаритками*, которых, колись-то, прохали у мене и Мерзляков, и Раичь, на украшение своих цветников? Отже, добудьте тех цветков *стóкраток* и посадите на свою конотопську горку, в память той стократной дяки моеи, яку вызвав Ваш последний, золототысячный листок, прилетевший до мене учора в праздничный день *трех святителей*. Ище раз, сто первый, кажу Вам *спасибо*, мой коханий пане Степане, и не только

“Зелена гірка”, влаштована
С. Пономарьовим у садибі
сестри (м. Конотоп).
Фото 1874 р.

глажу твою любую голову, да и целую ее любовно, щиросердечно... Одного недостае на сей часок... нема в мои хате твоего обличья, а ты такой норовистый, що не схотив потешить мене старого на мою об том велику до тебе просьбу... И без неї, сам собою догадався Полоньский и переслав мени аж из Петрограда свое дуже гарне фотографическе обличье, через пана Чубинского, вместе со своими "Снопамі" и любым листиком, позавчера полученным за обедом, вельми тревожным (бо у мене в дворе, на той час, були похороны скоропостижно умершой наймички, за тиждень пришедшой докончат у мене свою горемычную жизнь). Но я уповаю крепко, что наш милый описатель Михайловой горы, во уважение желанія всех её жильцов, не уедет на Афонскую гору, не оставив в моей хате своего обличья, и что он вручит его мне в Киеве, когда мы там свидимся и похристосуемся. Мой милый Барсуков прислал мне 3-й нумер "Гражданина", где, по заметке о проделке Вольфа с творением Иннокентия, не мог я не угадать, кто написал доброе словцо обо мне, *грешном безгрѣшном* михайлогорце. Что же касается до 2-го издания "Юбилея" моего, то здесь я проспеваю тебе, друже мой, ту песенку, которую втроем, Марья Васильевна, Феодора Антоновна и Олюшка, превосходно поют нередко на Михайловой горе:

Да не жури мене, моя мати,
Бо я й сам журуся...

Книжечка "Юбилей", помните ли, была Вами не признана в Киеве за свое рождение, хотя и Вами скомпонованная; а была она не признана Вами потому таковою, что вмешалась в нее рука недоброй *пупорезки*, в непрекрасной фигуре красноречивого Шульгина, обличившей свою скаредность не только заплатою Вам *двадцати рублей* за сторублевый труд над моим "Юбилеем", но и тем еще, что с 1-го января мне уже не присылается "Киевлянин". *Sic transit gloria mundi!** (это написал я и в конец моего вчерашнего письма к графу Уварову). Не в добрый час попросил я Барсукова напечатать двести или триста экземпляров "Юбилея"; он поспешил да и насмешил меня; ибо когда я прочитал один из десяти присланных мне экземпляров, то увидел в них такую неисправность этого издания, такую негодность типографии Прагца, такую небрежность нашего милого Барсукова, что мне не захотелось и послать пред Ваши очи ни единого экземпляра. Напишу теперь Барсукову, чтобы он все наличные экземпляры, какие обрящутся у него еще не разосланными никому, препроводил бы к Вам в Конотоп. А буде заблагорассудится Вам, или

Віталій Шульгін.
Фото другої половини XIX ст.

● Так минає мирська слава.

окажется надобность в *третьем*, более исправном, издании, для публики, в таком случае я с полною охотою готов напечатать его на счет оных четырех билетов, которые, быть может, фортуна ущедрит 2-го июля, не оправдавшая и Вашей мечты 2-го января... Увы! Не с *карбованцами*, а с гривенниками она меня оставила... Но для меня это все равно... Я и сегодня молился *св. бессребренникам Иоанну и Киру*, поминая и печерского затворника Никиту. От всех михайлогорцев кланяюсь Вам и за всех их подписуюсь

М. Максимович

Божие благословение да будет над Вами и над Вашим трудом о Богочеловеке!

22 февраля 1872 г., Михайлова Гора

Что-то делается с нашим добрым и любимым конотопцем? — говорят иногда между собою михайлогорцы, вспоминая о нем всегда с любовью. И где-то он теперь, у себя ли в Конотопе сидит над своим великим трудом, или же улетел уже для него на гору Афонскую, или по пути туда застрял на Вознесенской квартире своей, ради честной масляницы? Я воздерживался от писания к Вам, чтобы не развлекать Вас; да сегодня уж не утерпел, так как ныне и день рождения моего Алексейка; будем пить за его здоровье, да, кстати, выпьем и за Ваше. У нас над Днестром как будто уже весна начинается, особенно сегодня утренний туман приметно сдает остатки снега, и тает уже лед на берегах Днестра. Хорошо, если бы и в самом деле было это началом настоящей весны; наскучила уже нынешняя неудалая зимушка. А все-таки весь март месяц я пробуду здесь, о чем на всяк случай извещаю Вас, в надежде получить хотя *десятистрочную* весточку от Вас о Вашем здоровье, местопребывании и успехе труда Вашего. Что касается до меня, то ни странички для печати не сочинилось мне; совсем оплошал хваленый Вами юбилар киевский, о котором нельзя даже сказать, что он *небо коптит*... Он коптит только потолок своей михайлогорской хаты непрерывным курением разных турецких табаков. А между тем юбилей его все еще длится приветными письмами — Сербиновича, Бюргера, Чиждова (которого письмо растрогало меня даже до слез), а также и книжными присланиями, особенно же от Академии Наук, ущедрившей мне *тридцать* томов изданий своих в изящном переплете, — в том числе шесть томов великолепного, монументального издания сочинений Державина и семь томов сочинений Макария... Этакая роскошь для старого *книголюбца*! Но у него в эту зиму до того ослабело зрение, что даже часовое чтение страшно утомляет ему и глаза и голову; и Вы поймете, а вместе и пожалеете о его немощствовании и существовании. А прислал ли Вам Барсуков экземпляры 2-го издания "Юбилея" по моему письму к нему, в тот же день писаному, как было и последнее мое к Вам письмо? Никола Невский ничего не пишет мне об этом, равно как и о других предметах, о которых было мое вопрошание. Вероятно, скоро получу от него ответ, так же как

и от Вас нетерпеливо жду себе хоть коротенького отголоска. Господь да хранит Вас и благоспешествует Вам в трудах Вашей полезной, честной жизни!

Мысленно обнимаю Вас — любящий Вас

М. Максимович

19 апреля 1872 г., Киев

Христос Воскрес, рад мир увесь!..

Трижды целуем Вас, дорогой земляче, и я, и жена, и Алексейко, и Олюшка... жаль только, что мысленно, а не очевидно! Жена с дочкою отплывают завтра на Михайлову гору; я с Алексейком остаюсь над Марковским магазином, в бывшей Славянской гостинице, до проводного понеделка, в который предполагаю быть на Славице; а после того, через день—другой, смотря по погоде, понесусь в Москву, чтобы там провести *первое мая*. Скорблю вельми, что Вас нет в Киеве на Великодной седмице: хоть бы на полденька побачиться и поговорить с Вами...

Любящий и преданный Вам

М. Максимович

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярского, кн. П. А. Вяземского, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербея, Г. С. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованского к библиографу С. И. Пономареву. Москва, 1915. С. 36—52.

ТАРНОВСЬКИЙ
Василь Васильович (молодший)

*1.IV.1837, с. Антонівка Пирятинського повіту Полтавської губ. —
13.VII.1899, Київ, Аскольдова могила. Український культурний діяч
і меценат, колекціонер*

Походив з козацько-старшинського роду Тарновських. Батько, Василь Васильович, випускник Московського університету, належав до поміркованих ліберальних кіл, підтримував дружні стосунки з М. Гоголем, Т. Шевченком, М. Костомаровим, П. Кулішем, був близьким до Кирило-Мефодіївського братства; переконаний противник кріпацтва; меценат української культури. Мати — Лідія Володимирівна з роду Юзефовичів. Початкову освіту юнак здобув у приватному Московському пансіоні, навчався в Петербурзькому інженерному училищі, закінчив історико-філологічний факультет Університету Св. Володимира (Київ). Служив мировим посередником (1875—1887), був предводителем дворянства Борзнянського і Ніжинського повітів Чернігівської губернії.

У 1866 р. після смерті батька Тарновський дістав у спадок Качанівську садибу (тепер Ічнянський р-н Чернігівської обл.),

яка стала основним місцем проживання його сім'ї. Саме в цей час вона досягла свого найвищого розквіту: значно розширилась територія садиби, зводилися нові споруди, композиційного завершення набув парк. Тоді ж у Качанівці завершилося формування традицій, що дає підстави говорити про неї як про своєрідний духовно-естетичний і літературно-мистецький осередок. Там гостювали відомі українські й російські діячі культури: І. Репін, М. Костомаров, Марко Вовчок, брати Лазаревські, М. Ге, брати Маковські, Д. Яворницький, П. Куліш, В. Білозерський, В. Горленко, М. Шугуров та багато інших. Їх вабила не лише чудова українська природа, а й вільна, невимушена обстановка, що панувала в садибі завдяки сердечності й гостинності господарів. Софія Василівна — дружина власника садиби, була освіченою, доброзичливою жінкою, знала кілька іноземних мов і непогано грала на роялі.

Відомий український історик і археолог Дмитро Яворницький, характеризуючи господаря Качанівки, писав, що В. В. Тарновський норов мав упертий, гарячий, запальний. Вином надміру не впивався, хоча й не цурався, тютюну зовсім не вживав. Всередині нього панували три пристрасті. Перша — це парк. З парку він хотів зробити в Качанівці земний рай. Друга пристрасть — це збирання різної старовини, а найбільше старовини козачих часів. Третя — жіноцтво.

Головним сенсом існування Тарновського (молодшого) була збиральницька і меценатська діяльність. Батько прищепив йому з юних літ повагу до мистецтва, науки і любов до всього національного, самобутнього, які він проніс крізь усе життя. Колекціонувати пам'ятки старовини та мистецтва Василь розпочав ще за молодих літ, навчаючись на історико-філологічному факультеті Київського університету. Саме тоді юнак познайомився з М. О. Максимовичем, який вгадав у його захопленні не примху молодого дідича, а свідоме прагнення зберегти від загибелі та забуття історичні реліквії українського народу. Поглибленню цього захоплення українськими старожитностями сприяли П. Куліш і О. Лазаревський.

Сам Тарновський чітко визначив власне "амплуа" в тогочасному українознавстві ("я задался думкою собрать возможно полную коллекцию предметов, характеризующих старинный быт моей родины") і з властивою йому скромністю ніколи не претендував на більше. Він не ставив за мету публікацію документів, але й не цурався археографічної роботи. У цьому контексті заслуговує на увагу видавничий проект, який за його ініціативою і безпосередньою участю на початку 80-х років XIX ст. опрацював гурт київських учених (В. О. Бец, В. Б. Антонович, О. І. Левицький та О. М. Лазаревський). Йшлося про оприлюднення найцінніших старожитностей з колекції В. В. Тарновського у супроводі наукових статей. Видання мало складатися з трьох серій. У першій з них передбачалося помістити зображення історичних діячів, у другій — фотографії "старинных предметов, домашней утвари, одежды и оружия". Третя серія цілковито призначалася для публікацій писемних джерел, у тому числі "факсимиле различных местных документов 17 и 18 века и 1-й половины настоящего (себто XIX. — В. К.) столетия". Реалізувати цей задум у повному обсязі, на жаль, не вдалося. У 1883 р. вийшов у світ перший і єдиний випуск — "Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах".

Колекція Тарновського налічувала понад 7 тис. експонатів і мала неабияке наукове значення. Складалася вона з етнографічних матеріалів, стародруків, творів декоративного і образотворчого мистецтва. Особливе місце в ній посідали розділи, присвячені історії та побуту українського козацтва, а також життю і творчості Тараса Шевченка (всього 758 найменувань).

Література

- Василенко Н. П. Памяти В. В. Тарновского, А. М. Лазаревского и Н. Шугурова. Киев, 1902.
- Гринченко Б. Д. Каталог Музея украинских древностей В. В. Тарновского. Чернигов, 1903. Т. 2.
- Деркач Т. В. Т. Г. Шевченко і родина Тарновських // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства, грудень 1985 р. Чернігів, 1985.
- Каталог предметов малорусской старины и редкостей. Коллекции В. В. Тарновского. — Вып. 1. Шевченко. Киев, 1893.
- Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898.
- Коваленко О. Б. Археографічна діяльність В. В. Тарновського // Матеріали ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії (Київ, Седнів, 18—21 жовтня 1993 р.). Київ, 1997.
- Мищенко Р. В. В. В. Тарновський (молодший) — меценат, колекціонер, ліберально-громадський діяч другої половини XIX століття // Література та культура Полісся. Ніжин, 1994. Вип. 4.
- Музей українських древностей, пожертвованных Черниговскому губернскому земству В. В. Тарновским. Чернигов, 1903.
- Немирівська Таїсія. По сторінках "Каталога" українських старожитностей колекції Василя Тарновського // Народна творчість та етнографія. 1991. № 2.
- Письма П. А. Кулиша к В. В. Тарновскому (1855—1858) // Киевская старина. 1898. № 4.
- Письма П. А. Кулиша к В. В. Тарновскому-сыну (1857—1897) // Киевская старина. 1899. № 1.
- Проценко Л. А. Київський некрополь: Путівник-довідник. Київ, 1994.
- Сарбей В. До 130-річчя з дня народження В. В. Тарновського // УІЖ. 1967. № 4.

Сарбей В. Г. Друковані джерела і розвідки до біографії В. В. Тарновського // Скарбниця української культури: Матеріали ювілейної наукової конференції, присвяченої 100-річчю Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського. Чернігів, 1996.

Сарбей В. Засновник Шевченкіани (В. Тарновський) // Пам'ятки України. 1988. № 2.

Сарбей В. Г. Музейна і архівна Шевченкіана В. Тарновського // Збірник праць шістнадцятої шевченківської конференції. Київ, 1969.

Супруненко Олександр. В. Тарновський та К. М. Скаржинська // Сіверянський літопис. 1997. № 4.

Тарновський добре розумів історико-культурне значення своєї колекції. Вважаючи її загальнонаціональним надбанням, він передав пам'ятки до Чернігівської земської управи з проханням створити музей, який розпочав роботу в 1902 р. (нині Чернігівський історичний музей). На жаль, до наших часів колекція дійшла в розрізненому вигляді. Професор Володимир Антонович, ділячись своїми враженнями від музею, захоплювався його колекціями. Він вважав, що іншого такого музею в Україні немає, так само немає можливості зібрати вдруге подібну колекцію. Київ, на його думку, має усі підстави заздрити у цьому відношенні Чернігову.

Меценатська діяльність Тарновського виявилася у сприянні спорудженню пам'ятників І. Котляревському в Полтаві та Б. Хмельницькому в Києві, матеріальній підтримці першого українського історичного журналу "Киевская старина" та виділенні коштів на впорядкування могили Великого Кобзаря. Він усіляко підтримував талановиту молодь. Значні витрати на збиральницьку та культурно-просвітницьку діяльність призвели до погіршення фінансового становища В. Тарновського. У 1898 р. він змушений був продати свою Качанівку цукрозаводчику П. Харитоненку. А через рік його не стало.

7 ноября 1857 г. Москва

Як ся маєте, любий земляченьку, в богоспасаемом граде на берегах нашого несказанного Словути-Дніпра, упоруч Всеучилища Київського Свято-Владимирського, все еще милого для моей души... А я, от уже два місяці скоро, як пробуваю в Москві білокаменній, і вже начитався трохи листів, писаних колись-то сюди руками власними і Богдана, і шуринів його — Якіма Сомка, і Івана Ничипоренка (Золотаренка), і падлюки Брюховецького, як ще був він полковником запорозьким; да й думав собі: от якби отих листів, хоч би по одному, да в руки Василини любої дитини! Да ба!

А тим часом, споминаючи Вашу думку і мову про старопечатні кийвські книги, я уже бачився с достославним книжником московським Тихоном Федоровичем Большаковым і дещо вже наказав йому не продавати нікому і попридержать для нас. То Ви зараз звістіть мене, чи справді таки Ви будете збирать книги старопечатні киевской печати, і не то, що все церковні, а котрі б більш до історії нашої і просвещения належали, — і скільки грошей на те можете, по батьковській ласці, употребити? І коли будете, то і вишліть не откладуючи так, скільки-небудь на початок, для покупки у брадатого мудреця, щоб він таки бачив, що йому ненароком заказано. А я вже знатиму, що вибирать із того, що в його буде знаходиться, я Вас звіщатиму. А коли не захочете, то так треба і мені йому одповідати, щоб товар його не залежавсь занапрасно.

Поспішайте же обізватися до мене: бо се діло, не дурниця. А тим часом бувайте здоровеньки! Не забувайте мене, живуцого на Поварской, в доме графа Маркова, против конторы Адресов. Кланяйтесь од мене панотцю Вашому і матусі!

А чи були в Межигор'ї? А чи взялись читать Нестора і Київську летопись.

**ТИМКІВСЬКИЙ
Ілля Федорович**

*15.VII.1773, м. Переяслав — 15.II.1853, с. Туранівка
Глухівського повіту Чернігівської губ. (нині Сумської обл.).
Правознавець, педагог, лінгвіст, професор Харківського
університету, дядько М. Максимовича*

Походив із української козацької старшини, що дістала права російського дворянства. Початкову освіту здобував удома та в монахинь Золотоніського Благовіщенського монастиря. Продовжив навчання в Переяславській семінарії (з 1781 р.), а потім у Київській Духовній академії (з 1785 р.). У 1789 р. вступив до Московського університету, де провів вісім років, опановуючи відразу дві спеціальності: правознавство та словесність. Напружено працював, мріючи не лише зробити кар'єру, а й допомогти молодшим братам і сестрам (мав чотирьох братів і трьох сестер. Одна з них — мати М. А. Максимовича). Відвідування лекцій чергував із самостійним вивченням зарубіжної юридичної літератури. Цьому сприяли знання мов та наявність власної бібліотеки. За успіхи у навчанні був нагороджений чотирма медалями (3 срібні і 1 золота). Закінчив

Література

- Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1894. Т. 1.
- Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1906.
- Березин Ф. М. История русского языкознания. Москва, 1979.
- Болебрух А. Г., Шевцов В. И. Проблема отечественной истории в русской журналистике первой половины XIX в. Днепрпетровск, 1982.
- Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1.
- Буллич С. К. Очерк истории языковедения в России. СПб., 1904. Т. 1.
- Воспоминания М. К. Чалого (1826—1844). Киев, 1890.
- Записки Ильи Федоровича Тимковского // Русский архив. 1874. Кн. 1.
- Котляров А. Н. Историография дворянства и ее место в развитии исторической науки в России (XVIII в.). Томск, 1990.
- Максимович М. А. Воспоминание о Тимковских // Киевская старина. 1898. Т. LXIII. Ноябрь.
- Павловский И. Ф. Первое дополнение к краткому биографическому словарю ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава, 1913.
- Ромель К. Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001.
- Тимківський Ілля Федорович // Провідники духовності в Україні. Київ, 2003.
- Тимковский Илья Федорович (1773—1853) // Историки России. Биографии / Сост., ред. А. А. Чернобаев. Москва, 2001.
- Шугуров Н. Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская старина. 1891. Т. 34. Август—сентябрь—октябрь.
- Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908.

університет у 1897 р., маючи твердий намір написати працю з історії російських законів. Друкувався у журналах і газетах, вміщуючи там свої вірші та статті.

У 1797 р. І. Тимківський за направленням конференції Московського університету переїхав до Петербурга на запрошення генерал-прокурора О. Куракіна і був призначений викладачем російського правознавства в Сенатський юнкерський корпус. Новий поштовх науковій діяльності молодого дослідника дали реформаторські перетворення Олександра I та його оточення. У 1801 р. Тимківського призначили секретарем Сенату, а наступного року в Комісію "по сочиненню законів" надійшов його рукопис "Опыт систематического свода российских законов", що став першим новим оглядом історії російського законодавства. Робота мала важливе практичне значення й була схвально зустрінута в різних колах суспільства. Нагородою стали подяка імператора та діамантова каблучка. В 1802 р. міністр юстиції Г. Державін запропонував перспективному службовцю посаду юрисконсульта при Департаменті міністерства юстиції, де він створив проект третейського совісного суду.

В подальшому діяльність Тимківського була пов'язана з Харківським університетом (1803—1811). Він брав участь у його заснуванні, прийнявши пропозицію попечителя Харківського учбового округу С. Потоцького посісти кафедру в новоствореному навчальному закладі. Проявив неординарні організаційські, педагогічні та наукові здібності, формуючи складну університетську інфраструктуру. Слід погодитись з оцінкою діяльності вченого, висловленою авторами "Краткого очерка истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования", які наголошували: "На втором месте за В. Н. Каразиным мы ставим профессора И. Ф. Тимковского". Ілля Федорович читав курси російського цивільного і кримінального права, словесність, обирався деканом юридичного відділення, сприяв розвитку початкової та середньої освіти як візитатор Харківського учбового округу. Велику увагу приділяв підвищенню загальноосвітнього рівня державних службовців: ним була розроблена програма екзаменів для чиновників, відповідно до якої проводилося екзаменування на табельні чини.

Згідно з існуючою практикою, Тимківський, так само як і більшість тодішніх професорів, не писав і не захищав спеціальних дисертацій. У 1805 р. Московський університет без захисту надав йому ступінь доктора права, а Харківський (1807) — ступінь доктора філософії. У 1811 р. вчений опублікував підручник "Опытный способ к философическому познанию российского языка", а також текст свого виступу "О бывших в России поместьях и поместном праве", в яких він виступив новатором щодо розробки наукових проблем з позицій ідеології романтизму.

У 1809 р. Тимківський отримав із Геттінгенського університету послання відомих німецьких учених Г. Гейне і А. Геєрне. Вони зверталися до харківського професора з проханням пояснити сутність та походження прав російського дворянства на землю. До Німеччини відправлено ґрунтовну історичну довідку, за яку автору було присвоєно почесне звання члена королівського Геттінгенського наукового товариства. Ілля Федорович пишався зв'язками з провідними європейськими вченими і своїм титулом, постійно згадував його в ділових паперах нарівні з чинами та орденами.

У 1811 р. Тимківський подав прохання про відставку, мотивуючи цей крок незадовільним станом здоров'я, і поселився у своєму маєтку Туранівці Чернігівської губернії. Збирав гроші

на народне ополчення під час Вітчизняної війни 1812 р. Обирався Глухівським повітовим суддею (1815).

Повернувся на державну службу у зв'язку з пропозицією попечителя Харківського учбового округу Петровського очолити Новгород-Сіверську гімназію (1825). На посаді директора перебував протягом 13 років, перетворивши її на один із кращих середніх навчальних закладів України. Вирізнявся незалежною поведінкою: на практиці впроваджував власне бачення системи виховання та навчання, за що й був відправлений у почесну відставку (1838). В подальшому вів усамітнений спосіб життя, господарював у своєму маєтку, особливо цікавився пасічництвом.

У пам'ять про молодшого брата Романа, що рано помер, так і не встигнувши опублікувати свою працю про "Слово о полку Игореве", Ілля Федорович докладно вивчав знамениту поему. Опублікував замітку "Дажбог" (Москвитянин. 1850. № 9. Кн. 1), у якій висловлював оригінальний здогад про близькість східнослов'янських богів до сонячних богів інших давніх народів. Дослідження "Слова..." перетворили колишнього норманіста на критика норманської теорії. Спілкувався з М. Погодіним, повідомляючи редактора "Москвитянина" про свої захоплення історією українського козацтва, заняття генеалогічними дослідженнями козацьких родів, колекціонування документів з історії землеволодіння. З Погодіним та його виданням пов'язане звернення відставного професора в 1850—1852 рр. до мемуарного жанру. Московська інтелігенція готувалася тоді відзначити столітній ювілей першого російського університету, і Погодін запропонував Тимківському поділитися своїми споминами про університетське життя наприкінці XVIII ст. У своїх мемуарах "Мое определение в службу" Тимківський виступив у ролі одного з перших істориків російського інтелектуального життя. Після смерті вченого залишився великий приватний архів, який нащадки вберегти не змогли. Мав великий вплив на формування світогляду юного Максимовича, про що свідчать його "Автобіографія" (1904) та "Воспоминания о Тимковских" (1898).

29 октября 1834 г., Киев

Милостивый Государь
Илья Федорович!

До сих пор еще я не имел случая изъяснить Вам моего удовольствия, что судьба привела меня на службу в одном с Вами округе. Тем с большим удовольствием ныне имею честь известить Вас, что Университет Св. Владимира, уже благодаривший Вас за усердное внимание Ваше к нему, лучшими студентами своими обязан Вам вверенной гимназии, и что если Вы в наступающий срок по благоусмотрению своему представите кого-либо из подчиненных Вам чиновников к награде, то представление Ваше будет уважено со стороны Совета предпочтительно, и что он не преминет ходатайствовать о том у начальства.

Извещая Вас о сем, с истинным почтением и чувством родственной преданности, имею честь быть, Милостивый Государь, Вашим покорнейшим слугою

Михаил Максимович

30 октября 1836 г., Киев

Почтеннейший дядюшка
Илья Федорович!

В первый день моего выезда вчера после семинедельной болезни по возвращении из четырёхмесячного отпуска я узнал, что вчера же пришла сюда бумага со знаком беспорочной Вашей службы — мне очень приятно поздравить Вас и известить об окончании (tandem!) этого дела, проволочка коего немало причинила мне скорби во время оно.

Участливое во мне письмо Ваше пришло сюда в мое отсутствие, на оное о себе могу сказать, что оставление Киева так скоро было бы действительно несправедливо: еще с юности мечтал я докоротать в нем век мой — и теперь думаю, если не всю остальную жизнь провести здесь, то лечь тут костями моими. Что ж насчет до ректорства, то я сложил его преждевременно с себя по расстройству моего здоровья, которого недоставало для продолжения сей должности и для занятия ученого новым для меня делом — словесностью; для первого, в начало университета довольно было полутора моих года, а для второго... *vita brevis!* А взявшись за сей гуж не говори не дуж, потому я, оставив ботанику, когда потерял зрение, рассудил отдать и посвятить новому предмету остаток сил моих и теперь предан ему вполне — и начатки трудов моих Вы видите в "Журнале Министерства Народного Просвещения" (где начал я с Песни Игорю, в память дяди Романа, коего пропавший труд *Chronica Scandalosa* в Москве приписывают нечистой руке Снегирева) [...].

Н. В. Среди разысканий об языке русских книг мне открылась наконец истина, что руссы, давшие имя нашим восточным славянам и объединившие их собою, были вовсе не норманы, но чистые славяне, самые северозападные (одерские).

Киевская старина. 1891. № 10. С. 86, 88.

УВАРОВ Сергій Семенович

*25.VIII.1786, Санкт-Петербург — 4.IX.1855, Москва.
Державний діяч, дійсний таємний радник (1838), граф (1846)*

Походив із впливового дворянського роду. Син віце-полковника лейб-гвардії гренадерського полку Семена Федоровича Уварова. Катерина II була його хрещеною матір'ю. Здобув блискучу домашню освіту. Досконало володів основними європейськими мовами. Слухав лекції в Геттінгенському університеті (Німеччина). Родинні зв'язки забезпечили успіхи на перших етапах службової кар'єри. Державну службу розпочав у січні 1798 р. в Колегії іноземних справ юнкером. Через рік звільнений зі служби за малолітством, а в червні 1801 р. знову зарахований до Колегії юнкером, згодом став перекладачем. З 1803 р. камер-юнкер Двору. В 1805—1809 рр. перебував при російському посольстві у Відні, потім призначений секретарем посольства в Парижі. Перебуваючи за кордоном, познайомився з багатьма діячами літератури та науки (брати Гумбольдти, Гете, мадам де Сталь та ін.). Вивчав класичні старожитності, опублікував ряд досліджень з давньогрецької літератури та археології. У 1810 р. залишив дипломатичну службу.

У чині дійсного статського радника (1810) призначений попечителем Петербурзького учбового округу та членом Головного управління училищ. У 1818 р. Уваров став також президентом імператорської Академії Наук. На цій посаді він залишався до кінця життя. Сприяв розширенню діяльності Академії. При ньому була заснована Пулковська обсерваторія, збільшилося фінансування наукових досліджень. Стрімкій службовій кар'єрі Сергія Уварова посприяв шлюб (1811) з дочкою графа Олексія Розумовського, котрий, як стверджували сучасники, "в полном смысле составил fortuna его", адже графиня, крім усього іншого, забезпечила чоловікові протекцію батька — на той час міністра народної освіти.

Література

- Алексеев П. В.* Философы России XIX—XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. Москва, 2002.
- Вацура В. Э., Гиллельсон М. И.* “Сквозь умственные плотины”. Москва, 1986.
- Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. Санкт-Петербург, 1999.
- Данилев В. М. О.* Максимович на київській кафедрі // Україна. 1929. Кн. 34.
- Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864.
- Драгомир В. В.* К вопросу о полемике по проблеме роли С. С. Уварова в истории России // Личность, общество и власть в истории России: системный компаративный анализ. Москва, 1998.
- Дурдиева Л. М. С. С. Уваров и теория официальной народности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Москва, 1996.
- Иванов С. А.* Идеология, православие, самодержавие, народность С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып. 1.
- Исабаева Л. М.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова в 1810-е гг. // ВМГУ. 1990. Сер. 8. История. № 6.
- Максимович М. А.* Письма о Киве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871.
- Погодин М. П.* Для биографии гр. С. С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12.
- Плетнев П. А.* Памяти гр. С. С. Уварова. СПб., 1855.
- Попов О. В. С. С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII—XX вв.* Воронеж, 1999. Вып. IV.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1875.
- Соколов Б. В.* Гоголь. Энциклопедия. Москва, 2003.
- Федорченко В. И.* Императорский Дом. Выдающиеся чиновники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск; Москва, 2001. Т. 2.
- В 1810-х — на початку 1820-х років Сергій Семенович виступив одним із організаторів літературного товариства “Арзамас”, спілкувався з К. Батюшковым, М. Карамзіним, М. Гнедичем, братами Тургенєвими, О. Пушкіним, В. Жуковським, Д. Блудовим.
- У 1821 р. він звільнився з посади попечителя округу і наступного року перейшов до Міністерства фінансів, де обійняв посаду директора Департаменту мануфактур і внутрішньої торгівлі, ставши водночас членом Ради міністра фінансів (за посадою). Управляючий Державним позиковим і Комерційним банками (1823), таємний радник (1824), сенатор (1826), брав участь у розробці цензурного статуту 1828 р.
- У 1832 р. Уваров знову повернувся до Міністерства народної освіти, ставши товаришем міністра народної освіти. Упродовж серпня—листопада цього ж року перебував у Москві з метою огляду університету та деяких училищ учбового округу; 21 березня 1833 р. призначений в.о. міністра народної освіти, а через місяць і головою Комітету з облаштування навчальних закладів. Міністром народної освіти затверджений у квітні 1834 р.
- Повідомляючи попечителів учбових округів про свій вступ на посаду міністра, Уваров писав: “Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности”. (Ця формула як девіз була внесена на його графський герб). З іменем Уварова пов'язане оформлення теорії офіційної народності, а його 16-річне управління міністерством залишило помітний слід в історії освіти Росії. У своїй діяльності він обстоював інтереси дворянства, при ньому відбулося посилення цензури, а селянське питання було зовсім закрите для літератури. Загальноросійський Статут 1835 р. посилив урядову опіку над університетами, а на окраїнах Російської імперії посилювався процес “водворення русского просвещения”. Людина високоосвічена, у професорах міністр цінував перш за все “чувство русское и непорочность мнений”. У той же час в період “правління” Уварова був відкритий Університет св. Володимира в Києві (1834), першим ректором якого став М. О. Максимович, а також ряд інших навчальних закладів. Він започаткував реальну освіту, відновив відрядження молодих учених за кордон, першим із міністрів народної освіти почав публікувати свої річні звіти щодо управління Міністерством, у заснованому при ньому “Журнале Министерства народного просвещения”. Найцікавішими для розуміння постаті Уварова є його праці “О преподавании истории относительно к народному воспитанию” (СПб., 1813), “Общий взгляд на философию словесности” (СПб., 1848), “Проект цензурного устава, внесенный в Государственный совет гр. Уваровым в 1849 г. и не одобренный Советом” (СПб., 1849). Нагороджений усіма вищими орденами Російської імперії, у тому числі орденом Св. Апостола Андрія Первозванного (1850). Член і почесний член багатьох російських та зарубіжних наукових і освітніх товариств, зокрема почесний член Університету св. Володимира (1844). У зв'язку з тяжкою хворобою у 1849 р. залишив посаду міністра і переїхав до родинного маєтку під Москвою, де прожив останні роки свого життя.
- У 1832 р. відбулося знайомство С. Уварова з М. Максимовичем, описане згодом Михайлом Олександровичем у своїй “Автобиографии”. Майбутній міністр тоді відвідав його лекцію у Московському університеті. “Ту первую лекцию, — згадував Максимович, — сказал я так хорошо, что и сам ею остался вполне доволен. Видно было, что красноречивый президент Академии наук не ожидал такой ботаники от московского адъюнкта”. Лекцією московського ботаніка він залишився задово-

лений. У 1834 р. московський професор просив міністра перевести його до новоутвореного університету св. Володимира в Києві, погоджуючись навіть посісти кафедру фізики. Однак попечитель Київського учбового округу захотів бачити природничника на чолі кафедри російської словесності та деканом 1-го відділення філософського факультету, а згодом — ректором університету. Максимович, згідно з існуючою традицією, висловив свою вдячність міністрові за призначення, надсилав йому власні книги, пояснював мотиви появи своєї праці "Сказание о Колиевщине", написаної для "Киевлянина", але забороненої цензурою.

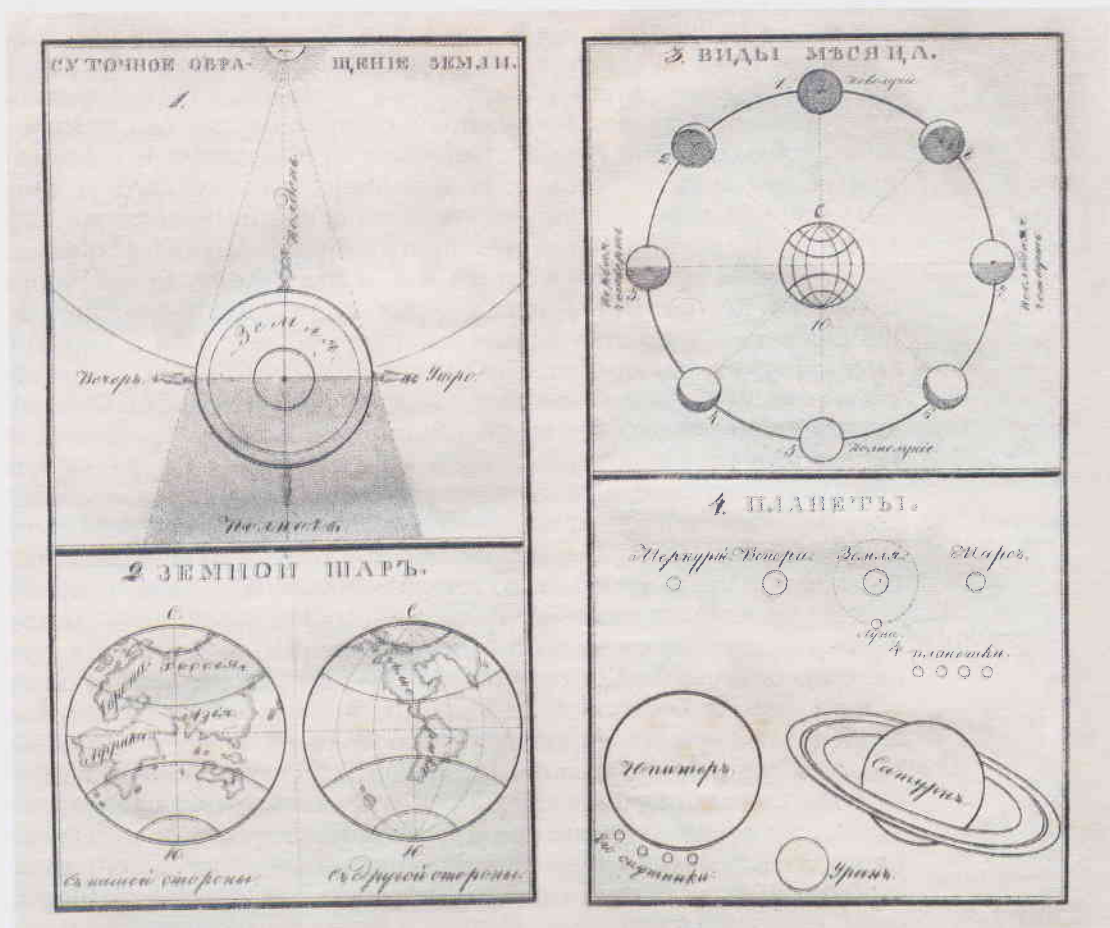
1833 г.

Удостоенный ходатайством Вашим Высочайше назначенного мне отпуска и вспоможения на оный, я почитаю долгом принести мою глубочайшую благодарность Вашему Превосходительству за сию благосклонность и за то внимание, которым я имел честь пользоваться в незабвенное для Университета время пребывания Вашего в Москве*. Но как надлежащая пора для отъезда на Кавказ мною уже пропущена, то я принужден, ограничась на сей год московскими искусственными водами, просить Ваше Превосходительство о дозволении мне воспользоваться оным отпуском

*

В должности товарища Министра Народного Просвещения С. С. Уваров был в Москве осенью 1832 года и присутствовал на лекции Максимовича.

Ілюстрації до "Книги Наума о великом Божьем мире" М. Максимовича. 1833 р.

в начале весны будущего года. — При сем имею честь представить просвещенному вниманию Вашему два новые сочинения мои: "Размышления" и "Книгу Наума о величии Божьего мира", которая, "Книга Наума", есть начало мною предпринятой общенародной энциклопедии, где бы вкратце содержались знания положительные, основные и полезные для всякого. Весьма лестно для меня было б, если бы сие начало удостоилось одобрительного внимания Вашего и если бы я мог продолжение оно сделать соответственным видам Вашим о просвещении России.

Если сию первую книгу Вы признаете полезною, в таком случае покорнейше прошу Ваше Превосходительство доставить мне впервые счастье представить образец трудов моих Государю Императору, а с тем вместе Государыне Императрице и Государеву Наследнику.

С душевным чувством высокого уважения к особе Вашей имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

М. Максимович

[1834 г., Москва]

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

В два последние года я стал чувствовать совершенную необходимость для моего здоровья в более южном климате. Сия необходимость обратилась в потребность душевную с тех пор, как назначен Университет в Киеве, близ коего находится моя родина, вокруг коего и природа еще не исследована. Назначение Университета Святого Владимира радует меня сколько важности своею для обновляющегося ныне просвещения и воспитания общественного, столько и возможностью улучшить и удолговольствовать мою личную жизнь, без перемены того служебного поприща, к которому я себя приготовил и приучил. Изъявляя сие глубокое, душевное желание мое, в надежде на то внимание и участие, которыми Вы меня удостоили, покорнейше прошу Ваше Превосходительство назначить меня профессором в Университет Святого Владимира. Важнейшим предметом моих занятий была предпочтительно природа органическая; и я, кроме ботаники, занимался еще 7 лет преподаванием зоологии в Дворянском Институте; ею начал в 1824 году мое литературное поприще, и в 1831 году составил, наконец, вместе с ботаническою системою, систему животного царства, коей следует г. адъюнкт-профессор Щуровский в своих лекциях. До сих пор будучи преподавателем ботаники, я трудился над нею гораздо больше и знаю ее подробнее; но при этом я имею несколько новых идей и видов в зоологии, которых не в состоянии был еще раскрыть и исполнить, будучи преподавателем ботаники. Между тем я десятилетним опытом вполне убедился, что преподаванием зоологии могу быть полезнее для слушателей, нежели преподаванием ботаники; ибо предмет первой, по большому одушевлению своей жизни, имеет гораздо больше привлекательности и важности для преподавания и слушания, нежели предмет ботаники, который по самой натуре своей, имеет меньше общего интереса и предполагает либо особую склонность слушателя, либо особую прикладную важность свою, например к медицине. Почему я желал бы кафедру зоологии,

Московський університет.
Розфарбована літографія
1820-х років

еще более, чем кафедру ботаники, предоставляя сию науку для кабинетных занятий приличными сочинениями по оной, мог бы полезным быть не менее изустного ея преподавания. Но если обе желанные кафедры заняты уже в Киеве, то я покорнейше прошу определить меня хоть профессором физики, занятия которой я не оставлял совершенно, и если в свидетельство не могу представить ничего, кроме журнальных статей и преподавания в частных местах и в коммерческой академии, по крайней мере, по привычке к труду и изустному преподаванию, чувствую себя в силах в течение двух или трех семестров достигчь необходимого совершенства.

14 марта 1834 г., Москва

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

В два последние года я стал чувствовать совершенную необходимость в более южном климате для восстановления моего расстроенного здоровья. Сия необходимость обратилась в потребность душевную с тех пор, как назначен университет в Киеве, близ коего находится моя родина. Назначение сие радует меня сколько важностию своею для обновляющегося ныне просвещения и воспитания общественного, столько и возможностью улучшить и удовольствовать мою личную жизнь без перемены того служебного поприща, к которому я себя приготовил и приучил. Изъявляя сие глубокое душевное желание мое и с надеждою на то внимание и участие, которыми Вы меня удостоили, покорнейше прошу Ваше Превосходительство назначить меня в Университет Святого Владимира профессором минералогии либо физики, если уже заняты кафедры зоологии и ботаники. Хотя главным предметом моим доселе были две последние науки, но и первые две никогда не выходили из круга моих занятий: я не раз преподавал их, иногда писал об них и столько об них думал, что в состоянии, приступив к их преподаванию, в скорое время

оказать в том требуемые успехи, — тем с большим наслаждением, что при этом я и для собственного знания развил бы подробнее сии науки, особливо столь занимательные, как физическая география и геогнезия, кои до сего времени были упускаемы из виду в университетском преподавании.

Но если на все сии кафедры уже назначены профессора, в таком случае осмеливаюсь убедительнейше просить Ваше Превосходительство назначить меня профессором российской словесности, согласно с желанием г. попечителя Киевского округа. Чувствую всю особенность и важность моего прошения, но я не смел бы обратиться с ним к Вашему Превосходительству, если бы не чувствовал в себе столько любви к русской словесности, столько привычки к труду и изустному преподаванию, что с ними могу в недолгое время одолеть предстоящую трудность и неукоризненно занимать сию кафедру, — если б не был убежден, что в Киеве преподаванием русской словесности в ее историческом развитии и современном виде могу быть гораздо полезнее, нежели здесь изустным преподаванием ботаники. Что словесность не была для меня чуждым предметом, что я иногда принимал в ней некоторое участие, сие известно Вашему Превосходительству, но занявшись ею профессорски, я исполнил бы в Киеве давно желанное мною изучение славянских языков и может быть был бы так счастлив, что успел бы тем принести пользу и самой русской словесности, кроме ее распространения между малороссиянами и поляками, там я мог бы докончить удачнее "Малороссийский Словарь" и продолжать успешнее "Собрание Украинских Песен" — предприятие, удостоившееся одобрения Вашего Превосходительства.

Осмелившись изъяснить все сие так, как оно есть в душе моей, еще раз убедительнейше и покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать мне благодетельное участие Ваше перемещением меня из Москвы в Киев, где я надеюсь обновиться в здравьи моем и спокойствии душевном.

С глубоким уважением и сердечною признательностию, имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Михаил Максимович

21 мая 1834 г., Москва

Благосклонное снисхождение к моей просьбе и столь лестное и поощрительное для меня доверие Вашего Высокопревосходительства дают мне смелость вновь изъяснить пред Вами возрастающее в душе моей чувство благодарности. Оправдать назначение, коего ныне я Вами удостоен, поставлю себе священною обязанностью.

Я не успел еще приобрести здесь седины деканской, но я со всем вниманием вникал в то направление, к коему Вы обращаете просвещение народное, — был свидетелем влияния новых распоряжений в пользу общественного воспитания и того живительного участия, которое, наконец, видели здесь на себе профессор и студент: и все, что успел я понять и занять в обновля-

емом Вами университетом, я переношу в новый университет, Вами основанный, и потщусь быть ревностным исполнителем моей службы и тех правил, кои Ваше Высокопревосходительство, по местной особенности Киева, постановите.

Ныне оканчиваю последнее мое служение Московскому университету, коему так много обязан. Окончив экзамены и сдав мою должность кому назначит университет, я постараюсь всеми силами к исходу будущего месяца собраться средствами, необходимыми к приличному перемещению моему в Киев, и ускорить назначенный срок, дабы поспеть как можно ранее 15-го июля.

26 октября 1835 г., Киев

Удостоенный быть первым ректором Университета Св. Владимира, я старался исполнять сие дело с возможным для меня усердием и оправдать оказанное мне доверие моего начальства. Но пятнадцать месяцев усиленного, многосложного и непрерывного труда по сей должности и вместе занятия по кафедре русской словесности сильно изнурили мое уже и прежде расстроенное здоровье, особенно зрение, — поставили меня в невозможность продолжать с успехом обе должности и привели к грустной необходимости желать увольнения от звания ректора.

23-го октября я подал о том прошение к господину попечителю Киевского учебного округа, и осмеливаюсь просить благосклонного к оному внимания Вашего Высокопревосходительства. — Оставшись при одной должности профессорской, я буду иметь больше возможности к распространению здесь русской словесности и остаток сил моих посвящу на собственно ученые труды, коими надеюсь еще быть полезным новому университету, в устройении коего я имел счастье под начальством Вашим принимать близкое участие.

С глубочайшим почтением и душевною преданностью имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

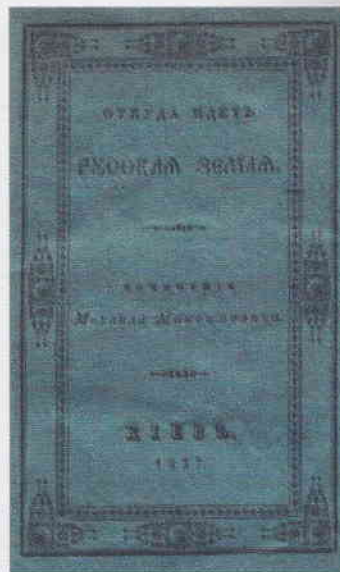
Ректор Университета Св. Владимира

Михаил Максимович

8 мая 1837 г., Киев

Чсть имею представить Вашему Высокопревосходительству экземпляр нового сочинения моего "Откуда идет Русская Земля", как первое сочинение при Университете Св. Владимира, в типографии оного напечатанное, и как предварительный мой труд для истории русской словесности, занимаясь коею для преподавания лекций, я запасаю и обдумываю по мере сил моих материалы, и для руководства к оной. В настоящем сочинении я представил историю мнения о происхождении Руси, как предмете существенно прикосновенном к истории нашей словесности и языка, — а как из числа сих мнений наиболее удовлетвори-

Титульна сторінка книги М. Максимовича "Откуда идет Русская земля". 1837 р.

тельным нашел я по разумению моему старинное русское и ломоносовское мнение о происхождении Руси словенском, то я предпочел его и постарался со своей стороны возобновить оное на основании наших писателей, особенно старинных, — как мнение, даже и по старшинству заслуживающее внимания.

По сей главной мысли моего сочинения я осмеливаюсь просить внимания Вашего Высокопревосходительства к нему, — и если вкратце изложенный в нем взгляд мой на Русь заслуживает одобрения Вашего Высокопревосходительства, тогда я мог бы со смелостью приступить к составлению подробного по оному руководства к истории нашей словесности, как предмета, в раскрытии коего представляются еще стороны мало исследованные, и точки зрения, почти обойденные трудившимися на сем поприще, — и по которому новый труд мог бы еще быть полезным, особенно с целью педагогическою употребленный. Такому труду, если он не совершен еще другими по поручению начальства, я осмеливался бы просить дозволения быть допущенным, чувствуя склонность и готовность посвятить на оный мои последние силы, ободряемый тем вниманием, какое Ваше Высокопревосходительство, обращая на пользы русского просвещения, оказываете и трудящимся на поприще оного.

[1840 г.]

Честь имею поздравить Вас с Новым годом и, желая Вам новых благ и новых сил для блага нашего, приношу мою душевную благодарность за удостоение моей книги желанной мною чести.

При отъезде в Санкт-Петербург господина попечителя князя Сергея Ивановича [Давыдова], я просил его засвидетельствовать перед Вами о совершенном упадке моего здоровья и ходатайствовать у Вашего Высокопревосходительства о моей отставке. Посему с своей стороны не смею уже беспокоить Вас просьбами о сем предмете, и только в душе моей уповаю на Ваше милостивое и благодетельное внимание к моему немощному теперь состоянию.

Но мне, при конце моего служебного поприща, в первый раз случилось быть автором статьи неодобренной цензурою, признанной и от Вашего Высокопревосходительства неуместною. Опасаюсь, чтобы сие обстоятельство не бросило тень на доброе обо мне мнение, а потому осмеливаюсь изложить перед Вами особенные побуждения, по которым я написал сказание о Колиевщине для издаваемого мною альманаха.

1. Между поляками, а от них даже и между некоторыми русскими сего края, существует закоренелый, полный предрассудками взгляд, будто Колиевщина была делом политики русской, будто императрица посредством Золотой грамоты обратила запорожцев на истребление поляков, а потом дала помощь полякам на истребление бунтовавших украинцев, чтобы, ослабив обе стороны в крае, удобнее завладеть им. Такой нелепый и недостойный толк ведется здесь вопреки истине и даже современным за-

пискам и составляет один из сильных аргументов странной политической логики поляков, которую в продолжение моего здесь пребывания наблюдал я внимательно и узнал довольно.

Подробностей о Колиевщине так много здесь ходит в народе, что они для них не новость и забудутся не скоро; но к воспоминаниям об них могут привязываться разные взгляды и толки об их происхождении и начале. И вот почему я хотел мою статью разрушить нелепый польский толк о начале сего события. Моим сказанием хотел я опровергнуть нелепую клевету поляков на Екатерину Великую, и потому я с особенным тщанием раскрыл историческую правду о начале и происхождении Колиевщины и ее значении.

2. Кроме того, в понятии поляков имеет особенную репутацию современная Колиевщине конфедерация Барская; но выставя ее, как ближайший повод к Колиевщине, я имел случай представить конфедерацию с невыгодной стороны для самих поляков, которые большею частью толкуют с голоса, по предрассудку, не зная подробностей дела.

3. Между тем как у русских нет ничего написанного о Колиевщине с русской точки зрения, поляки имеют у себя несколько записок современных об ней, писанных более или менее в духе польском. Одна из них, писанная Базилианом Тучапским в сильном католическом духе, напечатана 1838 года в "Тыгоднике Литерацком", по списку выданному из базилианского Уманского монастыря за подписями и печатями, как документ. Издатель "Тыгодника" предлагает ее как новый материал для будущих историков и романистов. И один парижский поляк (имени коего на сей час не припомню) написал уже, как говорят, целую драму из Колиевщины. Повесть, изданная 1838 года Грабовским (под именем Эдварда Тарша), представляет разительно действия и польских судей, но выставя польщизну следствием одной почти гайдамаччины, не устраняет вышеупомянутого толка о происхождении оной. Таким образом память о сем событии, так сказать, в новом ходу у поляков, следственно им открылся новый повод толковать по-своему об этом деле. И вот почему я написал сказание о Колиевщине, желая в здешнем крае распространить об ней надлежащий взгляд на нее посредством "Киевского Альманаха", который предпринял я с мыслью противодействовать разным предрассудкам, заблуждениям, превратным толкам и странностям ополчившихся русских. Многие из них происходят единственно от невежества или от полужнания истины, обезображенной измышлениями, перетолкованиями; и таким из них я думал всего лучше противодействовать книжным раскрытием истины исторической, которая, к счастью нашему, говорит в нашу пользу и в отношениях Западной Руси к Польше всегда обращается на главу её, особенно в деле веры.

Из сего, Ваше Высокопревосходительство, усмотреть изволисте, что я написал мое сказание не из какого-нибудь суетного литературного эффекта, но из побуждений, сообразных с назначением моим, и руководствовался тем отечественным чувством, которое всегда меня одушевляло на поприще моей службы; к окончательному же представлению моей статьи в цензуру меня

Катерина II. Гравюра XIX ст.

решило прочтение прекрасной статьи, служащей введением к актам воссоединения униатов с Православною Церковью.

4 апреля 1844 г., Киев

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Сергей Семенович!

Пробыв три лета в деревенском уединении и без трудов книжных, я, Слава Богу, столько окреп в моих силах, что мог принять на себя временное преподавание в Университете Св. Владимира, предложенное мне г. попечителем Киевского учебного округа. Годичным курсом сего занятия я уверился, что могу опять поступить в действительную службу, к чему и побуждает меня не столько скудная проза моей буколической жизни, сколько привычная потребность иного круга людей и деятельности общественной. Исполненный сей потребности, я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой принять меня опять на службу по Министерству Народного Просвещения, которой посвящены были лучшие годы моей жизни и в которой я имел счастье заслужить Ваше незабвенное для меня внимание. Всего ближе и удобнее было бы занять прежнюю кафедру, но я чувствую, что для профессорства мне необходимо сперва посетить на некоторое время Москву и Петербург, дабы обновить и пополнить знания свои знакомством со многими, теперь уже доступными памятниками нашей словесности, освежить и поверить свои мысли беседою с разными учеными. Кроме того, я опасаясь, что, предавшись вновь постоянным теоретически-ученым трудам и сидячей жизни, подвергнусь от них прежнему расстройству и упадку сил. Но при моем здоровье и в настоящую пору жизни, я должен желать себе поприща более практического, на котором — кажется — мог бы действовать и продолжительнее и полезнее для службы, не боясь преждевременного изнеможения, испытанного мною от постоянных занятий.

По сей собственно причине я решился просить Ваше Высокопревосходительство о принятии меня преимущественно на такую службу — в должности, какой усмотрением Вашим меня удостоите. Для меня самого всего желательнее была бы должность помощника попечителя, для которой в начале сего года была и вакансия в Одесском округе, столь благоприятном мне по своему климату. Для занятий, сопряженных с сею должностью, я имел уже случай изведать себя и приобрести некоторую опытность в бытность мою ректором, когда существовал еще училищный комитет: потому надеюсь и в этом или подобном звании быть полезным и верным служителем народного просвещения.

С упованием благосклонного внимания Вашего к вышеизложенным желаниям моим и просьбам, и с чувством глубокого уважения и преданности к особе Вашей, честь имею быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Михаил Максимович

Август 1846 г.

К Министру

С прекращением моих последних занятий в Университете Св. Владимира, я более года опять провел в деревенском уединении, трудясь всего более над филологией и приводя к окончанию мои исследования о русском языке, начало которых намечено было 1828 года в "Журнале Министерства Народного Просвещения".

Этими занятиями и опытом двухлетнего преподавания я удостоверился, что в настоящее время — благодаря Бога — могу уже посвятить себя вновь ученым трудам на пользу общественную; и потому я решился возобновить службу мою на педагогическом поприще.

С этим намерением прибыл я теперь в Киев и просил г. попечителя ходатайствовать у Вашего Сиятельства о принятии меня в здешний университет в прежней должности. С тем вместе я приступил к печатанию моих филологических исследований, в которых я старался определить главные отличительные свойства наречий русских от западно-славянских и разрешить многие из тех вопросов, которые занимают современную славянскую филологию. Имею честь представить при сем Вашему благоусмотрению обозрение статей, составляющих мое сочинение, и с тем вместе осмеливаюсь просить покорнейше позволения украсить именем Вашего Сиятельства и посвятить Вам сей труд, как первый плод моей возобновленной ученой деятельности, которою не раз имел счастье обращать на себя Ваше незабвенное для меня внимание и заслуживать отрадное для меня одобрение и ободрение моих трудов.

С чувством глубокого почтения к особе Вашей, имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга

М. Максимович

14 ноября 1849 г., Москва

Милостивый Государь
граф Сергей Семенович!

Вашему Сиятельству известно мое постоянное желание возобновить службу по Министерству Народного Просвещения, столь много обязанному Вашим распоряжениям.

Удостоенный вниманием Вашим, как преподаватель и труженник, я имел счастье удостоиться Вашего одобрения и в звании ректора: и это дает мне смелость покорнейше просить Вашего ходатайства о назначении меня ректором университета в Киеве или Харькове.

При сем, с чувством глубокого уважения и признательности, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

Михаил Максимович

*Киевская старина. 1898. Т. 63. Октябрь—декабрь.
С. 277—281, 284, 286—288, 296—297, 299—300, 305.*

ФУНДУКЛЕЙ Іван Іванович

13.XI.1804, Санкт-Петербург — 22.VIII.1880, Москва. Державний та громадський діяч, меценат, сенатор (1852), дійсний тасмний радник (1864)

Народився в сім'ї комерційного радника, грека за національністю, який переселився до православної Росії з турецького Константинополя і швидко розбагатів, відкупаючи у держави монополію на продаж певних товарів та збирання державних податків. Здобув домашню освіту. Рано розпочав державну службу: у 1814 р. призначений підканцеляристом поштового департаменту. Через три роки отримав перший чин сенатського реєстратора. Служив при Комітеті міністрів і в Канцелярії прийому прохань, що подавались на ім'я імператора. Після 20-річної державної служби, навесні 1831 р. залишив Санкт-Петербург і переїхав до батька в Одесу, де прожив шість років, працюючи чиновником з особливих доручень при Новоросійському та Бессарабському генерал-губернаторі графі М. Воронцові. В липні 1837 р. за відмінну службу удостоївся дворянського герба. Наступного року в чині колезького радника призначений віце-губернатором Волинської губернії.

Через рік був переведений до Кисва на посаду київського цивільного губернатора (у чині статського радника), яку обіймав від 12 травня 1839 р. по 11 квітня 1852 р. Зажив слави як меценат і благодійник. М. Лесков у своїх спогадах "Умершее сословие" писав про І. І. Фундуклея: "Знаменитый в своем роде богач и добрый, кроткий человек, иждивением которого сделано много описательных изданий. Он был одинокий, довольно скучный человек тучного телосложения..."

Фундуклей як губернатор сприяв будівництву корпусів Університету Св. Володимира та Інституту шляхетних дівчат, появи училища для бідних дівчат та Анатомічного театру університету, будівництву Ланцюгового мосту через Дніпро та Астрономічної обсерваторії. За власний рахунок виклав бруківкою Андріївський узвіз; робив внески для благодійних цілей, турбувався про поліпшення умов утримання арештантів у в'язниці, допомагав киянам, що постраждали від весняних повеней.

В Києві він увійшов до кола шанувальників та колекціонерів старовини. Серед них — перший ректор Університету Св. Володимира М. Максимович, ректор КДА Інокентій (Борисов), попечитель Київського учбового округу С. Давидов, керуючий справами канцелярії генерал-губернатора М. Писарев, нумізмат барон Шодуар, історик М. Берлінський, археолог К. Лохвицький та ін. Наслідком інтересу до історії учасників цієї групи стала поява в Києві Комісії для розгляду давніх актів. Фундуклей був одним із її почесних членів.

Біограф Т. Шевченка Олександр Кониський писав: "Губернатором в Києве был Фундуклей, человек образованный, щедрый и сам писатель. У него тоже собирались писатели и другие образованные киевляне, а между ними бывал и Шевченко". За спогадами М. Костомарова губернатор намагався запобігти арешту поета у справі Кирило-Мефодіївського товариства.

Власним коштом І. Фундуклей видав книги з історії Києва та Київщини "Обозрение Киева в отношении к древностям" (К., 1847) та "Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии" (К., 1848), які редагував М. Максимович. Фундаментальним було також видання "Статистическое описание Киевской губернии" в 3-х частинах (СПб., 1852) за участю Журавського.

У 1852 р. переведений на службу до Варшавського департаменту Сенату в чині таємного радника. Від липня 1855 р. генеральний контролер Царства Польського, голова Вищої рахункової палати і віце-голова Державної Ради Царства Польського — уже в чині дійсного таємного радника (1864). Очолював комісію, що перекладала російською мовою всі збірники адміністративних розпоряджень Царства Польського.

За роки перебування в Польщі підготував ряд книг про різні галузі господарства та природу краю, а також "Статистическое обозрение расходов на военные потребности России с 1649—1825 гг.". У 1859 р. І. Фундуклей на прохання Київського генерал-губернатора Васильчикова передав два свої будинки для новоствореного жіночого училища (згодом гімназії), яке дістало назву Фундуклеївського й було відкрите 7 січня 1860 р. У 1869 р. одна з центральних вулиць Києва була перейменована на Фундуклеївську, а в грудні 1872 р. Іван Іванович був обраний почесним громадянином м. Києва. До столиці він повернувся у січні 1867 р. на посаду члена Державної Ради, працював у департаменті підготовки законів Російської імперії (від січня 1869 р.). У 1874 р. відзначив 60-річчя державної служби (нагороджений орденом Св. Андрія Первозванного). Того ж року Фундуклей залишив державну службу і переїхав до Москви, де вів усамітнене життя.

Державний службовець був також успішним підприємцем. Отримавши у спадок від батька значний капітал, він збільшив його в декілька разів. У Чигиринському повіті Київської губернії купив с. Мельники зі склозаводом, паровим та водяним млинами, а також с. Медведівку з цукровим заводом. У Криму під Гурзуфом мав виноградні плантації та виноробний завод.

Обраний дійсним членом імператорського Російського географічного товариства (1850), Одеського товариства історії та старожитностей, членом-кореспондентом Санкт-Петербурзького археологічного та нумізматичного товариства (1849), почесним членом Університету Св. Володимира (1849).

Нагороджений усіма вищими російськими орденами.

Література

Греки на українських теренах. Нариси з етнічної історії. Документи, матеріали, карти. Київ, 2000.

Ковалинський В. Дослідник киявської старовини // Фундуклей І. Огляд Києва відносно старожитностей. Київ, 1996.

Ковалинський В. Меценаты Киева. Киев, 1998.

Федорченко В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск; Москва, 2001. Т. 2.

Титульна сторінка книги І. Фундуклея "Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии". 1848 р.

18 мая 1847 г., Михайлова Гора

Сообразно с желанием Вашего Превосходительства, я готов немедленно приступить к редакции Вашего "Обозрения Киева", с обязанностью: 1) ограничиваться в изменении текста самонужнейшими поправками, сокращениями и пополнениями, оставляя его по возможности в нынешнем его составе и виде; 2) вести все сношения с цензурою и типографией, и держать самому корректуру; 3) ускорить печатание книги так, чтобы оно было уже кончено к началу августа месяца, — на что и Вальпер со своей стороны обязывается.

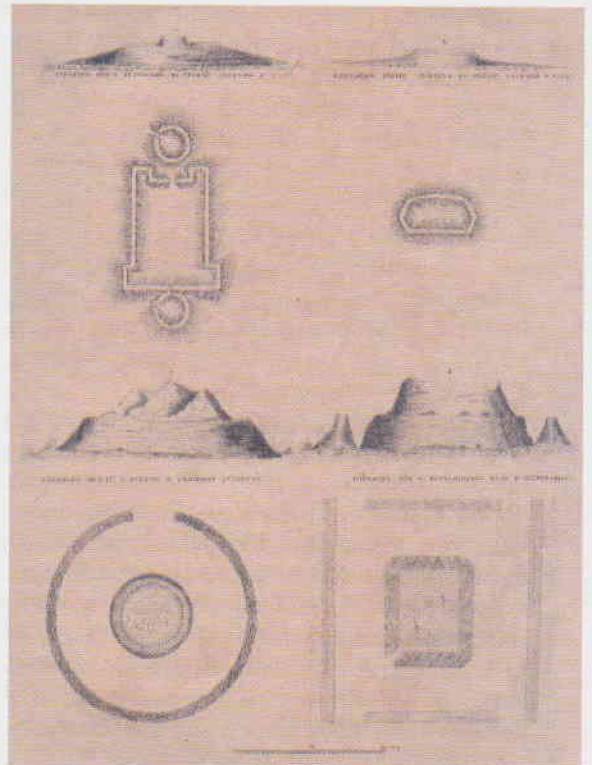
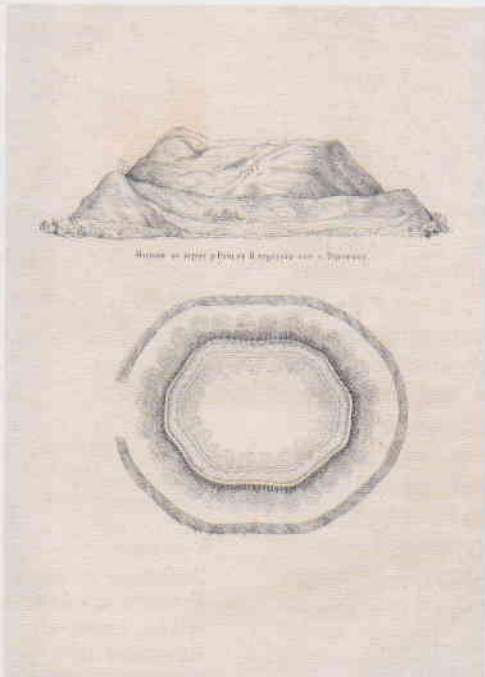
◆ Полагая за редакцию с печатного листа 12 рублей.

За мой труд — если мне самому уже должно сделать оценку ему — я полагаю достаточным получить 225 р. серебром◆; но так как я нарочно для сего должен переместиться в Киев и пробыть в нем около двух с половиною месяцев летних, то по этому обстоятельству считаю необходимым получить дополнительных, или вернее сказать предварительных 150 рублей серебром. При этой оценке я принимал в соображение, кроме предстоящих мне занятий и издержек, еще то, что университет, вызывая меня в Киев для временного преподавания, выслал мне на перемещение 150 р. серебром и потом платил мне по 14 р. серебром за полуторачасовую лекцию, которых мне назначено по три в неделю.

Что касается до "Описания курганов" и 2-й книги "Обозрения", то я к августу месяцу могу прочесть их предварительно, и тогда в состоянии буду сообразить и сказать, что я могу из них сделать.

◆ Иллюстрації до книги
І. Фундуклея "Обозрение
могил, валов и городищ
Киевской губернии". 1848 р.

Киевская старина. 1898. Т. 58. Октябрь—декабрь. С. 301.

ШАФАРИК (Шафаржик) Павел Йозеф

13.V.1795, с. Кобелярові (Словаччина) — 26.IV.1861, Прага (Чехія). Діяч чеського і словацького національного відродження, славіст, філолог, історик, етнограф

Народився в сім'ї священика. В 1817 р. закінчив Єнський університет. Працював учителем і директором гімназії в м. Нові-Сад (1819—1833). Редагував журнал "Светозор" (1834—1839) і "Часопис чеського музею" (1838—1843). У 1841 р. призначений хранителем, а в 1848 р. — директором бібліотеки Празького університету. Один з організаторів Слов'янського з'їзду 1848 р. у Празі, в якому брали участь представники українських організацій Галичини. Основоположник багатьох галузей славістики. Писав німецькою і чеською мовами. Основні наукові праці: "Історія слов'янської мови та літератури за всіма нарідчями" (1826), "Про походження слов'ян" (1828), "Слов'янські старожитності" (т. 1—2, 1836—1837, рос. переклад 1837—1848), "Слов'янська етнографія" (1842, рос. переклад 1843). Досліджував етногенез слов'янських народів, їхні мови, фольклор та історію.

Одним із перших серед європейських учених визначив територію та етнічні межі українського народу й обґрунтував самостійність української мови, зробив систематичний огляд української літератури, що набуло на той час значення захисту національної ідентичності українців. Підтримував широкі зв'язки з ученими й діячами культури слов'янських та інших країн, зокрема з українцями О. Бодянським, І. Вагилевичем,

Література

- Багмут А. Й. Листування М. О. Максимовича і П. Й. Шафарика // Слов'янське мовознавство. Київ, 1961. Вип. 3.
- Брик Ів. Матеріали до історії українсько-чеських взаємин в першій половині XIX ст. // Українсько-руський архів. Т. XV. Львів, 1921.
- Гонтар П. Українсько-чеські літературні зв'язки в XIX ст. Київ, 1956.
- Задерацкий Николай. Павел-Иосиф Шафарик. Очерк истории чешской литературы XIX века по "Словнику научному". Киев, 1875.
- Кулаковский П. А. Павел-Иосиф Шафарик. По поводу столетия со дня рождения. С.-Петербург, 1875.
- Лавров П. А. Жизнь и ученая деятельность П. И. Шафарика. Москва, 1897.
- Мильников А. С. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. Москва; Ленинград, 1963.

Я. Головацьким. Вони надсилали Шафаріку свої книги, списки з рукописів, українські пісні та ін. Все це давало змогу вченому глибше познайомитись з Україною, збирати матеріал для своїх подальших праць. Т. Шевченко присвятив видатному славісту поему "Єретик".

У науковій літературі не було єдиної думки щодо початку листування двох видатних славістів. Окремі припущення, зроблені спершу на підставі листа Максимовича до Шафарика від 23 квітня 1840 р., були недостатньо доведеними, а згодом спростованими А. Багмут.

Лист П. Й. Шафарика, виявлений і опублікований нею, дав можливість встановити, що листування між ними розпочалося не в 1838 р., а значно раніше, у вересні 1835 р., і що ініціатором листування був не Максимович, як гадав Ів. Брик, а чеський дослідник. П. Шафарик, — "далекий, невідомий Вам (Максимовичу. — Авт.) чоловік", — як назвав він себе у цьому листі, звертався до українського вченого зі словами захоплення і подяки за видання українських народних пісень. Відповідь на цей лист не збереглася. Можливо він був спалений самим Шафариком разом з іншими матеріалами його архіву. Проте листування, очевидно, продовжувалося. У своєму листі від 23 квітня 1840 р. Максимович повідомляє свого кореспондента про отриманий від нього лист і статтю. Їх міг передати Максимовичу П. Лукашевич, який незадовго перед тим був у Празі. Він, імовірно, привіз книги Максимовича до бібліотеки Шафарика. На збірці М. О. Максимовича "Украинские народные песни", за свідченням А. Багмут, рукою автора написано: "Достопочтенному и многоуважаемому у нас г. Шафаріку от Максимовича из Киева".

Отже, Шафарик був ініціатором листування і першим надіслав київському вченому книги-збірки народних пісень Я. Коллара, Ф. Челаковського і Ф. Сушила. Твердження Ів. Брика про те, що Михайло Олександрович надіслав Шафаріку свої книжки лише після того, як познайомився з його працею "Слов'янські старожитності", виявилось помилковим. Початок листування, на думку А. Багмут, слід пов'язувати з виданням Максимовичем українських пісень.

Про свої наукові дослідження російської мови Максимович повідомляв Шафарика в одному з листів від 1838 р. Хоча цей лист поки що не виявлено, київський учений згадує про нього у листі до Бодянського в Прагу (26 березня 1838 р.): "Я кое-что нового выработал относительно русского языка, о чем прочтете нечто в письме к Шафаріку, в коем и это к Вам письмо влагаю" (ЧОИДР. Т. 1. М., 1887). У цьому листі, очевидно, йшлося про три види російської мови, про що згадує Максимович також у листі від 23 квітня 1840 р. Український учений добре знав твори Шафарика, зокрема, відомі "Слов'янські старожитності" і, за його словами, скористався ними при написанні своєї "Истории русской словесности".

Ще в 1840 р. Максимович просив Шафарика написати спеціально для "Киевлянина" розвідку про київських богів. Цілком зрозуміле його бажання бачити у своєму виданні розвідку одного з кращих тогочасних славістів. Проте ані в № 2, ані в № 3 "Киевлянина" (1841, 1850) така стаття не з'явилася. У подальшому Шафарик уже через О. М. Бодянського отримав видання Максимовича "Киевлянин" (1850) і "Сборник украинских песен" (1849). Раніше він також просив Осипа Максимовича надіслати йому список "однієї з малоруських

пісень, покраще, зі збірника Максимовича "Украинские народные песни" (1834)". Очевидно, до 1850 р. листування між двома слов'янськими вченими вже припинилося.

23 апреля 1840 г., Киев

Милостивый Государь!

До сих пор еще не благодарил Вас я за письмо Ваше и любопытную статью об изданиях народных Словенских песен, полученных мною чрез г. Лукашевича. Тому причиной моя долгая болезнь, которая мешает моим занятиям, заставляет меня более года сидеть безвыходно в четырех стенах и принуждает преждевременно оставить службу. — Сахарова и Снегирева у меня на ту пору не было, ибо незадолго перед этим отправил их во Львов, кажется, Вагилевичу; но я писал, чтобы Вам эти книги выслали из Москвы, и не знаю, доставлены ли они Вам. Не знаю также, дошла ли посланная мною Вам и г. Ганке I ч. моей "Истории русской словесности", в которой многим я воспользовался из Ваших "Древностей", сколько с моими слабыми глазами и недостаточным знанием чешского языка мог прочесть их. В ней есть несколько замечаний о русском языке, трех видах его и наречиях, кои может быть заслужат Ваше внимание и одобрение. Жалею очень, что не в силах был доселе издавать продолжение. Кое-как только в прошедшую осень и зиму составил и напечатал первую книгу "Киевлянина", коего два экземпляра — для Вас и г. Ганки — послал уже чрез г. Гиртенштейна.

Понемногу подготавливаю и вторую книгу.

Каково Ваше теперь здоровье, и скоро ли мы увидим вторую часть Вашего труда, который поистине все словены могут назвать своею сокровищницею? — В ожидании оногo, я обращаюсь к Вам со следующею просьбою. Наша русско-словенская мифология так мало возделана, что мы не имеем еще ясного понятия даже о семи богах киевских. О первых четырех кое-что еще известно; но о Хорсе, Мокоше, Симаргле вовсе неизвестно, — и только Вы можете подать совет нам об этом предмете. Изъяснение семи богов, коим поставлены были 6 кумиров Владимиром Великим на Холме Перуновом, прямо относится к изъяснению Киевской древности, которой преимущественно посвящается мой "Киевлянин". Посему мне пришла мысль просить Вас покорнейше уделить несколько часов Ваших собственно для нас и сообщить нашей публике, посредством моего издания, результаты Ваших изысканий над словенскою мифологиею относительно семи богов киевских, хотя в краткой статье. Сим весьма обяжали бы Вы нас всех; не говорю уже о личном моем удовольствии получить статью относительно киевской древности, написанную Вами нарочно для "Киевлянина"!.. Если бы я мог получить ее в октябре или даже ноябре, то она была бы одним из лучших украшений второй книги; с немецкого и чешского мы здесь можем перевести ее исправно, а еще бы лучше и для русской души усладительнее получить ее от Вас прямо на русском языке. Не поверите, как красноречив русский язык, напр., в письме г. Ганки... Я хотел бы и его просить, ибо весьма бы желательно мне ознаменовать "Киевлянин" участием знаменитых наших словен;

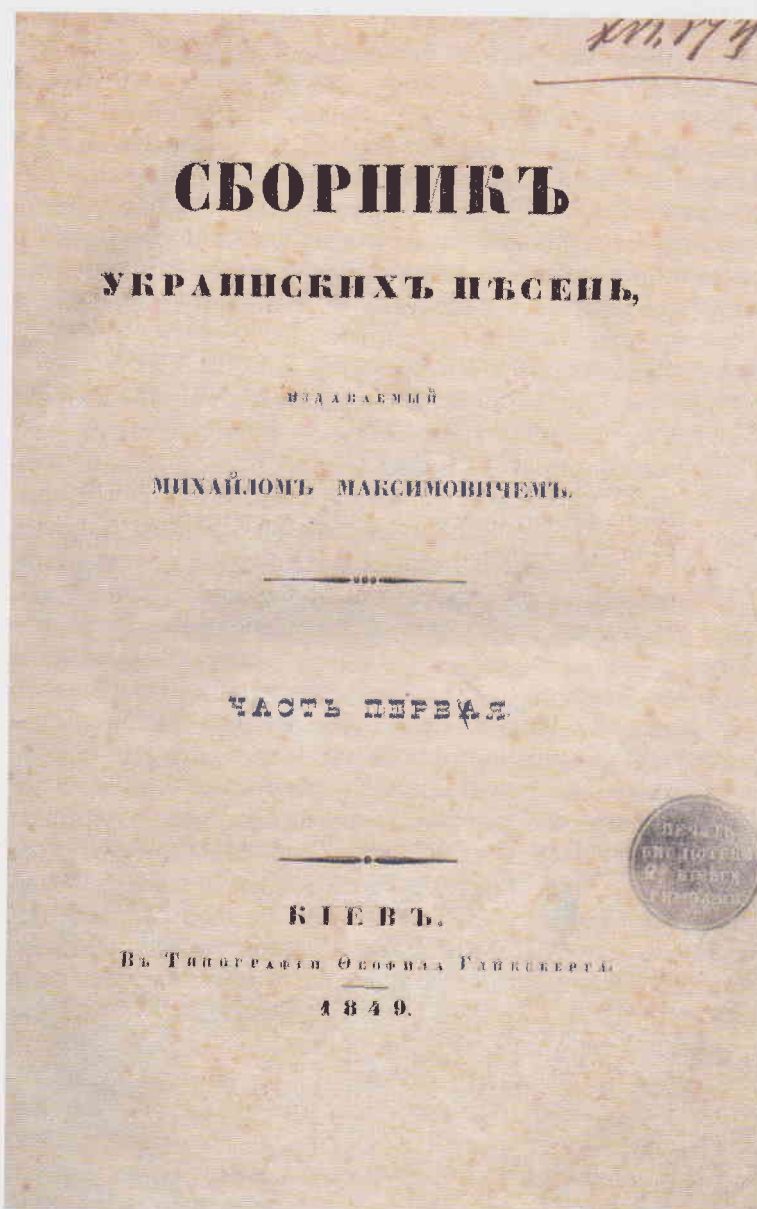
но не был с сим мужем в непосредственных сношениях письменных, не смею его беспокоить. Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать мой душевный поклон ему, Челаковскому и другим вашим соотчичам, и с моим истинным почтением, честь имею быть, Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

М. Максимович

Р. S. Песен я, как ни старался, а не мог собрать еще более трех тысяч. Песни Ходаковского я купил у его жены, и они находятся у меня и теперь, потому Вам кто-то об них сообщил несправедливое известие.

Да ниспошлет Господь Вам здоровье и всякое благополучие!

*Слов'янське мовознавство.
Київ, 1961. Вип. 3. С. 290—291.*

Титульна сторінка книги
“Сборник украинских песен”,
виданої М. Максимовичем.
1849 р.

ШЕВИРЬОВ Степан Петрович

*18.X.1806, Саратов — 8.V.1864, Париж.
Історик російської словесності, поет і критик*

Походив із дворян Саратовської губернії. В 1818 р., за директорства А. Антонського-Прокоповича, юнака відправили до московського університетського пансіону, де існувало літературне товариство, засноване В. Жуковським. Впливи романтизму в пансіоні були домінуючими, що позначилося на викладачах і їхніх вихованцях. Завжди наполегливий та амбітний, С. Шевирьов з найвищими результатами у навчанні закінчив пансіон (1822) і деякий час відвідував лекції в Московському університеті. Найбільший вплив на нього в цей час справили М. Каченовський та І. Давидов. Наприкінці 1823 р. розпочав службу в московському архіві Міністерства іноземних справ, де увійшов до гуртка своїх колег, "архивных юношей", що захоплювалися німецьким романтизмом і філософією Шеллінга (брати Киреевські, брати Веневітінови, Тітов, Мельгунов). Інший гурток, у якому бував молодий службовець, збирався у С. Раїча (переважали літературні захоплення). Там Шевирьов зблизився з М. Погодіним. Знайомство переросло в міцну дружбу, що тривала до останніх днів життя Степана Петровича. Він завжди був вірним соратником Погодіна, помічником у його літературних справах.

Романтизм і Шеллінг суттєво вплинули на його світогляд і теоретичні пошуки в галузі мистецтва. Займався перекладацькою діяльністю. В 1825 р. Шевирьов разом з Тітовим і Мельгуновим переклав книгу Тіка і Вакенродера: "Об искусстве и художниках", у якій мистецтво майже ототожнювалося з релігією. Друкувався (з 1827 р.) в "Московском Вестнике" — журналі московських шеллінгіанців, де побачили світ його теоретичні статті, вірші та численні переклади. Критичні статті були спрямовані проти Булгаріна, "Телеграфа" і "Северной пчелы". Значний успіх мав літературознавчий аналіз другої частини "Фауста", що викликав компліменти Гете.

Література

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 21 т. СПб., 1888—1907.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. Ч. 2. Москва, 1855.

Биография Кошелева. Москва, 1889—1892. Т. 1—2.

Кошелев А. И. Записки. Москва, 1991.

Погодин М. Воспоминания о Шевыреве // ЖМНП. 1869. Кн. 2.

Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 17. III—Я. М., 2001.

Соколов Б. В. Гоголь. Энциклопедия. Москва, 2003.

Фризман Л. Г., Лахно С. Н. М. А. Максимович — литератор. Харьков, 2003.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода. СПб., 1892.

Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755—1855. Репринтное издание. Москва, 1998.

У 1829 р. прийняв запрошення княгині З. Волконської стати вихователем її сина і виїхав до Італії, де пробув до середини 1832 р. За кордоном ґрунтовно знайомився із західноєвропейською літературою та мистецтвом, особливо італійським. З Італії надсилав матеріали, що друкувалися в "Галатее", "Московском Вестнике", "Телескопе", "Литературной газете". Змінив погляди на теорію мистецтва, відмовившись від методу романтичної естетики.

Повернувшись до Росії, посів місце ад'юнкта кафедри історії російської словесності Московського університету (на запрошення С. Уварова). Написав дисертацію "Данте и его век" (Ученые Записки Московского университета. 1833. № 5; 1834. № 11). Університетські курси були присвячені загальній теорії поезії і теорії поезії (1834—1835). Вийшли друком "История поэзии" (Т. 1, 1836), "Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов" (1837). Праці вченого викликали значний інтерес і були останнім словом університетської естетичної думки. Однак найвагомішою науковою працею дослідника стали "Чтения по истории русской словесности" (Ч. 1, 1845; Ч. 2, 1846; Ч. 3, 1858; Ч. 4, 1860).

Брав активну участь у літературному житті і полеміці західників і слов'янофілів. Співчував слов'янофілам. За оцінкою сучасників, "человек самолюбивый до мелочей, любитель почестей, искательный и готовый при случае подгадить" (Русская старина. 1886. Август). Був прихильником теорії офіційної народності, постулати якої обстоював у своїх публіцистичних виданнях. Полемізував з В. Белінським. Допомігав видавати твори М. Гоголя, товаришував і листувався з ним, вів його фінансові справи.

У 1837 р. став екстраординарним професором, а після відставки І. Давидова (1847) посів кафедру історії російської словесності Московського університету і був призначений деканом. Пройшов усі академічні щаблі, ставши ординарним академіком. Брав активну участь у підготовці столітнього ювілею університету: опублікував "Историю императорского Московского университета, написанную к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755—1855" (М., 1855), видав двотомний біографічний словник професорів, для якого написав кілька біографій.

Учений не користувався особливими симпатіями як студентського, так і професорського середовища через різкість та нестриманість характеру. Навіть його вірний товариш М. Погодин характеризував його як людину "с возбужденными всегда нервами, вследствие усиленной работы и разнообразных занятий, он делался иногда, может быть, неприятным или даже тяжелым, вследствие своей взыскательности, требовательности, запальчивости и невоздержанности на язык".

Службова кар'єра Степана Петровича завершилася в 1857 р. досить несподівано. На засіданні Ради Московського художнього товариства він заціяв сварку з графом Бобринським, що переросла в бійку. Наслідком інциденту було звільнення з посади професора. У 1860 р. Шевырьов виїхав за кордон і вже не повертався в Росію, читаючи та публікуючи лекції з історії російської літератури у Флоренції (1861) та Парижі (1863).

Знайомство М. Максимовича і С. Шевырьова, на думку В. Науменка, відбулося в 1824 р. (Л. Фризман та С. Лахно вважають, що це був 1823 р.) в літературному середовищі, що ґрутувалося навколо кн. В. Одоевського та Д. Єлагіної, і почало міцніти завдяки зростанню інтересу молодого ботаніка до загальнолітературних питань. Степан Петрович був одним із

авторів другого і третього випусків альманаху "Денница" (1831, 1834), який випускав Максимович. Коли до столітнього ювілею Московського університету готувалося видання "Биографического словаря...", його укладачі звернулися до багатьох колишніх професорів з проханням надіслати матеріали для своїх біографій. Аналогічне прохання було адресоване й Максимовичу, який на той час проживав на своєму хуторі Михайлова Гора. У відповідь той надіслав С. П. Шевирьову листа, який фактично був розширеною автобіографією колишнього московського професора. Очевидно, не бажаючи порушувати прийнятну систему викладу, упорядники (зокрема С. Шевирьов) значно змінили надісланий текст, унаслідок чого надрукована в "Биографическом словаре" біографія відрізняється від початкового варіанту, викладеного у листі Максимовича. У 1857—1859 рр. Максимович жив у Москві. Він завідував редакцією "Русской беседы", редагував зібрання творів І. Кіреєвського. Саме тоді стосунки двох учених стали менш офіційними, про що свідчить, зокрема, характер їхніх листів: починаючи з 1860 р. звертання на "Ви" змінюється формою "ти".

11 октября 1840 г., Киев

Почтеннейший Степан Петрович!

С особенным удовольствием прочел я письмо Ваше, напомнившее давно минувшее для меня время и нашу благодатную матушку Москву, и если бы в силах был, исписал бы в ответ Вам листок размера гораздо большего, чем сей. Но я так слаб, особенно очами, что перестал быть не только преподавателем и писателем книг, но может быть скоро перестану (чего Боже упаси!) читателем и писателем даже писем, и без того уже пользуясь обыкновенно чужими очами и руками для сего дела¹. Спешу однако же собственноручно сказать Вам в ответ:

1) Пьеса, о коей Вы спрашиваете моего мнения, слишком изобилует лирическим беспорядком, а потому, несмотря на поэтическое свое достоинство, столь громко оглашенное в прошлом году журналами, она едва ли с желаемою пользою может занять место в педагогической хрестоматии для юношества.

2) "Москвитянин" да подвизается во благо литературы нашей и за честь нашей Москвы!.. Бог да поможет вам всем! Если и мне будет Его благословение, и я сколько-нибудь оправлюсь, то не премину явиться с кирпичем хоть для задней стены, если с камнем для закладки не в состоянии. Теперь и для своего бедного "Киевлянина"² не могу дописать двух уже начатых давно статей, — и вероятно не сам буду держать корректуру второй книжки, которая все-таки выйдет... да не все мои начинания будут спотыкаться на первом томе³.

3) Особенно жалею, что принужден, может надолго, остановиться на первом томе "Истории Русской Словесности", для которой в продолжение 6-летней моей профессуры в Киеве трудился немало. Спасибо Вам за доброе слово и намерение Ваше относительно 1-ой части моей "Истории", которую так у Вас *откатали*, что совестно за критика, но в которой есть же, право, порядочные страницы. Мне утешительно думать, что Вы дадите ход некоторым моим мыслям о языке, которому в особенности посвящена первая часть — и это для меня будет самою приятною

*

¹Еще живя в Москве, т. е. до 1834 г., Максимович начал замечать общее ослабление здоровья, а особенно зрения, благодаря кропотливым и усидчивым работам при помощи микроскопа. Жизнь же его в Киеве, при многосложных занятиях по новой для него кафедре русской словесности, а особенно по должности ректора вновь открытого университета, усилила эту слабость здоровья до того, что он уже через год, т. е. в 1835 г., по болезни оставляет ректорство, а в 1839 г. доходит до такого состояния, что читает лекции студентам у себя в квартире, и 30 сентября 1840 г. подает прошение о полной отставке, которая последовала только в апреле 1841 г. Как видно из даты на этом письме, оно писано 11 октября 1840 г., т. е. вскоре после подачи прошения об отставке.

²Максимович, как человек, привыкший в Москве к журнальной деятельности, переехав в Киев, почти сразу же задается мыслью создать и здесь нечто вроде периодического издания, особенно же все более и более увлекаясь местною историею и древностями; но для журнала тогдашний Киев был еще не готов, а потому Максимович решает начать издание альманахов и выпускает в свет в 1840 г. "Киевлянин", часть 1-ю, затем в 1841 г. часть 2-ю, и только в 1850 г. часть 3-ю.

³Действительно, в жизни Максимовича эта черта особенно резко бросается в глаза: всех крупных его литературных сочинений выходила в свет только 1-я часть; так, сборника малорусских песен вышла только 1-я часть (в трех разных изданиях), "Начатки русской филологии", часть 1-я, "История древней русской словесности", часть 1-я.

*
 4“История древней русской словесности” подверглась, как и следовало ожидать, разнообразной критике в журналах, причем в некоторых из них труд этот считался весьма слабым (см., напр., “Отечественные Записки” 1840 г., № 4); но Шевырев отнесся к нему с большим уважением, особенно что касается филологических наблюдений автора.

5 Министр С. Уваров, возвращавшийся тогда из-за границы, прожил осенью несколько времени в Киеве.

наградю за труд⁴. Утешительно для меня и то, что именно Вы будете разрабатывать в Москве тот предмет, которому я с любовью посвящал последнюю долю моих работных сил. Особенно прошу Вас поработать над средним периодом (XIV—XVII), в котором западно-русская половина так многозначительна, но который доселе казался хаосом для предшедших нам историков. Засим желаю во всем Вам успеха и обнимаю Вас дружески. Ваш преданный

М. Максимович

Р. С. Из “Киевского бюллетеня”: погода стоит прененастная; министр наш все хворает флюсами и доселе оставался еще безвыездным, пробыть здесь намерен до 20-го числа⁵; музы наши воссылают мольбы к Фебу, да просияет он на небе для нашей бедной земли.

16 марта 1854 г., Михайлова Гора

Почтеннейший и любезнейший товарищ Степан Петрович!

Третьего дни получил я из Золотоноши письмо Ваше от 22 февраля... Честь Вам и слава, что собираетесь так достойно на столетний праздник Московского университета, следственно — на праздник просвещения русского... Это так близко душе моей, ибо лучшая жизнь моя была там, в Московском вертограде; и два раза, в годовое празднество его, говорил я некогда речи о нем и о просвещении русском¹.

**

¹Первый раз выступил он в Московском университете в качестве оратора на торжестве 75-летия существования своей *almae matris* и 12 января 1830 г. произнес на акте речь “Об участии Московского Университета в просвещении России”; через два года, в 1832 г., вторично он на акте произносит известное слово свое “О русском просвещении”, доказывая, что самобытность непременно должна быть уделом народа, который хочет оставить наследие грядущим поколениям.

²Конечно, здесь идет дело об упомянутой раньше автобиографической записке, которую Шевырев предложил написать ему для составления “Словаря профессоров Московского университета”, изготовлявшегося к столетнему университетскому торжеству.

В настоящую минуту не могу не пожалеть, что я не получил того письма от г. Фишера, о котором Вы упоминаете; я имел досуг написать подробный ответ на задачу. Теперь я нездоров и смущен некоторыми происшествиями частной жизни моей, в последнее время часто смущаемой утратами близких сердцу моему. Но задача такая лестная для меня, что я сам же для себя должен поспешить её решением: и потому недели через две верно успею составить, хотя и не такой, как бы хотелось, ответ Вам². Помогай Бог Вам в трудах Ваших и сердечное Вам спасибо за добрую память обо мне. Почитающем Вас и преданном Вам

М. Максимович

Прошу Вас передать мой усердный поклон Аркадию Алексеевичу.

Р. С. Хочется мне переселиться в Москву, не для службы, для которой уже изветшал я, а для того, чтобы дожить век в мирном кабинетном труде, в той атмосфере, где мне было лучше, как писателю и как человеку... Да не имею достаточного способу на сие переселение и водворение. Не придет ли Вам на мысль какое-либо к тому средство? Не найдется ли какого-нибудь места спокойного, сообразного вышеозначенной цели моего стремления к любезной нам Москве? Киев, хотя и родной мне, но выросши в Москве, я не сроднился с ним для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но как посетитель и богомолец, а не как житель и труженик.

Нікольська брама (Москва). Гравюра XIX ст.

5 апреля 1854 г., Михайлова Гора

Любезнейший Степан Петрович!

Отправив на почту 3 апреля мое длинное письмо к Вам, я доволен был собою, что исполнил Ваше приятное мне поручение и доставил Вам изрядный запас для биографического обо мне известия в "Словарь"... Я весьма благодарен был Вам и за то, что эту задачу вывели меня из безвыходного сидения над *полками и сотнями* прежней Украины, над стариною межигорскою и других украинских монастырей, среди которого застало меня письмо Ваше от 22 февраля¹. Ответом на него я как будто освежился к весне; и лишь о том пожалел, что не ранее месяцем получил письмо Ваше. Припоминая по свежему следу свое послание к Вам, на каждом почти шагу нахожу недомолвки и пропуски, сделанные второпях, в то время, как немало настрочил такого, что по всей справедливости надо бы похерить. Но что написано уже — то Ваше.

А в ту копию моего письма, которую я просил Вас и вновь прошу поручить какому-либо борзописцу сделать мне для жены моей, пусть он включит несколько строк, которые здесь напишутся...

Так, в самом конце, где упомянул я о похоронах 24 февраля, не дописал я того, что хотел сказать, заговоривши об этом дне: что мне было чрезмерно тяжело, как будто знало сердце, что ему в тот день было две утраты.

К слову о назначении университета в Киеве надо приставить по-Гавриловски, т. е. в скобках: (1833 года, 8 ноября, в день патрона моего, *архистратига Михаила*, издревле принятого в герб Киева)... Это обстоятельство имело в свою пору для меня большое значение, как и после не раз, в важных переменах жизни, соединялось с ними имя св. архистратига.

После вакации в Ботаническом саду в 1823 году, не сказал я более существенного для меня:

"А каким счастьем для меня была радость матери моей, когда она получила мой кандидатский диплом..."

Вот несколько слов из её письма от 11 июля: "Благодарю Творца Небесного, что Он нас не оставляет; и да ниспошлет Он на тебя благодать свою на всю твою жизнь! Старайся, друг мой, чтобы я наследила бабушку твою Тимковскую, ибо я очень помню, как бывало она часто плачет от радостей за твоих дядей"...

В Москве, где сказано, что я был преподавателем в трех заведениях, можно бы, тоже по-Гавриловски, сказать: "Два раза по году преподавал я естественную историю и в Московской Коммерческой практической академии".

В гимназическое время, где говорю о собирании новгород-северской флоры, весьма бы следовало сказать:

"А знакомство мое с аптекарем Н. О. Компioni (бывшим после смотрителем училища Новгород-Северского) доставило мне случай узнать, в натуре и в латинских названиях, целое "врачебное веществословие"».

Вслед за приглашением меня 1843 года в Киев², следовало бы сказать:

*

¹Максимович тогда работал над капитальной статьей своей "Обзрение городских полков и сотен" (напечатанной в 1856 г.).

²Вышедши в 1841 г. по болезни в отставку, Максимович поселился у себя на хуторе, на прекрасной своей Михайловой Горе; но через два года, в сентябре 1843 г., его опять пригласили занять кафедру в Киеве, т. к. здоровье его значительно улучшилось.

“Нескоро и неохотно решился я променять на деятельность в Киеве мое Михайлогорское упокоение, в котором я тогда обрел *снискание велие* и то *довольство* жизнью, о котором говорит и пословица украинская: “якбы хлеб да одежда, то бы ев козак лежа”! А лежнем и сиднем был я не по своей воле”.

После двухлетнего пребывания в Киеве, 1845 г.*, существенно необходимо сказать бы:

“Меня преследовала тогда грустная мысль, что мои последние годы, годные для общественной деятельности, уходят понапрасну, и потому я, в продолжение пяти лет, все ожидал, что меня примут опять на службу по Министерству Народного Просвещения, или пошлют в этнографическое путешествие по России от Географического общества; но мои ожидания не исполнились, и я в 1850 году сказал себе: оставь надежду навсегда!”

Малороссийский Словарь, который подготовлен у меня был для бывшего министра А. С. Шишкова, тоже остался без выхода.

Но таких дополнительных бликов в набросок моей автобиографии набралось бы, как вижу, много... довольно и этих! Листок кончается; развеликоречился некстати, пора обратиться к малословию! Прощайте! Ваш

М. Максимович

12 июня 1854 г.

Кланяюсь Вам, любезнейший Степан Петрович! И зная, что под конец академического года вы зело заняты бываете, скажу только, что я все жду от Вас той *копии* с моего длинного письма к Вам, которой я просил у Вас, посылая письмо... Мне она понадобилась, тем более, что в июле я еду отсюда, вероятно далеко и надолго...

Ваш М. Максимович

12 января 1857 г., Михайлова Гора

Не пропускаю дня сего, чтобы приветствовать Вас, незабвенный и многоуважаемый мною Степан Петрович, — приветствовать с Новым годом нашего возлюбленного университета Московского, во славу которого Вы так много поработали!

А я только вчера получил письмо Ваше и объявление на Ваши мне книги, которых давно уже хотелось мне... Сердечно благодарю Вас за воспоминание обо мне и за подарок Ваш, который займет меня так приятно на следующую неделю и перенесет мою всю душу и память в широкие пределы Белокаменной и нашего возвышенного её средоточия. Грустно мне было только узнать из письма Вашего, что Вы поплатились так тяжело за свой усердный труд Всеучилищу Московскому... Ну, да видно без того уже нельзя обойтись при подобном искреннем труде,

*

В 1845 г. Максимович окончательно вышел в отставку и навсегда покинул учебную кафедру.

Микола Греч. Гравюра першої половини ХІХ ст.

Віссаріон Белінський.
Літографія XIX ст.

*
В ноябре 1843 г. открылась в Киеве "Временная комиссия для разбора древних актов", в которой Максимович сразу же принял деятельное участие, выразившееся в издании под его редакцией 1-го отдела 1-го тома "Памятников" и в подготовке материала для 2-го тома.

как ведаю и по собственному опыту киевскому... Слава Богу, однако, что Вы опять здравствуете! — Вы отказываетесь от другого Словаря — и Господь с ним: чтоб не было опять насады, как случилось было со мною рецидивное горе в 1845 году, когда при чтении частных лекций в университете я со всеусердием принял было за новую "Временную комиссию"*.

Но знаете ли что: пока Вы еще на кафедре, ей-ей следовало б Вам издать продолжение драгоценной вашей "Истории Словесности". Да ведь у Вас и

написаны лекции! Ей-Богу надо издать! Видите сами: никто не издает после нас! И великий недостаток ощущается в этом деле. Снабдение лекций такими обильными примечаниями, как в 2-х первых книгах (которые потребуют многокопотного труда), можно оставить впредь, в долгий ящик отложить; но изложение самое, столь превосходное и существенное, как в первых книгах — это было бы знаменитое и преполезное дело. Я помню Ваши некоторые лекции в "Москвитянине" о словесности средневековой, — воображаю и предполагаю несомненно, и знаю наперед достоинство лекций Ваших о новой литературе нашей: и как хорошо было бы именно в настоящую пору явиться им в свете. Не говоря уже о публике вообще, но именно два вырастающие поколения её — университетское и гимназическое, наставники их — и особенно гимназические, — вот кому особенно полезна и благотворна была ваша книга. Я в 1845 году видел, как бедствуют они и колобродят без руководителя доброго, пробавляясь то запоздалым и отсталым Гречем, то пустозвонными рецензиями Белинского покойного и прочих журнальных глашатаев. — Говорю это голосом глубокого сознания и чистой совести, что на Вас, мой почтенный товарищ, лежит святой долг — окончание начатого Вами труда, пока Вы еще на кафедре и благовестуете о сем предмете. Не говорите на это мне — что же я сам не кончаю! Не стони меня лихая болезнь совсем с поприща, я окончил бы; будь я опять на кафедре — кончил бы непременно. Вам, говорю, легко уже потому, что у Вас есть написанные лекции, стало быть обработать подготовленное остается... Я же, как знаете, по свойству моему, не писал и даже старался не писать никаких записок, — и сойдя так давно с кафедры, не следил уже предмета, и еще в 1845 году писал, кажется Языкову, что Шевыреву и книги в руки!

Вы говорите, что Вашу деятельность берут две кафедры: какие это? Да если бы Вы только издали всю "Историю Словеснос-

ти", я готов попроситься, набиться к Вам в лекторы, или коадьюторы на два или три полугодия, чтобы читать лекции по три в неделю, часовые, словесность древнерусскую, потом средневековую, пожалуй хоть и семестр о народной поэзии, или об русской речи... Вот какая штука шевельнулась в моем уме, при прочтении Вашего письма!.. Она может улететь и пропасть, как мимолетное облако, и может спуститься, если захотите Вы с братией, горячим аэролитом на Моховой... Первую лекцию прочел бы заикаючись и рдеясь; а там бы и распоясался да и пошел, пошел, как в старину бывало! В иной час чувствуется еще, что не совсем угасла и простыла словесная сила. А между тем вернее, что на сем листе и кончится дело. Прощайте же, любезнейший друже, и будьте здоровы! Обнимаю Вас от души. Истинно уважающий Вас

Михаил Максимович

Олексій Мерзляков.
Портрет початку XIX ст.

Где г. Трушковский? Я ему весьма благодарен и обязан за сочинения Гоголя.

23 марта 1857 г., Михайлова Гора

Приношу Вам, почтеннейший Степан Петрович, великую благодарность за присланные мне Вами книги Ваши. Это для меня был драгоценный подарок в новом году, включая туда и автобиографическое мое письмо Вам, со следами Вашего исторического на нем труда. Я с наслаждением прочел и Словарь, где особенно любовался Мерзляковскою биографией, и историю университета, столько же удовлетворительную для нас, как была многотрудною для Вас; и юбилей, где Вы так красноречиво подвизались и первенствовали. Хвала Вам и память нескончаемая!

Как же теперь здоровье Ваше? Пожалуйста, отзовитесь о себе хоть страничкою. Насытив разом так жирно, не дайте вслед за тем слышать молчание долгое. Нас сверстников все убывает; остается для меня немного; и в числе этих немногих Вы один из главных, с которым так хочешь иногда сказать свое, услышать твое слово. Я ни за что и недуманно лишился Погодина, который, как сужу по его молчанию письменному и ответу печатному, рассердился на меня... это и грустно и даже странно мне. Не рассердился же я на него, когда он не в журнале, а в книге своих "Исследований" так немилостиво попирает мою книгу о Русской земле, через 10 лет по её выходе в свет. Брань его во сколько крат тяжелее (sic) моих выходов, в "Филологических Письмах", писанных по горячему следу, даже через 10 недель, в продолжение которых горячность могла бы упасть на градус; а у него, как видно, с годами она возвышалась на мою "Русскую землю". Впрочем, на его ответ я должен был отвечать печатно, что исполнил на другой же день, а потом со следующей другою почтою*. Так как "Москвитянин" его редакции прекращается, то прошу Вас письмо мое о Тимковских не давать туда, а если оно не пойдет в дело у Вас в продолжение года, то вы мне его после возвратите.

*

Дело идет о той полемике, которая была у Максимовича с Погодиным по вопросу о старобитности малорусского наречия. Началась она по тому поводу, что Погодин в письме своем Срезневскому ("Москвитянин" 1856 г., № 2) утверждал, будто в домонгольский период киевская земля была заселена великороссами, а что малорусское племя переселилось сюда с Карпат только в XIV веке. Максимович ответил на это "Филологическими письмами к М. П. Погодину" ("Русская Беседа" 1856 г., № 3) и "Ответными письмами Погодину" (Там же. 1857 г., кн. 2).

Віктор Кочубей. Літографія XIX ст.

Мое здоровье в последние недели было весьма неисправно, даже скверно; но в эту последнюю неделю слава Богу становлюсь лучше, и в мае месяце располагаю ехать в Киев на минеральный водопой.

Я принялся за моего Украинца-Игоря, чтоб в Киеве напечатать его¹. Не решаюсь еще, издавать ли при стихотворном переводе и подлинник; как Вы думаете? Примечания все равно должны быть. Есть несколько новых вещей в них. Между прочим, читая вашу превосходную лекцию, заметил в ней три промаха, которые и сообщу Вам: 1) 273 стр. Игорь не в Путивле ждал Всеволода, а за Донцем, как и у Вас перед тем на 269-й выходит разногласие. 2) На стр. 291 обмолвка: Владимира *Святославича* вместо *Глебовича*. 3) С. 321, прим. 26. Максимович "выкинул из своего издания". Ай, ай! Слова из песни не выкидывать, а там слова Бояновы! Я ошибался в том собственно, что дерзнул переместить это убийственное "Рек Боян" — к Бояновым же словам о Всеславе, смотрите в моем издании стр. 40. Согласны ли вы на объяснение мое *темного места*, напечатанное в "Москвитяине" (но рози нося) — кажется удовлетворительно оно.

А довольны ли Вы моим "Богданом", а Феофановой "Милостию Божою"?

Но все это мелочи (sic) перед тем, что Вы обещали и о чем я просил Вас в последнем письме: о продолжении "Истории словесности", будучи на ту пору готов сотрудничать Вам в кабинете и действительно готов и рад, если бы перебрался в Москву; но уже поздно мне отсталому выходить на поприще общественное: это я сознал, читая "Юбилей". Было времячко и для меня, да уже стало *давню прошедшим*, хотя это время и отвергается новейшею грамматикою русскою.

От всей души обнимаю Вас.

М. Максимович

Меня когда-то и В. П. Кочубей и покойный Самарин приглашали в воспитатели сыновьев их. Не откроется ли в Москве такого места, чтобы поступить на жалованье профессора учить сына или дочь по два часа в день, с их разумеется квартирою².

5 февраля 1859 г., Москва

Сердечно благодарю Вас, почтеннейший Степан Петрович, за Ваш дружеский подарок, который всегда будит нам наше молодое и для поэзии золотое времячко! Желаю от души вашему поэтическому *Лагерю* одушевлять молодые поколения в лагерях военных.

За бумагами — по назначенным Вами часам, т. е. до 2-х, я и сам не знаю, когда успею быть: разве в субботу, но и то не ручаюсь наверное. Впрочем постараюсь.

Ваш Максимович

Весь в корректуре и срочном чтении: не стает зрения**.

*

¹Песнь о полку Игоря, переведенная Максимовичем на украинское наречие, издана в Киеве в 1857 г.

²По всему видно, что Максимович жаждал служебной деятельности не только ради исполнения общественной роли, но и ради заработка. Да и не диво: пришлось ему перебиваться, живучи в маленьком хуторе и получая 763 рубля в год пенсии. Помнить надо также, что в 1853 году он женился, и следовательно материальный недостаток стал ощущаться еще более.

**

Это письмо-записка писана в Москве, куда Максимович, как было сказано ранее, переселился в 1857 г.; в это время (в 1859 году) он редактировал сочинения И. В. Киреевского, а также готовил к выпуску свой сборник "Украинец", появившийся в свет в начале 1859 г.

28 февраля 1860 г., Михайлова Гора

Любезный друг, Степан Петрович!

Мы ни разу еще не аукнулись с тобою после нашей разлуки; но вот Господь привел меня отозваться к тебе — радостным для меня известием, что сего 22 февраля в 7 часу вечера я стал отцом новорожденного сына *Алексея*: прошу принять в твое благорасположение этого человека Божия и помолиться о нем, да вырастает он здоровым и разумным и словесным! Моя Маруся вместе со мною кланяется тебе; и душевно желаем мы тебе и всему семейству возможных радостей и всякого благополучия. От всей души обнимаю тебя.

Преданный тебе

М. Максимович

P. S. Прошу передать мой поклон и весть о рождении маленького Максимовича Степану Алексеевичу Маслову.

25 октября 1860 г., Михайлова Гора

Любезный друг Степан Петрович!

Я так виноват перед тобою моим молчанием, что даже и извиняться совестно. Так мудро для самого меня прошли эти полгода жизни моей, в безвыездном уединении на Горе моей, в беспечном бездействии внешнем, при сильном движении души внутри меня... Сто раз вспоминал я тебя с сердечною благодарностью: и за твой дружеский привет о богоданном моем сынишке, и за подарок мне второизданного твоего умственного детища. Теперь на письме говорю тебе великое, душевное мое *спасибо* за то и другое.

Твое письмо с поэтическим приветом моему маленькому Золотоношцу положено в начало "Изборника" его, как благословительная ему грамота на жизнь от поэта-профессора и доброго отца семейства. Господь послал мне в этом младенце великую радость и замену тех сердечных утрат, которые опустошают прежний мир души и жизни моей... Девятый месяц уже, как я люблюсь всем сердцем моим этим прекрасным человечком, явившимся, как подснежник на весенней проталине... а что впереди, доживу ли хоть до того, чтобы передать его уже грамотного на воспитание Москве?..

Мне очень жаль, что я на вторую зиму остаюсь в разлучении с вами, с которыми я как бы вновь сжился в две предпоследние зимы; при новой задаче моей жизни, еще увеличивается душевная потребность перебраться хоть бы и совсем на водворение в Москве, чтобы в ней и век дожить, но никак еще не приберу и не придумаю к тому способу, а потому и остаюсь тут, хоть здесь на всяком шагу вижу и чувствую неудовлетворение всяческое.

Писать почти ничего не писал я во все время, кроме полемических безделушек, которые ты видел в "С-Пб. Ведомостях", да

нескольких псалмов¹, за которые, вероятно, так же побранят меня Гатцук и Кулиш, как и за прежние; но и эти новые псалмы, равно как и помянутые газетные безделицы, я писал еще до прошлой весны, а с той поры уже ничего не писал. И самому жаль, да что же делать, когда здесь не пишется. К сожалению, и читается мало мне. Газет и журналов почти не вижу, кроме Развлечения и "Медицинской Газеты" Смирнова; "Санкт-Петербургские ведомости" получаю непостоянно и несвоевременно, от одного из соседей моих; московских и в глаза не видал в этом году. Зато с каким аппетитом прочел я твою "Историю Русской Словесности" второго издания! Хвала тебе, любезный друг, за этот труд — истинно превосходный и монументальный! Твое введение весьма удовлетворительно и важно; дополнения, сделанные по местам, уравнивают науку с веком, или точнее — с последними годами века сего; но уравнивается ли современное поколение с наукою, в которой ты надолго будешь передовым учителем. Помогай же тебе Господь дотягивать спешно и благоуспешно до конца, т. е. не только до Петра, но до Александра — Пушкина и до Николая — Гоголя! Если что отпечатаешь, прошу тебя, присылай мне тотчас; мне всласть будет читать твоё писание о том, что занимало некогда мой ум и что уже полузабыто мною, также как и ботаника, и зоология, и многое, многое, от чего трещала голова и гнулся мозг в молодые лета мои.

Ты спрашиваешь моего мнения о Литовщине Русской: я не читал всего, что писано, но по отрывкам вижу, что это дребедень, *Гуляй-Городок*, как справедливо назвал Погодин в "Русской Беседе". Но мне и его исповедь не понравилась, а диспут еще более. Охота на старости молодечествовать, связываться с неровнею и выходить на арену, не свойственную его солидной имениности. Мне грустно было все это происшествие². Но я порадовался, что он наконец *огружился*, как говорим мы украинцы. Я писал ему поздравление в Тифлис, узнавши, что он туда махнул; но от него нет отзыва мне, даже и на мое уведомление его о моем новорожденном *чадце*.

Как ты поживаешь? Что написал за лето? Как здравствует твоя семья? Передай мой поклон Софье Борисовне. Жена моя свидетельствует тебе свой поклон, вместе с своим *Алешею*.

Москва собирается опять на зиму; уж верно и ты в ней давно. Уж и у нас на Днепре снежок пробует убелить лице земли. И я уже дня по два и по три остаюсь затворником в своей тесной безкабинетной хранине коптить потолок её и стены воскурением непотребного, но необходимого мне зелья... Как я ошибся, говоря некогда, что если будет жена, то брошу трубку; трубку сменили папиросы; как слаба и несамовладна у нас натура!

От всей души обнимаю тебя.

М. Максимович

10 января 1861 г., Михайлова Гора

Любезный друг Степан Петрович!

Дружески обнимаю тебя, в привет с Новым годом на твоём цветущем новосельи. Даруй Господь тебе новые силы телесные

*

¹Как известно, Максимович переводил псалмы на украинское наречие; часть их была напечатана ("Украинец" 1859 г. и "Галичанин", Львов, 1867 г.), а часть остается в рукописи.

²Конечно, речь идет об известном диспуте М. П. Погодина с Н. И. Костомаровым.

Марія Максимович.
Портрет 1859 р.

и душевные, и новое вдохновение на продолжение твоих научных и поэтических работ. Осенью я писал к тебе в Москву, не зная, что ты уже далеко от нее, что Хомяков еще дальше ото всех нас — ушёл туда, где нет ни печали, ни воздыхания; а за ним и богатырь Костя поспешил к обожаемому своему отцу. Царство небесное им, а нам живым да будет еще жизнь!

Я на горе своей обретаюсь, благодаря Бога, в довольном еще здравии, жена моя тоже здравствует; обоим радуемся своим Алексеем, истинно-прекрасным человеком Божиим. В декабре я начал писать; написал письма о Хмельницком к Костомарову в "Основу". Недосказанный Богдан заслонял мне все прочее. Возьмись теперь за что-либо новое. Извести меня о себе, как поживаешь и что работаешь? Впрочем, трудись поменьше, гуляй и ленись побольше, — особенно на первых порах твоего пребывания во Флоренции, пока расцветут новые силы, или точнее — старые силы новым цветом. Поцелуй за меня ручку Софьи Борисовны, твоих деток. Маруся моя целует твою седую, серебряную голову, которая так полюбилась ей. А на моей голове и доселе — хоть бы сединка... такая уже натура! Только усы все более серебрятся. Прощай, друже! Вспоминай меня, любящего тебя украинца Максимовича. Господь да хранит тебя!

[Ноябрь 1858 г., Москва]

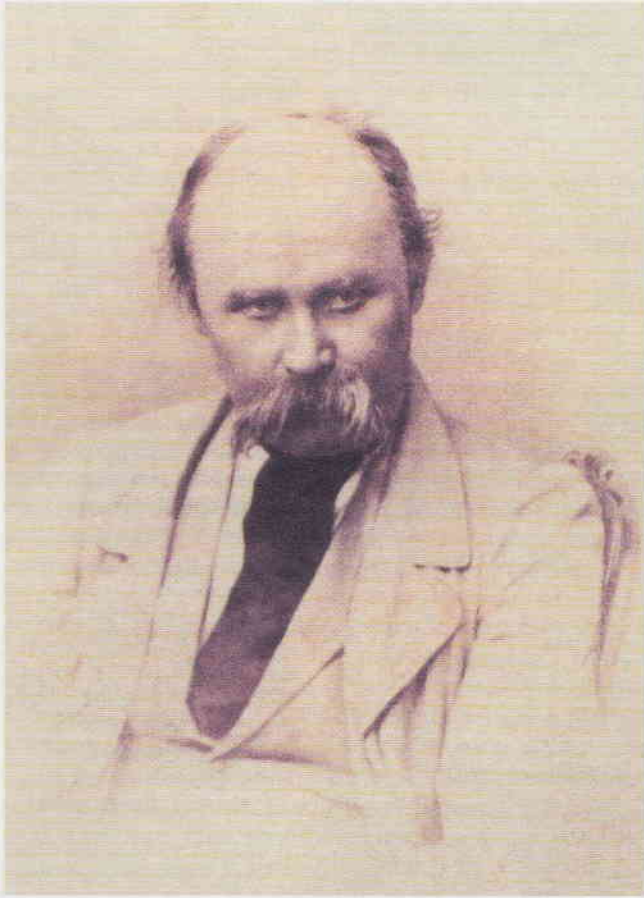
Бог да благословит новый труд Ваш, почтеннейший Степан Петрович, на пользу науки и просвещения Русского!

Благодарю Вас за присылку ваших двух книг; Вам посылаю записки Ильи Ф. Тимковского. Мороз, говорят, велик, а потому, если не убавится к вечеру, то должен буду остаться дома и сегодня, ибо нога моя побаливает еще и сегодня, хотя уже не так, как вчера.

Будьте здоровы и благополучны!

Ваш М. Максимович

*Киевская старина. 1896. Т. 54. Июль—сентябрь.
С. 278—294; Т. 85. Сентябрь. С. 323—346.*

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорович

*25.II.1814, с. Моринці Звенигородського повіту Київської губ.
(нині Звенигородський район Черкаської області) — 26.II.1861,
Петербург. Поет, художник, мислитель*

Народився в сім'ї селянина-кріпака. Через два роки після народження Тараса родина переїхала до с. Кирилівки (нині с. Шевченкове). Грамоти навчався в дяка. У 1828 р. хлопця взяли служити до двору поміщика П. Енгельгардта. Разом з паном у 1829 р. виїхав до м. Вільно, де вчився малювати у відомого художника Рустема. На початку 1831 р. прибув до Петербурга, де в Літньому Саду за малюванням познайомився з художником І. Сошенком (вихідцем з України), а через нього — з відомими діячами російської культури К. Брюлловим, В. Григоровичем, В. Жуковським, О. Венеціановим, поляком М. Віельгорським, українським поетом Є. Гребінкою та ін. Друзі Шевченка подбали про звільнення його з кріпацтва: Брюлов намалював портрет Жуковського, який розіграли в лотерею, і за виручені 2500 р. поета викупили в поміщика. З 1838 р. він навчався в Академії мистецтв під керівництвом Брюлова.

Вірші почав писати десь у 1836—1837 рр. У 1840 р. у Петербурзі вийшла перша збірка поезій Шевченка "Кобзар", що

Література

- Грицай М. С., Неділько В. Я., Неділько Г. Я., Задорожна С. В.
Т. Г. Шевченко і літературне життя Київського університету.
Київ, 1989.
- Жур П. Третя зустріч. Київ,
1970.
- Жур П. В. Труді і дні Кобзаря:
Літопис життя і творчості
Т. Г. Шевченка. Київ, 2003.
- Задорожна Л. М., Семенов Г. Ф.,
Росовецький С. К. та ін.
Шевченкознавство
у Київському національному
університеті імені Тараса
Шевченка (1860—2003). Київ,
2004.
- Карабутенко І., Марусич А.,
Новохатський М. Шевченко
в Москві. Київ, 1989.
- Марков П. Г. У колі великих.
Про дружбу М. Максимовича
з Пушкіним та Шевченком //
Вітчизна. 1984. № 9.
- Попов П. М. Шевченко
і Київський університет. Київ,
1964.
- Пушкарь П. Шевченко
у Максимовича //
Т. Г. Шевченко
в воспоминаниях
современников. Москва, 1962.
- Сергієнко Г. Я., Сергієнко Є. С.
Київський університет
і Шевченко. Київ, 1984.
- Фридман Л. Г., Лахно С. Н.
Максимович — літератор.
Харьков, 2003.
- Т. Г. Шевченко. Бібліографія
літератури про життя і
творчість 1838—1959: У 2 т.
Київ, 1963. Т. 1, 2.
- Т. Г. Шевченко. Біографія.
Київ, 1984.
- Т. Г. Шевченко в епістолярії
відділу рукописів. Київ, 1966.
- Тарас Шевченко: Документи та
матеріали до біографії. Київ,
1982.

започаткувала нову добу в історії української літератури. В 1841 р. окремим виданням вийшла поема "Гайдамаки", що оспівувала події Коліївщини (1768). Ранні твори переважно романтичні, з реалістичними тенденціями.

Навесні 1843 р. Шевченко виїхав до України, багато подорожував. До Петербурга повернувся на початку 1844 р. У 1845 р. закінчив Академію мистецтв, здобувши звання неklasного художника. В 1844 р. видав у Петербурзі першу серію офортів "Живописная Украина" за етюдами, виконаними в Україні. Навесні 1845 р. знову виїхав до України. Працював у Київській археографічній комісії. За її завданням виконував численні натурні малюнки й акварелі історичних та архітектурних пам'яток: "Богданові руїни в Суботові", "Богданова церква в Суботові", "Вознесенський собор у Переяславі", "Мотронин монастир", "Будинок І. Котляревського в Полтаві" (1845), "В Седневі", види Почаївської Лаври (1846), чимало краєвидів, створив кілька портретів. Поетичні твори, написані протягом 1843—1845 рр., переписував у альбом під назвою "Три літа". Завершувалася збірка поезією "Як умру..." ("Заповіт", 1845).

Був близьким до кирило-мефодіївців. Заарештований 24 березня 1847 р., відправлений до Петербурга й ув'язнений у казематі. Там поет написав нові вірші, які згодом об'єднав у цикл "В казематі". Засуджений на 10 років за "сочинение стихов возмутительного содержания" і відправлений рядовим в Оренбурзький окремий корпус. Микола I на вироку дописав: "Під найсуворіший нагляд із заборонаю писати і малювати". Шевченка доставили до Оренбурга й призначили в 5-й батальйон, розташований в Орській фортеці. В 1848 р. його, як художника, включили до складу експедиції на чолі з капітан-лейтенантом О. Бутаковим, яка мала дослідити й описати Аральське море. На заслання поет потоваришував з багатьма засудженими польськими патріотами — Б. Залеським, Т. Вернером та ін.

В Оренбурзі навесні 1850 р. Шевченка заарештували вдруге, але він встиг передати друзям "захаявні" книжечки, в яких записував свої вірші, й знищити деякі листи. Його відправили до Орська й перевели служити до 1-го батальйону, розміщеному в Новопетровському укріпленні (тепер м. Форт Шевченка, Казахстан), посиливши нагляд. У 1851 р. Шевченка, знову як художника, включили до складу геологічної експедиції в гори Каратау. Там він малював краєвиди, жанрові картини, портрети.

Після смерті Миколи I поет сподівався на амністію, проте лише через три роки, завдяки наполегливим клопотанням друзів, його звільнили. Він мав жити в Оренбурзі, але комендант Усков, не знаючи намірів начальства, дозволив Кобзареві влітку 1857 р. виїхати з Новопетровська. Шевченко прибув до Астрахані, а звідти пароходом до Нижнього Новгороду, де був затриманий. Друзі добилися для нього дозволу жити в Петербурзі. По дорозі спинявся в Москві, і лише навесні 1858 р. прибув до Петербурга. Багато працював у техніці офорта, за що Рада Академії мистецтв надала йому звання академіка гравюри (1860).

Навесні 1859 р. Шевченко дістав дозвіл відвідати Україну. Третій відділ встановив за ним пильний нагляд. У липні того ж року поблизу с. Прохорівки (неподалік мастьку Максимовича) поета заарештували. Після допиту в Києві звільнили, але зобов'язали негайно повернутися до Петербурга. У 1860 р. побачив світ новий "Кобзар", а 1861 р. Шевченко склав і видав для недільних шкіл українською мовою "Букварь южнорусский", розіславши весь тираж для розповсюдження в Україні. Помер у своїй майстерні в Академії мистецтв. Згідно із заповітом

прах поета у травні 1861 р. перевезли в Україну і поховали на Чернечій (тепер Тарасовій) горі поблизу Канева.

Знайомство Максимовича і Шевченка відбулося 1843 р. в Києві. Кобзар подарував ученому поему "Тризна" (СПб., 1844) з власноручним написом. У листі до М. Щепкіна від 5 грудня 1857 р. поет писав: «Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому він не шле мені своє "Слово о полку Игореве"»? Вони зустрілися в Москві на другий день після приїзду засланця з Нижнього Новгорода. 25 березня 1858 р. Максимович дав обід на честь Шевченка. У "Щоденнику" поета є кілька записів про зустрічі з Максимовичем. Листування між ними пройняте взаємною повагою й теплими почуттями (відомі дев'ять листів Шевченка і дев'ять — Максимовича). Михайло Олександрович сприяв появі в журналі "Русская беседа", в редакції якого він брав участь, поезій Шевченка. Втім Тарас Григорович відповів рішучою відмовою на його пропозицію щодо співробітництва зі слов'янофільським тижневиком "Парус". В червні 1859 р. Шевченко побував у Прохорівці, гостював у родині Максимовичів. Тоді ж він намалював портрети господаря Михайлової Гори та його дружини. Максимович брав участь у похороні Шевченка в Каневі, написав вірш на смерть поета. Київський професор високо оцінював поетичну творчість Шевченка і її значення для України.

20 декабря 1857 г., Москва

Привіт і поклін тобі, наш любий, наш славний Тарасе, од щирого серця і повності душевної! Радів і тужив я, чуючи про тебе, читаючи твої вірші красномовнії і кріпкодумнії, і на останку — і твої листи до Щепкіна, сього дивно-милого чоловіка, що і надзаходи віку світить і гріє душею своєю, як вранці світить і гріє ясне сонце. Полетів би і я оце із ним до Нижнього — да ба! Нужда не пускає з Москви... живи, небоже, роби небоже, то й Бог pomoже! Як кажуть на нашій Україні. Так хоч словом сказаться, коли не в волі повидаться!

Прийми оці книжиці моєї праці! Бач, і я на старості став віршовник, і з письменного книжного Ігоря зробив співаку-українця. Наполовину, здається, таки гарненький; дещо вже й сам полагодив; а що тобі не сподобається, будь ласков, напиши мені, коли буде досужно! Да ще от яка просьба до тебе, наш віщий Бояне! Ми тут дуже бажаєм твоїх пісень і віршей, не тільки про себе, да щоб і в світ їх пустить через "Молву" да "Руську бесіду": так чи не можна одолжить їми і мене, і видавцев помянених журналів, і всіх земляков... як то раді будуть побачивши їх друкованими! Знаю те по слічній "Наймичці"! Бувай же здоровенький і ясненький, любий земляче! милий соловейку!.. Помагай Бог тобі, щоб-таки справді побачила тебе Україна на своїм розкошном лоні... бо вже вона все жде не дожде тебе із дальної чужини, і як в тій пісні співається:

Лети, лети, соколу,
Я жду тебе з тоскою,
Личко з пилу умию,
І обійму за шию!

Обіймаю ж і я тебе, коханий земляче, мислями моїми і серцем.

М. Максимович

Володимир Даль.
Літографія 1830—1840 років

Кланяється тобі і моя жінка Маруся!
Поклонися от мене Вл[адимиру] Ів[ановичу] Далеві, коли
вбачишся з ним. То же добра людина на світі!

15 марта 1858 г., Москва

Шевченкові од Максимовича привіт і поклон!

Як ся себе маєш, добрий земляче, і як здравствує твоє розумне чоло і видюще око?.. Сьогодні навряд чи побачимось; коли і виїду к вечору, то все-таки не трапиться тебе одвідати. Тим часом посилаю тобі "Жабомишограковку", тії гекзаметри Думитрашкові, що я казав тобі; да ще й мої псалми... будь ласкав, подивись на сі псалми пильненько і що в їх не доладу, одміть мені все до посліднього словця; з твоєї поради, може, і зможеться мені їх справити так, щоб і в люди з ними не сором було показаться коли-небудь.

Бувай же здоров і світлоясен!

Твой М. Максимович

27 марта 1858 г., Москва

Приїздив до тебе по слову твому в дев'ять і привозив тобі "Гуся", і твого, і нашого, да тебе, лебедика, вже не застав. Бувай же здоровенький, на все добре — і пощастить тобі Боже!.. Посилаю тобі з паном Галаганом твого "Гуся" і мою тобі застольну віршу і отношеніє в контору "Русской Беседы" Петербурзьку (при книжной лавке Алексея Ивановича Давыдова на Невском проспекте в доме Заветного, против арсенала Аничкина дворца), чтобы тебе доставили "Беседу" нашу за два прежних[e] годы и за сей 1858 год.

Не забувай же земляка свого щирого

М. Максимовича

15 ноября 1858 г., Москва

Здоров був, коханий земляче!

Я в октябрі вернувся з України, де погуляв добре, зложивши з себе, іще в маї, тяжке беремя редакції журнальної; і тепер тут остаюсь вольним козаком, неначе на Запорожжі, бо жінка зосталась там на Михайловій Горі, на хазяйстві. Вона тобі кланяється сердечно, і я з нею кланяюсь тобі, як і всі, кого довелось бачити в Києві.

На Михайлів день був я у старого Щепкіна і чув од його, що ти пробуваєш в Академії і що якийсь книжник друкує вже твої стихотворенія. Щастить їм Боже, — а ти звісти мене Бога ради, чи правда тому. Коли правда, то як раді всі будемо тому!.. А крім того, треба знати мені те, чи вийдуть вони до Нового року? Бо Іван Аксаков притьмом просить, щоб йому друкувати в газеті його

"Парусі" тії вірші твої ("Вечір", "Пустку"...), що ти залишив мені задля "Беседи". А коли твоя книжка вийде, може, до Нового року, то чи не можна інших твоїх віршей йому наділити для першого номеру в "Парус"?.. Будь ласка, звісти і напиши про сє, і про те, як ся себе маєш, і що нового витворяєш — пером твоїм лебединим і помазком соболиним... Чи виспівується і вигукується тобі на тім Севере Невському?.. Старий Аксаков усе лежить, сердега, і під час так стогне і кричить, що лихо, да й тільки... а все диктує, і дух бодрішає з упадком плоті! Дивна оказія.

От душі обнімаю тебе, любий Тарасе!

І застаюсь твоїм вірним

Максимовичем

Пиши до мене: на Тверском бульваре, в доме Юсуповой, у фотографа Мебиуса.

1 декабря 1858 г., Москва

Спасибі тобі, мій любий і дорогий земляченьку, за твої прегарні листи до мене і до моєї Марусі, котра, може, сьогодні там, поглядаючи на Дніпро-Слауту і читаючи твій дивнесенький "Сон", дякує тобі за його. Скучно мені дуже тут без неї, і я вже виспівую собі:

Лучше було б не різнитися,
Коли дав Бог подружитися...

От на такі-то часи, може, й лучше жити собі єдиному, хоча на все життя наше і недобре бути чоловіку єдиному, по слову Господню. А що, якби й справді Бог поміг нам одружити тебе, бурлаку, на Михайловій Горі!.. То-то б удрали весілля — таке, що аж сині гори Дніпровії здвинулись би на радощах; розпочав би я тоді з тобою і ту пляшечку *вистоялки*, що налита ще 1808 року, як мій дядько, блаженної пам'яті Ілія Хведорович Тимковський, оженився на Софії Іванівні Халанській у Турановці, на р. Шостці.

А що ти тепер мені написав, то, здається, і дивуватися нічого, що я передав тобі просьбу Аксакова Івана об твоїх віршах задля його "Паруса": дурний би лоцман був, коли б не забажав і не запрохав такого пловця, як ти, споряжаючи собі нового дуба чи паруса! А що він недогадлив був, задумавши упоруч себе посадити і нас всіх, тоді як треба було спорядити особиту лаву, то не зовсім гарно, да ще ж і не так погано, щоб уже і зовсім цуратися доброго чоловіка. Недоладня дуже була і його оборона того вельможного, що збрехнув погане слівце про березову кашу — і то правда! Мені, так же як і тобі, прийшлося воно дуже не по нутру; а коли б ти бачив, як розходивсь був тут старий Михайло наш — і Господи як!.. Да знаєш що: те вельможне княжа само зроду нікому не дало і одної ложки березової каші і, мабуть, не бачило зроду, як і годують єю, хоч і наварило такого кулешу, що, як кажуть у нас, — крупина за крупиною ганяється з дубиною... Бачить, сердечний, що накоїв тривоги, да вже й кається тепер на весь світ і цурається од тої несмачної страви, да ще й дякує добрим і всім людям, що так проплювали на його мисочку...

Поглянь же незлим своїм оком на тую добру людину і посмійся тій кумедії, як баранча між вовками і само було здумало завити по-вовчому, а далі схаменулось, що непогода. Така поворотка на добру стать стоїть того, щоб пересердіє змінити на милосердіє. Із ким на віку не траплялось помилитись то в слові, то в ділі. От хоть би і наш гарячий... Ну, да Господь і з ним, і з тим вельможним, і з лоцманом: щастя їм, Боже, на все добре, бо всі вони хочуть добра, і рвуться на добре, кожний по-своєму його розуміючи!..

Скажи, лишень, мені, брате милий, про себе, про твої думки і пісні: чи вже ж таки справді не дозволяють їх видавати і друкувати?.. Чув я, що якийсь паливода навіжений там за гряницею тобі підпакоствив... Ну, да твоя ж збірка вийшла би із-під тутешньої цензури. Нехай би хоть сам ясновельможний шеф жандармів процензурував із своїми многоочитими архіянголами... Не все ж у тебе таке, що не можна пропускати; половина більша такого, що і ваш гасило Мацкевич, і московський Безсомикін підпишуть: "Печатать позволяється!" Ну, з таких невинних баранчат і нехай буде твоя збірка тепер; а що таке є в тебе, що скаче, як кізки, те нехай з Богом вилежується собі, як льон добрий! — Ой як рада б була вся Україна, да й Московщина, побачити твою ватагу; я б і в епіграф поставив над нею вівчарську пісню:

Тереш, тереш, овечечки,
Тереш, баранчата!

За сим прощай, мій голубе сизий! Сердечне обнімаю тебе!

Твій Максимович

Озовись до мене хоч інколи! Був я неділі з дві нездоров.

P. S. А тії три пісні твої, що ти дав для "Русской беседы" ("Вечір", "Пустка", "Муза") — чи дозволиш там печатать по прежнему твому слову? — Чув іще я, що Куліш буде видавать "Хату": чи вже дозволеніє вийшло?.. Чи вже він і досі на мене сердиться, і не процахнув? — А я, сй-богу, вже пересердився на його, і хоч зараз рад би подать руку йому, руку мирову, по-прежнему, од щирого серця: бо чи вже ж таки він і довіку буде дуться на мене, як легке під покришкою, будши більш двадцяти годів мені до любові!

Да й годі!

23 юлія 1859 г., Михайлова Гора

Коханий земляче! Кланяємось Вам сердечно з Михайлової Гори і дуже тужимо знову об Вашому приключоаю; бо нам перед *Ільею* сказали нарочніи з Пекарів, що Вас уже випустили з Мошени і що Ви з Пекарів поїхали в Межиріч до пана Парчевського, а вчора сказали ще, що Ви вже аж у Переяслава; аж бачу, все брехня, і Ви в Мошнах... З посланим, по письму Вашому, посилаю Вам чемодан і погребець Ваш, і в сім пакеті 50 рублів Ваших, а прочіі привезу сам в Мошни, куди і без того хотів я їхать із Вами вмісті. До збачення! Зостаємось Ваші щиріи приятелі

*Михайло Максимович,
Марья Максимович*

6 октября 1859 г., Михайлова Гора

Коханий земляче, Тарас Григорьевич!

Через Ивана Ив[ановича] Соколова шлем к Вам наши приветы с Михайловой Горы; а с тем вместе посылаю Вам вышитую для Вас украинскую сорочку, позабытую Вами сорочку и платок и обещанный Вам 3-й том летописи Величковой. От всей души желаем Вам здоровья, светлого духа и художественного, творческого вдохновения на берегах Невских. Не забывайте нас и хоть изредка отзывайтесь к нам сюда, на берега Днепровские, где в окрестностях Михайловой Горы оставили Вы о себе живейшие и самые сердечные воспоминания. А на правой стороне Днепра Вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды, наравне с преданиями старых времен. Жалею сердечно, что не увидели[сь] мы еще раз; но Ваше письмо, зовущее нас в Киев, шло к нам из Мошен десять дней и застало меня нездорового. Так мы и остаемся даже до сего дня безвыездно, отлагая посещение Киева все впредь... Зимовать остаюсь в Малороссии и, всего вероятнее, что не в Киеве, а на Михайловой Горе.

Еще раз желаю Вам здоровья и поэтического воодушевления и, обнимая Вас мысленно, остаюсь навсегда душевно преданный Вам

М. Максимович

Прилагаю при сем письмо к Вам, из Санкт-Петербурга присланное.

Прошу Вас прислать оттиски всех до единого гравюр Ваших, ибо мне хочется иметь полную коллекцию произведений Вашего резца. А стихотворения Ваши?.. Чем кончилась судьба их в цензуре и скоро ли мы увидим их в печати?.. Дайте, Бога ради, весточку о себе, когда Вы из Киева выехали и как живется Вам там на севере?.. Господь да хранит Вас!

25 марта 1860 г., Михайлова Гора

Тарасу Григоровичу Шевченку, именитому соотчичу моему и приятелю моему вельми любому, ознаймую сим моім листом, иж Всеблагий Отець всіх благоволил сього року февраля 22 дня звеселити старість мою, даровавши мені первородного сина *Алексія*, который сього 6-го марта уже сподобился святого крещения и причащения и которому да поможет Господь виростати в добрім здоров'ї, світлім розумі і во многій любви ко всьому, що подобає любити доброму і чесному чоловіку і щирому українцю, і прожити щасливий вік на радість і утіху родителям і родичам своїм, на пользу і славу своїй отчизні.

Того ж марта 6-го получили ми із Переяслава, то есть я и жена моя Марья Васильевна, і старий Деркач Лев Павлович, получили по книзі "*Кобзаря*" Вашего з надписом руки Вашої власної і з приложенієм Вашої персони, і були ми тому дуже раді, і

Иван Соколов. Літографія другої половини XIX ст.

Вам за те сердечно дякуєм, сподіваючись, що і Вас самих побачимо знову на побережжю нашому і в сьогорочнєє літо. Затем, прохаючи от Бога Вам здоров'я, песнотворческого духу и всякого благополучия, застаюсь навсегда Вашим щирим приятелем и покорным слугою.

Михаил Максимович

P. S. Наш любый и благонадежный пан Костомаров заївся зо мною за *Яська* і виводить против мене цілу громаду за його, запрохавши до неї і Вашу моць; вибачайте ж, що скажу Вам: панове громада, чудна ваша рада! Як же Ви *Яська* — Яковом чи то Йосипом назвали, а про *Ясона* і не згадали? (У вас у Петербурзі був і професор *Ясон Васильович Петров*, звісний своєю ботанікою і анекдотом, что читаючи по книзі лекцію сперва о тростнике, перевернувши два листка вместо одного, продолжав: з його строятся кораблі... от, каже, яка натура у жарких кліматах, що й тростник як дерево виростає! А далі дивиться, что написано про дубові жолуді, перевернув назад один лист — да й поправився:

Марія Максимович. Портрет роботи Т. Шевченка. 1859 р.

"Сказанное о тростнике надо разуместь о дубе!" Такі-то були колись професори).

Прошу передать мой поклон Марку Вовчку и его подружью, а также панам Соколову и Трутовскому.

14 декабря 1860 г., Михайлова Гора

Ви зовсім забули за нас, коханий земляче, Тарас Григор'євич! Вы не откликнулись даже и на мой мартовский листик, которым извещал я Вас о рождении у меня сына Олексы. Что за немилость такая? А мы с Марусею моею немало тужим об тим всякий раз, как вспоминаем Вас, а это случается нередко. Из нескольких писем, полученных мною в последнее время от некоторых знакомых, я с грустию и досадою вижу, что завелась какая-то мара, которая перехватывает, и чуть ли не в нашей Золотоноше, если не в Петербурге и Борзне, наши письма: и мои к ним, и их ко мне, особенно последние, почему и подозреваю больше на Золотоношу... Грустное утешение себе сочиняю, что и Ваше молчание к нам подходит под эту категорию. Озовитесь, пожалуйста, к нам и дайте о себе нам знать: как Вы поживаете и сподиваться ли нам [Вас] на Украину в следующее лето?..

Наше житье-бытье такое же, как видели, кроме радостной прибавки в хлопятке нашем, которым Господь взвеселил Михайлову Гору. Вы полюбовались бы этим прекрасным младенцем. В нем весь мир мой теперь. С того дня, как мы расстались в Мошнах, я совершенный отшельник и домосед, так что и Золотоноши даже не вижу, цур ей! Ничего не писал — даже до сего месяца; ничего почти и не читал нового, не выписывая ни книг, ни журналов, ни газет, кроме "С.-Петербургских ведомостей", изредка и не вполне присылаемых от соседа моего, Вам известно брата жены моей. Вот как живу я, малограмотно! Рад душевно, что Белозерский успел устроить "Основу": исполать ему! И помогай ему Бог!

Нынешний год унес с сего света многих для меня дорогих людей. К числу отшедших принадлежит и наш золотоношский Лукаш, которого называли Вы придурковатым, бо й справди такий був и перед смертию, что завещал библиотеку свою, в том числе и Маркевичев архив, — в раздел между наследницами, четырьмя дочками малолетними! Не стало и Маркевича: хорошо бы известить о нем в "Основе", да при том случае припечатать Ваше послание к нему, не вошедшее в "Кобзаря":

Бандуристе, сизый орле...

Не забудьте и не оставьте без исполнения моей просьбы: собрать для меня все Ваши гравюры новые; Вы нам дали только две, а мне хочется иметь все их.

Затем бывайте здоровеньки и вдохновенны! Кланяюсь Вам все трое.

М. Максимович,
Марья Максимовичева, Алексей

Василь Білозерський. Фото другої половини XIX ст.

ЩУРОВСЬКИЙ Григорій Юхимович

*30.І.1803, Москва — 20.ІІІ.1884, Москва.
Геолог, перший професор геології і мінералогії
Московського університету (1835), доктор медицини (1829)*

Походив з небагатої сім'ї. Батьки під час Вітчизняної війни 1812 р. втратили все майно і змушені були віддати сина до Виховного Будинку. При вступі знання хлопця обмежувалися вмінням читати й писати, початками арифметики та деяким запасом понять, отриманих від читання церковних книг. Класичне відділення Московського Виховного Будинку, куди його зарахували, за складом наук відповідало класичній гімназії. Кураторство над Будинком здійснювала імператриця Марія Федорівна та професори Московського університету, які не лише екзаменували вихованців, а й проводили з ними заняття.

У Виховному Будинку юнак провів вісім років. У 1822 р. поступив на медичний факультет Московського університету, коштом Опікунської Ради. Вивчав медицину, слухав лекції й на інших факультетах, зокрема фізико-математичному. На медичному факультеті вивчення природничої історії зосереджувалося на окремій кафедрі, яку очолював ад'юнкт Гольбах, але як допоміжний для медиків предмет, вона читалась у скороченому вигляді. Бажання ґрунтовніше вивчити природознавство спонукало студента відвідувати лекції Двігубського, Павлова та Максимовича. Тоді, очевидно, й відбулося їхнє особисте знайомство.

У 1826 р. Щуровський закінчив курс медичного факультету й залишився в університеті для подальшої підготовки до викладацької діяльності. У 1828 р. склав іспити і був призначений

ординарним викладачем природознавства й фізики Виховного Будинку. В 1829 р. захистив докторську дисертацію "De Erysipelate", а в 1830 р. призначений ад'юнктом кафедри природничої історії медичного факультету Московського університету. Залишався на цій посаді до 1835 р. Працював у галузі зоології та порівняльної анатомії, написав кілька спеціальних статей, видав першу частину підручника з порівняльної анатомії під назвою "Органология животных" (М., 1834). У 1835 р. призначений екстраординарним професором мінералогії і геології.

Після попередньої кабінетної підготовки здійснив дві великі наукові експедиції на Урал (1840) і Алтай (1844), наслідком яких стали нові праці, а також колекції, що й нині не втратили свого значення. Шестимісячна подорож Уралом, метою якої були геологічні дослідження, описана в книзі "Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях" (М., 1841), а ще триваліша геологічна мандрівка Алтаєм — у "Геологическом путешествии по Алтаю, с историческими и статистическими сведениями о Кольвановоскресенских заводах" (М., 1846). Ці два наукові відрядження дали можливість ученому наочно ознайомитися з найрізноманітнішими геологічними явищами, а також зібрати багату колекцію, що значно доповнила геологічну та мінералогічну базу колекцій геологічного кабінету Московського університету. Після повернення з першої подорожі (1840) Щуровський був затверджений ординарним професором.

Згодом керівництво університету доручило вченому упорядкувати мінералогічний кабінет і скласти для нього каталоги. Ця робота продовжувалася безперервно кілька років і була успішно завершена виданням "Каталога большого и малого минералогических кабинетов Императорского Московского Университета" (М., 1852).

У 1868—1869 рр. Щуровський був деканом фізико-математичного відділення, проректором Московського університету, виконував обов'язки ректора. В 1868 р. він здійснив наукову подорож за кордон, де протягом п'яти місяців оглядав наукові установи, проводив геологічні екскурсії. Такого роду поїздка була здійснена ним і влітку 1873 р.: цього разу для огляду Віденської всесвітньої виставки та знайомства з геологічною будовою Швейцарії. З 1863 р. постійно обирався президентом Товариства любителів природознавства, антропології та етнографії. В 1872 р. затверджений товаришем почесного голови Московського політехнічного музею.

Крім уже згаданих вище праць ученого, вийшли друком його "Изъяснения минералогических терминов и слов на буквы А. Б. и В. для академического словаря Русского и Славяно-Церковного языков", переклад книги Ле-Пле (Le Play Exploration des ferrains carboniferes du Donetz, executes de 1837 a 1839 a sous la direction de M. A. Demidoff etc.) з власними доповненнями, що склали майже половину книги "История геологии Московского бассейна" (1867).

Щуровський став заслуженим професором Московського університету, мав чин таємного радника, нагороджений орденами Білого Орла, Св. Володимира II ст., Св. Анни I ст., Св. Станіслава I ст. та ін. Обирався членом багатьох наукових товариств та установ, у тому числі Імператорського товариства дослідників природи в Москві (1863), Казанського університету (почесний член з 1855 р.), Університету Св. Володимира (почесний член з 1878 р.), Московського товариства сільського господарства (1858), Товариства любителів Російської словесності (1859), Мінералогічного товариства в Петербурзі (почесний

Література

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2.

Воспоминания о Григорие Ефимовиче Щуровском. Москва, 1885—1888.

Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 17. Ш—Я. Москва, 2001.

Юбилей Григория Ефимовича Щуровского (27 августа 1878). Москва, 1878—1880.

член з 1867 р.), Лондонського антропологічного товариства (почесний член з 1869 р.), Петербурзького університету (почесний член з 1869 р.), Київського товариства дослідників природи (почесний член з 1870 р.), Шведського товариства промисловості і мистецтва (почесний член з 1872 р.).

28 ноября 1871 г., Михайлова Гора

Около двух месяцев уже пребывающий и коснеющий здесь, в виденной вами без меня михайлогорской хатке моей, только сегодня, в день двух Григориев, собрался я отозваться к вам, мой единственный Григорий Ефимович. Много услаждался я лицемерием и слышанием вас в Киеве, во время съезда естествоиспытателей; величайшую радость доставило мне ваше дружеское благосклонное письмо, усладившее всех на моем юбилейном обеде. За него благодарность моя особливим писанием не выражена вам, ибо она невыразима, как и за всю вашу целым столетием явленную и оправданную дружбу. А вот и вновь я насладился печатною беседою вашею московскою о нашем знаменитом и заслуженном подвижнике и труженике естествознания, Григорье Ивановиче *Фишере*. Я любовался вашим воспоминанием и сказанием о нем, истинно превосходным, и только пожалел, что не знал о дне юбилейного о нем воспоминания, так же, как не знал ничего и о юбилейном дне моего возлюбленного историка *Погогина*: не преминул бы я почтить и давнего учителя, и старого товарища своим приветным, благодарным писаньем... Вот невыгода отшельничества моего и разобщения с современною жизнью, которая впрочем немного теряет от того, что вдалеке от неё остается уже запоздалый и обветшалый михайлогорец. Зато все доходящее от неё к его сведению, хотя отрывочно, приемлется и отзывается с полным сочувствием.

Меня особенно радует ваша неутомимая, неистощимая, широкая деятельность, дорогой друг Григорий Ефимович. Да благословит ее Господь полным успехом!.. Подвизайтесь и возмогайте о Господе, во славу Святорусской земли и ея просвещения.

У меня уже положено на сердце, если бы я и пробыл здесь подобно зимоспящему какому-нибудь теплокровному животному, с наступлением будущей весны, к исходу мая, всенепременно быть в Москву, к началу этой исполинской политехнической выставки, о которой столь много печалуется многодумная душа моего многоумного московского друга-товарища... Недоумеваю, каким бы вкладом означить и мое в ней, хотя молекулярное, участие...

Пришло на мысль подарить её главному подвижнику, тебе, милый друже-товарище мой московский, *мой украинский рушник*, по старо-украинским узорам вышитый мне меньшою сестрою жены моей давненько: да в часы многотрудной истомы своей от попечений общественных отираешь им пот с твоего прекрасного, светлого, доблестного чела... Гляжу на него в оставленном мне на память отображении киевского фотографа и, с любовью лобызая его, повторяю от всего сердца: да благословит Господь полным успехом все твои замысления и предприятия!

Р. С. С. А. Маслову и А. Г. Фишеру прошу передать мой поклон при свидании с ними. Книгу Г. И. "Демидовский Музей" я подарил еще в 1834 г. Александру Рихтеру, вместе с экземпляром "Германской Флоры" Гофмана, ему самому принадлежавшим; а его брошюру о *Ямангаге* подарил я в Киеве О. М. Новицкому.

Неизменно преданный тебе, многолюбящий и глубокоуважающий, старый товарищ и друг М. Максимович. *Приписка супруги М. А. Максимовича, Марьи Васильевны*: Кланяюсь и я вам. Марья Максимович.

Русский архив. 1906. № 8. С. 632—633.

Пам'ятки історичної думки України

Максимович Михайло Олександрович

ЛИСТИ

Художнє оформлення, макет та редагування *Олексія Григора*
Технічний редактор *Людмила Швець*
Коректори *Алла Бараз, Олександра Улезко, Людмила Іванова*
Комп'ютерна верстка *Оксани Новоселі*

Підп. до друку 14.10.04. Формат 60 × 84/8. Папір офсет.
Гарн. Балтика. Друк офсет. Ум. друк. арк. 36,27.
Обл.-вид. арк. 32,0. Вид. № 4182. Зам. № 4-2393

Видавництво «Либідь»,
01004 Київ, вул. Пушкінська, 32

Свідоцтво про державну реєстрацію № 404 від 06.04.01

ЗАТ «ВПОЛ», ДК № 15
03151, Київ-151, вул. Волинська, 60

Максимович Михайло

М17 Листи / Упор. і вст. ст. В. Короткого. — К.: Либідь, 2004. — 312 с.; іл. ("Пам'ятки історичної думки України").

ISBN 966-06-0352-5.

Книга епістолярію — своєрідний життєпис ученого-енциклопедиста, першого ректора Київського університету Михайла Максимовича — видається вперше до 200-ліття від дня його народження. Вміщені у виданні листи відображають життєву позицію вченого, його наукові та громадські погляди. Водночас у них висвітлюються актуальні проблеми історії України, формування культурного середовища тощо.

Для широкого загалу читачів.

ББК 63.3(4УКР)5-8

